

ЦЕНТР КОНСЕРВАТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
КАФЕДРА СОЦИОЛОГИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ им. М. В. ЛОМОНОСОВА

ЧЕТВЕРТАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Материалы семинаров и конференций
по политологии и политике в современном мире

ВЫПУСК 2

Евразийское движение
Москва
2011

ББК 66

Ч 52

*Печатается по решению
кафедры социологии международных отношений
социологического факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова*

Главный редактор

Профессор социологического факультета МГУ, д. пол. н. А. Г. Дугин

Редакторы-составители

Н. Сперанская, А. Сидоренко

Научно-редакционная коллегия

Д. ист. н. В. Э. Багдасарян, Альберто Буэла (Аргентина),
Флавио Гонсалес (Португалия), Тиберио Грациани (Италия),
д. филос. н. И. П. Добаев, к. ю. н. В. И. Карпец,
к. филос. н. Н. В. Мелентьева, Мехмет Перинчек (Турция),
Матеуш Пискорски (Польша), д. филос. н. Э. А. Попов,
Пшемислав Серадзан (Польша), к. филос. н. В. В. Чернуос

Ч 52 Четвертая Политическая Теория: Материалы семинаров и конференций по политологии и политике в современном мире (вып. 2) / [под. ред. А. Г. Дугина;

Ред.-сост. Н. Сперанская, А. Сидоренко]. - М.: Евразийское движение, 2011. – 346 с., ил.

ISBN 978-5-903459-04-9

Сборник составлен на основе материалов семинаров «Четвертая Политическая Теория» Центра Консервативных Исследований при социологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова, проходивших в течение весеннего семестра 2011 года и посвященных проблемам социологии политики, политологии, философии политики, разработки нового подхода к анализу политических идеологий. В дополнительных разделах представлены тексты и переводы по политической философии течения Консервативной революции, предвосхищающие Четвертую Политическую Теорию (4 ПТ), и новые работы в этом направлении современных российских исследователей.

*Для оформления обложки использован фрагмент триптиха
Иеронима Босха «Поклонение волхвов»*

ББК 66

ISBN 978-5-903459-04-9

© «Евразийское движение», оформление, 2011

© Авторы, тексты докладов и статей, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Четвертая Политическая Теория как смысловое и мировоззренческое поле (вступительное слово) (Дугин А. Г.)	6
--	---

РАЗДЕЛ 1. МАТЕРИАЛЫ СЕМИНАРОВ «ЧЕТВЕРТАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ» (ВЕСЕННИЙ СЕМЕСТР 2011 ГОДА)

Семинар № 1

Возможность революции в условиях Постмодерна

Дугин А. Г. <i>Возможность революции в условиях Постполитики</i>	9
Багдасарян В. Э. <i>Проблема революции в оптике трех парадигм</i>	18
Холмогоров Е. С. <i>Элиты. Общество зрелищ. Революция.</i>	22
Савин Л. В. <i>Неомарксизм в Латинской Америке:</i>	26
Бовдунов А. Л. <i>Общество ритуала и общество спектакля: к сакральному искусству. Жорж Дютуи и левая мысль</i>	34
Коваленко А. А. <i>Возможность революции (по Марксу) в условиях постмодерна.</i>	45

Семинар № 2

Политический человек и его мутации: политическая постантропология

Дугин А. Г. <i>Политический человек и его мутации (сверхчеловеческое и постчеловеческое в политике)</i>	52
Джемаль Г. Д. <i>Сознание «Нового интеллектуала» и война Бытию.</i>	62
Багдасарян В. Э. <i>Постчеловек и постполитика: перспективы грядущего</i>	70
Бовдунов А. Л. <i>Сверхчеловек в американской политической традиции</i>	72

<i>Дугин А. А.</i> Рождение идеи из духа политики.	
Человек и риск	82
<i>Савин Л. В.</i> Биополитика и электронная демократия.	84

Семинар № 3

Четвертая политическая практика: реализация базовых установок ПТ в практическом плане

<i>Дугин А. Г.</i> Четвертая политическая практика.	87
<i>Сперанская Н.В.</i> Четвертая политическая практика Жоржа Батая	96
<i>Кузнецов А. А.</i> Французские нонконформисты 1930-х.	107
<i>Багдасарян В. Э.</i> Новые политические технологии латентного управления миром и борьбы с российской государственностью	111

Семинар № 4

Гендер в 4ПТ: вирильность/феминность?

<i>Дугин А. Г.</i> Гендер в четвертой политической теории	117
<i>Дмитриев И. Б.</i> Идеальный мужчина и патриархат второго порядка	127
<i>Коваленко А. А.</i> Потенциал феминистской философии в условиях Постмодерна	130

РАЗДЕЛ 2. КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК ПРЕДВОСХИЩЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

<i>Анри Шиммер.</i> 21 век глазами Эрнста Юнгера (перевод А. Игнатьева)	134
<i>Матиас Шлоссбергер.</i> Эрнст Юнгер и консервативная революция (перевод А. Игнатьева)	145
<i>Эрнст Юнгер.</i> Фрагменты (перевод В. Рынкевича)	173
<i>Армин Пфаль-Траугбер.</i> «Новые правые» во Франции и Германии (перевод А. Игнатьева)	202
<i>Ален де Бенуа.</i> От партизанских войн к международному терроризму (об актуальности «теории партизана» Карла Шмитта) (перевод А. Игнатьева)	217

<i>Эмиль Чоран. Война. Страдание</i> (перевод А. Бовдунова)	244
<i>Рихард Шапке. Внутренняя сущность и искусство властвовать.</i> К трудам Фридриха Хильшера (перевод А. Игнатьева)	249
<i>Эрнст Никитш. О сущности большевизма и фашизма</i> (перевод А. Игнатьева)	274

Раздел 3. АКТУАЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ И ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ РЕФЛЕКСИИ

<i>Дугин А. Г. Геополитика войны.</i>	281
<i>Дугин А. Г. Российская политика на пороге системного сбоя.</i>	288
<i>Дугин А. Г. Глобальный переход и российская политика</i> накануне 2012 года	300
<i>Коринец Ю. Ю. Карл Шмитт об антихристе</i>	308
<i>Никитин В. Е. Гносеократия.</i>	311
<i>Дмитриев И. Б. Против Канта:</i> консервативная апология государства	314
<i>Бовдунов А.Л. Утопия и парадокс русского патриотизма.</i>	323
<i>Жаринов С. А. Консервативность бытия</i> и четыре консервативные истины	326
<i>Жаринов С. А. Власть и Четвертая политическая теория</i>	336
<i>Сперанская Н. В. Четвертая политическая теория</i> создания Платонополиса	342

ЧЕТВЕРТАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ КАК СМЫСЛОВОЕ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЕ ПОЛЕ (вступительное слово)

Построение Четвертой Политической Теории постепенно становится важнейшим элементом современного идеологического мышления. Это объясняется следующими факторами:

1. нарастающим осознанием неадекватности, несправедливости, неудовлетворительности и катастрофичности современных либеральных и неолиберальных моделей и практик, ставших основой глобального дискурса начиная с 90-х годов XX века (количество недовольных сложившимся миропорядком неуклонно растет);
2. пониманием того, что прежние антилиберальные революционные идеологии недействительны в новых условиях и требуют фундаментального пересмотра;
3. потребностью осознать мировоззренческую, идеологическую, политическую, социальную и экономическую структуру существующего положения дел в мире по ту сторону официальной пропаганды, все чаще демонстрирующей свою пристрастную природу wishfull thinking.

Иными словами, под Четвертой Политической Теорией мы можем понимать критический взгляд на структуру современного (точнее, постсовременного) мира со стороны тех, у кого еще не полностью атрофированы свободное самосознание, воля и внутреннее достоинство – тех, кто отказывается удовлетворяться дешевым суррогатом мышления прет-а-порте. В этом смысле у Четвертой Политической Теории есть все шансы стать центром притяжения для самых различных неконформистских, антисистемных и революционных сил.

Когда мы говорим о Четвертой Политической Теории, мы указываем не столько на то, чем она является, сколько на то, чем она не является. И это самое главное. Ее определение апофатично. Четвертая Политическая Теория направлена радикально против либерализма как ядра доминирующей идеологии (либерализм – это Первая Политическая Теория). Следовательно, Четвертая Политическая Теория – это воинственный и фронтальный антилиберализм (уже не мало). Но далее, из самого названия следует уточнение: это такой

антилиберализм, который не тождественен по своей структуре ни антилиберальному коммунизму (Второй Политической Теории), ни антилиберальному фашизму (Третьей Политической Теории). Таким образом задаются мировозренческие границы всего поля Четвертой Политической Теории, с одной стороны, чрезвычайно обширного, с другой стороны, довольно конкретного. Возделыванию этого поля и посвящено данное издание, продолжающее серию публикаций на эту же тему. Это второй выпуск сборника «Четвертая Политическая Теория», в основе которого лежит серия семинаров Центра Консервативных Исследований Социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, проходивших в весеннем семестре 2011 года.

Первый раздел представляет собой обзор семинаров, тезисы и доклады их участников.

Во втором разделе «Предшественники Четвертой Политической Теории» представлены работы или обзоры различных классических авторов антилиберальной ориентации, мировоззрение которых не укладывается в рамки Второй или Третьей Политических Теорий, то есть представляет собой пролегомены к построению Четвертой Политической Теории. В данном выпуске мы публикуем подборку представителей атипичной консервативной мысли, хотя теоретически не поддающиеся четкой классификации антилиберальные идеи часто высказываются и слева (например, Ж. Сорель, Л. Дюмон и т.д.).

В третьем разделе публикуются некоторые актуальные политические или политологические тексты с анализом текущего положения дел, либо написанные с позиции Четвертой Политической Теории, либо ее имплицитно учитывающие. Здесь же даются тексты современных авторов с исторической или философской рефлексией.

В дальнейшем ЦКИ планирует выпускать сборники, посвященные разработкам Четвертой Политической Теории регулярно на постоянной основе.

Позиция редакции открыта для максимально широкого сотрудничества представителей любых мировоззренческих и политических сред, за исключением носителей либерального и неолиберального дискурса, который приравнивается нами к тоталитарной и расистской форме мышления, обслуживающий мировую олигархию.

*Директор Центра консервативных исследований,
д. пол. н. А. Г. Дугин*

РАЗДЕЛ 1

МАТЕРИАЛЫ СЕМИНАРА «ЧЕТВЕРТАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ» (ВЕСЕННИЙ СЕМЕСТР 2011 ГОДА)

Семинар № 1 *Возможность революции в XXI веке*

Возможность революции в условиях Постмодерна
(пост-политики)

ПРОБЛЕМА РЕВОЛЮЦИИ В ОПТИКЕ ТРЕХ ПАРАДИГМ

Элиты. Общество зрелищ. Революция.

Общество ритуала и общество спектакля:
к сакральному искусству. Жорж Дюгуи и левая мысль

НЕОМАРКСИЗМ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Возможность революции (по Марксу) в условиях Постмодерна

А. Г. Дугин

Д. пол. н., директор Центра консервативных исследований
при социологическом факультете, зав. кафедрой социологии
международных отношений социологического факультета МГУ

ВОЗМОЖНОСТЬ РЕВОЛЮЦИИ В УСЛОВИЯХ ПОСТМОДЕРНА

Морфология и семантика революции

Есть очень важное дополнение к понятию революции. Именно оно должно сразу ввести нас в центр означенной проблематики. Революция – это эмпирический факт. Это означает, что революция была, есть и будет. Поняв это, мы попадаем в средостение данной темы, поскольку мы ведем речь не о чем-то абстрактном, а о чем-то совершенно конкретном. В последние годы весьма актуальным стало социологическое «заклятие», гласящее о том, что Россия исчерпала свой лимит на революции. Это абсолютно голословное утверждение, которое, по сути, означает, что Россия исчерпала свой лимит на историю, на само историческое бытие, на мышление, и она должна довольствоваться только тем, что есть. На самом же деле, революция, – это не просто то, что может быть, а то, что есть всегда, то, что исторически бывает и то, что принадлежит самой сути человека. Человек, согласно тезису Арнольда Гелена, является «Mangelwesen», существом с недостатком, которому принципиально чего-то не хватает. Более того, дефиниция человека заключается не в его идентичности, а в его контр-идентичности, в его противоположности идентичности. Человек никогда не определяет себя, как «это», человек определяет себя, как «не это», что является принципиально важным моментом. Соответственно, он знает только то, чем он не является.

Это происходит из-за того, что в центре человека стоит Mangel (недостаток, дефицит), поэтому человек – существо неуравновешенное, он несет в себе пустоту небытия, поэтому заведомо ориентирован на революцию в качестве утверждения не «того, что есть».

На самом деле революция по Т. Куну (имеется в виду труд «Структура научных революций») – это слом одного порядка и утверждение другого. С точки зрения революции совершенно не важно, что речь идет об утверждении какого-то другого порядка. Содержательная сторона революции есть то, что будет опровергаться уже последующей революцией. Тот новый порядок, который приносит с собой революция, не является принципиальным, этот порядок нужен только для того, чтобы его свергнуть. Однако суть революции заключается не в том, чтобы убрать плохое и заменить его хорошим, и даже не в том, чтобы убрать старый порядок и поставить на его место новый. Суть революции заключается в неудовлетворенности тем, что есть, и в утверждении, гласящем о том, что должно быть нечто иное. Революция – это стремление к преодолению того, что есть сейчас. И этот факт важнее, чем то, что предлагают революционеры взамен на старый порядок. В этом отношении деструктивность революции становится ее конструктивностью. Почему это так? Вопрос заключается как раз в фигуре «Mangelwesen», сущности, главное свойство которой заключается в недостаточности и дефиците. Если бы человек не был бы таковым, то целью его революции была бы замена одного режима на другой. В реальности же человек, чтобы быть самим собой, обязан находиться в революции. Его бытие и есть процесс революции, воплощающей именно недостаточность идентичности, а не стремление к новой идентичности. Таким образом, революция является более человеческим бытием, человеческим процессом, чем промежутки между революциями. Человек живет исключительно в революции, все остальное время он бредит, грезит, живет ее чаением. Поэтому бытие в революции – это и есть бытие человека.

Итак, революция, с одной стороны, является эмпирическим фактом, а с другой – антропологической спецификой, отражающей сущность человека. Соответственно, она и возможна и реальна, она одновременно и потенциальна и актуальна. Если бы мы говорили о революции, как о чем-то невозможном, о том, чего никогда не было, что только может быть, мы бы говорили о некой ее идеализации.

Однако мы говорим о революции как об эмпирическом факте, и уж нашей стране, пережившей в XX веке столь мощную революцию, это должно быть очевидно. Нас же пытаются убедить в том, что Октябрьской революции не было, называя ее переворотом, заговором, влиянием «темных сил», начинают привлекать конспирологический инструментарий, переводить все в плоскость экономических моделей. Нам пытаются сказать, что революции не было, а была коммерческая сделка. Естественно, революция в России была, и была проявлена сущность человека как недостаток. В тот момент, когда человек начинает жить своей сущностью, то есть своей недостаточностью, когда происходит снятие его идентичности, дезидентификация, он начинает жить в настоящем человеческом времени. Только революционное время является временем, поскольку оно не имеет длительности, так как это время сдвига, разрыва, появления нового, время Ereignis'а. По Хайдеггеру, понятие «Событие» (Ereignis) - это разрыв рутины, столкновение с чем-то, чего не было. Он является антропологической, онтологической и темпоральной сутью революции. Именно поэтому время революции противостоит другому времени, так как именно в нем происходит становление человека самим собой. В остальное время человек по сути дела спит в



Мартин Хайдеггер

ожидании революции. Все остальное время – это анти-время, разделяющее две революции, это момент разрыва. И это анти-время максимально отчуждено от человека. В этот период сна между революциями человек считает свою идентичность позитивной, то есть начинает ассоциировать себя не с недостаточностью, но с чем-то наличествующим (с едой, благосостоянием, заботами, с мелкими деталями реальности). Именно такое состояние согласно Хайдеггеру определяется в качестве неаутентичного бытия. В рамках

такого бытия человек не живет, его замещает das Man, а подлинное человеческое бытие, Dasein, отсутствует. Dasein открывается только в революции, все остальное время – время das Man'а, в его рамках человек отождествляет себя с фикцией, с фетишем. Однако это уже не фигура человека, это не человек в его подлинном смысле.

Технология революции

Таким образом, революция имеет эмпирический, онтологический, антропологический и концептуальный характер. Теперь можно обратиться к перспективе революции в ее технологическом аспекте. Здесь мы переходим в область социологии, переключаем внимание на фигуру Вильфредо Парето, который говорил о механике революции. Он описывает ее предельно цинично вслед за Леоном Вальрасом, Робертом Михельсом и Гаэтано Моска, принадлежавших к неомакиавеллистскому направлению. Наследуя Макиавелли, Парето говорит о том, что политическая институция как таковая и ее структура первична, а идеология второстепенна. Парето призывает отбросить вопросы телеологии революции, внимание следует сконцентрировать на формуле, согласно которой существует категория властвующих и категория подчиняющихся (аналогичная модель Гегеля – «раб и господин»). Согласно его тезисам, элита – это социологический господин, социальный тип, который может только править и не может не править. А масса – категория, представители которой могут только подчиняться и никогда не могут править. Парето настаивает на том, что любое общество строится именно по такой модели. И значительная часть его работ была посвящена тому, как либеральные элиты справляются с камуфлированием своей истинной цели (властвовать и управлять) под вывесками демократии, прав человека и экономических свобод.

Но возникает вопрос: если ситуация такова, то общество должно быть абсолютно стабильным, поскольку сверху находятся сильные, а снизу слабые. Соответственно, в таком обществе революция невозможна, однако, исторически она бывает. И Парето вынужден сказать о том, как в таких условиях может произойти революция. Для этого он вводит понятие контрэлиты. То есть речь идет о том, что какая-то часть элиты не обладает властными полномочиями и находится не на своем законном месте. И согласно Парето такая элита, лишенная доступа к власти, тем не менее не является массой. В ситуации, когда в массу вбрасывается часть элиты (исторический пример – младшие дети знати, не получившие наследства), она становится источником революции. Такая элита постоянно ощущает, что она находится не на своем месте. Тогда внимание контрэлиты переключается

на элиту, которая это место занимает. Возникают варианты выхода из подобной ситуации. Первый способ - это интеграция контрэлиты во властную вертикаль, приобщение ее к реализации властных полномочий. Таким образом, ликвидируются источники социальной дестабилизации. Такой механизм, согласно Парето, наиболее характерен для демократии. В этом контексте она выступает в качестве инструмента отбора наиболее активных, пассионарных, непримиримых кадров контрэлиты и их возведения в ранг правящего класса. Распознавание таких персонажей происходит практически мгновенно: человек элиты наиболее близок к категории *Mangelwesen*, поэтому он более человечен. Человек хочет править другим, потому что он сам себе противен, сам себе недостаточен, ему необходимо каким-то образом проявить себя, поставить свою фигуру над обществом, в противном случае его жизнь является сугубо неудовлетворительной. Масса же, в свою очередь, платит за свою спокойную и относительно безопасную жизнь своим рабским положением. Элита же является господином, перед которым стоит выбор между смертью и властью: либо смерть, либо власть. Человек массы такого выбора не ставит перед собой никогда.

Второй способ обращения с контрэлитой по Парето - это тщательным образом ее не замечать, видеть только массы. Это путь к самоубийству правящей элиты, потому что контрэлита, находясь среди масс, начинает их трансформировать, она начинает обрастать антиэлитой. В свою очередь антиэлита, являя собой совокупность первертов и девиантов, начинает разлагать широкие массы. Следующим этапом деятельности контрэлиты является ее сплачивание на базе постулирования того, чем ей не нравится правящая элита. При чем эти претензии могут быть как реальными, так и беспочвенными, решающего значения это не имеет, главное, чтобы претензия была общей. Далее следует этап выбивания массы из-под элиты с помощью антиэлитных элементов и занятие места элиты контрэлитой.

Революция и Модерн. Вызов консервативной революции

Здесь необходимо отметить, что в рамках демократии Модерн полюбил революцию. Модерн, это тот режим, который сказал революции «да», сделал ее приемлемой и повседневной. До него политические режимы относились к революции с негативными эмоциями и

старались ее не допустить. Благодаря такой открытости революции Модерн упускает из виду один очень существенный момент: появление идеи консервативной революции. В отличие от консерватизма, который защищает старое, прошлое, консервативная революция являет свое творческое начало. Можно сказать, что именно в этот момент заканчивается Модерн, проявляется изношенность идеи революции и богатый потенциал консервативно революции. Возникла абсолютно новая ситуация – ситуация постмодерна, где приходится «мыслить после Аушвица».

Возможность революции в постмодерне

Революция не просто была санкционирована Модерном, она составляла суть Модерна. Признание недостаточности человека, как антропологического или онтологического начала, аналогично, была признана и декларирована, как отвоевание негативной идентичности власти у мещанских сказок о позитивной идентичности человека. При этом Модерн сам по себе пришел к собственной исчерпанности и к концу XX века переродился в постмодерн. Соответственно, все, что было эмпирично, адекватно, очевидно в Модерне, перестало быть таковым в Постмодерне. Но если революция составляла суть Модерна, то в Постмодерне она становится невозможна, как уже стал невозможен сам Модерн. Более того, выходя из Модерна и входя в Постмодерн, мы выходим за пределы возможности революции, революция становится вынесенной за скобки. При этом Постмодерн не отвергает Модерн «лоб в лоб», он не говорит «нет» ему и революции, он говорит «да» их симулякрам.



Он отлично понимает, что для того, чтобы не допустить революции, необходимо ее симулировать. Таким образом, смыслом Постмодерна становится перманентная симуляция революции. Ее брендом, ее лицом можно считать Че Гевару, рекламирующего мобильные телефоны. Если в Модерне Че Гевара – призыв к вооруженной борьбе против капитализма, в рамках которой человек подвергает свою жизнь реальному

риску, то сегодня человек, одевающий майку с Че Геварой, не делает ничего, кроме симуляции революции. И это наиболее эффективная стратегия борьбы с ней и Модерном. В нынешних условиях очень трудно пробиться к тому, что человек является *Mangelwesen*, т. е. границы между пустым и не пустым, между наличием и отсутствием сегодня разбавлена. Сегодня существует некая «жизнеспособность», в которой нет этой грани. Современный человек, вовлеченный в динамику интернета и телевидения, уже не знает, живет ли он, или уже нет. Вся культура, социум постмодерна ведет именно к этому.

Революция в современной России

Пускает ли сегодняшняя российская элита в свои ряды тех, кто хочет порулить? Однозначно нет. По большому счету смена элиты на контрэлику произошла только 1 раз в 1991 году, когда к власти пришел Ельцин. На этом «двери закрылись» (исключениями можно назвать только Абрамовича и Мамута). Тех, кого мы сегодня называем «православными чекистами» туда не взяли, потому что на самом деле это были «неправославные не-чекисты», питерская компания, которую переместили из одного кабинета в другой. На самом деле их нет, в современной России существуют все предпосылки (согласно линии Парето) для того, чтобы произошла революция, потому что во власть не берут подрастающих, накапливающих пассионариев, и эти пассионарии начинают осознавать себя как некоторую социальную силу. Таким образом, с точки зрения классического анализа в России складывается революционная ситуация.

Таким образом, «холодные» структурные предпосылки для возникновения революции в России налицо. Какой эта революция может быть? Здесь скорее всего будет реализована одна единственная модель, которая позволяет просто и эффективно аннигилировать сегодняшнюю политическую элиту. Это контрлиберализм. Какой бы сегодняшняя элита не была в рамках частных проявлений, но наиболее адекватным определением для нее будет служить прилагательное «либеральная». Коллективная репрезентация российской элиты полностью исчерпывается либерализмом. Если же мы хотим углубить идеологию этой революции, то мы должны быть даже не по либерализму, а по его истокам и парадигмам, заключенным в индивидуализме, в индивидуалистической философии. И если правящая элита

позиционирует себя как либеральная, то контрэлиты будет вынуждена быть антилиберальной. Здесь наиболее адекватной платформой будет идеология Луи Дюмона и его труд «Эссе об индивидуализме». В нем автор настаивает на том, что главной силой, противостоящей индивидуализму, является не марксизм, а социология (холистская), как научная дисциплина. В ее рамках революционным потенциалом обладает тезис о первичности общества по отношению к индивидууму. Даже взятый в чистой и грубой форме холизм может быть противопоставлен, с одной стороны, индивидуализму элит, а с другой стороны, привлечь к себе дремлющие массы, которые опознают в нем самих себя. Помешать этому может только постмодерн, который стремится поменять элиту и массы местами. В связи с этим следует обратить внимание на произведение Кристофера Лэша – «Восстание элит». Если предыдущая версия социологической картины Ортега-и-Гассета заключалась в том, что на авансцене общества появляются социальные типы, неспособные делать историю, то Лэш обращает внимание на то, что новые элиты, по сути дела, отражают содержание и основные качества, характеристики массы. Элиты и массы по сути дела поменялись местами. Наши новые элиты на самом деле состоят из обывателей, мещан, людей с ограниченным мировоззрением. Более того, современная элита избегает своих элитарных функций, она становится двойным симулякром. Так постмодерн будет уклоняться и уклоняется от революции. Наша задача – понять и развить описание ситуации постмодерна и места (возможности) революции в ней. Я приглашаю к этому всех участников нашего Центра консервативных исследований.

Библиография

- Дугин А. Г.* Философия политики. М.: Арктогея-Центр, 2004.
- Дугин А. Г.* Радикальный субъект и его дубль. М.: Международное «Евразийское Движение», 2009.
- Дугин А. Г.* Четвертая политическая теория. СПб: Амфора, 2009.
- Кун Т.* Структура научных революций. М., 1975.
- Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3

Парето В. Компендиум по общей социологии. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007.

Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М. СПб., Медиум, Ювента, 1997.

Dumont L. Essais sur l'individualisme. Paris: Seuil, 1991.

Gehlen A. Der Staat und die Philosophie. Leipzig: Meiner, 1935.

Gehlen A. Der Mensch, seine Natur und seine Stellung in der Welt., Berlin: Junker und Dünnhaupt, 1940.

Gehlen A. Die Seele im technischen Zeitalter. Sozialpsychologische Probleme in den industriellen Gesellschaft. Reinbek: Rowohlt, 1957.

Heidegger M. Die Geschichte des Seyns. Fr./M.: P. Trawny, 1998.

Lasch C. The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democracy New. York and London: Norton, 1995.

В. Э. Багдасарян

д. и. н., профессор, декан гуманитарного факультета РГУТиС

ПРОБЛЕМА РЕВОЛЮЦИИ В ОПТИКЕ ТРЕХ ПАРАДИГМ

Мне представляется, что когда мы говорим о революции, то смешиваем при рассуждении три совершенно разных явления, и они зачастую меняются местами. Первое - это смена парадигм, изменение принципиально качественного состояния. Если брать эту дефиницию революции, то традиционный конфликт, посвященный тому, как надо понимать события октября 1917 года (как революцию или как переворот), не имеет под собой оснований. Ведь по результатам переворота тоже может быть осуществлена смена парадигм. Второй подход: революция - это средство захвата власти за счет привлечения народных масс. Это уже технологический подход к революции. Третий – это характеристика быстроты изменений. Поэтому необходимо первоначально разобраться в том, о каком подходе к революции мы ведем речь. Я буду говорить о революции в первой постановке вопроса. О революции, как о смене парадигм, как о принципиальном изменении качественного состояния.

Если мы посмотрим на природные процессы, то мы обнаружим, что в их рамках постоянно происходит революция. Революция - это то, что мы постоянно наблюдаем в природе. Круговорот воды в природе: вода-пар-вода-лед. Это принципиальная смена парадигмального состояния, соответственно, это природная революция. Другой пример: гусеница превращается в бабочку. Гегелевская философия достаточно хорошо все в этом плане описала. Экстраполируя указанные примеры на общество, можно сделать вывод о том, что противостоять революции бесполезно. Революция - естественное состояние жизни. Революция все равно произойдет, поэтому к революции надо готовиться и революцию надо готовить.

Традиционное общество, традиционная модель,- это до-модерновское состояние, которое тоже знало революцию. Что понималось под революцией? Неслучайно само понятие «революция» пришло к нам из астрономии. Революция означала старт нового цикла (как круговорот). Поэтому русский коловорот, - это тоже революция в определенном смысле слова. В традиционном сообществе революция - это преображение. В эзотерике революции представляют собой переход от профанного состояния к посвященному состоянию. Инициация – это революция. В алхимии трансмутация – это революция из неблагородного металла в благородный металл. Из свинца получается золото, и не случайно, может вся эта традиционная символика, которая использовалась в алхимии, оказалась семиотикой революции, начиная от красной звезды и заканчивая многими другими символами. И, наконец, собственно идея христианского преображения: меняется природа человека, изменяется качественное состояние. Что это как не революция?

Здесь мы видим, что традиционное сообщество взяло курс на переход к духовно ориентированному качественному состоянию. И это экстраполируется применительно к социальной плоскости. Достаточно вспомнить восстание желтых повязок в Китае, - в основе этого процесса лежала целая космогония. Сменяются власти различных стихий в космогоническом плане, сменяются цвета. Власть синего неба закончилась и началась власть желтого неба. Этому должны соответствовать изменения социально-политические. Должна меняться династия, к власти приходит новый род, - и это тоже революция. То есть традиционное общество также обладало идеей революции, но оно обладало идеей революции в плане духовного преображения, и можно говорить о том, что, по сути дела, у каждого народа есть своя национальная версия преображенной страны, поэтому у каждого народа есть своя национальная версия революции. Но если вспомнить ключевой подход инициации и контринициации, то существует другое понимание. Грехопадение - это тоже смена принципиально качественного состояния: небесный Адам и земной Адам. Люцифер, превращенный в Сатану - это тоже революция. В традиционном понимании сложились эти два вектора трактовки эволюции, как два ориентира принципиальной смены качественного состояния.

Далее мы переходим к тому, что представляла собой революция Модерна. Как мне представляется, революция Модерна была процессом деструктурирования всех тех институтов, которые сложились в традиционном обществе. Используя метафору волн, можно сказать, что первая волна модернистских революций - это направленная на подрыв религиозного основания бытия секуляризационная волна (применительно к Европе). Это реформация и модернизация христианства. Она, по сути дела, привела к делегитимизации христианства как основ власти, основ бытия. Сменилось качественное состояние, утвердилась новая секулярная модель. Вторая волна - это демонтаж второй скрепы. Первая скрепа – религия, вторая скрепа – это скрепа социальная (т. е. демонтируются такие традиционные институты как общины, цеха, касты, различного рода племенные структуры). Народ как историко-культурное общество перестает существовать. Сплавливается социум как некая механическая совокупность индивидуумов,- это вторая революционная волна в рамках модерна. Наконец, третья революционная волна и последняя скрепа, которая остается на сегодня, это национальный суверенитет государства. Третья скрепа добывается в результате оранжевых революций. Государство после этих оранжевых революций вроде бы остается существовать, но это государство лишь номинально суверенно, на самом деле никаким суверенитетом оно не обладает.

Дальше уже Постмодерн создает видимость того, что процесс революции закончен, потому что дальше парадигму уже сменить нет необходимости. Конец истории, несмотря на все поправки Фукуямы, состоялся. Что дальше? Дальше нетократия, сеть и духовная смерть человечества. Начинается новая сборка народа из деструктурированных народов. И, наконец, волне по демонтажу национально-идентичного государства должны противостоять национально-освободительные тенденции, но не в понимании национально-освободительных революций XIX века. Мы утверждаем, что колониализм сменился, колониализм уже не тот, мы говорим о неоколониализации. Соответственно, неоколониализации должен противостоять новый тип национально-освободительных революций. Это третья составляющая революции, которая может противостоять вот этой модерновско-постмодерновской линии деструктурирования бытия. И последнее: Ленин был представителем и

мыслителем эпохи Модерна, но у него есть очень интересная мысль, высказанная в совершенно постмодерновском духе, но, тем не менее, она может быть использована: «Всеобщая вера в революцию уже есть начало революции». То есть пропаганда идеи революции, пропаганда того, что она уже происходит, утверждает эту революцию как феноменологический акт.

Е. С. Холмогоров

публицист, русский националист,
редактор сайтов «Русский Обозреватель» и «Новые Хроники»

ЭЛИТЫ.

ОБЩЕСТВО ЗРЕЛИЩ. РЕВОЛЮЦИЯ

У меня есть некоторое количество разрозненных ремарок на доклад Александра Гельевича Дугина, которые я не хотел бы ни в коем случае превращать в целостный содоклад. Я бы также заметил, что сегодняшний доклад, в котором так много места было посвящено теме твиттера и айпада, полностью транслировался мной с помощью айпада в твиттер, что вполне определенным образом характеризует нашу реальность. Мне очень понравилось введение в современный социологический оборот этого фундаментального, на мой взгляд, понятия о некой онтологической недостаточности человека, о его стремлении превзойти себя, о его постоянном внутреннем самоне-довольстве. На мой взгляд, правда этой идеи гораздо глубже экзистенциализма. Например, фактически этот парадокс человека лежит в основе философии В. И. Несмелова, который, собственно говоря, и постулировал этот тезис в качестве центрального пункта своей науки о человеке. На мой взгляд, именно этот пункт должен быть положен в основе социологии как таковой. Социологическая наука, которая не исходит из этого постулата, как из своей первой аксиомы, невозможна и немыслима. Только там, где социология начинается с этого пункта, только там, где мы приходим к выводу, что недостаточность человека в качестве существа и в качестве индивида, и в качестве некой метафизической конструкции, провоцирует его на дальнейшие (прежде всего социальные) действия, там никакая социология невозможна в принципе. Все, что не исходит из этой идеи - это недо-социология, это пред-социология. Настоящая социология

начинается именно здесь. То, что я здесь этот тезис услышал, лично для меня означает, что социология неким образом у нас в России началась. И это очень важно.

Затем следующая вещь, которую мне хотелось бы внести по поводу конструкции Парето. Не думаю, что многим участникам семинара встречались мои тексты на эту тему, но мне представляется конструкция Парето все-таки слишком идеализирующей действительность, т. е. она, грубо говоря, слишком пристрастна к революции и к ротации элит, как к инструменту. Она больше выдает желаемое за действительное. Существует прекрасный афоризм Парето о том, что история – это кладбище аристократии. Однако, изучение истории, на мой взгляд, приводит скорее к тезису о том, что история – кладбище контрэлиты. Гораздо чаще мы можем зафиксировать факты падения и гибели достаточно ярких, живых, интенсивных контрэлит, которые имели довольно большие перспективы, чем свержения правящих кланов. И достаточно часто мы можем зафиксировать факты, свидетельствующие об аристократах, которые сумели преодолеть давление контрэлиты и, так или иначе, интегрировали их в свою среду. То есть казусы обновления все-таки являются гораздо более



Вильфредо Парето

распространенным способом работы социологического механизма, нежели революции. Революция – это крайность, революция – это экстрим, чаще всего это революция неудавшаяся, чаще всего это революция, при которой элита и контрэлита уничтожают друг друга, открывая дорогу третьей силе (прежде всего внешнему завоевателю). Мне в этом смысле очень нравится пример миньского Китая, падение которого столкнуло военный бюрократизм народа - с одной стороны, и гражданский бюрократизм евнухов - с другой, что не привело ни к чему, кроме как к падению Китайской династии и уста-

новлению жесткой, в общем антикитайской, династии Цин и династии Маньчжуров.

Как правило, на мой взгляд, элита побеждает контрэлиту: либо всасывает ее в себя, либо уничтожает. Причем эта технология довольно сильно модернизируется и совершенствуется. Например, для

XX века стала возможна та идеология, о которой здесь было сказано (обмен майками, обмен масками - это получение элитой инструментов искусственной деградации контрэлит). То есть, фактически, элита получает возможность действовать на опережение, она получает возможность делать так, чтобы ее оппонент, при каждом уровне ее собственного провала выглядел бы еще хуже, еще отвратительней, еще смешнее. Если рядом поставить те два образа, которые нарисовал Александр Гельевич, т. е. условного Константина Эрнста и любого другого деятеля незлитарного национализма то Эрнст, наверное, выиграет. Грубо говоря, удерживая за собой маску не сверхчеловека, а просто человека, элита тем временем сталкивает противостоящую ей контрэлиту в состояние недочеловека.

Это очень важная, очень проблемная вещь. Как человек, который на определенном этапе участвовал в противостоянии оранжевому напору на Россию, я очень хорошо освоил всевозможные охранительские приемы на современном уровне сетевых технологий. Учитывая этот современный уровень информационных технологий и средств PR, можно утверждать, что любую контрэлиту можно представить в публичном поле как сборище недочеловеков. Тем более что в современной реальности наше сознание определяет не улица, не действия на этой улице, а то, что я обозначаю термином «механический театр». То есть механический театр начался с изобретения кино, а вот сейчас он дошел до стратегий PR. Фактически, кино, телевидение, видео, интернет – все это в совокупности представляет собой различные формы механического театра. Это односторонняя демонстрация зрелищ, которые все больше и больше подчиняют себе любые другие формы социального воздействия, как реальной, так и игровой коммуникации. То есть, сегодня молодой человек с девушкой не флиртует на балу, они сегодня сидят вместе в чате.

И с помощью этого механического театра, с помощью возможности демонстрировать практически любую картинку, можно создавать любое позиционирование революции. Можно осуществить очень эффективное примитивное уничтожение любой революции с помощью показа ее через сети механического театра, через видеоканалы, через интернет-каналы. Ее можно даже имитировать, можно ее разыграть и тем самым полностью обесточить ту психологическую энергию, которая могла бы привести нас к революции. Еще

одна пометка на полях относительно консервативной революции. Для меня тема достаточно проблематична по одной единственной причине: на мой взгляд, в основе идеи консервативной революции лежит заведомо ошибочный тезис о возможности создать из низших форм высшие. То есть, грубо говоря, консервативный революционер говорит, что вот существует некое золотое время, некое время X, некое онтологическое состояние, соответствующее этому времени. Практически любая консервативная идеология, любое консервативное мировоззрение строится на концепции перехода от золотого века к веку железному. Но мы предполагаем некий совершенно парадоксальный, на мой взгляд, конструкт, гласящий, что люди железного века способны неким своим волевым усилием, организационным усилием, творческим усилием и т.д. совершить некое действие, которое превратит это железо (причем железо уже изрядно поеденное коррозией) назад в золото или хотя бы в серебро.

Я не знаток алхимических традиций, но мне такая операция, особенно когда она понимается как социальное, а не мистическое действие, представляется чем-то мало реалистичным. И поскольку в основе любой революции лежит утопическая концепция, это тоже своего рода утопия. Есть утопия о сведении Царства Божьего на землю и построения его на земле, в социалистической форме или в либерально-капиталистической форме. И с ними в один ряд встает вышеозначенный консервативный утопический ход, говорящий, что мы вернем этот золотой век. Однако, по сути, он еще более парадоксален, чем социалистический и либеральный варианты. В этом смысле, единственным условием консервативной революции, которая реально возможна, становится радикальный социальный взрыв, который сносит практически 99% социальной реальности. Вот пришествие Христа в этом смысле было консервативной революцией. Но способен ли сегодняшний человек на такие действия? Думаю, нет. И эта исходная неспособность делает в значительной степени бессмысленной или ограниченно осмысленной всю конструкцию, хотя идея о том, что консервативная революция фактически блокировала революционную энергию Модерна, которая неожиданно оказалась направлена в другую сторону, по-моему, является блестящей, и она заслуживает очень тщательной разработки.

Л. В. Савин

Главный редактор портала «Геополитика.ру» и журнала «Геополитика»

НЕОМАРКСИЗМ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Неомарксизм в Латинской Америке очень широко трактуется, принимается и исполняется на практике. Существует множество понятий, таких как «геваризм», «фиделизм» («кастризм»), «чавизм», связанные с революционно-идеологическими проектами, которые в деталях отличаются друг от друга. Левое движение Европы еще в 60-е гг. прошлого столетия обратило внимание на то, что будущее Латинской Америки мыслится в оптике социалистической революции. Это обосновывалось тем, что в этом регионе процентное соотношение бедного крестьянского населения и социальных страт из числа угнетенных людей было очень высоким. Чуть позже процессы глобализации и неолиберальных реформ привели к тому, что политическое сознание народных масс государств Латинской Америки довольно резко возросло. Различные интеграционные проекты, как исходящие со стороны США (НАФТА, АЛКА), так и альтернативы типа АЛБА также сыграли свою роль в приходе к власти левых партий и движений. Если для южной части Латинской Америки было характерно, что правление получили левоцентристские партии, которые победили исключительно посредством правовой системы, то для северного региона и Центральной Америки – Карибского бассейна характерны партии с харизматическими лидерами.

Условно можно разделить нынешний левый поворот Латинской Америки на три сектора. Это, собственно, продолжение народно-освободительных движений в новой форме, которые существовали в этих странах. Значительная их часть сейчас приходит к власти, например, санданисты в Никарагуа. Второе - это синтез социалистических идей с католицизмом, который получил название «теологии

освобождения»¹ и постоянно подвергается критике со стороны Ватикана. И третье - индигенистские настроения, которые появились на волне протеста в отношении неолиберальных реформ в различных странах (в основном Андского региона).

Народно-освободительные движения Латинской Америки традиционно связаны с вооруженной борьбой. В настоящее время существует ряд подобных революционных вооруженных группировок. Первый пример – это революционно-вооруженные силы Колумбии (FARC)², которые считают, что они борются за социалистическое общество, чтобы восстановить справедливость во всем мире, но начиная со своей родины. Они возводят свою идеологию к наследию Маркса, Ленина и Боливара. Интересно, что Боливар по своим идейным убеждениям был либералом. Он уместен здесь только в качестве исторической фигуры, которая вела вооруженную борьбу против испанского владычества именно на этой территории. Следующая организация - это Сапатистская армия национального освобождения в Мексике, которая имеет своеобразную историю. Ее лидер, команданте Маркос был вдохновлен идеями Че Гевары и, наблюдая, как в соседних странах левые режимы приходят к власти, решил поднять восстание в Мексике. Однако на первом этапе это ему не удалось и он интегрировался в мексиканское (в основном индейское) общество. Только через некоторое время, когда уже была собрана довольно многочисленная вооруженная группировка, в 1994 г. они без боя захватили несколько муниципалитетов штата Чиapas, хотя потом последовали столкновения с правительственными войсками. Тем не менее сами сапатисты (как вооруженное крыло, так и фронт национального освобождения сапатистов, которые отстаивают те же права, только мирным путем) не являются сторонниками насилия. В их документах указано, что «диалог – наилучший путь преодоления конфликтов. Это не только избежание конфликтов, но и совместное созидание» и «для того, чтобы добиться успеха в процессе

¹ *Земляной С.* Теология освобождения. Марксистская ересь или метаморфоза католицизма?// Политический журнал № 5-6 (148-149), 19 февраля 2007. [Электронный ресурс] URL: <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=67&tek=6659&issue=186> (дата обращения 03.02.2011).

² *Mario A. Murillo, Jesús Rey Avirama.* Colombia and the United States: war, unrest, and destabilization. Seven Stories Press, 2004.

диалога и переговоров, обе стороны должны исходить из обоюдного согласия в том, что ни одна из них не может победить другую, и нужно найти выход, который будет значить победу для обеих сторон, или, в худшем случае, поражение для обеих»¹. Третья политическая сила, которую я хотел бы упомянуть – это коммунистическая партия Перу, которая запрещена и считается террористической организацией (более известное название – «Сияющий путь», Sendero Luminoso). Она была создана в Перу в 1960 г. Абимаэлем Гусманом, а к вооруженной партизанской борьбе перешла в мае 1980 г. Однако после ареста Гусмана Сендеро ЛуУминосо снизили свою активность и только недавно вновь занялись экспроприацией капитала, ограбив несколько боливийских банков. Компартия Перу выступала за революционное насилие, считали, что являются представителями четвертого пути марксизма (то есть четвертого уровня марксизма), выстраивая цепочку «Маркс – Ленин – Мао – Коммунистическая партия Перу»².

Интересны их трактовки прав человека: в одном из своих заявлений они сказали, что начинают с отрицания всеобщей декларации прав человека или американской конвенции по правам человека, но используют их для разоблачения и осуждения старого перуанского государства. «Для нас права человека противоречат правам народа, так как мы полагаем права в человеке как социальный продукт. Нет абстрактного человека с врожденными правами. Права человека не существуют исключительно для буржуев, позиции, бывшей краеугольным камнем феодализма. И сегодня правлением пролетариата, как организованного коммунистической партией класса с опытом триумфальных революций доказано, что права человека служат угнетающему классу эксплуататоров, которые организовали государство буржуазии и землевладельцев»³. Поэтому они сказали, что отвергают и осуждают права человека, в виду того, что они буржуазны,

¹ См. коммюнике САНО за разные годы:
<http://www.struggle.ws/mexico/ezlnco.html>

² *Stern, Steve (ed.) Shining and Other Paths: War and Society in Peru, 1980–1995.* Duke University Press: Durham and London, 1998.

³ Communist Party of Peru. Sobre las Dos Colinas, Part 3. [Электронный ресурс] URL: http://www.blythe.org/peru-pcp/docs_sp/colinas3.htm (дата обращения 03.02.2011).

реакционны, контрреволюционны и сейчас являются оружием ревизионистов и империалистов, главным образом, янки. Собственно, Сендеро Луминосо подходили к идее именно прав народов, а не абстрактных прав человека.

Следующее течение, которое уже было упомянуто, это «теология освобождения». Оно появилось во второй половине 60-х годов. В нем идеалы социализма и христианства считались тождественными, а сама революция трактовалась, как эсхатологическое событие. При этом некоторые теологи допускали применение насилия (например, бразильский архиепископ Эльдер Камара). Собственно, у исто-



Уго Чавес

ков стояло движение первичных общин, основанное в Бразилии в 1957 г., из-за того, что не хватало священников, которые разрабатывали планы борьбы с бедностью. Они активно приняли участие в разработке нового метода ликвидации безграмотности в процессе развития сознания. В нем так же принимали участие студенты и «Католическое действие», - интеллектуалы-католики. Также в их трудах значилось, что несправедливость и бесчеловечность растут в промышленных странах, а глобализация экономики помогает нам восстановить солидар-

ность между нашими общинами. Поэтому «теология освобождения» в Латинской Америке представляет собой первую альтернативу капитализму, а так как рыночные отношения пронизывают все и вся, то «теология освобождения» не может больше оставаться одним лишь Латиноамериканским явлением, но должна стать общемировым достоянием.

Известными представителями этого течения были Густав Гутьерреса Марино из Перу, выпустивший в 1973 г. первую книгу по «теологии освобождения»¹ и Леонардо Бофф из Бразилии. В пользу «теологии освобождения» также высказывался целый ряд современных

¹ *Gustavo Gutiérrez Merino. Historia, Política y Salvación de Una Teología de Liberación. Libros Orbis, N.Y. 1973.*

политиков, начиная от Фиделя Кастро, Уго Чавеса (Чавес, например, в одном из своих выступлений сказал, что Иисус Христос, несомненно, был повстанцем, а Иуда - капиталистом, решившим взять свои сребреники. Он говорил, что Христос был революционером и встал против экономической власти того времени, предпочтя смерть ради защиты своих гуманистических идеалов) и заканчивая архиепископом Сальвадора Оскаром Ромеро, который погиб от правых боевиков в 1980 г. (а нынешний президент Парагвая, Фернандо Луго, сам является бывшим епископом и сторонником «теологии освобождения»). Он получил голоса от лево-центристской коалиции). Некоторые приписывают к последователям этого движения даже мать Терезу, приводя в пример ее слова во время пребывания на Кубе, где она сказала: «Я считаю учение Христа глубоко революционным и абсолютно соответствующим делу социализма. Оно не противоречит даже марксизму и ленинизму»¹. Сам Фидель Кастро говорил, что христиане и марксисты-ленинцы должны быть стратегическими союзниками. Хотя союз не означает каких-либо компромиссов мировоззренческого характера, а направлен именно на решение проблем человечества и прежде всего, для предотвращения новых войн.

Основные пункты «теологии освобождения» таковы:

- Христианское спасение недостижимо без экономических, политических, социальных и идеологических освобождений, как значимого признака человеческого достоинства. Также без уничтожения, эксплуатации, произвола, несправедливости этого мира.

- Гарантия для всех доступного образования, здравоохранения, освобождение народа, как осознание социально-экономической действительности в Латинской Америке.

- Реальное положение жизни большинства латиноамериканцев противоречит Божественному промыслу, а бедность является общественным грехом. Кроме того, согласно этим тезисам существуют не только грешники, но и жертвы грехов, нуждающиеся в справедливости и защите. Поэтому нужно четко различать жертву и палача. Здесь имеется в виду намек на борьбу против эксплуататоров. Бед-

¹ Цит. по: *Карпец В.* Два социализма. Правая.Ру. 23 июня 2009 г. [Электронный ресурс] URL: <http://pravaya.ru/look/17117> (дата обращения 29.01.2011).

ные всегда должны осознавать, что они вовлечены в процесс классовой борьбы. Здесь мы уже видим влияние марксизма.

- Переход к демократической системе углубит осознание массы, на момент того, кто является их истинными врагами на пути преобразования существующих систем.

- Создание нового человека как обязательного этапа закрепления результата изменений в обществе. Солидарная творческая личность – противопоставление капиталистическому спекулятивному менталитету и духу наживы.

- Свобода принятия Евангелия, доктрины о том, что нужно сначала обеспечить человеку достойные условия жизни, и только потом приобщать его к вере, если он сам того пожелает.

Так что «теология освобождения» имеет скорее социальное направление, нежели догматическо-католическое.

Далее необходимо кратко отметить идеи фиделизма, собственно потому, что они противоречат ортодоксальному марксизму. Если ортодоксальный марксизм настаивает на том, что революционная ситуация должна созреть в обществе, то опыт Кастро и Че Гевары показывает, что это необязательно. В их идеях и доктринах указано, что революция начинается в виде партизанской вооруженной борьбы, а потом к ней примыкают угнетенные классы, и это перерастает в революцию¹.

Еще одной интересной фигурой был Виктор Рауль Айя де Ла Торре, сам перуанец по происхождению, основатель народного революционного антиимпериалистического альянса. Начинал он тоже как марксист, но потом отказался от своих взглядов. В своих работах он пытался выстроить философско-историческую схему, в которой соединились уважение к доколумбовской Америке и вера в будущее Латинской Америки². Из европейских философов и социологов он признавал лишь единицы, в числе которых был Освальд Шпенглер. Он построил свою идею на том, что Европейское время и пространство являются принципиально иными, так же, как и Китайские или

¹ Частично это отражено в концепции Гевары о партизанской войне и получило названия «фокизма», от исп. (от исп. foco - очаг)

² *Гончарова Т.В.* Историософия. Айя де ла Торре. Размышления о судьбах Америки. // Журнал «Латинская Америка» 2005, №2

Южноафриканские время и пространство. Следовательно, по его мнению, для Индо-Америки, для Южно-Латинской Америки нужны совсем другие время и пространство. Некоторые его идеи были созвучны с идеями ранних евразийцев и Льва Гумилева (например, тезисы о «пассионарных толчках»). Он также выделил идею народов -континентов в работе «И еще раз о тезисе исторического пространства – времени»¹. В ней он указывал, что будущее Южной Америки основывается на том, что она имеет огромное географическое пространство, темпы роста населения и новое качество смешения различных расовых элементов, а, кроме того, усиливающуюся экспансию латиноамериканских народов на территорию США.

Как и в «теологии освобождения», основным элементом дискурса у Де ла Торре являлся вопрос освобождения. Последняя категория для Де ла Торре имела также экологическое и космическое наполнения, фиксируемые через понятия пространства и времени. Он считал, что модель Запада - западная культура, западная философия, западные цивилизации - не может быть применена к Латинской Америке. Он же основал учение «Призма», согласно которому тезисы и идеи Маркса и Ленина пригодны только для Европы. Сам же марксизм является продуктом капиталистической Европы XIX века и совершенно не подходит для Индо-Америки XX века (наверное, уже и для XXI в). В целом развитие идей Де ла Торре будет полезно и для концепции Четвертой Политической Теории.

В завершение нужно добавить несколько слов об идее индигенизма. Во-первых, сам термин навязан со стороны и не является самоназванием этого широкого феномена, который представляет производную идеи индейского социализма в различных формах. В целом это идея возвращения к первоначальному укладу, что можно охарактеризовать как консервативную революцию с сильной экологической составляющей. Например, среди индейцев аймара этот проект получил название «социализм Suma Kawsay»², в рамках которого говорится, что вся жизнь должна состоять в гармонии и балансе между

¹ V.R. Haya de la Torre. Obras completas. Lima, 1976

² Medina, Javier. Suma qamaña, vivir bien y de vida beata. Políticas para Bolivia. 12 febrero, 2011. [Электронный ресурс] URL: <http://www.politicaspabolivia.com/?p=385> (дата обращения 15.02.2011)

мужчиной и женщиной, между различными обществами и между человеческим началом и природным окружением. Эта концепция получила экономико-политическое развитие, определенное термином *vivir bien* и официально взята как концепция развития Многонационального государства Боливия¹. Интересно и мнение индейцев племени Гуарани, которые постоянно искали «землю без зла». По их представлениям, нельзя было жить на той земле, где была пролита кровь, и они постоянно уходили в горы, когда на них наступали конкистадоры. Это мистическое представление созвучно с идеями социалистов-утопистов о том, что должна быть земля, где не будет войны.

В целом, идеи революции и ее новых форм и проявлений активно обсуждаются в странах Латинской Америки. Как сказал в одном из последних интервью один кубинский ученый в ответ на вопрос: «Как вы собираетесь заниматься социальной трансформацией?», - «Нет лучшей критики, которая приводит к трансформации, чем революция»².

¹ “Vivir Bien” - propuesta de modelo de gobierno en Bolivia.//Portal de economia solidaria 23.02.2010. [Электронный ресурс] URL: http://www.economiasolidaria.org/noticias/vivir_bien_propuesta_de_modelo_de_gobierno_en_bolivia (дата обращения 15.02.2011)

² *Heredia, Fernando Martínez*. Al capitalismo hay que combatirlo a muerte. Juventud Rebelde. 5 de Febrero del 2011.

А. Л. Бовдунов

комиссар Федеральной сетевой ставки ЕСМ,
аспирант социологического факультета МГУ

ОБЩЕСТВО РИТУАЛА И ОБЩЕСТВО СПЕКТАКЛЯ: К САКРАЛЬНОМУ ИСКУССТВУ. ЖОРЖ ДЮТУИ И ЛЕВАЯ МЫСЛЬ

Общество спектакля

Понятие «общество спектакля» было введено в широкий оборот французским социологом и философом, новым левым Ги Дебором. В своем базовом труде «Общество спектакля» Дебор рассматривает такую вариацию капиталистического общества, которая возникает в современную эпоху, когда доминация Капитала достигает такого состояния, что создает свою фиктивную реальность, «зрелище», «спектакль». Как отмечает Дебор, «спектакль - это не совокупность образов, но общественные отношения между людьми, опосредованные образами»¹.

Спектакль есть и результат, и содержание существующего способа производства, это экономика, развившаяся ради себя самой, производящая преимущественно сам спектакль, превращающая массы в одинокие, изолированные друг от друга толпы. Спектакль проявляет себя и в качестве разделяющей власти, и в способах производства



Ги Дебор

¹ Дебор Г. Общество спектакля. [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/libr_min/d/donini/debor_0.html (дата обращения - 2.02.2010)

и потребления, и в образе жизни, без остатка захватывая все время. Капиталистические отношения достигают такого уровня, что использование только рабочего времени пролетария становится недостаточным, извлечение прибыли уже сопровождается и зрелищным контролем над его свободным временем. «Спектакль - это непрерывная опиумная война, которая ведется с целью уничтожить даже в мыслях людей различия между товарами и жизненными ценностями, между развлечениями и выживанием»¹. Зрелище, общество Зрелища есть «конкретное отрицание жизни». Как пишет профессор Александр Дугин: «Зрелище разделяет то, что некогда было соединено в человеческом опыте, что составляло сущность этого опыта - спонтанное, прямое, цельное и объемлющее схватывание реальности, ее неповторимый, прямой и нерасчленимый вкус бытия, ощущение истории, момент аутентичного переживания, размышления, восприятия».^{2,3}

Решение вопроса о революционном изменении и ликвидации такого общества невозможно без обращения к тому, что составляет особость спектакля – к образу. Генеалогия спектакля – это генеалогия изменения роли образа в общественных отношениях, изменения происходящего одновременно с изменением самих этих отношений. Чтобы найти альтернативу обществу спектакля требуется понять для начала, какую роль может играть образ в социальной реальности и в существовании конкретного человека, какие различия существуют между самими образами, почему он играет такую роль, почему он так, а не иначе включен в общественные отношения.

За пределы зрелища, трудности выхода

Критикуя зрелище, Дебор стремится выйти к непосредственному восприятию, непосредственному проживанию, снять тоталитарный мир иллюзий, но сама возможность такого восприятия, такой

¹ Дебор Г. Общество спектакля. [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/libr_min/d/donini/debor_0.html (дата обращения - 2.02.2010)

² Дугин А. Г. Кошмар общества зрелища. [Электронный ресурс]. URL: <http://geopolitica.ru/Audio/11/> (дата обращения - 2.02.2010)

³ Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. М., СПб, 1997. С. 234

человеческой жизни весьма проблематична. Говоря о зрелище как реальности, «рассматриваемой по частям», которая «является к нам уже в качестве собственной целостности, в виде особого, самостоятельного псевдо-мира, доступного лишь созерцанию», он направляет свою мысль в поисках преодоления в том же направлении преконцептуального, допонятийного восприятия, в поисках которого его современники, тоже левые философы и социологи Макс Хоркхаймер и Теодор Адорно, представители Франкфуртской школы, приходят в «Диалектике Просвещения» к пессимистичным выводам. Непосредственное целостное, полное восприятие реальности, над которым не чинилось бы никакое насилие, для человека невозможно. Оно всегда ограничено. Для того чтобы постигнуть что-то, ему всегда нужно заключить это «что-то» в оболочку готового понятия, наложить некоторые границы, отсекая «лишнее». «Между действительным миром и бесспорными данными чувств, между внутренним и внешним лежит пропасть, которую субъект вынужден преодолевать на свой страх и риск. Чтобы отобразить вещь такой, как она есть, субъекту надо вернуть ей больше, чем он от нее получает». И внешний, и внутренний мир, само «я» человека – лишь проекции, и проективным образом соотносятся с целостностью и полнотой мира. Кроме того, любая попытка познать мир никоим образом не ведет человека к истине о мире, поскольку познание, схватывание, усвоение суть методы господства, обладания, властвования, покорения мира, но не приближения к его полноте. Мыслительные категории, кромсающие плоть реальности по живому, и соответствующие им социально-политические отношения непосредственно отражаются друг в друге¹.

Спектакль и священное

Хотя общество спектакля и является формой развития буржуазного общества и соответствует капиталистической формации, истоки его Дебор пытается найти в более ранних общественных формах. Он говорит о зрелищном аспекте категории священного, которая

¹ Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. М., СПб, 1997. С. 37

ранее оправдывала космический и онтологический порядок, отвечавший интересам господ. Таким образом, предпосылки спектакля существовали всегда и их основой был ритуал. С Дебором согласны и ранее упоминавшиеся Хоркхаймер и Адорно, которые уже в монотонности ритуала видят черты будущего современного общества с его конвейерным производством, однообразием труда и отдыха. Но раз так, то состояние образной опосредованности также мало преодолимо. Обращаясь к элементам сходства, авторы затушевывают различия между зрелищем, спектаклем и ритуалом, что вполне обусловлено их левыми взглядами, историцистским восприятием действительности и не до конца отрефлексированным стремлением понять некапиталистические общества с помощью категорий общества капиталистического.

Почву для критики такого подхода дают как сами Адорно и Хоркхаймер (вспомним их ссылку на Джамбаттиста Вико, утверждавшего, что философские понятия Платона и Аристотеля берут свое происхождение от рыночной площади Афин)¹, так и другой известный левый теоретик, философ-марксист Дьердь Лукач, на которого во многом опирается, хоть и критикует его личную позицию, Дебор. Лукач отмечает, что категории буржуазного общества, порожденные его надстройкой понятия, действительны только в нем. Они неестественны, но являются искусственными конструктами, подкрепляющими его здание. Чтобы они стали «естественными» для нашего сознания, должны были пролиться реки крови, а общество подвергнуться масштабному насилию. Они не соответствуют ни другим формациям, где не существовало ни подобных разделений, ни функциональных связей, ни даже текущему изменяющемуся постоянно состоянию момента, поскольку буржуазная теория, всегда запаздывая, стремится закрепить, консервировать текущий социальный порядок, господство Капитала. Обращение к категориям, по-



¹ Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. М., СПб, 1997. С.37

рожденным текущим буржуазным порядком как естественным и универсальным, есть лучшее средство по закреплению этого самого порядка, а значит - контрреволюционно¹.

Религия, приводит пример Лукач, в капиталистическом обществе – нечто абсолютно иное, нежели религия в обществе феодальном или восточном; существуют качественные отличия ее общественной роли². Изучение сферы сакрального, отталкивающегося от профанированного, секулярного, нововременного его понимания (а точнее, полного непонимания), рожденного в капиталистическом западном обществе, где оно принижается до состояния лишь инструмента, обслуживающего власть, само служит лишь интересам капиталистической общественной системы, закрепляя ее отношения в качестве неизменных, создавая иллюзию, что так, как при капитализме, было всегда. Этим понятийным аппаратом намеренно отсекается пространство сопротивления, в том числе то пространство, где сакральное воспринимается как основание нового общества, где возникает понимание того, что ритуал – это нечто совершенно противоположное спектаклю.

Общество спектакля и общество ритуала

Соединение революционной интенции и обращения к сакральному приводит нас в круг авторов Коллежа Социологии, а обращение к проблеме образа - к культурологу, искусствоведу, социологу Жоржу Дютуи. Главная идея творчества Дютуи - противопоставление спектакля и ритуала, общества спектакля и общества ритуала. Историограф Коллежа Олье Дени так описывает эту фигуру: «Жорж Дютуи является редким для наших дней воплощением денди крайне левого или почти крайне левого толка. Византиец-ниспровергатель, эстет, настроенный против культуры – это яркий тип любителя-экстремиста... сочинения Дютуи подпитывались воинствующей верой в общество, которое не будет обществом спектакля»³.

¹ См. *Лукач Г.* Что такое ортодоксальный марксизм / *Лукач Г.* Ленин и классовая борьба. М., 2008, С. 78-96 и *Лукач Г.* Изменение функций исторического материализма / *Лукач Г.* Ленин и классовая борьба. М., 2008. С. 111-150.

² *Лукач Г.* Изменение функций исторического материализма / *Лукач Г.* Ленин и классовая борьба. М., 2008. С. 128

³ *Дени О.* Миф об английской монархии / *Дени О.* Коллеж Социологии. СПб., 2004, С. 485

Противостояние спектаклю у Дютуи и Дебора – современников и соотечественников, вращавшихся в схожей политико-эстетской среде, это не просто терминологическое совпадение. Это противостояние современному буржуазному обществу, описанному все же с разных точек зрения. Дютуи отталкивается от социологии культуры, искусствоведения, но в результате ставит схожие диагнозы и выдвигает свою альтернативу современному миру.

Интересно, что Дютуи поднимается не только против спектакля, но и против музея, отвергая процесс всеобщей музеефикации. В своем обширном памфлете в трех книгах «Невообразимый музей» он описывает процесс остывания истории, как терпит крах надежда авангарда на что-то новое, на оригинальность, уникальность, особенность. Доминирует музей, в котором элементы различных эпох оказываются сведены вместе, образуя самые разные конstellации. Вместо истории возникает топология позиций, а институт музея, если поразмыслить, оказывается секторальным прообразом всеобщей музеефикации¹. Эту же характеристику общества спектакля отмечает Ги Дебор, отталкиваясь от противопоставления прошлого опредмеченного труда - труду живому, взятому через Лукача непосредственно у Маркса: «Сущность развития спектакля заключается в том, что он перехватывает и заставляет застыть все, что ранее в человеческой деятельности пребывало в текучем состоянии. Эти застывшие формы посредством отрицательной переформулировки жизненных ценностей обретают невиданный спрос - и здесь мы снова встречаемся со старым врагом – товаром»².

Для такого застывания и образования произвольных конstellаций, превращения всего в товар необходимо выключение предметов из той ритуальной ткани текучей по своей природе жизни, в которую они до этого были вплетены, тот есть десакрализация. Для искусства этот процесс равнозначен как раз историческому процессу появления музеев и выставок. В своем «Произведении искусства в эпоху его технической воспроизводимости» Вальтер Беньямин отмечает,

¹ The Problem of the Head. [Электронный ресурс]. URL: <http://libcom.org/library/problem-head> (дата обращения - 2.02.2010).

² Дебор Г. Общество спектакля. [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/libr_min/d/donini/debor_0.html (дата обращения - 2.02.2010)

что возможность экспозиции как таковой возникает только с десакрализацией предметов искусства, с «высвобождением отдельных видов художественной практики из лона ритуала»¹.

Точно также само возникновение ренессансного театра, совпадающее по времени с переходом к буржуазному строю, знаменовало преодоление классицистского представления о единстве места, что, с точки зрения Дютуи, послужило толчком к превращению искусства в музейное и театральное достояние². Ренессансный и барочный театр явились полностью секуляризованным вторжением зрелища, лишённые как языческого мистериального, мифологического аспекта античной трагедии, так и не менее мифологического и ритуального компонента христианских мистерий (несмотря на то, что Ренессанс и барокко тщились обратиться к античности или утвердить христианскую добродетель³) или полуязыческих народных представлений.

Стало быть, ритуал, как сочетание образов и практик вокруг того, что составляет ядро сакрального, это совершенно иное, чем спектакль. Дютуи, противопоставляя образы священнослужителя и актера, выносит вердикт: «Между спектаклем и ритуалом лежит непреодолимая пропасть...»⁴ Идеальным обществом ритуала, утопией Дютуи, тем обществом, которое объединено всецело вокруг сакрального, сплоченным и практически бесклассовым была Византия⁵. Для Дютуи Византия являлась образцом подлинно, как пишет американский исследователь Глен Пирс, «общинного общества»⁶. Сам Дютуи описывает свою утопию как «человеческое сообщество, которое бы не считалось с границами, как это делала Восточная церковь в

¹ Беньямин В. Произведении искусства в эпоху его технической воспроизводимости. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.out-line.ru/ben.html> (дата обращения - 2.02.2010)

² Дени О. Миф об английской монархии / Олье Д. Коллеж Социологии. СПб., 2004, С. 485

³ См. Беньямин В. Происхождение немецкой барочной драмы. М., Аграф, 2002. С. 46-78

⁴ Дени О. Миф об английской монархии / Олье Д. Коллеж Социологии. СПб., 2004, С. 486

⁵ Pers G. Utopia and Heterotopia: Byzantine Modernisms in America // ed. K. Fulgelso, Studies in Medievalism, vol. 19, Cambridge: D.S. Brewer, 2010. Pp. 82-83.

⁶ Там же.

Средние века, и в котором инициатива вновь перешла бы к поэзии, искусству и церемониалу»¹.

Искусство и ритуал

Дютуи не случайно обращается к искусству. Искусство – вот с его точки зрения истинная основа общества ритуала, но это искусство сакральное, в случае Византии – это искусство церкви. Образ, «искусство – это основа ритуальной ткани, которая вынуждает сердце индивида биться в унисон с обществом»². Созданное в православной Византии, искусство одновременно отражало присущее ей общественное устройство, общественные отношения, было интегрирующим элементом этого устройства, а также способствовало его поддержанию, воплощая в себе и донося грядущим поколениям нормативы удивительной утопии. Немиметический характер византийского искусства больше всего ценился Дютуи, поскольку такое искусство, «заключенное в самом себе», в своих собственных ритуальных правилах и канонах, позволяло отрешиться от подражания и не «лицедействовать», копируя земные образцы, но творить историю. Даже простое созерцание дошедших до нас византийских фресок и мозаик способно, по мнению Дютуи, вызвать чувство более глубокого осознания собственной телесности, к непосредственно «своему» человека. Восток, Византия не только обращают человека внутрь и очерчивают ему его личностные границы, но, как он пишет далее, и «вмещают нас»³. Речь идет о ярком эффекте притяжения и отторжения, характерном, как отмечал Батай, для сакрального как такового⁴. Это искусство порождает как высшее единство, сплочение, так и осознание самого себя, своей свободы и власти над собой.

И в ритуале, и в спектакле важнейшую роль играет образ. Если обозначать противостояние таким образом, что с одной стороны оказывается подлинно человеческое общество, в центре которого

¹ Цит. по Дютуи Ж. Миф об английской монархии / Олье Д. Коллеж Социологии. СПб., 2004, С. 489

² Дютуи Ж. Миф об английской монархии / Олье Д. Коллеж Социологии. СПб., 2004, С. 486

³ Pers G. Utopia and Heterotopia: Byzantine Modernisms in America // ed. K. Fugelso, Studies in Medievalism, vol. 19, Cambridge: D.S. Brewer, 2010. Pp 83-85

⁴ Батай Ж. Влечение и отвращение. Социальная структура. / Олье Д. Коллеж Социологии. СПб., 2004. С.110-114.

находится сакральное, общество ритуала, а с другой стороны – буржуазное, секуляризированное общество, общество спектакля, то неизбежен вопрос о революционной функции искусства. Коль скоро оно играет особую роль в обществе ритуала, то построение такого общества, без действий в этой области и нового осмысления ее роли в революционном процессе, невозможно.

Жорж Дютуи в своей редакторской статье в журнале *Transition*, который он выпускал после Второй мировой войны в Нью-Йорке, и в других статьях в том же журнале (самая известная из которых «Матисс и византийское пространство») призывал к деятельной позиции искусства, к обращению к византийской модели в понимании своей самоценности, к слиянию метафизики и искусства в единое целое, чтобы «раскрыть дух праздника, снова обрести единение, достичь состояния единодушия, возратить чувство восторга»¹.

Для этого и необходимо обращение к Византии. А обращение к Византии невозможно без обращения к искусству. Апеллируя к понятию ауры как специфического свойства произведения искусства, понятого «как уникальное ощущения дали, как бы близок при этом рассматриваемый предмет ни был», другой левый философ Вальтер Беньямин отмечает, что введенное им понятие – «есть не что иное, как выражение культовой значимости произведения искусства в категориях пространственно-временного восприятия. Удаленность - противоположность близости. Далекое по своей сути - это недоступное. И в самом деле, недоступность представляет собой главное качество культового изображения». Добавим от себя - и культа как такового. Это свойство присуще самому сакральному. «По своей природе оно остается «отдаленным, как бы близко оно ни находилось»². «Вызывающий ауру образ существования произведения искусства никогда полностью не освобождается от ритуальной функции произведения. Иными словами: уникальная ценность «подлинного» произведения искусства основывается на ритуале, в котором оно находило свое

¹ *Duthuit G. Transition* №1. 1948. Pp. 5–6.

² Беньямин В. Произведения искусства в эпоху его технической воспроизводимости. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.out-line.ru/ben.html> (дата обращения - 2.02.2010)

изначальное и первое применение. Эта основа может быть многократно опосредована, однако и в самых профанных формах служения красоте она проглядывает как секуляризованный ритуал»¹.

Искусство и революция

Искусство, даже низведенное до «всего лишь» красоты, является агентом сакрального в профанном мире, потому не удивительно обращение к нему Дютуи. Это та зона, которая может служить пространством генерации нового консервативно-революционного импульса, если правильно осознает свою самооценку. Обращение к искусству есть и обращение к прекрасному. То есть к истине. Тот же Беньямин отмечает, что «одной из глубинных интенций философии в ее истоках, в учении Платона об идеях, оказывается суждение, что предмет познания не совпадает с истиной»². Знание направлено не волей к истине, но волей к обладанию³. Если понятия, концепты, на которые дробит мир познание, спонтанно порождаются рассудком, то идеи – то, что существует заранее⁴. Объявление истины прекрасной в «Пире» – это не метафора, и Беньямин, связывая искусство, прекрасное и истину (истину вслед за Платоном как содержание бытия прекрасного), открывает иной путь к ней, вне тенет властвующего познания, ко внепонятийному, где место дробления и схватывания, подчинения и насилования реальности занимает процесс вспыхивания попадающей в сферу идей оболочки, в котором истина проявляется как содержание прекрасного. Искусство как одна из форм абсолютного духа, по Гегелю, стоит в одном ряду с религией и философией, именно оно может стать последней точкой опоры в расколдованном мире и тем, без чего невозможно желаемое общество ритуала. Призыв Жоржа Дютуи «к сакральному искусству», такому искусству, которое, несмотря на то, что «люди потеряли контакт с Богом, должно всегда находить ту же самую вспышку, то же самое

¹ Беньямин В. Произведении искусства в эпоху его технической воспроизводимости. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.out-line.ru/ben.html> (дата обращения - 2.02.2010)

² Беньямин В. Происхождение немецкой барочной драмы. М., Аграф, 2002. С.8

³ Там же.

⁴ Там же, С. 9.

изысканное горение, тот же самый сакральный миг, который «характеризуется тем, что он не может длиться», актуален, очерчивая путь от «жарких, но сравнительно хорошо организованных земель романтизма к выжженным и ледяным пустыням мистицизма»¹.

¹ *Duthuit G. For A Sacred Art / Jolas E. Yearbook for Romantic-Mystic Ascension. NY., 1941, Pp. 125-156.*

А. А. Коваленко

Аспирант кафедры Социологии международных отношений
Социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

ВОЗМОЖНОСТЬ РЕВОЛЮЦИИ (ПО МАРКСУ) В УСЛОВИЯХ ПОСТМОДЕРНА

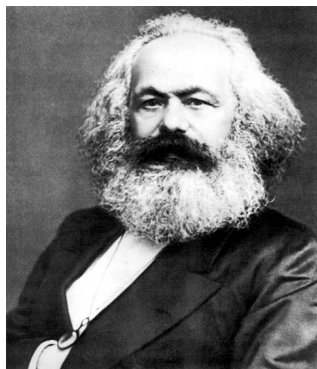
Подходя к теме революции в современном мире, в особых культурно-политических условиях постсовременности, следует, в-первых, обратиться к философско-экономическому учению Карла Маркса и кратко обозначить основные предпосылки революции

Революция (буржуазно-демократическая или социалистическая), согласно Марксу, возникает в момент, когда «материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или - что является только юридическим выражением последних - с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественнонаучной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства, от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче - от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение». Для дальнейшего анализа необходимо отметить, что первые революции в Европе, вызванные к жизни все теми же экономическими причинами, проходят большей частью стихийно и лишь в эпоху буржуазно-демократических революций, сопровождаемых

формированием европейских наций, они активно насыщаются идеологией Просвещения и эмансипации личности.

По теории Маркса, если революция происходит в развитом буржуазном обществе, революционным классом, свергающим власть капитала, выступает рабочий класс, или пролетариат.

Неотъемлемым атрибутом и движущей силой любой революции в теории Маркса является революционный класс. В ходе буржуазных революций движущей силой выступает буржуазия в союзе с нарождающимся пролетариатом и крестьянством. Так как капиталистические отношения и классовое общество являются более прогрессивными по отношению к феодальной организации труда и сословному обществу, национальная буржуазия, свергая или захватывая лидерство наследственной аристократии, стремится к установлению собственного господства: с помощью насилия, а затем через СМИ, институт парламентаризма, прочие институциональные и интериоризированные формы господства.



Карл Маркс

С особой остротой встает вопрос о революционном классе в условиях Постмодерна. Принимая концепцию Постмодерна, приходится признать, что экономическим ее эквивалентом в актуальной действительности становится постиндустриальное общество, где поиск угнетенного и класса становится весьма и весьма проблематичным. С упразднением в наиболее развитых странах мира тяжелого машинного производства и переносом промышленности в страны третьего мира, когда трудно с помощью одних только экономических методов определить самый угнетенный и обираемый класс, становится необходимой ревизия или хотя бы своеобразный апгрейд интеллектуального наследия Маркса.

Для поиска актуального революционного класса, эксплуатация которого в условиях полной победы и закрепления власти буржуазии стала бы наиболее очевидна, обратимся к ранним работам Карла Маркса. Ответ постараемся найти в ранних трудах классика, где речь идет о философско-антропологическом фундаменте его учения,

впоследствии развитом в чисто политэкономическое учение об отчуждении, изымании прибавочной стоимости, производственных отношениях и т. д. До 30-х годов XX века таким философским фундаментом, на котором строилось все здание марксизма, считались «Тезисы о Фейербахе», получившие в дальнейшем развитие в «Немецкой идеологии». Уже в этих тезисах Маркс формулирует основные аспекты своего политэкономического учения:

- характеристика общественной жизни как преимущественно практической;
- человеческая личность порождена его собственным трудом, а по своей сущности представляет совокупность общественных отношений;
- анализ зависимости идеологических явлений (например, религии) от условий существования и развития общества.

Очевидно, что такой философский инструментарий не предоставляет нам новых возможностей для выделения революционного класса. В этом нам могут помочь лишь «Экономическо-философские рукописи 1844 года» и сюжетно примыкающий к ним «Конспект книги Дж. Милля «Основы политической экономии». Здесь развитое позднее в экономическом обрамлении понятие отчуждения представлено в совершенно другом контексте и трактуется Марксом радикально иначе. Так, по Марксу, от трудящегося отчуждаются не предметы материального мира и не стоимость производимой продукции в пользу собственника средств производства. Самое страшное, что происходит отчуждение индивидуальной экзистенции, личного, предназначенного для жизни, времени. Идею о том, что в пользу безличных правовых, экономических и политических институтов буржуазных государств отчуждается опредмеченный в продукте труд пролетариата, Маркс подробно разовьет в «Капитале». В известных же Рукописях речь идет о более тонкой философской категории самоотчуждения. Другими словами, длительность трудовой деятельности, являющейся, по сути, единственным наполнением жизни трудящегося и формирующей его как личность, предстает чем-то чуждым и не может никак компенсироваться финансово. При капитализме, таким образом, формируется «отношение рабочего к его собственной деятельности, как к чему-то чуждому».

Что любопытно, изымающий прибавочную стоимость собственник производства предстает в свете этой концепции еще более обижаемым и угнетаемым, поскольку вынужден все больше и больше своего личного времени тратить на осуществление менеджмента, контроль производственных отношений и т.д. В результате получается то, что американские психологи назвали в 60-е годы XX века «болезнью менеджеров». У благополучных с виду представителей среднего класса, занятых в финансовой, банковской и управленческой сферах, диагностировался целый букет психических расстройств от нарушения сна до половой дисфункции. Социологи также выносили строгий диагноз таким «менеджерам»: потеря контакта с семьей, anomia, депрессия, синдром постоянной неудовлетворенности и т. д. Все богатство человеческой личности, ее неисчерпаемый творческий потенциал сводятся к выполнению линейных функций производственного процесса, финальный смысл которого сводится к накоплению капитала, потратить который времени так и не остается. Г. Маркузе назовет позднее такого человека «одномерным человеком», Э. Фромм – «зависимой личностью», Маркс в позднейших рукописях 1857-61 годов – «случайным индивидом». При этом желание заниматься тем или иным видом деятельности в развитом капитализме является иллюзорным, так как выбор сферы деятельности определяется не потребностями личностного развития, а внешними факторами: рыночной или политической конъюнктурой, спросом на тот или иной товар или вид деятельности. Дробление же производственного процесса на ряд механических действий приводит к отупляющему труду, что вкупе дает ужасающую социально-психологическую картину капиталистического общества.

Наглядным примером тотального и одновременно безличного угнетения личности при капитализме может послужить пример российского предпринимателя Евгения Чичваркина. В последнем своем интервью из Лондона он рассказал журналистам, что вынужденная эмиграция позволила открыть новые горизонты жизни: «Я узнал, что у нас в семье есть дети и они прекрасны, так как не видел их, пока работал. Есть жена, и она прекрасна, и вообще... дома хорошо».

Глядя на этот и подобные примеры, стоит предположить, что революцию в постиндустриальном обществе возглавят менеджеры многочисленных ТНК, мелких и крупных фирм. Задача заключается

лишь в классовой сплоченности и классовом сознании, для чего будет необходима разработка четкой революционной стратегии и политэкономической теории в русле неомарксизма.

Однако такую революцию значительно осложнит сам характер общества Постмодерна, в котором существуют лишь атомарные индивиды, втянутые в жестокую капиталистическую *bellum omnium contra omnes*, а также обезличенные и абсолютно инертные массы. Для уяснения специфики такого общества необходимо обратиться непосредственно к трудам постмодернистских социологов. Так, французский философ и социолог Жан Бодрийяр дает точный анализ обществу Постмодерна: «Массы не являются ни хорошими проводниками политического, ни хорошими проводниками социального, ни хорошими проводниками смысла вообще... Они не излучают, а, напротив, поглощают все излучение периферических созвездий Государства, Истории, Культуры, Смысла. Они суть инерция, могущество инерции, власть нейтрального». В результате мы получаем «восхитительный союз тех, кому нечего сказать, и масс, которые не говорят». Такие массы общества Постмодерна будет гораздо труднее поднять на борьбу, вооружить какой-либо идеологией, смыслом или теорией революции.

Поэтому пролетарские массы, «офисный планктон», не внемлющий каким бы то ни было смыслом, погрязший в гедонизме и самолюбовании, но одновременно ощущающий фатальную недостаточность и неполноту собственной экзистенции, может быть способен только на иррациональный бунт против системы. О возможности полноценной социальной революции в условиях отсутствия смыслов и невозможности построения метанарративных сценариев говорить не приходится.

Библиография

Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. М.: Академический проект, 2010.

Маркс К. К критике политической экономии. М.: Издательство политической литературы, 1859.

Маркс К. Тезисы о Фейербахе. М.: Просвещение, 1845.

Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства или Конец социального. М.: АСТ, 2007.

Маркузе Г. Советский марксизм: критический анализ. М., 1958.

Маркузе Г. Контрреволюция и бунт. М., 1972.

Фромм Э. Революция надежды. Навстречу гуманизированной технологии. М.: АСТ, 2006.

Фромм Э. Марксова концепция человека. М., 1961.

Семинар № 2

Политический человек и его мутации: политическая постантропология

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК И ЕГО МУТАЦИИ
(СВЕРХЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ И ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ В ПОЛИТИКЕ)

СВЕРХЧЕЛОВЕК В АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

БИОПОЛИТИКА И ЭЛЕКТРОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ

РОЖДЕНИЕ ИДЕИ ИЗ ДУХА ПОЛИТИКИ

А. Г. Дугин

д. пол. н., директор Центра консервативных исследований
при социологическом факультете, зав. кафедрой социологии
международных отношений социологического факультета МГУ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК И ЕГО МУТАЦИИ (СВЕРХЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ И ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ В ПОЛИТИКЕ)

Человек как функция от политики

То, кем является человек, зависит не от человека, а от политики. Именно политика, как диспозитив насилия и легитимной власти определяет, что такое человек. Мы есть то, чем нас делает политическая система. Более того, политическая система обладает интеллектуальным, концептуальным, образовательным и силовым потенциалом, который может сделать из нас кого угодно. В зависимости от того, как сконфигурирована в обществе власть, так и решается антропологическая проблема в этом обществе. Сама власть состоит из двух понятий: это работа с парадигмой, нормативно внедряемой через институты государства в общество, и с диспозитивом насилия, который является опорой для конкретного внедрения этой парадигмы в общество. Следовательно, тот, кто контролирует власть, и какова структура власти, тот контролирует и то, что мы подразумеваем под человеком. Отсюда и возникает сфера политической антропологии, политического представления о человеке. Но существует еще и представление о политическом человеке. Разница между этими двумя категориями заключается в том, что политическое представление о человеке, - это то представление о «человеке вообще», которое устанавливается в нас государством или политической системой.

А политический человек - это частность, то, как нам предлагается соотноситься с этим государством. В начале государство или политическая система учреждает нас, а потом дает нам или отнимает у нас права.

Однако на предконцептуальном уровне, политической антропологии, прежде чем дать нам права, или отнять их у нас, приписать нам политический статус, или забрать его, необходимо нас инсталлировать. Мы думаем, что возникаем сами, и потом попадаем в сферу политики. На самом деле политика нас конституирует, так как в зависимости от наличия той или иной политической системы мы рождаемся в роддоме или в поле, затем нас приносят в палаты, которые освещаются электричеством, или в темную задымленную хижину. Мы получим свой политический статус, свое имя, свою антропологическую структуру от политики. При переходе от одной политической системы к другой меняется антропологическая структура человека в его политическом измерении. Соответственно, при переходе от традиционного общества к обществу современному меняется и политический человек, меняется политическая антропология. Если мы останемся в рамках конвенциональных политико-антропологических структур, которые довольно подробно описаны в учебнике «Философия политики», мы можем сделать два акцента. Во-первых, мы можем сказать: «Посмотрите, какой фундаментальный сдвиг происходит в политической антропологии при переходе от традиционного государства к государству современному». Мы можем поразиться этому, впасть в удивление, поскольку человек мутирует вместе с политическими институтами на самом фундаментальном уровне. Но дальше мы с неизбежностью сталкиваемся с тем, что сейчас находимся в рамках перехода от политической ситуации современности к Постмодерну и тогда мы видим совсем другую картину. С нашего ракурса становится видно, что параметры традиционного общества и общества Модерна практически сливаются. Оказывается, что и там и там был постулирован человек политический, *Homo Politicus*, политическое животное. Да, в одном случае мы имеем дело с автономным индивидуумом, принимающим решения в рамках Модерна, а в другом – с частью определенного холистского ансамбля. Постмодерн же говорит, что на самом деле разницы между двумя этими типами обществ, политики и, наконец,

типами человека, разницы нет. Независимо от того, конституируется ли этот человек в либеральном индивидуальном ключе, либо в соответствии с холистским эйдосом, все равно конституируется именно человек. А сейчас дан старт совершенно другой модели, новой политической парадигме.

Рубежи постантропологии и начало постполитики

На данном этапе мы можем выделить совершенно иные признаки человека, которого конституирует уже политика постмодерна: деполитизация, автономизация, микроскопизация, суб- и трансгуманизация. То есть сегодня человек рассматривается не в целом - в поле внимания его отдельные части. Важны его желания, эмоции, настроения или влечения. При этом с одной стороны внимание переносится с индивидуального на субиндивидуальный уровень, а с другой, субиндивидуальный уровень смешивается с другими субиндивидуальностями, то есть попадает в сферу транс-индивидуального. Метафорой этой транс-индивидуальности может служить современная дискотека, хаос. Даже рассматривая кадрили или танец рок-н-ролл, относящийся к позднему Модерну, мы видим пары, фигуры, па, экспрессию, распределение гендера. На дискотеке же стоят сущности неопределенного пола, неопределенного вида, неопределенной идентичности, мерно трясущиеся в такт музыки. При этом эта тряска носит над-индивидуальный характер: люди не трясутся, их что-то трясет. И вот то, что трясет одного конкретного посетителя клуба, трясет и всех остальных. Трясутся ли они в таком случае все вместе? Нет. Трясутся совместно их части, подчиняющиеся общему резонансу. Примерно то же самое происходит и в политике: дивидуализация индивидуума и суб- и трансгуманизация политических институтов и структур.

Таким образом, мы сейчас приходим к совершенно иной политике, смысл которой заключается в опровержении политики как некоей внятной политической властной установки. Как бы мы ни решали вопрос о власти (кому она принадлежит: элите, касте, жрецам, воинам, демократическому парламенту), - все равно это будет являться формализацией политических отношений. Всегда ясно и четко видны интересы. Позиции, уровни, статусы, роли, мы имеем

дело с политическим обществом (и с современным, и с традиционным). Но если нам предлагается снять вопрос власти, сказать, что такого понятия нет, предлагается исторгнуть ее, если не должно быть субъекта политического процесса, то на их место встает ризоматическое нечто, которое Негри и Хардт называют «множествами». Эти множества замещают собой и субъекта и институт властных полномочий. Соответственно, возникает концепт Пост-государства вместо государства. Что такое Пост-государство? Это идея отмены государства. Начинается демонизация государства, основанием которой служит тезис о том, что государство мешает частной собственности. Затем государство становится ругательством, и его отмена кажется уже очевидной необходимостью. После этого устранению подвергается все, что мешает тотальной свободе.

В итоге деструкции подвергаются любые формы вертикальной симметрии (ориентация «верх-низ», иерархия), и она становится горизонтальной. Аналогично вертикаль власти и государства становится горизонталью и, таким образом, политическая антропология, подразумевавшая ту или иную конституцию индивидуума, рассеивается и расплывается в пространстве ризоматического порошка. Можно было бы сказать, что это аполитея. Но если бы мы имели дело с аполитеей, то наблюдали бы постепенное угасание и энтропию Политического. Однако мы говорим не совсем об аполитее или о безразличии к политике. Мы сталкиваемся с сознательным, ценностно окрашенным трендом. То есть ликвидация политических структур, или структуры политического, если включать в него и структуры политического Премодерна, и структуры политического Модерна. То есть при столкновении с Постмодерном, и то и другое активно отвергается. При этом, для того, чтобы активно денонсировать Политическое, нужна политическая воля. Получается, что Постмодерн нагружен политическим смыслом. Причем он нагружен таким политическим смыслом, когда властно, эпистемологически навязчиво и нормативно происходит постмодернистская аполитизация. То есть, это не чистая энтропия политической системы, а революционный альтернативный контр-проект построения политической постантропологии. И центром этой постантропологии, конечно же, является эта ризоматическая суб- и транс-индивидуальная сеть. Именно эта

распыленная туманность множеств активно и волевым образом разрушает те структуры воли, которые представляют собой Политическое (*das Politische*), по Шмитту, в его классическом понимании.

Центральные субъекты постполитики

Сегодня мы можем обобщить ситуацию следующим образом: в сферу Политического (куда мы вкладываем классическую политику Шмитта, включая Премодерн и Модерн) мы добавляем такую деструктивную коррозионную стратегию политического постмодерна, которая пользуется такими же властными, агрессивными, наступательными диспозитивами, и получаем политику в самом широком ее понимании, в абсолютном смысле. Это Абсолютно Политическое (*absolut Politische*), в рамках которого мы можем расположить два базовых антропологических типа. Казалось бы, это естественно: с одной стороны мы имеем дело с тем типом современного человека, конституированного Политическим, который бьется против политики вообще, т.е. вышеуказанного ризоматического «топтуна» из House – дискотеки. Он имеет свой блог, свое присутствие на телевидении, делает вид, что голосует за оппозицию (то есть, подспудно солидаризируется с антигосударственным деструктивным политическим трендом и делает это всегда очень точно, даже не имея цельной политической концепции). То есть, при соприкосновении с любой цельной концепцией политического, он начинает говорить «нет», выступая очень агрессивно, создавая специфическое направленное четкое лучевое воздействие. Другая фигура – это политический солдат (*Das politische Soldat*). «Политический солдат» – отличный концепт, сформировавшийся в 30-е годы, который представляет собой фигуру, подытоживающую, суммирующую то, что мы назвали классическим пониманием *das Politische*, классическим пониманием Политического. Определение политического солдата очень красочное: политический солдат отличается от обычного тем, что он убивает и умирает за политику. Его убийство и личная смерть становятся экзистенциальным элементом проявления Политического, тем самым Политическое в нем приобретает экзистенциальное измерение. Политик же, в отличие от политического солдата, имеет дело

с Политическим, но не убивает и не умирает за него. Когда на пути политика возникает момент смерти и убийства, он говорит: «Нет, я лучше пересмотрю свои убеждения».



Этот замечательный романтический образ, который в равной степени применяется и к Модерну, и к XX веку, когда мы и видели этих замечательных политических солдат. Иллюстрацией участия политических солдат в истории XX века, в ее конструировании, может служить высказывание Ницше. Он говорил: «Сегодня, в XIX веке, войны идут за ресурсы и материальные ценности, но я предвижу время, когда люди будут убивать друг друга за идеи». Где это время? Оно в XX веке. Весь XX век политические солдаты убивали друг друга за идеи. Убивали и умирали. Кроме того, все традиционное общество, например, империя Чингисхана, была создана политическими солдатами. Русская империя также была создана политическими солдатами. В Модерне же эта фигура приобрела обостренный тип. Однако существует мнение, что политический солдат может сражаться только за возвышенные и благородные идеи. Но это не так. Политическим солдатом может быть и либерал (хотя ничего возвышенного и благородного в либеральных идеях нет). И он может убивать и умирать за весьма сомнительные идеи, но, тем не менее, он остается политическим солдатом, и это очень важно. Политический солдат - это техническая вещь, не надо его гиперболизировать. Это обаятельная, но техническая позиция Модерна.

Нам представляется, что сегодня этот политический солдат на уровне политической антропологии сталкивается с разложившимся ризоматическим постчеловеческим андроидом. Кажется, что мы фиксируем такую картину и даже готовы отбросить идеологические разночтения, чтобы политический солдат вошел в конфликт

с постсовременным миром. Но мой тезис заключается в том, что с точки зрения фазового перехода мы живем в обществе или в ситуации, где такой конфликт возможен, но такое столкновение предрешено и обречено. На самом деле, фигура политического солдата снята. И на место политического солдата, на его собственное антропологическое пространство все чаще и чаще вступает новая фигура, очень хитрая, скользкая фигура, которая не является политическим солдатом, но и не причастна к ризоматическому и шипящему Twitter-суб-индивидууму. Эта фигура – симулякр политического солдата. Это то, что изображает из себя политического солдата, точно так же, как Постмодерн изображает из себя Модерн. В итоге получается, что в сфере постантропологии мы получаем не картину человек vs постчеловек. Мы наблюдаем откровенно постчеловека либерального разложения и псевдо-человека, псевдо-политического солдата, в которого общая фазовая стихия истории зашла изнутри. Поэтому мы имеем феномен современного фашизма, который прекрасно иллюстрирует эту ситуацию. Весь фашизм, составлявший структуру политического солдата, закончился в 1945 году. Любой фашист, который заявляет о себе после 1945 года – это симулякр. То, что наполняет сегодня страхи либералов в виде фашистов – совершенная пародия, не сильно отличающаяся от разложенных и полурастворенных толп. Коммунизм (который продержался дольше, чем фашизм) создал симулякр в самом себе. Позднесоветские коммунисты уже были псевдо-политическими солдатами. Современный коммунизм невозможен. Невозможен с точки зрения политической антропологии, как и современный фашизм. Еще чуть-чуть, и мы увидим, что невозможен современный либерализм. По крайней мере, это ярко демонстрируют наши либералы (которые вовсе не либералы): стоит им только заплатить, и они будут говорить все что угодно. Мы имеем дело с существами, у которых нет классической политической антропологии.

Фатализм постантропологии и Ангелополис

На мой взгляд, мы имеем дело со «складкой» Жиля Делеза: это сражение постполитической антропологии с псевдо-политическим солдатом. Антитезой пост-человека в этом случае является не-человек.

Если мы это признаем, то у нас возникает очень сложная и интересная перспектива. Либо это фантазмагорическое отчаяние, в которое впал поздний Бодрийяр, описывающий мир в предельно постисторических категориях, либо ощущение того, что эта складка, эта постантропологическая перспектива нас не удовлетворяет. Однако если мы поймем фатальность той пары, которую мы сегодня обсуждаем, то энтузиазма и прыти у нас точно поуменьшится. Поставив вопрос об антропологии, мы должны будем искать ответ, признав правоту постантропологии, то есть не ждать, пока наступит то, что наступает, а посчитать, что это уже наступило. Что открывается в такой перспективе? На мой взгляд, определенная подсказка существует у того же Шмитта, который выстроил классическую конструкцию понимания Политического. Он говорил о политической теологии. Шмитт говорил о том, что все политические идеологии и системы являются законченными теологическими моделями со своими религиями, догматикой, богословием, институтами, обрядами и т. д. Поэтому, чтобы понять политику, необходимо понимать ее как некое абсолютно религиозное явление. Но политическая теология предполагает наличие политического телоса, того телоса, который может быть рукотворным, как у Томаса Гоббса в лице Левиафана, а может быть нерукотворным, как в средневековой католической модели «империум», близкой самому Шмитту. Естественно, в постантропологической структуре, в Постмодерне это обращение к телосу, как к политическому фактору, который развертывает в системе полноценную теологию, нам не сильно поможет, потому что мы находимся за пределом политической теологии.

Говорить о политической теологии применительно к постантропологической модели современной политики невозможно. Нельзя говорить и о полноценной антропологии, потому что мы увидели эту фундаментальную мутацию складки. О чем же можно говорить? Ведь мы наблюдаем политические процессы, источники власти и диспозитивы влияния, видим парадигмальные эпистемы, которые продвигаются и навязываются так же, как они действовали в рамках классической политики. Они есть, они остаются, то есть Политическое в его широком понимании остается, в нем только нет человека и нет Бога. Кто является актором этой постполитики? Здесь есть определенная гипотеза, которую я обозначил как концепцию

Ангелополиса («город Ангелов») или Ангелополитии (ангелической политики), то есть переход от политической теологии к политической ангелологии. Речь идет о том, что сфера Политического начинает управляться и зависеть от противостояния внечеловеческих существ. Имеется в виду не человеческое, но и не божественное (или не совсем божественное). Ангелополис обладает возможностью широкой дистрибуции политических ролей вне обращения внимания на гуманоидов и постгуманоидов. Очевидно, что не человек посылает смс, это смс сама себя посылает. Учитывая растущую стандартизацию и шаблонность этих сообщений, их внеиндивидуальная суть становится все более и более очевидной. Таким образом, этот смс-инг, процесс твиттеризации политики уже схлопнул в ней все антропологическое.

В этой постполитике есть управляющий центр, есть участники, есть решения, но они в Постмодерне абсолютно дегуманизированы, они находятся за рамками антропологии. Своеобразное подтверждение этой гипотезы мы находим в традиционных учениях, традиционных эсхатологиях, где говорится о том, что конец истории будет не человеческой вещью, человек споткнется где-то на последнем подходе к концу истории. Дальше начнется что-то от него вообще не зависящее, то есть будет битва ангелов, битва богов, столкновение сущностей, не выступающих в качестве исторических или экономических закономерностей, религиозных войск или политических элит. И эта битва ангелов, заканчивающая политический процесс, тоже может быть осмыслена политически. Это и есть Ангелополис, или *Politische Angelologie*, которую я предлагаю как концепт, лишенный всякого мистицизма и эзотеризма, и используемый в качестве такой же по смыслу и характеру метафоры, как метафора Шмитта «политическая теология». Политическую ангелологию следует осмыслять только как научную и рациональную метафору. Ангелополис - это способ понимания, интерпретации и герменевтической расшифровки тех процессов, которые происходят в нас и которые рассматриваются в отрыве от политической антропологии, от человека как вида, как явления институционализированного и конституированного политически.

Библиография

- Дугин А. Г.* Философия политики. М.: Арктогея-Центр, 2004.
- Дугин А. Г.* Радикальный субъект и его дубль. М.:Международное «Евразийское Движение», 2009.
- Дугин А. Г.* Четвертая политическая теория. СПб.:Амфора, 2009.
- Дугин А. Г.* Постфилософия. М.: Евразийское движение, 2009.
- Шмитт К.* Политическая теология. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.
- Шмитт К.* Понятие политического // Вопросы социологии. - 1992. - № 1. - С. 35-67.
- Шмитт К.* Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. М. Владимир Даль, 2006.
- Нанси Ж.-Л.* Складка мысли Делеза // Vita cogitans, № 5. - Изд-во СПбГУ, 2007, с. 149-156.
- Делез Ж.* Ницше. СПб.: Аксиома, 1997.
- Делез Ж.* Складка. Лейбниц и барокко. М.: Логос, 1997.
- Делез Ж.* Логика смысла. - М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая кн., 1998. Переизд. М.: 2010.

Г. Д. Джемаль

философ, председатель Исламского комитета России

СОЗНАНИЕ «НОВОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛА» И ВОЙНА БЫТИЮ

Политический солдат - это очень глубокая доктрина, которая крайне актуальна, и я считаю, что не все так пессимистично, как можно было бы представить из того, что озвучил профессор Дугин, поскольку политический солдат преобразуется сегодня в теологического и политико-теологического солдата, но не в шмиттовском, а в гораздо более традиционном значении. В буквальном значении «войска божьего». С точки зрения фундаментального вопроса политической антропологии, мне бы хотелось сказать, что надо заново окунуться в первозданные источники примарных представлений. А это значит, надо пойти на поклон антропологии в чистом виде, антропологии онтологической, безусловной, и оттуда вынимать все остальные понятия и идеи. Что такое человек, как некий феномен? Человек - это микрокосм, который отражает макрокосм. Наш мир представляет собой зеркало, в котором отражается макрокосм, который более или менее точно можно идентифицировать с Бытием, как таковым. Но это отражение имеет двойственный характер: если вы видели, как при множественном источнике света располагаются тени от предмета, то есть - черная густая тень (а есть тень расплывчатая, дублирующая). Микрокосм в зеркале внешнего мира отбрасывает две основные и важные для нас тени. Это человек как таковой, физическое лицо. И общество. Две эти тени представляют собой отражение одного источника, одного и того же Бытия, одного и того же макрокосма, но они фундаментально различны функционально. То есть человек физический, как микрокосм - это очень двойственная, проблематичная и субъектная вещь, в которой существуют

некоторые взвешенности, некоторые недоразумения и недоумения, а также такая безусловная вещь, как оппозиция среде. В нем существует функция отражения. Что же касается общества, то это Левиафан в чистом виде, это отражение в котором нет зазора внутри бытия, нет сбой. Это некоторое отражение, прямое отражение мира души.

При этом нужно сказать, что микрокосм, как бытие в целом, это и есть та объектная реальность, которую монотеисты называют Сатаной. Для традиционных пантеистических метафизик бытие -это абсолютный позитив, Бытие есть Божественная Реальность с большой буквы, у которой нет альтернативы, внутри которой царит красота и гармония. Но с точки зрения монотеизма (и в этом состоит его парадокс и вызов), красота, гармония и свет – это атрибуты Сатаны, который необязательно представляет собой что-то такое отталкивающее, черное и страшное. Во всех традиционных метафизиках это бытие имеет очень достойные и благородные имена, например, Озирис и Аполлон. Однако для монотеиста - это вещь, подлежащая абсолютной борьбе, абсолютному отрицанию, абсолютному отвержению. Главная коллизия внутри такой политико-теологической антропологии, это постоянное искушение отождествления Бытия с предметом откровения. То есть Бытия как предмета созерцания и прямой интеллектуальной интуиции, т.к. Бытие содержит в себе, в качестве своей внутренней матрицы то, что мы называем мудростью. Предмет же откровения тоже имеет персонифицированную визуализацию, что искушает человека смешать то и это.

Иными словами, фундаментальное различие внутри христианства зиждется на том, отождествляется ли Христос с макрокосмом, или он воспринимается как то, что абсолютно противостоит макрокосму, то есть то, что абсолютно противостоит Бытию. Если он воспринимается как реализация макрокосма, как его воплощение, как живое бытие в чистом виде, это один путь, если картина строго противоположна, то другой. С точки зрения ислама, Христос, который является пророком, это не просто пророк, а Адам, новый Адам, мессия, и в этом отношении его статус совершенно уникальный и особый именно в плане политической антропологии. Если мы говорим с точки зрения этой двойственности «человек-общество», то возникает следующая диалектика: в человеке существует некий шанс на спасение, т.к. в человеке есть сознание. Это сознание в фундаментальном

последнем счете представляет собой тот самый предмет, о спасении которого говорится. Под сознанием понимаются не мысли, не душа, не идентификация, не память, не коллективный или персональный опыт. Под сознанием мы понимаем некий момент свидетельствования «здесь и сейчас». То есть, уникальную точку безвременья, которая царит в сердце каждого человека, когда он понимает, что его пребывание здесь и сейчас – это определенный момент, которого когда-то не станет. И именно этот момент является предметом спасения, именно этот момент является абсолютной ставкой в колоссальной трансцендентной борьбе, сотрясающей небеса и землю, потому что это борьба между Бытием и сознанием. И мессия Христос, и все пророки – на стороне сознания, а Бытие в чистом виде и вся система, которая его воспроизводит и отражает – на стороне Бытия, и это то, что называется Иблис, Сатана и т.д.

Здесь мы сталкиваемся с тем, что, с одной стороны, существует человек, у которого есть шанс, и он воплощается и реализуется в крайне уникальных ситуациях (в крайне ограниченной форме), и очень немногие, противостоящие Левиафану, тени Сатаны, могут этим шансом воспользоваться. Существует битва с этим Левиафаном, но кто с ним борется? Одинокий герой? Нет. Согласно словам мессии, «где двое или трое во имя мое, там и церковь моя». А что означает «двое или трое во имя мое»? Здесь мы подходим к главной тайне легитимности. Откуда она берется? У язычников она представлена в виде санкции Бытия, это то, что идет по прямому осевому световому каналу, это энергии нисходящего порядка, которые проявляются и проецируются в виде микрокосма, ставшего образцовым воплощением Бытия здесь на земле. То есть фараон, кесарь, это та форма человека, в которой Бытие освободилось от сознания, как от травмы, и человек уже является бого-зверем, то есть прямым воплощением Сатаны, который может все, и является абсолютной реализацией персонифицированного Бытия здесь на земле. Однако это легитимность традиционной метафизики, это легитимность Шамбалы, легитимность естественного человека. В чем заключается наша легитимность? Легитимность тех, кто противостоит общему злу? Здесь все снова упирается в слова Христа «где двое или трое во имя мое, там и церковь моя». А что такое церковь? Церковь – это еkklesia, это круг, собрание, сообщество, это то, что в греческом полисе,

во время греческой демократии было братским собранием господ. Это братство господ, члены которого знают, что они умрут, и что эта смерть неразрывно связано с их сознанием. Это сознание внутри них является проколом, сбоем, отрицанием, оппозицией Бытию, потому что именно это и называется на монотеистическом языке жизнью. Как именуется Всевышний Господь в Коране? *Al-Ĥayy al-Qayūm* (Хайй Кайум) – «живой» и второе слово переводится, как «сущий». Но *Qayūm*, - это не сущий, *Qayūm* – это противостоящий, это вертикаль, которая противостоит. И это противостояние сознания Бытию и есть тайна абсолютной духовной жизни. Соответственно здесь мы имеем дело с экклезией, которая превращается в воинство Господне, и политический солдат становится солдатом теологическим.

Это реально существует, это было, это есть, это будет, и вся история не может отойти от этого, несмотря ни на какой Постмодерн. Потому что можно плыть в воде и видеть куски дерьма и обрывки водорослей, а можно смотреть на всю эту картину сверху и видеть всю глобальность проблематики Бытия, начинающейся и заканчивающейся, и решающей на протяжении всей этой истории определенную проблему. Но для того, чтобы подойти к этой проблематике сегодня и вызвать к жизни политико-теологического солдата следующего поколения, нам нужен новый интеллектуал. Кто такой новый интеллектуал? Новый интеллектуал это тот, кто способен говорить о Сатане не как о метафоре, а как об объективной реальности, которой он должен противостоять и с которой он должен сражаться. Он должен быть воином против Сатаны, и он должен говорить о нем, как об объективной реальности, которая имеет здесь своих представителей, свою агентуру ит. д. И вот почему новым интеллектуалом не может быть клирик, не может быть клерикал. Наш сегодняшний клерикал не способен говорить о Сатане, как о физической реальности, он говорит о нем, как о некой нравственной парадигме, он говорит в терминах нравственных метафор, нравственных виртуальных проекций. Но нам это не нужно, нам нужно, чтобы новый интеллектуал говорил о Сатане, как об оппоненте, который является независимым, объективным игроком, при этом совершенно реальным, не менее реальным, чем сам этот интеллектуал.

Что означает иметь такого нового интеллектуала? Новый интеллект — это путь к объединению пассионарности ума и пассионарности тела, это путь к получению политико-теологического солдата, который готов не только генерировать идеи, не только отражать идеи в своем сердце, но и сражаться, убивать и умирать во имя этих идей. Он готов брать на себя абсолютную ответственность. Человек, который готов взять на себя перед Богом абсолютную ответственность, рискуя своей бессмертной душой (который рискует из-за своей бездонной, по человеческим меркам мудрости), знает, что это проход по лезвию бритвы. Откуда мы возьмем такого нового пассионария, у которого интеллект и воля на уровне физического самопожертвования высоки как ни у кого другого? Я утверждаю, что этому могут способствовать интеллектуальные форматы, принимая которые, человек оказывается перед бездной выбора: либо он готов сражаться и умирать и брать на себя ответственность, либо не готов. До тех пор, пока новый интеллект не продумает внутри себя эти ценностные вехи, не совершит внутри себя полное и абсолютное от них отречение, он не сможет стать тем, кого мы называем солдатом воинства божьего. Но что это за вехи?

Их пять.

- 1) Отречься внутри себя от человека, как от самостоятельной ценности.
- 2) Рассмотреть общество как тень Сатаны
- 3) отождествить власть с преступниками и преступлением как таковым
- 4) Положить внутри себя отречение от Бытия
- 5) Принять решение об отречении от Блага

Звучит это довольно вызывающе и эпатажно, но на самом деле это очень конкретная и простая вещь. Человек есть тот камень преткновения, вокруг которого ведутся страшные интеллектуальные бои, и который для самого человека является сверхвременем (можно сравнить с тем, что отражение должно выйти из самого себя). Человек — это инструмент Провидения, это не цель, это — средство. Это то, что создано для реализации поставленной Всевышним пьесы, и если кастинг был неудачен, то эта глиняная фигура ломается и выбрасывается (как в Содоме и Гоморре, как в Атлантиде, как в бесчисленных ситуациях, которые и сегодня являются перед нами снова и

снова). Мы вступаем в такую зону времени, где политика и, скажем, геофизика Земли, снова начинают сливаться как во времена потопа. И совершенно очевидно, почему это происходит, и это будет происходить и дальше. Сегодня нужно остановиться именно на том, что человек – это фигура, которая может быть сломана и выброшена, т.к. это плохой инструмент. Однако он может быть и хорошим инструментом. В этом смысле он становится предметом, субъектом и базой разговора о возможности спасения. Кроме того, все эти пять пунктов имеют в качестве основы кораническое Откровение. Так, согласно одному из аятов, в Коране, говорится: «Мы сотворили человека из капли, а вот враждебен определенно».

Далее – общество, которое является тенью Сатаны. Это система отраженного вторичного Бытия, которое уже пожрано этим Бытием. Раньше древний традиционный человек апеллировал к небу и природе, а общество было посредником между природой и небом, оно возглавлялось жрецами и фараоном, оно должно было организовать просьбу к небу таким образом, чтобы природа была по отношению к нему благой. Сегодня же общество сожрало и небо, и природу; обе эти категории включены внутрь общества. Общество сегодня – синоним Бытия. Общество является системой абсолютного отчуждения, но не в марксовском смысле, а в гораздо более глубоком. Общество забирает у человека смысл, его жизненное время и трансформирует его в фимиами, который воскуряется абсолютному архетипу, то есть архетипу макрокосма. Если это понять, то становится ясным и очень странный аят, который у многих вызывает вопросы. Он звучит так: «Сатана приказывает вам бедность»! Казалось бы, бедность это достоинство и благодетель, почему же Сатана приказывает бедность? Да потому что общество есть тень Сатаны и общество есть механизм по изъятию у человека внутреннего смысла и отчуждения у него жизненного ресурса, его жизненного времени, его жизненной энергии, и претворению его в отчужденный капитал. На этот счет в Коране говорится: «Неужели вы пойдете за судом к Тагуту, после того, как узнали лучшее?».

Далее власть, которая представляет собой чиновников, тех, кто стоит во главе, тех, кто приставлены к государству, Левиафану для того, чтобы курировать отчуждение. Поэтому Коран говорит о них: «Мы установили во всех селениях правителей преступниками, дабы

они интриговали во имя своей власти, но они интригуют против себя, но они пока этого не знают...». Естественно, здесь нельзя говорить о легитимности, потому что они не «двое или трое во имя», их - сонм, легион во имя мамоны, во имя преемственности их дома, дома Сатаны. Что такое с этой точки зрения Бытие? Бытие есть ни что иное как то, что оппонирует смыслу, то, что оппонирует сознанию. Это то, что является морем, грозящим залить дыхательные пути брошенного в него человека. Младенец, выброшенный в воду, тонет, и он есть сознание; трепетное, хрупкое сознание, которое существует доли секунды, и эти доли секунды оправдывают все, оправдывают заданный посыл утверждения. Но море стремится влиться в его дыхательные пути и уничтожить его, чтобы потом белая тушка с развевающимися мокрыми волосами была бессмысленно выброшена на песок.

Это сущность Бытия, которое объявляется Благом. Существует платоновская триада: Бытие, Идея и Благо. Идея – это антисознание, это версия духа, который материален, и материи, которая духовна, которые противостоят тому сознанию, которое является трансцендентным оппонентом этого моря. Бытие и Благо – это два момента, которые абсолютно ложные, при этом они обладают фундаментальной экзистенциальной убедительностью, против которой человек практически не может возражать. Бытие и Благо в своем соединении образуют тот самый рок, против которого восставали герои. Поэтому в Коране есть фраза «У меня нет Блага, как зла». Вы думаете, что для вас это благо, а для вас это зло, вы думаете, что для вас это зло, а это, на самом деле, благо. Поэтому вышеперечисленные пять пунктов представляют собой полный и тотальный теологический антигуманизм. Общество, как тень Сатаны, власть, как прислужники Сатаны, Бытие, как ложная концепция и Благо, как абсолютно ложная цель, как ложная задача. Если новый интеллектуал проходит через искушение этих пяти отрицаний, то он выходит на понимание того, что он призван к служению чистому сознанию, которое является замочной скважиной, в которую святой Петр вставляет ключ от рая, ключ от спасения. И тогда те, кто постигли эту тайну, собираются по двое, по трое, по двести и по триста во имя Мессии, во имя Всевышнего, для того, чтобы создать то самое теологическое воинство Господне, руководимое мессией и Махди, которое встретит Сатану, встретит

Дадджала, чтобы сразиться с ними в последней битве. И если мы победим, то мы спасены. Если нет, значит, как говорит Коран: «Мы создали вас и укрепили ваши суставы, но мы можем вас заменить такими же, как вы». И это означает другой цикл, начало другого человечества, а мы остаемся с оставшимся...

Библиография

Джемаль Г. Революция пророков. М.: Ультра.Культура, 2003.

Джемаль Г. Освобождение ислама. М.: УММА, 2004.

Джемаль Г. Орентация - Север. М.: Ультра.Культура, 1979.

Guénon R. Initiation et réalisation spirituelle. P., 1952.

Guénon R. Aperçus sur l'ésotérisme islamique et le Taoïsme. Paris, 1973.

В. Э. Багдасарян

д. и. н., профессор, декан гуманитарного факультета РГУТиС

ПОСТЧЕЛОВЕК И ПОСТПОЛИТИКА: ПЕРСПЕКТИВЫ ГЯДУЩЕГО

Существует метафора, которая прекрасно иллюстрирует то, чем является человек в Постмодерне. Это метафора о Големе. Понятно, что проблема получила свое звучание и в еретических учениях, и в контринициатических, и в кабалистике; это проблема создания искусственного человека. Такие опыты приписывали в частности Альберту Великому, деду Чарльза Дарвина, но, конечно, самый известный пример – это пражский Голем. Я в первую очередь хотел бы использовать этот образ в качестве метафоры того, чем является постчеловек и постполитика. То есть, наличествует физическое тело, способности разума, но нет духовного начала. Назначение Голема – служить своим создателям. Когда это задание выполняется, он превращается в прах, либо отключается. То же самое происходит и с человеком в Постмодерне. Ведь сейчас речь идет не только о программировании сознания, речь идет о биотехнологиях: человека можно создать, разобрать, можно создать целые нации, можно нации таким же образом уничтожить или генетически преобразовать. Сейчас идет речь о разработке медицинских препаратов, многократно усиливающих работу мозга. Очевидно, что если человек будет обладать доступом к такому препарату, то он окажется на одной социальной ступени, не будет – он на принципиально другой.

Такую парадигму можно обозначить двумя центральными характеристиками: «неорабовладение» и «неорасизм».

Попытаемся проследить эту инверсию в двух перспективах: в технологической и антропологической. В технологическом плане мне кажется продуктивным соотнести теорию (являющуюся сегодня крайне

популярной) о смене шести технологических укладов. Первый уклад – это энергия воды, и власть несет на себе функцию со-организации населения для обеспечения бесперебойной работы ирригационной системы. Со второго по четвертый уклад мы наблюдаем развитие механизмов, использующих источники энергии, то есть: паровая машина-электричество-энергия нефти и газа - средства коммуникации. Здесь политика наиболее выпукло была охарактеризована Марксом; политика становится «концентрированной экономикой». Политика же, взятая как таковая, уходит на задний план, всей политической сферой управляют монополии. В пятом и шестом технологическом укладе сначала резкий толчок к развитию получают информационные системы, в рамках которых политика становится ни чем иным как программированием сознания, а затем на сцену выходят биотехнологии. В этом шестом укладе управление осуществляется не только над сознанием, но и над телом человека; фактически человек становится объектом «сборки-разборки».

Теперь в антропологическом ключе. В традиционном понимании человек не является одномерным. Есть как минимум три уровня его самости: дух, логос и плоть. Духовное, находясь выше остальных уровней, выстраивало под себя всю систему, а политика становилась ни чем иным, как выполнением духовной миссии; она напрямую вытекала из этой антропологии. В Модерне же человека определяли в качестве животного, производящего орудия труда, организующего политический процесс и участвующего в нем, наконец, в качестве «религиозного животного». Политика из реализации духовной миссии становится функцией от интереса. В Постмодерне совершается разборка человека как животного, он сводится к конкретной генетической записи. Человек – это геном, цифровой код. А значит, цифровой код может быть изменен, перестроен. Соответственно, политика мутирует в том же ключе и становится игрой, которая зависит от воли каждого конкретного игрока. В такой перспективе мы возвращаемся к тому, с чего начали: к проблеме подмены человека Големом.

А. Л. Бовдунов

Комиссар федеральной сетевой ставки ЕСМ,
аспирант кафедры социологии международных отношений
социологического факультета МГУ

СВЕРХЧЕЛОВЕК И АМЕРИКАНСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

В данном докладе речь пойдет не о Ницше. Его понимание сверхчеловека, как бы интересно и притягательно оно ни было, следует вынести за скобки при рассмотрении американского общества и существующих внутри него представлений, в том числе тех, что касаются политической сферы. Вполне возможно провести некоторые параллели, выявить соответствия или даже генеалогию определенных идей, но все же надо помнить одну вещь, ясно выраженную консервативным философом, учеником и другом Лео Штрауса и Александра Кожева, Аланом Блумом: в случае американцев, несмотря на насыщенность культурной и политической среды концептами, восходящими к Ницше (характерным примером является к месту и не к месту употребляемое слово «харизма»), их толкование и даже оригинальное восприятие далеко от адекватного, слишком поверхностно¹. Базовые установки, философские, мировоззренческие, европейского и американского сознания серьезно различаются, что ведет к симулированию понимания таких европейских авторов, как Ницше. Поэтому говоря об американском сверхчеловеке, антропологической фигуре, влияние которой ощущается теперь не только в США, но и

¹ Allan Bloom on Nietzsche. 1983 (2- 3 of 5).[Электронный ресурс]. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=CumkoDWGILA&NR=1> (дата обращения 24.04. 2011).

во всем остальном мире, надо обращаться не к европейским авторам, а непосредственно к реальности американского общества, его истории и мифологической структуре.

На последнем хотелось бы сделать ударение. Именно мифологическая структура американского общества, его базовая матрица, корректно вскрытая (хотя бы речь шла только об ее части) может способствовать корректному подходу к интересующей нас антропологической фигуре. Современная социология в лице французского автора Жильбера Дюрана вообще устанавливает в качестве одного из основополагающих макроподходов к анализу современного общества его прочтение через призму мифологических фигур¹. Иначе говоря, это направление, социология воображения, мифоанализ вводит рассмотрение рассудочных структур человеческой деятельности через призму мифа, интерпретации рационального через иррациональное.



Капитан Америка

Для понимания американского общества в этом отношении интересны две работы американских социологов и культурологов Роберта Джуэта и Джона Шелтона Лоуренса: «Миф об американском супергерое» и «Капитан Америка и крестовый поход против зла: дилемма ревностного национализма». Эти авторы утверждают, что, несмотря на заявления, поступающие, в том числе со стороны некоторых представителей психологической науки, о том, что сознание американцев предельно демифологизировано, - на самом

деле такое представление в корне не верно, американское общество и сознание большинства американцев управляется столь мощными мифологическими комплексами, что не возможно понять Америку, не обратившись к ним. На основании многочисленных исследований, касающихся как политических доктрин, выступлений и писаний американских политиков и философов, писателей и общественных деятелей со времен отцов-основателей США и до Джорджа Буша, так и народных рассказов, литературных произведений, фильмов,

¹ Дугин А.Г. Социология воображения. М.: 2010

мультфильмов, видео и компьютерных игр и их общественного восприятия, авторы делают следующий вывод: миф о сверхчеловеке, о супергерое является одним из ключевых, если не стержневым мифом американского воображения. Политические доктрины, равно как и образы, запомнившиеся нам по американским кинофильмам, суть одни из форм его воплощений.

Авторы используют термин «мономиф», введенный Джозефом Кэмпбеллом, другим американским автором, для корректного описания американского мифа о супергерое. Они противопоставляют классический мономиф, как его понимает Кэмпбелл, и мономиф американский. В классическом мономифе, примерами которого могут быть миф об Энее или «Одиссея», или широко распространенный во многих культурах миф об убийстве дракона героем; человек выпадает из обычного круговорота жизни, терпит лишения, проходит определенное испытание, совершает героический поступок, после которого так или иначе реинтегрируется в общество. Очень часто мы можем заметить это в наших сказках, локальные версии такого мифа заканчиваются свадьбой, обретением власти. Реинтеграция, соответствующая женитьбе или осуществлению властных функций, равна обретению полноценного человеческого статуса, вот почему Кэмпбелл соотнес такой мономиф с представлением об инициации, целью которой и является обретение полноценного человеческого статуса в архаическом обществе.¹ Американский мономиф, хотя и похож на классический, сущностно инаков. Его главной особенностью является отсутствие финальной реинтеграции, супергерой является всегда внешним по отношению к обществу, одиноким, спасая мир бесчисленное количество раз, он остается иным, приобретая даже черты божества².

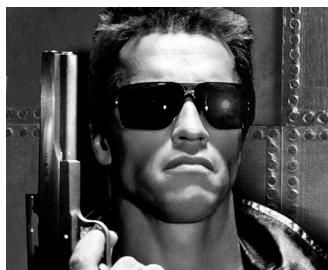
Джуэт и Лоуренс показывают, что американский мономиф является ничем иным, как секуляризированной версией протестантского эсхатологического мифа, прослеживая, в том что касается культуры непрерывную цепочку, начинающуюся Библией, а заканчивающуюся

¹ *Lawrence J. S, Jewett R. The myth of the American superhero. Grand Rapids, Michigan: B. Eerdmans Publishing, 2002 P.6*

² *Lawrence J. S, Jewett R. Captain America and the crusade against evil: the dilemma of zealous nationalism. . Grand Rapids, Michigan: Wm. B. Eerdmans Publishing, 2004 P.29-31*

Суперменом, история которого для неамериканца в некоторых своих элементах может показаться пародией на Евангелие. Главными элементами этого мифа являются: кризис общества, фигура спасителя, борьба со злом и восстановление «райских» пропорций. Это миф об Эдеме, утраченном рае, спасителе и спасении. Супергерой является лишь одним их элементов этого мифа, его функциональной фигурой, но не самоценной персоной, он ключевой, но не единственный элемент.

Более того, в ранних версиях мифа, в его воплощениях в культурной и политической сферах в начале 19 века, например, супергерой, его индивидуальность, отдельность и особость могли быть сильно смазаны; значительно большее внимание уделялось другим элементам эсхатологического мифа. Да и сам супергерой, хотя и одиночка, действует исключительно в интересах общества¹. Здесь и не пахнет отстраненным и нигилистичным ницшеанским индивидуализмом. Здесь в полной мере работает миф о спасении, проявляясь как в индивидуалистичной, так и неиндивидуалистичной формах, в деятельности людей и политических институтов, и в самих политических институтах, концепциях и ключевых фигурах самых отъявленных конформистов и наиболее непримиримых нонконформистов.



Структурно роль одного и того же элемента в постоянном развертывании и циркулировании мифа играют Джордж Буш, «Унабомбер», герои «Дневников Тернера», герои вестернов, Супермен, Капитан Америка, Терминатор, начиная со второй части, Авраам Линкольн, Микки Маус, Джордж Вашингтон, Рэмбо, Тимоти Маквей, организатор теракта в Оклахома-сити в 1995 году, Крутой Уокер и др. Сам институт президентства и конкретные президенты, начиная от Вашингтона, Линкольна и Обамы, мыслятся как персонификации этого мифа. Их непримиримые оппоненты от убийцы Линкольна Бута до уже упомянутого Маквея, существуют и действуют также в рамках того же

¹ Lawrence J. S, Jewett R. The myth of the American superhero. Grand Rapids, Michigan: B. Eerdmans Publishing, 2002

супергероического паттерна, к которому возвращаются всегда как лично политики, так и в целом образные стратегии американской культуры¹.

Миф о сверхчеловеке, миф о супергерое оказывается определяющим для любого направления американской политики, любого варианта политического позиционирования, без него она ни в своем внешнем, ни внутреннем измерении немыслима. Он, по сути, и является базовым элементом американской политической традиции и шире - общества в целом.

Коротко скажем о двух активных политических деятелях и их вариантах американского мономифа, наиболее сильно повлиявших на тот мир, где мы живем.

Первый – это 26-й Президент Соединенных Штатов Теодор Рузвельт. Интересно, что именно ему посвятили в 1902 году одну из первых книг о супергерое «Вирджинец», сам он был другом другого «супергероя», знаменитого Баффало Билла, да и жизненный путь и повадки самого Теодора Рузвельта, охотника, воина, исследователя, позволяют рассматривать его в качестве структурно схожей фигуры.

Этот сторонник активного американского интервенционизма, друг адмирала Мэхэна, проводивший знаменитую «политику большой дубинки», активно развивавший флот, внесший в обретение Америкой морского могущества и ее становления как сверхдержавы из всех американских президентов наиболее весомый вклад, продвигал все это под знаменем определенной идеологической и мировоззренческой системы, в которой главным понятием было представление об агрессивной жизни, о смысле жизни как о преодолении. В своей речи в Чикаго в апреле 1899 года, озаглавленной «Напряженная жизнь», Теодор Рузвельт утверждал идеал напряженной и опасной жизни, жизни направленной на осознанное преодоление всех возможных препятствий. Кто не живет такой жизнью – влачит бессмысленное существование, утверждал будущий президент. Здесь интересен переход, классический для американского представления о сверхчеловеке, отражающий анти-солипсизм этого концепта. Рузвельт с легкостью переносит сверхчеловеческие пропорции и

¹ *Lawrence J.S., Jewett R. The myth of the American superhero. Grand Rapids, Michigan: B. Eerdmans Publishing, 2002*

требования с отдельной личности на американскую нацию в целом, утверждая ее как своего рода коллективного сверхчеловека. В поп-культуре вариантом такого перехода станет в дальнейшем образ Капитана-Америки.

На уровне нации империализм является выражением напряженной жизни. Зарождавшийся американский империализм окрашивался Рузвельтом в сверхчеловеческие тона, такая сверхчеловеческая идеология напрямую и инспирировала его возникновение, утверждая идеалы господства сильных и подчинения слабых народов. Традиционное для культуры США представление о сверхчеловеке, об американцах как нации сверхлюдей, таким образом, в тот самый момент, когда родилась американская геополитика, а США начали осознавать себя в качестве морской державы, стало неотъемлемой сопровождающей их внешней политики. Американская геополитика неотделима от этой специфической сверхчеловечности, явно или неявно выражаемой конкретными авторами и политическими деятелями. Или господствовать или погибнуть - такую дилемму выдвинул Рузвельт, и Америка выбрала сверхчеловеческий путь напряженной жизни, став на путь превращения в сильнейшее государство планеты.

Интересно, что Жорж Сорель напрямую проводил параллели между нищезанемством и идеями Теодора Рузвельта и Эндрю Карнеги, обращая внимание на стремление Рузвельта превратить американцев в расу хищников, завоевателей¹.

Книги другой персоны ежегодно издаются тиражом более полу-миллиона экземпляров, общее количество достигло 25 миллионов. Речь идет о бывшей нашей соотечественнице, создательнице ультра индивидуалистического течения в философии, известного как объективизм. Весь мир ее знает под псевдонимом Айн Рэнд (Алиса Розенбаум). Среди тех читателей, кто публично признал ее влияние на формирование собственных взглядов, были Милтон Фридман и Рональд Рейган. Симпатизировал ей Людвиг фон Мизес. Для Хиллари Клинтон Рэнд - «пример для подражания».

¹ *Sorel G.* (trans. J. Stanley). *Essays in Socialism and Philosophy*. Piscataway, New Jersey: Transaction Publishers, 1987. P. 214

25 апреля 2000 года на презентации русского перевода одной из главных книг Рэнд «Атлант расправил плечи» экономический советник Президента РФ Андрей Илларионов заявил, что Айн Рэнд, «один из крупнейших писателей XX века и один из крупнейших философов XX века», является его кумиром.

Группа влиятельных почитателей творчества Айн Рэнд до недавнего времени вела активное лоббирование Думы и властных структур на предмет включения книг «нашей великой соотечественницы» (Рэнд – эмигрировала в США из России) в обязательную программу средней школы (наряду с Конституцией РФ)¹...

В «Атланте» Рэнд описывает «забастовку капиталистов», которые отказываются жить по социалистическим законам и покидают мир. Это приводит к крушению цивилизации и доказывает, что люди, создающие деловые предприятия, как раз и держат мир на плечах⁹.

Питер Шварц, председатель правления Института Айн Рэнд, определил вклад своей патронессы в развитие американской цивилизации: «Айн Рэнд дает людям основополагающую философию жизни, философию, основанную на разуме. Эта философия учит каждого человека тому, что у него есть моральное право жить не ради других, а ради собственного счастья». Коротко и ясно.

Рэнд попыталась создать свое направление в философии, которое назвала «объективизмом», раскритикованное тут же большинством профессиональных философов, что не помешало этому направлению приобрести популярность в США и по всему миру.

Вот самые основные принципы объективизма:

- Разум - единственное орудие познания и единственное руководство к действию.

- Главная задача человека в жизни - добиваться личного счастья, не жертвуя собой ради других и не требуя жертв от окружающих.

- Капитализм - высшее достижение человечества, а свободное предпринимательство - основа всеобщего счастья и процветания.

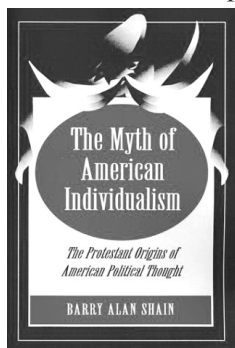
¹ Мямлин К. Айн Рэнд – бардесса либерального капитализма. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.geopolitica.ru/Articles/645/> (дата обращения 25.04.2011).

- Единственная задача государства - обеспечение неприкосновенности частной собственности и прав индивида. Все остальное - узурпация власти.

- Религия, Бог, альтруизм, коллективизм, самопожертвование, беззаветное служение, мистицизм и интуиция - злейшие враги свободного человека, безнравственные препятствия на пути к светлому будущему и прогрессу¹.

- Главный двигатель прогресса - не писатели, не художники, не философы, не поэты, а бизнесмены. Они же величайшие страдальцы современной эпохи.

Боготворящая капитализм и моральный эгоизм версия американского мономифа вовсе не единственная и не неизбежная. Важно,



что этот миф, задавая структуру политического, в США может проявляться в разных обликах. Изначально он не был высоко индивидуалистичным, как не было таковым и американское общество на момент основания США. Автор книги «Миф об американском индивидуализме. Протестантское происхождение американской политической мысли» Барри Алан Шейн показывает, что в момент провозглашения независимости североамериканских колоний в них преобладала совсем другая общинная, коммуни-

таристская модель отношений человека и общества, где на первом месте стояло общественное благо. Лишь начиная с 19 века либеральный тренд, распространявшихся сверху вниз из высокообразованных и приобщенных к европейским ценностям элит, в противовес старому, называемому также общинным или кальвинистским, приступил к борьбе за доминацию в общественном сознании, однако так и не вытеснив окончательно общинный паттерн, особенно в американской глубинке².

¹ Rand A. Atlas shrugged. Boston: Dutton, 1992.

² Rand A., Branden N. The virtue of selfishness: a new concept of egoism. N.Y.: New American Library, 1964.

Именно поэтому в США не только распространились и стали ультрапопулярными идеи Рэнд, что пришлось ко двору финансовой и промышленной элите этой сверхдержавы, но и зародились противоположные коммунитаристские идеи, нашедшие воплощение как собственно в концепциях коммунитаризма, так и в раннем американском популизме. Наиболее яркий представитель такого антииндивидуалистского направления в американской политической мысли XX века - Кристофер Лэш, объединивший социальную критику капитализма и обслуживающих его политических идеологий либерализма и традиционного американского консерватизма с защитой традиционных, семейных и общинных ценностей (за что был ненавидим феминистами и крайне левыми марксистами) и критикой прогресса и прогрессистской идеологии¹.

Базовый мономиф предшествует и коммунитаристскому и индивидуалистическому мировоззрениям, тем более что зачастую они не проявляются в чистой форме, налагаясь в каждом конкретном случае друг на друга по-разному. Его индивидуалистическая версия сильна потому, что именно она, будучи продуктом высокодифференцированных элит, сумела закрепить себя в качестве удобного капиталистическим элитам письменного нарратива, начиная еще с «Федералиста», являющегося базовым текстом для господствующего сейчас понимания американской политической мысли². Важную роль здесь играет поп-культура, в которой миф о сверхчеловеке проявляется в наиболее яркой и красочной формах. Лоуренс и Джуэт назвали такую культурную стратегию по трансляции и закреплению определенного извода американского мономифа «кредотэйментом», объединив понятия *credo* и *entertainment*. Эти авторы подчеркивают опасность поп-фашизма, связанного с использованием мифологических паттернов, которые управляют американским сознанием, «комплекса Капитана Америки», фашизма, который тоже может стать одним из вариантов развертывания мифа о супергерое. В последнее время к этим образам не гнушаются обращаться и известнейшие американские геополитики. Примером может служить недавняя работа Коллина С. Грея «Шериф, защита Америкой нового мирового

¹ *Shain B.A. The Myth of American Individualism: The Protestant Origins of American Political Thought. Princeton: Princeton paperbacks. 1996. P. 17*

² *Lash C. The True and Only Heaven: Progress and Its Critics. N.Y.: Norton, 1991.*

порядка¹». Как указывает А.Г. Дугин, неоконсервативный публицист Роберт Каплан в своей книге «Империя ворчит» также не обошелся без сравнения американских военных, размещенных в разных частях земного шара, с отважными покорителями Дикого Запада².

Призванный нести свет миру «град на холме» стал центром военного могущества, США все активнее ввязываются в новые войны. В этих условиях понимание мифологической модели, которая стоит за вполне рациональными и расчетливыми проектами крайне важно в геополитической оценке происходящих на наших глазах событий. Роберт Джуэт и Джон Шелтон Лоуренс описывают отношение американцев к войне как «мистику насилия», органично вытекающую из лежащего в основе американской культуры ветхозаветного кода³. Интересно, что не обращавшийся ни к мифологическим основаниям американской внешней политики, ни к проблемам культуры и культурного кода, как к основным, знаменитый социолог Чарльз Райт Миллс вскрывает схожее отношение к миру в целом как одной из скреп, объединяющих правящий класс США, еще в 1960-е гг. описав в качестве одной из неотъемлемых характеристик американской властной элиты «военную метафизику», восприятие реальности в целом в духе войны, стремление найти врага и вступить с ним в конфронтацию⁴. Паттерн «супергероя» - это не только смешные комиксы, это гораздо более страшная реальность, с которой человечество вынуждено сталкиваться, не смотря ни на какие заявления из Белого дома. Последний пример с лауреатом Нобелевской премии мира, втянувшим Америку в новую войну – еще одно тому подтверждение.

¹ *Shain B.A.* The Myth of American Individualism: The Protestant Origins of American Political Thought. Princeton: Princeton paperbacks, 1996

² Дугин А.Г. Геополитика. М.:2011. С. 137

³ *Lawrence J.S., Jewett R.* Captain America and the crusade against evil: the dilemma of zealous nationalism. Grand Rapids, Michigan: Wm. B. Eerdmans Publishing, 2004 P.29-31.

⁴ *Mills C.W.* The power elite. Oxford: Oxford University Press, 2000

А. А. Дугин

координатор философского клуба РГГУ

РОЖДЕНИЕ ИДЕИ ИЗ ДУХА ПОЛИТИКИ. ЧЕЛОВЕК И РИСК

Я хотел бы провести определенную линию, которая соединила бы нас с той темой, которую я затрагивал на одном подобном заседании. Тогда я говорил о человеке Запада и том онтологическом ужасе, который он испытывает. Об ужасе субъекта перед омертвевшим объектом, который находится перед его глазами. Я подробно описал, как происходит отделение объектного от субъекта и субъектного от объекта, когда природа изгоняется из человека и человек становится в тотальную оппозицию природе. Когда он это обнаруживает, он понимает, что в природе или в объекте нет ничего субъектного, нет ничего родного, и это - чистое «другое», которое вызывает исключительный ужас. И так как он сам понимает себя в качестве живого, творящего, и полагает все, что им не является, его прямым отрицанием, то объект предстает перед ним в качестве неживого мертвого зла, проклятой материи.

Риск же западного человека, на мой взгляд, связан с тем, что при взгляде на Восток ему становится очевидным отсутствие в этой зоне аналогичного омертвения. Когда они сталкиваются с ее представителями, они чувствуют на себе всю хитрость природы, хитрость мертвого объекта, который их, таким образом, способен атаковать. Этот риск также можно почувствовать, когда представители западной философии начинают анализировать проблематику космополитизма. Так появляется проект по созданию нового, единого языка, для собирания представителей человечества воедино и «создания чего-то нового». Это «собираение» есть ничто иное, как операция по

вычленению из представителей незападного мира природы всего объектного, превращение их в стерильных, безопасных субъектов. Этот же риск фигурирует в ситуации, когда человек Запада обнаруживает бессознательное, то есть фиксирует возникновение новой границы, накладывающей новые объектные риски. Одновременно с этим у субъекта, совершившего это открытие, возникает желание уничтожить область бессознательного, сделать так, чтобы не было ничего, что не проходило бы через его сознание.

Эта ситуация довольно схожа с тем, что сейчас происходит с либерализмом, а точнее, с мифом о нем. Как мы уже говорили, после краха СССР, либерализм перешел в плоть вещей. Это означает, что сознательная политическая и идеологическая программа либерализма перестала быть тем, что утверждается на уровне логоса и стала тем, что уходит вниз, в подпол и работает оттуда. Таким образом, настоящим мифом, настоящим бессознательным американцев сегодня является либерализм. Поэтому сейчас пытаться вести с ним полемику и строить реактивные по отношению к либерализму концепции, каковой мне кажется четвертая политическая теория. Успех таким концепциям может быть обеспечен только в том случае, если они уйдут от необходимости политического взаимодействия. И вся работа, которая будет способствовать продолжению курса Четвертой Политической Теории, должна происходить вне полемики с либерализмом, она должна быть построена волюнтаристски, волевым образом. Но встает вопрос, а на какие риски готовы пойти мы при построении Четвертой Политической Теории? И самым очевидным ответом на него мне кажется программа пяти пунктов Гейдара Джавидовича Джемаля.

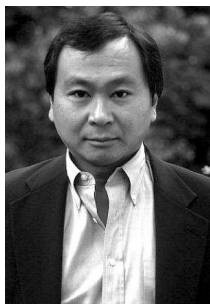
Л. В. Савин

главный редактор портала «Геополитика.ру» и журнала «Геополитика»

БИОПОЛИТИКА И ЭЛЕКТРОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Сегодня феномены, возведенные в тему моего доклада, грозят при определенных условиях превратиться в планетарное явление. Биополитика, между тем - это не ультрасовременное понятие, оно появляется еще в 1911 году. Развитием этой темы занимались многие группы и политические партии. В 1938 году было предложено определение биополитики как смеси политической науки и социологии. Известны также и манифесты по созданию тоталитарного евгенического государства, которое базировалось бы на биологических принципах. Так, нация в этом дискурсе описывается как живой организм, функционирующий в соответствии с биологическими законами, где технолого-биологические качества генетическим образом передаются и воспроизводятся из поколения в поколение. Но были предложены и другие версии этого понятия. Например, Фуко использовал термин «биополитика» в рамках своей теории управленчества. Но биополитика использовалась и в другом ключе; на ее базе выстраивались теории (как, например, концепция Эдварда Дикинсона), которые постулировали биополитику как широкое поле практик от режимов персональной гигиены до кампаний по сохранению общественного здоровья государственного уровня. В компетенцию этой концепции включались программы социального обеспечения, расовая наука, евгеника, демография, психиатрия и психология.

В последнее время биополитика разрабатывается и поддерживается как раз либералами, в частности Френсисом Фукуямой, который в последних своих работах с оптимизмом подходит к планированию

*Френсис Фукуяма*

семей, использованию достижений фармакологии, генной инженерии для улучшения биологических качеств населения. Согласно ему, существует три группы оппонентов, считающих, что биополитика несет угрозу для человечества. Это религиозная группа, группа научных скептиков и философы, которые критически и с опасением относятся к росту технического прогресса.

Электронная демократия и электронное правительство являются двумя самостоятельными направлениями. Электронное правительство ставит себе задачей улучшение, повышение эффективности доступа граждан к услугам государства, а электронная демократия является концепцией использования информационных технологий для расширения электоральных возможностей каждого гражданина. Аналогом этого термина является понятие «сетевая демократия». Чуть ранее западное сообщество было чрезвычайно оптимистично настроено по поводу перспектив внедрения электронной демократии, однако со временем появились мнения, созвучные с позицией американского социолога Лоуренса Гроссмана, который, признавая, что сам факт электорального акта, совершенного посредством моментальных средств связи, невозможно обозначить в качестве «плохого и хорошего», относил его к бескачественному прогрессу. С другой стороны, возникли критические голоса, которые обвиняли электронную демократию в принципиальной нежизнеспособности, связывая этот тезис с тем, что она основана лишь на голом технологическом детерминизме и не учитывает человеческий фактор. Также сомнения вызывали и возможные побочные эффекты внедрения такой системы, в частности, целенаправленное корыстное воздействие на личность пользователя, а также рост манипулятивного потенциала политического маркетинга и обработок общественного мнения.

Наши исследователи отмечают повышенный уровень рисков, связанных с приходом к власти и рычагам управления экстремистских сообществ, как раз посредством использования ресурсов электронной демократии. Короче говоря, в нашем научном поле зачастую электронная демократия ставится в контекст рисков рецидива тоталитаризма.

Семинар № 3

Четвертая Политическая Практика: реализация базовых установок политической теории в практическом плане

ЧЕТВЕРТАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

ЧЕТВЕРТАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА ЖОРЖА БАТАЯ

ФРАНЦУЗСКИЕ НОНКОНФОРМИСТЫ 1930-х

НОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ЛАТЕНТНОГО УПРАВЛЕНИЯ МИРОМ
И БОРЬБЫ С РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬЮ

А. Г. Дугин

д. пол. н., директор Центра консервативных исследований
при социологическом факультете, зав. кафедрой моциологии
международных отношений социологического факультета МГУ

ЧЕТВЕРТАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

Я думаю, что, выбрав такую тему семинара, я реализовал довольно простой замысел. Он заключался в том, что если существует Четвертая Политическая Теория как концепт, как набор концептов, как теоретическое построение, то, соответственно, должна быть и реализация этой политической теории, поскольку любая теоретическая конструкция может или не может при каких-то обстоятельствах быть воплощена в жизнь. То есть, идея была достаточно простая и примитивная - говоря о Четвертой Политической Теории, мы должны подумать о том, как она будет реализовываться. Однако как только я подошел к моменту необходимости сформулировать какие-то предложения о реализации Четвертой Политической Теории, сразу возник определенный сбой. Он возник потому, что Четвертая Политическая Теория на самом деле принципиально стремится порвать с политологической топикой Модерна, а соответственно, и со всеми моделями дуализма имплицитно заложенными в ней. Тогда я нарисовал схему, представляющую собой некоторое распределение того, что можно отнести к теории и, соответственно, к практике в разных областях знаний: науке, метафизике, религии, философии, технологии, и обыденном словоупотреблении. Получилось две колонки, соответствующих «Термину 1» и «Термину 2». То есть колонка, соответствующая «Термину 1», содержит в себе то, что мы относим к теории, а «Термин 2» - то, что мы относим к сфере практики.

Область	Термин 1	Термин 2
Наука	Теория (созерцание)	Практика (вещи)
Метафизика	Принцип	Манифестация
Религия	Миф	Ритуал
Философия	мышление	Деятельность
Технология	Идея (проект)	Реализация (воплощение)
Обыденное словоупотребление	Мысль	Дело

Конечно, само по себе созерцание этих двух колонок могло бы привести нас к многим интересным заключениям, поскольку, начав с того, что в науке есть теория (т.е. созерцание, видение), и есть праксис (термин, образованный от греческого «прагма», т.е. вещь, овеществление, дело). Когда несколько лет назад встал вопрос о том, что такое «вещь» (*res* – отсюда «реальность»), то попытки найти аналог, соответствие этому базовому термину современной философии привели к тому, что аналогов этого латинского слова в греческом языке нет вообще. Есть «прагма», как «дело» и одновременно «действие», то есть, это активный объект, а не то, что мы видим, как нечто законченное. И есть понятие «сущее» Аристотеля, которое потом передается в латинских переводах словом «*res*». Таким образом, слово «вещь» в греческом языке отсутствует, и это очень важно, так как это означает, что отсутствует и понятие реальности. Реальность образована от «*res*», реальность – это свойство «*res*», реальность – это (чье? какое?) – относящееся к вещи, «вещность». Таким образом, на месте латинской «*res*» в греческом языке стоит «прагма», «сущее», «практика». «Прагма» - это дело и вещь одновременно.

Это очень интересно: между «теорией» как созерцанием и действием (праксисом) разворачивается вся греческая метафизика, не доходя до строго латинской субъектности или «вещности», заложенной в понятии «*res*».

Если продолжать развивать этот дуализм, заложенный в вышеуказанной таблице, то мы сталкиваемся с геноновской моделью «принцип-манифестация». Причем манифестация точнее всего соответствует практике, а не то, что было манифестировано; здесь, во втором термине мы видим активность. Далее, если мы углубимся в историю религии и в социологию религии, то столкнемся с функционализмом и социальной антропологией Малиновского, где как раз наличествует данное разделение мифа и ритуала. Напомню изначальное греческое определение мифа: миф - это то, что рассказывается во время ритуала. И в истории религии, и в социальной антропологии дуальность мифа и ритуала является одной из самых базовых, вокруг которой ведутся определенные споры. Далее область философии – «мышление – деятельность» (эта пара отражает примерно ту же картину, что и пара «теория – практика»). Наконец, технология: это совсем простой момент - дуализм проекта и его реализации. Итак, мы имеем две колонки, и если Четвертая Политическая Теория охватывает собой первую колонку «Термин 1», то, соответственно, в разделе «Четвертой Политической Практики» мы должны были бы подобрать некие обозначаемые, или некие концепты, которые охватывали бы область колонки «Термина 2».

Если бы Четвертая Политическая Теория была идеовариацией или комбинацией элементов политических теорий эпохи Модерна, то мы строго так и должны были бы поступить. То есть, если мы создаем дополнительную, из тех же самых элементов собранную, и на той же топике основанную, как и политические идеологии Модерна, мы должны были бы сейчас говорить о колонке «Термин 2». И, в принципе, было бы интересно поступить так, поскольку это было бы очень продуктивно – поговорить о семантических полях, связанных с Четвертой Политической Теорией, применительно к колонке «Термин 2». Но я, тем не менее, оставляю эту задачу другим, и предлагаю пойти совершенно иным путем. Дело состоит в том, что если мы обратимся к сути Четвертой Политической Теории и к тому, какие фундаментальные задачи она перед собою ставит, то мы увидим, что самая главная и самая первая задача Четвертой Политической Теории - уйти от дуализма между субъектом и объектом, между замыслом и реализацией, от той дуальной топики, на которой основывается и философия Модерна, и наука Модерна, и политология Модерна.

Не случайно мы говорим, что субъектом политической теории является Dasein. Dasein как инстанция, которая разрабатывалась, выдвигалась и предлагалась Хайдеггером, как стремление преодолеть субъект-объектный дуализм, то есть стремление найти тот корень, из которого растет онтология. Напомню, что Хайдеггер, говоря о главном экзистенциале Dasein'a, говорил о понятии «*inzwischen*», т. е. «*между*». Dasein есть то, что находится «*между*», это его принципиальное свойство. Dasein - это «*inzwischen*». И если мы говорим о том, что субъектом, центром, базовой инстанцией полюса Четвертой Политической Теории является Dasein, то мы, уже исходя из этого, систему классического политологического дуализма, научной топике и Нового времени и аристотелевских времен, как раз брать не должны.

С Четвертой Политической Практикой мы должны поступить как-то иначе, учитывая критику Хайдеггером процесса построения не фундаментал-онтологии, то есть онтологии как таковой. Хайдеггер говорил о том, что для того, чтобы понять Dasein, необходимо осуществить построение фундаментал-онтологии, то есть той фундаментальной онтологии, которая будет не отрываться от онтических корней Dasein'a и не восходить, сублимироваться и возгоняться до того, что рано или поздно (если мы встанем на этот путь от Платона и даже, может быть, от поздних пресократиков до Ницше) соотносится с общей философской 2000-летней конструкции, которая лежит в основе Нового времени. И в Четвертой Политической Теории мы должны постоянно центрироваться на Dasein'е, как на центре и полюсе этой теории. А что это значит, применительно к практике? Это означает, что Dasein мы не можем квалифицировать ни как теоретический конструкт, ни как принцип. Как миф, нарратив? Может быть, это уже ближе, но это нужно внимательно продумать. Как мышление – точно не можем (по крайней мере, как мышление онтологическое). Мы точно не можем рассмотреть его как идею, или как то, что имеет отношение к субъекту. Соответственно, памятуя об это универсальном и преддуалистическом статусе Dasein'a в философии Хайдеггера, есть предложение обратиться при определении Четвертой Политической Практики к тому, что является корнем, предшествующим этому дуализму. Иными словами, где находится тот, кто нам интересен, кто является центром Четвертой Политической Теории? Он находится

между этими колонками, между «Термином 1» и «Термином 2». Но здесь имеется в виду не их комбинация или золотая середина. Ничего подобного. Золотая середина - это как раз та чепуха, от которой надо все дальше и дальше держаться. Мы должны найти не золотую середину, не примирение этих полярностей в колонке 1 и колонке 2, мы должны найти тот корень из которого растет каждая из этих пар, их общий корень. С точки зрения аналитики Dasein'a, и субъект и объект являются онтологическими конструкциями, вырастающими из онтики «между», «*inzwischen*».

Итак, нас интересует та инстанция, из которой одновременно растет и теория и практика, та инстанция, где теория и практика еще не разделены и тем более не противоположны. Нас интересует та инстанция, где принцип и манифестация совпадают в своих корнях (они не могут совпадать в своих корнях нигде и никогда, и именно это нас и интересует), где миф и ритуал еще не разошлись по разные стороны, где мышление и деятельность представляют собой нечто общее, где идея и есть реализация, а реализация и есть идея, а мысль и дело совпадают в своих истоках. Вот этот промежуточный уровень, который совершенно не достигается путем, например, горизонтального отношения к этим парам, интересует нас в совершенно новом, негоризонтальном измерении. Нас не интересует то, что лежит над горизонтальной линией между теорией и практикой, в отличие от гегельянства, от марксизма и от теории коммуникаций, и вообще в принципе от структуры современного. То, что мы ищем, находится не в горизонтальной плоскости, не в геометрии соотношения этих колонок, не на линии соотношения теории и практики. Нас интересует то, что находится под теорией и практикой, в тех корнях, откуда и то и другое произрастает. С этой точки зрения, постановка вопроса первичности либо сознания, либо материи в советский период является абсолютно идиотской. Приоритетно мы должны заниматься проблемой общего корня и на нем строить Четвертую Политическую Теорию и Практику.

Теперь, выделив эту инстанцию как базовую, мы можем сказать, что Четвертая Политическая Теория является теорией ровно в той же мере, в которой она является практикой, и является практикой в той же мере, в которой она является теорией. Иными словами, если мы нащупываем это «между» в отношении глубины по отношению

к этим двум колонкам, если мы способны схватить геометрию этого политологического, а на самом деле, конечно, философского и метафизического вектора, то мы увидим, как одновременно из одного и того же корня растут эти два древа. И если мы фиксируемся на субъекте Четвертой Политической Теории, то есть на *Dasein*'е или на том, что такое «*inzwischen*», мы понимаем, что оно не находится в области горизонтальных отношений между этими двумя колонками. Почему мы говорим о корнях, а не о кронах, например? Это очень серьезный и глубокий момент, потому что мы должны осуществить редукцию. И если вначале мы осуществим горизонтальную редукцию, получив неудовлетворительные результаты, то потом мы придем к тому, чтобы реализовывать вертикальную редукцию, чтобы двигаться к онтическим корням, а не к онтологическим высотам. Поэтому здесь лучше отложить такие понятия, как дух, небесное измерение, и двигаться скорее в направлении к хаосу и другим, ориентированным вертикально и в глубину, вещам. Ницше поэтому поводу говорил: «Не тогда, когда вода грязна, неохотно вступает в нее нога познающего, а когда она мелка».

Соответственно, как можно попытаться составить представление о том, чем является Четвертая Политическая Практика? - Хотя бы, как минимум, поменять местами эти две колонки. Надо взять практику как теорию, надо взять принцип как манифестацию, мышление как деятельность, идею как воплощение, и мысль как дело. В чем состоит Четвертая Политическая Практика? В созерцании. В чем состоит манифестация Четвертой Политической Практики? В том, что будет проявлен принцип. В чем реализуется миф как ритуал? В том, что он становится теургическим фактом (напомним, что теургией у неоплатоников являлось оживление статуй). Что такое деятельность как мысль? Это представление о магичности мысли, о мысли, способной изменять реальность, о мысли, которая, по сути, становится на место реальности. В технологическом аспекте проекта и его воплощения Четвертая Политическая Практика приводит нас к стихии околдованного мира, антитезе веберовской метафоры. Что такое околдованный мир? Это мир, где между замыслом и реализацией не существует никакой преграды. Это и есть структура волшебного отношения к миру, которая основана на том, что мыслимое и есть единственное, с чем мы имеем дело, а то, с чем мы имеем дело, с чем

сталкиваемся, есть не что иное, как мысль. Какая мысль? Мысль в чистом виде. Носитель Четвертой Политической Теории и Практики живет именно в околдованном мире. Что такое мысле-дело? Это транс-субстанциация, это преобразование духа в тело, а тела - в дух, что является главной задачей герметики.

Итак, мы подошли к тому, что Четвертой Политической Практикой не может быть какая-то грубая реализация Четвертой Политической Теории в предполагаемом ином, по отношению к этой Четвертой Политической Теории, пространстве. Иного пространства, иного топоса, более того, иной топологии, нежели теория в Четвертой Политической Практике, не существует; оно упраздняется, и не в конце, а в начале, еще до того, как мы начали, в предначальном, в предонтологическом контексте. Иными словами, для того, чтобы что-то по-настоящему изменить в том убожестве, в котором мы с вами живем, невозможно смотреть ни вперед (оно не изменится), ни назад, потому что где-то копились и выстраивались те звенья, которые сделали предельную форму вырождения, в которой мы находимся, возможной и существующей. И эти корни совершенно не случайны. Та помойка, в которой мы манифестировались, не является случайной, она имеет под собой глубочайшую логику. В технике, в современности и постсовременности выражена изначальная метафизика, изначальность. И в этом отношении, обращение к Четвертой Политической Практике, как к корням, которые свободны от всего процесса развертывания реальности от замысла до последней точки, в которой мы находимся - это и есть единственный способ заниматься реальной политической борьбой, потому что либо наша политическая борьба является сотериологической, эсхатологической, либо в ней нет никакого смысла.

Последнее. Обратите внимание, на что это похоже: на что похож мир, избегающий всяких дуальностей? Конечно, это похоже на Постмодерн, конечно, это похоже на виртуальность. Современный виртуальный сетевой мир как раз и говорит: это не теория и не практика, это не принцип и не манифестация, это не миф и не ритуал, это не мышление и не деятельность. Виртуальность на самом деле есть не что иное, как пародия на Четвертую Политическую Теорию и Практику. Как ни парадоксально, нам в большей мере близка эта постмодернистская реальность, чем все предшествовавшие топологии, включая

теологические и прототеологические. Виртуальность ближе всего подходит к той уникальной модели Четвертой Политической Теории и Практики, чем какой бы то ни было предшествующий элемент. И в этом отношении мы можем заново поставить вопрос о том, как наш традиционализм или наша новая метафизика соотносятся с Постмодерном. Я полагаю, что соотносятся самым тесным образом. Виртуальность пытается смешать содержательные семантические поля этих колонок на горизонтальном уровне вплоть до неразличимости. Можно сказать, что ризома Делеза – это постмодернистская, постструктуралистская пародия на Dasein Хайдеггера. Более того, эти вещи очень и очень схожи, и по формальным признакам они подчас описываются одними и теми же терминами. Но, обратите внимание, как Постмодерн решает проблему перестановки этих двух колонок местами. Он решает ее на уровне обращения к поверхности, и это самое главное, что мы видим у Делеза. Его трактовка «тела без органов» Арто, его трактовка необходимости слома, сплющивания структуры, его обыгрывание эпидермического плаща человека (кожи), как основы для экрана, на который проецируется изображение. Вот в этой точке пародии Четвертая Политическая Теория и Постмодерн сталкиваются. Если колонки смешиваются на горизонтальном уровне, то возникает деменция, то есть безумие. Здесь применим тезис о том, что Homo Integros, то есть целостный человек состоит из Homo Sapiens и еще из Homo Demens. Делез говорит: «Свободу Homo Demens!». Он говорит, что безумие должно вырваться из-под Homo Sapiens и осуществить трансгрессию между этими двумя колонками в сфере политики. Отсюда «машина желаний», отсюда представления о ризоматических процессах, об ионической и хронической темпоральности.



Жиль Делез

И вот эта деменция Постмодерна, которая так сильно напоминает описание Четвертой Политической Теории, отличается от нее только своей принципиальной горизонтальностью и плоскостью. Таким образом, главной задачей Постмодерна становится изживание любой вертикальной ориентации: как высоты, так и глубины. Заканчивая, можно сказать, что конец времени и эсхатологическое выражение

политики не будет осуществлено само по себе, напрасно мы ждем конца. Если конца ждать, он никогда не наступит, и он никогда не наступит, если его не ждать. Это принципиально, потому что у истории, у времени, у реальности есть специальные стратегии для того, чтобы избежать Страшного Суда, а еще точнее, совершить фигуру реверсивного разворота, которая создаст впечатление, что все одумались, что все осознали, что все все поняли. Это огромный арсенал того, что Хайдеггер называл *Noch Nicht*. Всегда это «все еще не...». Если Четвертая Политическая Практика не сможет осуществить конец времени, тогда она будет недействительной. Конец света должен быть осуществлен, он не приходит сам по себе, это задание, это не данность, это активная метафизика, это практика. И это может быть многообещающим и рациональным разрешением тех энигматических пластов, которые мы затрагивали, говоря о Четвертой Политической Практике.

Библиография

- Дугин А.Г.* Радикальный субъект и его дубль. М.:Евразийское Движение, 2009.
- Дугин А.Г.* Четвертая Политическая Теория. СПб:Амфора, 2009.
- Делез Ж.* Ницше. СПб.: Аксиома, 1997.
- Делез Ж.* Складка. Лейбниц и барокко. М.: Логос, 1997.
- Делез Ж.* Логика смысла. М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая кн., 1998.
- Делез Ж., Гваттари Ф.* Анти-эдип. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.
- Хайдеггер М.* Введение в метафизику. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1997.
- Хайдеггер М.* Ницше и пустота. М.: Алгоритм : Эксмо, 2006.
- Хайдеггер М.* Что зовется мышлением? М.: Академический проект, 2007.
- Хайдеггер М.* Что это такое - философия? // Вопросы философии. - 1993. - № 8. - С. 113-123.

Н. В. Сперанская

начальник московской сетевой ставки ЕСМ,
философ, сценарист, режиссер

ЧЕТВЕРТАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА ЖОРЖА БАТАЯ

В тревожные 1930-е годы во Франции была основана политическая группа, известная как «Контратака». Она представляла собой Союз Борьбы интеллигентов-революционеров и была возглавляемая Андре Бретоном и Жоржем Батаем. Эти политические экстремисты поставили перед собой цель – противостоять единственному своему врагу – фашизму. Манифест 1935 года пестрел от подписей А. Бретона, К. Каю, Ж. Шави, Ж. Батая, Б. Пере, П. Клоссовски, Р. Блена и многих других.

В «Контратаке» были приняты особые эстетически-политические практики, направленные на слияние всех участников союза в единое социальное тело, способное оказать силовое сопротивление противнику. Это был решительный переход от абстракций к конкретике, от многообещающих слов к волевому и насильственному действию.

Сюрреализм вместе со своим отцом-основателем Андре Бретоном неожиданно вышел за границы литературного течения; его вторжение в область политического было незамедлительной реакцией левой французской интеллигенции на события 6 февраля 1934 года, а именно на фашистский путч.

Однако быстро выяснилось, что Бретона, возлагавшего особые надежды на коммунистический режим, постигло разочарование, что послужило причиной разрыва сюрреалистического движения с коммунизмом. Символичной стала пощечина, нанесенная Бретоном члену советской делегации Эренбургу, отпускаяшему в адрес

сюрреалистов самые нелестные замечания. 1935 год поставил точку в вопросе о близости сюрреализма и коммунизма. Бретон начал поиск другого общественного идеала, одинаково чуждого как старым скрижалям не оправдавшего его надежд коммунизма, так и ничтожным ценностям буржуазного мира. Вот здесь и начинается самое интересное.

Основатель сюрреалистического движения оказался в точке пересечения с наиболее опасным своим противником – фашизмом, и это нельзя сбрасывать со счетов. Именно близость с фашизмом и ни с чем иным могла стать своего рода топором, окончательно разрубившим все веревки, что еще связывали сюрреалистов с коммунистической идеологией. Бретон, неизменно ищущий середину, некий центр, в котором снимается конфликт противоположностей, не отступил от своего принципа и в этот раз. «Контратака», основанная в сентябре 1935 разделялась на правый берег – так называемую «Группу Сада» и левый берег – «Группу Марата». Собираясь в театре Барро, революционно настроенные интеллигенты произносили полные героического пафоса речи и распространяли прокламации, таким образом, реагируя на события в своей стране.

После появления листовки, автором которой был философ и писатель Жорж Батай, стало очевидно, что «Союз борьбы» исчерпал себя и необходимо перейти на иной уровень.



Андре Бретон

В статье «Психологическая структура фашизма» такие величины, как Гитлер и Муссолини, представлены носителями той силы, «которая ставит их выше людей, партий и даже законов, силы, которая разбивает упорядоченный ход вещей, умиротворенную, но скучную однородность...» Принимая к вниманию то колоссальное влияние на народные массы, которое оказывала пропаганда фашизма, Бретон вынашивал мысли о сюрреалистической революции, перевороте в Европе, противостоянии фашистскому режиму. Его намерением было воспользоваться фашистской стратегией

для достижения собственных целей. Больше того, можно указать на стремление отца-основателя сюрреализма к созданию своего рода тайного политического ордена. Определенно, Бретон находился под сильным влиянием Жоржа Батая. Последний как раз и осуществил мечту Бретона сразу после распада «Контратаки».

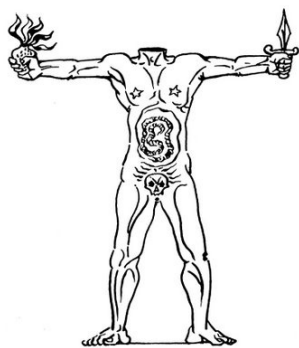
Новый союз говорил дерзкое «нет» как фашизму, так и коммунизму, призывая к революции, к моральной свободе и насилию. Батай практически переступил черту, за которой разница между антифашизмом и собственно фашизмом более не осознается, но понимал ли это сам Батай – вопрос, на который сложно найти ответ. Тем не менее можно утверждать, что Батай, признавая иррелевантность всех существующих политических идеологий, стремился к созданию принципиально новой политической теории. Это было попыткой выйти за пределы всех известных политических парадигм.

Марманд, определяя характер деятельности Батая, употребляет удивительно точное выражение – «политика траты». Она подразумевает собой тотальное самопожертвование, самосожжение, растворение индивидуального начала в сообществе, Едином Социальном Теле. В этом принципиальное отличие новой идеологии Батая от либеральной идеологии, где индивидуум существует как цель и центр. Батай бросает вызов индивидууму, наносит по нему сокрушительный удар, удаляя из политической системы, что означает обретение подлинной свободы; свободы, главным образом, от индивидуальной идентичности.

«Контратака» была всего лишь теорией жертвоприношения, к практике же Батай приступил несколько позже, создав тайное общество «Ацефал».

Во второй половине XX века философ констатировал отсутствие мифа с той же смелостью, с какой Фридрих Ницше оповестил мир о смерти Бога. С отсутствием мифа самое время сказать о той пропасти, что разверзлась меж человеческим «я» и его бессознательным. Карл Юнг видел в этом причину внутренней раздвоенности, приводящей к неврозу. Жорж Батай решил создать свой миф и для этого обратился к своему другу, художнику Андре Массону, с просьбой, которая может показаться весьма странной: «Нарисуй мне безглавого бога – остальное найдешь сам». Массон мгновенно увидел загадочную фигуру, голова которой была расположена на месте

детородных органов; в левой руке безглавый бог держал кинжал, в правой – горящее сердце («не сердце распятого, а сердце нашего учителя Диониса», – поясняет Андре Массон). Живот загадочного бога обратился во вместилище лабиринта, ставшего символом новообразовавшегося союза. Так был рожден Ацефал (букв. «безголовый») и через год ему предстояло стать эмблемой тайного общества, о котором до сих пор ходит большое количество противоречивых слухов. Так кем же было это лабиринтальное, жертвенное (жертвующее?) существо – богом, человеком, сверхчеловеком? За год до возникновения общества «Ацефал», появляется первая весточка от безголового бога – журнал, названный его именем, где Жорж Батай вдруг отказывается от обозначения «бог» (равно как и от обозначения «человек») в пользу другого слова – «монстр».



Ацефал

В своем стремлении разрушить все традиционные этические нормы, своей волей к невозможному, Батай был подобен некоторым гностикам, для которых путь к совершенству заключался в том, чтобы испытать все возможное и даже сверх того. Ритуал человеческого жертвоприношения, принятый в обществе «Ацефал» имел целью избавить всех его участников от личностного «я» ради полного Единения, так сказать, до создания *Одного Существа, Единого Организма*, рожденного из энергии страсти и смерти. Жорж Батай, одержимый этой идеей, пытался познать смерть в этой чудовищной, на сторонний взгляд, мистерии. Батай утверждал, что объединить людей способно только нечто трагичное (например, тревожное обещание смерти), а потому любое сообщество людей он считал по сути своей трагичным. Именно трагедия в понимании Батая позволяла субъекту отождествить себя с умирающим героем и вместе с ним познать «смерть при жизни». В эссе о Гегеле Батай сближает понятия трагедии и жертвоприношения, упоминая о состоянии священного ужаса. Зная, что Батай был живым воплощением трансгрессии, можно полагать, что ради попадания в лабиринт он готов был отсечь голову. Как свою, так и голову

одного из посвященных, предназначенных для жертвоприношения. Есть версия, что члены кружка Ацефал не совершили ни одного реального жертвоприношения, так как все готовы были стать жертвой, но никто палачом.

В том же эссе есть слова: «В ясном сознании чувство греха связано с идеей смерти, и таким же образом чувство греха связано с удовольствием. В самом деле, человеческое удовольствие не возникает без нарушения какого-либо запрета».

Помимо ритуала жертвоприношения в тайном Обществе «Ацефал» были приняты и другие ритуалы; по причине молчания участников союза, о них известно немного, однако некоторые из них мы можем кратко обозначить. Члены общества не подавали руки анти-семитам, праздновали день казни Людовика XVI на пл. Согласия. Мишель Сюриа сообщает, что Батай никогда не пренебрегал ежедневным кулинарным ритуалом (котлета из конины на обед). Еще одним, пожалуй, загадочным ритуалом была поездка членов общества на станцию Сен-Ном-ла-Бретеш (во время пути полагалось медитировать, не сообщая никому о своих ощущениях), откуда каждый из них в полном одиночестве шел к упавшему дереву (символ внезапно наступившей смерти) и жег серу (алхимический принцип мужского начала и духа).

Фактически Жорж Батай отвергал саму идею единства, человек для него характеризовался, прежде всего, своей «разорванностью»; снятие конфликта, таким образом, попадало под категорию «нечеловеческого». Батай старался умозаключать, находясь «по ту сторону», но, обнаруживая противоположности он, в отличие от одного из своих оппонентов, Андре Бретона, не примирял, а сталкивал их, вследствие чего гармония была невозможна. Здесь можно вспомнить несчастное сознание из «Феноменологии Духа» Гегеля. Стремление найти ту точку, в которой противоположности сходятся, Батай, ярый противник идеализма, объяснял тоской по утраченным идеалам. Предсмертный экстаз, озаряющий своим гибельным светом, преобразовал, по мнению Батая, лицо уходящего из мира человека. Он видел его как «свет смертной неизбежности», сравнимый разве что с сиянием солнца. Для Батая «природа смерти неотличима от природы света». И свету смерти, и свету солнца чужда бережливость, оба тратят себя в неистовом порыве, являя свое могущество. Покидая этот

мир, человек сливается с Вселенной, как с зеркалом света. Подобным же образом участники жертвоприношения, по замыслу Батай, освобождались от индивидуального начала и сливались с макрокосмом. «Жертвоприношение поставило жизнь на высоту смерти, оно стало наглядным примером безрассудного переизбытка траты», — писал Батай.

Насилие, о котором говорил философ, отличалось от насилия фашистского. Если последнее подразумевало тотальное уничтожение Другого, то насилие, принятое в обществе «Ацефал» имело место лишь при добровольном согласии, иными словами, оно было направлено на жертву, готовую к уничтожению. Чаще всего участники общества вели войну с самими собой, следовательно, их насилие выражалось в самоистреблении при «влечении к смерти».

Принимая концепцию Гераклита, Батай воспринимал войну как первоначало бытия. Войну он неразрывно связывал с жертвоприношением, гигантской тратой, по большому счету чуждой экономическим и национальным принципам. Желая разрушить фашистский политический миф, Батай идет против структуры политической организации, в которой фигура вождя, фюрера является главной. Главу или голову он предпочитает отсечь. Люди больше не должны были объединяться вокруг главы. Я приведу цитату из фундаментного текста «Пропозиции», который был опубликован во втором номере журнала «Ацефал»:

«Демократия зиждется на нейтрализации относительно слабых и свободных антагонизмов; она исключает любое взрывчатое сгущение. Моноцефальное общество возникает из свободной игры естественных законов человека, но всякий раз, когда это вторичное образование, оно являет собой удручающую атрофию и старческий маразм.

Единственное общество, полное жизни и силы, единственное свободное общество — это би- или полицефальное общество, дающее фундаментальным антагонизмам жизни постоянный, но неограниченный взрывной выход в самых богатых формах.

Двойственность или множественность голов как бы воплощает одновременно безглавость жизни, так как голова основана на сведении всего к единству, сведении мира к Богу».

В экзистенциальном экстазе, в соприкосновении с нуминозным происходило принесение в жертву своего «я». Это расценивалось Батаем как проявление подлинной власти, присущей индивиду. Он был властен растратить себя, принести в жертву. Батай был твердо убежден, что «Власть существует лишь растрачивая себя». Он полагал власть атрибутом тех, кому приходится дорого за него расплачиваться; на кон при этом ставилась собственная личность. Мы имеем парадоксальную формулировку: коронация есть начальная стадия жертвоприношения. По Батаю, власть — это не только возможность убивать, но не в последнюю очередь и возможность быть убитым. Отсюда и суверенная власть была лишь тенью суверенности. Подлинным сувереном Батай называл человека трагедии. Трагедии, ибо сама власть трагична (преступна), неподчиняема. Мы знаем, что Батай придерживался концепции абсолютного суверена, наделенного абсолютной свободой и имеющего право на смерть. Снова гегелевский мотив. Он лишен страха смерти, ибо не проектирует себя в будущее время. Суверен Батая трансгрессивен, ибо воспринимает границы, как то, что необходимо нарушить и преодолеть, для него не существует никаких запретов. Сакральное Батай разделяет на «левое» и «правое», и утверждает, что все сакральные объекты, «как политические персонажи, регулярно преобразуются только из левых в правые». Это в частности справедливо и по отношению к власти. Власть начинается с трансгрессивного акта, с нарушения запрета. Суверен, по Батаю, сражается не с какими-то конкретными врагами, а с обществом, вернее, с гетерогенными его элементами, для этого заручаясь помощью гомогенной части общества. Суверенная власть имела садистский характер, но была «выходом в ослепительную чистоту». Как замечает Мишель Сюриа: «Смерть или опустошение, которую национал-социалистические и фашистские диктатуры принесут с собой, служит завоеванию. Но та смерть, которую призывает Батай

*Жорж Батай*

- призывает на себя и на тех, кто вместе с ним разрабатывает идею сообщества, - лишь только та смерть экстатична, ибо только она лишает всего, только она разоряет».

Актор политической деятельности как носитель индивидуального начала уступает место актору политико-религиозной деятельности, субъекту, вышедшему за рамки индивидуального. Девизом общества Ацефал, созданного по примеру рыцарского ордена, стали слова «Мы свирепо религиозны!» Важно подчеркнуть, что «Ацефал» объявил фашизму священную войну и первым решительным действием стал выход Второго номера журнала, который был полностью посвящен Ницше. Батай вознамерился вырвать его из рук фашистов, вполне успешно приспособивших его философию под свои нужды. Батай решительно опровергает связь Ницше с фашизмом, раскрывая суть фальсификации, порожденной хитрыми замыслами сестры философа, его кузена Рихарда Елера и человека, имевшего доступ к Архиву Ницше.

«Война интересует меня как средство тревожного созерцания», — признается Батай. В царстве необходимости, то есть, в нашем мире, существует три типа людей:

1. «Вооруженный громила», правящий с помощью насилия, не признающий никакого внутреннего конфликта и относящийся к смерти как к «средству для внешнего применения».

2. «Трагический человек», который подвергается воздействию жестоких сил и противоречий, находясь во власти абсурда природы и общественных отношений. Он не видит иного выхода, кроме преступления. Его особенность в том, что «трагический человек» никогда не может быть поработен, ибо несет в себе «реальность глубин человеческого существования». Дух трагедии тяготеет к утверждению, созданию своей империи.

3. «Человек закона и слова», часто принимаемый за «человека комедии». Как правило, он быстро оказывается на службе у человека первого типа.

Батай высказывал мысль о необходимости появления сообществ избранных, что призваны стать строителями империи, которые бы знали ради чего стоит жить и ради чего стоит умирать. Это было бы «обществом заговорщиков», трагичным обществом, а трагедия, как известно, имеет своим истоком дионисийские братства. «...мир

трагедии – это мир вакханок, – рассказывает Батай. – Кайуа говорит также, что одной из целей «тайного общества» является достижение коллективного экстаза и смерти от пароксизма. Империя трагедии не может быть реальностью подавленного и угрюмого мира». И совсем поразительна фраза: «В конец концов, империя будет принадлежать там, кто будет так разбрасываться жизнью, что полюбит смерть». Субъектом истории новой политической идеологии Батай становится не индивидуум, как в случае либерализма, ни класс и даже ни государство (или раса), как в коммунизме и фашизме, но трагическое сообщество. Именно это Трагическое Общество мы можем рассмотреть как еще одну кандидатуру на роль субъекта в Четвертой Политической Теории, а проживание имперской трагедии как форму ее практической реализации.

Прообразом этого общества был тайный союз «Ацефал». Не следует забывать, что он имел отношение не только и не столько к политической области, сколько к области религиозной, ибо главной целью Жоржа Батай было создание новой религии.

В июле 1937 года в журнале «Ацефал» появляется «Заявление об основании «Коллежа Социологии». Первое заседание прошло 20 ноября. Был прочитан доклад Батай и Кайуа «Социология сакрального и отношения между «обществом», «организмом» и «существом». Возникновение Коллежа началось с категорического отказа от политики и литературы, – единственным ориентиром признавалась наука, а если говорить точнее, та наука предметом которой был «отталкивающий аспект сакрального» (или как говорил Монро, «жгучие сюжеты»). Иными словами, был сделан шаг ЗА пределы философии познания.

Основатели Коллежа Социологии, солидализируясь с «сюррационализмом» Гастона Башляра (кстати, учителем Жильбера Дюрана), избрали иной метод – неосторожность. Необходимо мыслить опасно, сделать ставкой свой собственный разум, ибо «риск разума должен быть всеобщим». На познание не существует никаких запретов. Мышление – это довольно опасный процесс. Мыслить – значит рисковать, так как в «царстве мысли неосторожность является методом». Продолжая исследования таких известных социологов, как Эмиль Дюркгейм, Люсьен Леви-Брюль и Марсель Мосс, члены

Коллежа Социологии ставили перед собой непростую задачу – исследование сакральных феноменов, а также осмысление связи природного и общественного мира. Роже Кайуа утверждал, что регенерация сакральных явлений была, пожалуй, фундаментальной целью основателей Коллежа. К сожалению, приходится признавать, что внутри коллектива имел место неразрешимый конфликт: столкновение различных точек зрения на проект «сакральной социологии» в конечном счете стал причиной раскола. Мишель Лейрис предлагал устранить всякую двусмысленность и продолжать исследования в рамках официальной науки, что шло вразрез с планами как самого Батая, так и его друга Роже Кайуа. Коллеж Социологии должен был объединить конгениальных друг другу личностей, видевших свою задачу в сакрализации социологии, возведении этой науки в статус сакральной доктрины. «Правому» Сакральному аспекту фашизма, основанному на воле к власти, подразумевающему имперскую идею, Батай противопоставил «левое» Сакральное, связанное с тайными обществами, религиозной властью и суверенитетом трагедии. Символ первого – топор палача, ибо это власть убивающего. Символ второго – крест идущего на казнь, ибо это власть погибающего.

«Ни демократия, ни фашизм – тайное общество», – таков принцип Коллежа Социологии. Его участники намеревались осуществить сразу три проекта – научный, художественный и политический. Им это не удалось, но нас главным образом интересует пройденные этапы, сам процесс, а не конечный результат, поскольку Коллеж, по замечанию Олье Дени, находился в поиске некоего четвертого пути и представлял собой, таким образом, историческую префигурацию Четвертой Политической Теории, включая ее практическую реализацию – чем мы с вами собственно и занимаемся.

Библиография

Батай Ж. Влечение и отвращение. Социальная структура. / Олье Д. Коллеж Социологии. СПб., 2004. С.110-114.

Батай Ж. Проклятая часть: сакральная социология. М.: Ладомир, 2006.

Баиляр Г. Избранное. Научный рационализм. Книга света («Прикладной рационализм» и «Рациональный материализм»). Т.1. М., 2000.

Баиляр Г. Поэтика пространства М.: РОССПЭН, 2004.

Введение в эротическую философию Жоржа Батая. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

Магнитные поля, Надя; Второй манифест сюрреализма. // Антология французского сюрреализма 20-х годов. М.: ГИТИС, 1994. - С. 12-60, 190-246, 290-342.

Поэзия французского сюрреализма. - СПб.: Амфора, 2003.

Breton André. Le Surréalisme et la peinture. P., 1926

А. А. Кузнецов

к. п. н., научный сотрудник РИСИ

ФРАНЦУЗСКИЕ НОНКОНФОРМИСТЫ 1930-Х

Говоря о Четвертой Политической Теории и Четвертой Политической Практике, нельзя обойти вниманием такое явление во французской предвоенной политической мысли 30-х годов прошлого века, как персонализм. К данному движению принадлежали молодые французские интеллектуалы Робер Арон, Арно Дандье и Даниэль Робс. На начальном этапе развития этого молодого движения к нему также принадлежал молодой католический философ Эммануэль Мунье, позже отошедший от персоналистов. Это было связано с его религиозной позицией, так как он хотел внести в движение христианские ценности, в то время как его соратники настаивали на том, что это движение должно быть открытым для всех, вне зависимости от того, являются ли они верующими или атеистами. Нельзя обойти вниманием влияние, которое стало одним из важнейших столпов учения персоналистов. Это идеи французского католического мыслителя Шарля Пегги. Это был достаточно интересный человек, поэт-литератор, начавший свою общественную деятельность со статуса активиста социалистической партии (конец XIX века), но в 1908 году произошел переворот в его мировоззрении, и он стал истинным верующим католиком, визионером, одновременно продолжая исповедовать строго антикапиталистические взгляды. От социалистического движения он отошел из-за неприязни к партийной коррупции и удаленности элиты этого движения от чаяний и желаний масс. Кроме того, он был убежденным французским патриотом, националистом, пошел добровольцем на фронт Первой мировой войны и был там убит. В современной Франции он даже считается, в некоторой степени, национальным героем. Возвращаясь к персоналистам

необходимо отметить, что эти молодые интеллектуалы отстаивали первичность личности, персоны, противопоставляя ее индивидууму. Индивид, по их мнению, являлся абстрактным понятием, не отражающим всю полноту феномена человека. А личность, согласно их позиции, является конкретным полем для борьбы между добром и злом в человеке, которое несводимо к экономическому, политическому или социальному измерению. Эта группа обладала высокой философской компетенцией, позволявшей им полемизировать с Гегелем, который считал личность во многом отражением абстрактного Абсолютного Духа. В споре же Гегеля с Кьеркегором персоналисты, конечно, были на стороне Кьеркегора, который считается отцом экзистенциализма и писал об уникальности личности и ее несводимости к чему-то иному.



Пьер Джозеф Прудон

Точно так же в споре между Марксом и Прудонем персоналисты встали на сторону Прудона. Прежде всего, их замечания по отношению к марксизму заключались в гипертрофировании последним фактора экономики. Они были не согласны с позиционированием экономики, как фундаментом культуры и общественной жизни. Оставаясь представителями радикально антибуржуазной политической мысли, они, тем не менее, рассматривали вопрос экономического освобождения, постулируя его в качестве полного освобождения личности. На них также значительное влияние оказал и багаж анархических идей Прудона. В этой связи их идеалом был федерализм, социум, как федерация неких самоуправляющихся общин. Община подразумевала введение процедур прямой демократии, в отличие от парламентской демократии, где выбор максимально отчужден от человека. Почему персоналисты попадают в контекст Четвертой Политической Теории? Наряду с критикой капитализма и гуманизма они критиковали и большевистский коммунизм, который они воспринимали не как альтернативу буржуаз-

ному обществу, а как другую сторону его медали. По мнению ряда историков, большевизм способствовал радикальной секуляризации буржуазного общества и его мутации в сторону большего приспособления.

Поскольку мысль персоналистов носила строго антибуржуазный характер, они не могли не предложить альтернативу капиталистической системе. В 1930-е годы был чрезвычайно актуален «рабочий вопрос», положение рабочих, пролетариата. Для улучшения положения этого класса они предлагали возродить ремесленнические цеха и корпорации, поручив им самую сложную и творческую физическую работу. Вся же нетворческая и тяжелая физическая работа должна была быть равномерно распределена между всеми членами общества. Наконец, они выступали за развитие машинной техники, за механизацию и автоматизацию для облегчения труда человека. В качестве органа пропаганды и публикации их идей служил журнал «Новый порядок». Национализм полагался ими в качестве изжившего себя свойства мелкой буржуазии и мелкобуржуазного комфорта. К тому же они не были антисемитами, оппонировали фашизму и нацизму. «Новым порядком» они считали идеальное, утопическое общественное устройство, противоположное буржуазному социуму, который рассматривался ими как «организованный беспорядок», или «организованное беззаконие».

Также известен документ 1933 года, который персоналисты создали через несколько месяцев после прихода к власти в Германии НСДАП. Это открытое письмо к Гитлеру, содержание которого сводилось к тому, что режим НСДАП не является ни национальным, ни социалистическим, но этатистским и капиталистическим. Персоналисты прямо говорили, что они разделяют борьбу Гитлера против материализма и при этом совершенно не являются его сторонниками, так как принципиально не могут одобрить ту диктатуру и религию труда, которую он установил в рамках Германии. И, конечно, персоналисты резко возражали против распространения биологической расовой теории в качестве господствующей. И эти парижские интеллектуалы-персоналисты были первыми, кто понял среди общего безразличия к зарождению национал-социалистического

государства на территории Европы, что этот режим грозит большой бедой. Они прямо говорили о том, что Гитлер и его режим с большой долей вероятности спровоцируют большую войну в Европе.

Библиография

- Бердяев Н.* Персонализм и марксизм, «Путь», 1935, № 48.
Мунье. Э. Манифест персонализма. М.: Республика, 1999.
Лакруа Ж. Избранное: персонализм, М., 2004.
Вдовина И. С. Французский персонализм (1932-1982). М., 1990.
Кузнецов В. Н. Франц. Персонализм/ Современный объективный идеализм. М., 1963.
Stern L. W. Person and Sache. Lpz., 1906.
Bowne B. P. Personalism. L.- Boston-N. Y., 1908.
Flewelling R. T. Creative personality. N. Y., 1926.
Knudson A. C. The philosophy of personalism. N. Y., 1927.

В. Э. Багдасарян

д. и. н., профессор, декан гуманитарного факультета РГУТиС

НОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ЛАТЕНТНОГО УПРАВЛЕНИЯ МИРОМ И БОРЬБЫ С РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬЮ

Попытаемся проанализировать, какой конкретной политической практике противостоит Четвертая Политическая Практика. Стратегически это выглядит следующим образом: традиционное общество: жесткое противопоставление добра и зла; далее между добром и злом стираются границы, устанавливаются принципы релятивности, когда становится неочевидным, где добро, а где зло. В результате этой подмены утверждается зло под маской добра. Здесь мы выходим на эсхатологические вещи. Смена исторической парадигмы латентного управления человечеством видится мне следующим образом: происходит виртуализация управления. Первоначально это управление физическое (либо убьет, либо подчинит физически). Далее, управление материальными ресурсами (в поле этого дискурса писал Карл Маркс). Затем следуют деньги, и здесь высшая точка - ямайская валютная система и право эмиссии, которые становятся правом фактического управления. Постепенно мы подходим к этапу, когда информация становится главным управляющим ресурсом. На этой стадии высшей точкой является индивидуальный информационный код; отключая его, мы отключаем и существование человека. Далее, в перспективе ставится вопрос управления душой, переформатирование генкода и управление генами человека, что означает абсолютную власть над человеком в принципе. Здесь мы выходим к тому, что Постмодерн смыкается с Четвертой Политической Теорией в этой виртуальной точке. Так мы исследуем это поле эсхатологического противостояния.

В 70-е гг. происходит незаметная управленческая эволюция от субъект-объектного управления к управлению через формирование контекста. Формируется контекст, формируется среда, то есть, управляемый полагает, что он принимает решения самостоятельно, когда в действительности все решения приняты за него извне. Традиционная модель управления - это метафора «удочки»: субъект-объектное управление, бюрократические инстанции. Она менее порочна, поскольку любая бюрократическая инстанция может отказать. Далее, управление через «сеть» (когда сеть опутывает управляемого). Эту же эволюцию мы видим в технологии управлении войной. Войны традиционного типа – это управление боевыми единицами. Далее мы переходим к управлению государственными системами, где включаются и экономика, и идеология, и многие другие социальные ресурсы. В итоге мы выходим на войны принципиально нового типа, когда война имеет планетарный характер, когда границы войны и мира стираются, и война приобретает характер перманентного свойства. Сейчас мы наблюдаем на примере Ливии, что войну можно поставить как спектакль, войны может не быть, но в постмодернистском дискурсе она может состояться.

Технологические модели разрушения государственности. Традиционная модель – это модель лобовой атаки. Показателен дискурс, который возник после Второй мировой войны, говорящий о том, что Советский Союз завоевать прямым образом невозможно. Значит должно обратиться к анализу: можно ли его завоевать через разрушение каких-то не силовых потенциалов. Следующая модель - это как раз воздействие на эти не силовые потенциалы, то есть, воздействие на человека, на его скрепы и разрушение всей системы. На период распада СССР Организация Варшавского договора превосходила НАТО по боевому потенциалу. Советский Союз по некоторым экономическим параметрам догонял и превосходил США. Значит, причина гибели СССР заключалась в чем-то другом, не в факторах силового профиля, а в факторах иного порядка.

Проанализируем, как действуют эти технологии по разным сферам преломления. Рассмотрим тезис, что материально-социальное определяет показатели репродуктивности. Со времен Мальтуса известно, что через воздействие на психологическое состояние человека путем пропаганды можно управлять демографией, способствуя

рождаемости или понижая оную. Сам Мальтус говорил о необходимости для Британской империи воздействовать на показатели рождаемости в других странах. Отсюда идея планирования семьи. Это Киссинджер, и соответственно 1974 год, проект и вывод комиссии о том, что национальная безопасность США зависит напрямую от темпов рождаемости в странах третьего мира. Это Клинтон, который заявил, что США будут поддерживать программы планирования семьи. Почему до 1998 г. в России был демографический кризис? Потому что до 1998 года эта программа политически поддерживалась и финансировалась РФ и США.

Мы можем констатировать рукотворный характер демографического кризиса в России; когда мы видим некоторый демографический упадок, мы замечаем, что он связан с факторами пропаганды: начало сексуального просвещения в школе «Этика и психология семейной жизни» (1983), пропаганда сексуальной культуры в СМИ (1987), принятие федеральной программы планирования семьи (1994) и, как следствие, сбой благоприятного вектора. По прогнозам ООН Россия будет занимать 18-е место в мире по количеству населения. Дело заключается именно в психологическом тоне. Российский показатель самоубийства на 1 тыс. человек беспрецедентен, и говорит о том, что психологически российское население сильно поражено. Еще один индикатор – это наука. Номинируются определенные научные истины, то есть происходит монополизация научной истины, которая сегодня выше, чем была в СССР. В результате недостаточного финансирования науки в России почти 50% заработка ученых, которые работают в академических институтах, составляли зарубежные гранты и программы. Именно эти программы занимают сейчас монопольное положение и определяют учебный процесс.

Влияние СМИ на создание фантомов. Есть взаимосвязь между количеством статей о терактах и количеством терактов. Отметим, что рост статей о терактах появлялся значительно раньше непосредственно событий, что можно охарактеризовать как разогрев. Так, с 1938-1941 гг. в газете “Times” возрастает количество слов о войне, затем начинается спад, что говорит об управляемости процесса. Соотношение динамики публикаций про русский фашизм и динамика преступлений на национальной почве: снова рост публикаций начался раньше роста преступлений. Эта тема разогревается

искусственно, вслед за чем следует физическое воздействие. Индекс развития человеческого потенциала также формируется произвольно. Парадокс в том, что страны с высокими показателями по этому индексу, лидируют по самоубийствам, по коэффициентам преступности и т.д. Индексы формируются, например, индекс восприятия коррупции у Грузии более положителен, чем у России, что влияет на инвестиции и многое другое. Идентичность также формируется пропагандистским путем. Только 25% россиян идентифицируют себя со страной, и более половины - с локальным местом жительства.

Система национальной безопасности России сосредоточена на фигуре президента, в то время как США используют более гибкую структуру, где есть множество аналитических агентств. Модель постиндустриального общества, пропагандируемая ИНСОМ: глобальный сервис, снижение индустриального фактора. Однако, фактически, мы не видим деиндустриализации, наоборот, доля индустрии в мировом ВВП возрастает (Китай, Индия). Как только концепт постиндустриального общества был анонсирован, США начинают промышленное ускорение, а в России - промышленный спад. Вокруг Запада формируются «банановые республики», «сырьевые республики», «сборочный цех». Это неоколониальные модели, объединенные дискурсом о постиндустриальном обществе.

Есть ли надежды что-то изменить? Они связаны с изменением идеологических установок правящих партий. Доля либералов у власти снижается, заметно увеличение консервативных партий. Современное идеологическое развитие Запада определяется идеологиями национальной идентичности, универсализма. В России же существует конституционный запрет на официальную идеологию, несмотря на то, что 91% россиян считают необходимым для страны иметь свою идеологию. Попытаемся создать идеологическую карту мира в Средние века. Там есть полюса мировых религий. В эпоху Модерна преобладают светские идеологии, слабо связанные с религией. В эпоху Постмодерна, несмотря на господство либеральных ценностей, главным трендом является формирование проектов. Так, *Rex Americana*, идеология европеизма, идеология боливарианского социализма, идеология индийской духовной альтернативы, идеология

китайской национальной самобытности или китайской глобализации, идеология японской национальной самобытности, идеология восстановления исламского халифата.

Возвращаясь к метафизическому вопросу: «А можно ли переиграть дьявола?» Играя по правилам дьявола, переиграть дьявола невозможно; конкурируя в торговле с торговой цивилизацией, мы обречены на провал. Поэтому надо принципиально изменить правила игры. Именно в этом мне видится путь формирования Четвертой Политической Теории.

Семинар № 4
Гендер
в Четвертой Политической Теории

ГЕНДЕР В ЧЕТВЕРТОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

ИДЕАЛЬНЫЙ МУЖЧИНА И ПАТРИАРХАТ ВТОРОГО ПОРЯДКА

ПОТЕНЦИАЛ ФЕМИНИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ В УСЛОВИЯХ ПОСТМОДЕРНА

А. Г. Дугин

д. пол. н., директор Центра консервативных исследований
при социологическом факультете, зав. кафедрой социологии
международных отношений социологического факультета МГУ

ГЕНДЕР В ЧЕТВЕРТОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Для начала давайте проанализируем, какая гендерная установка характерна для трех политических теорий, соответствующих Модерну. Если мы внимательно посмотрим на то, с какой нормативной фигурой оперирует и социализм, и либерализм, и национализм, и в значительной степени различные формы того, что принято называть третьей политической теорией – фашизм, национал-социализм, мы заметим некоторую особенность, которая составляет специфику классического понимания гендера во всех политических теориях Модерна. С одной стороны, это не самобытность самого Модерна, поскольку Модерн здесь следует традиционному европейскому обществу (еще премодернистическому, христианскому), которое в первую очередь было патриархальным. И до христианства оно также было патриархальным, до тех незапамятных времен, которые изучал Бахофен в Средиземноморье в своем «Материнском праве» (Johann Bachofen «Das Mutterrecht»). Иными словами, за Модерном, за гендером Модерна стоит западный, или мировой, патриархат. Этот патриархат повлиял на гендерную структуру Модерна и политическое

понимание гендера Модерна. Но на самом деле в окончательной формулировке гендерного норматива в политических теориях Модерна этот патриархат претерпел определенные видоизменения.

Отметим, что гендером принято называть социологический пол, пол как общественное явление. В отличие от анатомического пола, присущего животным, гендер – это социальная конвенция, которая может меняться от общества к обществу. В тоже время, политический гендер – это тот социальный норматив, который утверждается в качестве императива на основании политической силы. Так, в архаических обществах только прошедший инициацию может считаться мужчиной, в противном случае, он не имеет социального пола, т.е. гендера, и лишен мужских социальных функций (вступления в брак, участия в охоте и ритуале). В зависимости от общества меняются требования и гендерные установки. Например, в некоторых рабовладельческих обществах рабы не отождествлялись с мужчинами, на них надевали женские одежды. Рабов использовали в качестве женщин, поскольку у них не было социального статуса мужчин. Отсюда проистекает и феномен кастрации – лишение физических атрибутов мужчины наравне с социальными. Поэтому гендер – это явление социальное и политическое. Политическое, поскольку мы имеем дело с управлением социальными нормативами, регулируемые обществом: общиной, полицией, и отступление от которых приводит к различным санкциям.

Применительно к трем политическим теориям Модерна зададимся вопросом: «Кто является политическим человеком, каков политический гендер?» Во-первых, человеком является мужчина. В то время как с социологической точки зрения, женщина стала человеком совсем недавно, и до сих пор остро встает вопрос политических прав женщин. С точки зрения Модерна, женщина – не человек. Человеком может являться только мужчина, однако не каждый мужчина, а особый социальный мужчина. Свойства настоящего мужчины: наличие денег, состоятельность (до конца 19-го века в Европе имущественный ценз являлся необходимым свойством гражданства, т.е. политического гендера), рационализм/разумность (расчетливость), горожанин (крестьянин не считался зрелым в социально-политическом значении). Так, на выборах в первую Государственную думу в 1905 г. голос одного горожанина приравнивался к голосу 100 крестьян.

В Модерне крестьянин - это еще не совсем человек. Еще один признак – взрослость, возраст. Эти социально-профессиональные и возрастные категории входят в понятие гендера и гендерных функций. Последним свойством мужчины является также принадлежность к европейской цивилизации, или белый цвет кожи. Все вместе это и есть политический мужчина, *l'home politique*, с антропологической точки зрения.

Такая гендерная установка является осью для всех трех политических идеологий Модерна. Однако внутри этих идеологий есть расхождения по отношению к этой фигуре мужчины. Наиболее «мужчино-утверждающей» теорией является либерализм, поскольку рассматривает эту фигуру рационального, богатого, взрослого белого мужчины как норматив и естественное явление. Либерализм канонизирует этот гендер и возводит его в норму, стремясь этернизировать эту буржуазную социальную систему, характерную для 18-19 вв. Либерализм констатирует фактичность этого гендера и проецирует его на будущее: «Современный мир построен мужчинами, задуман и предвосхищен мужчинами и будет принадлежать мужчинам, *hommo economicus, homo faber*». Такое понимание гендера претерпевает со временем изменения: зона гендерного мужчины увеличивается, этот нормативный архетип начинает включать в себя крестьян, бедных, женщин, а потом и не белых. Как происходит этот механизм на примере женщин? Женщинам начинают приписываться нормативные свойства «мужчины»: бизнес-леди это женщина, которая манифестирует мужское качество, женщина – горожанка, женщина – белая. Таким образом, женщина начинает мыслиться как мужчина. Так, либеральный феминизм или стремление дать женщине свободу означают социо-политически уравнивать и отождествить женщину с мужчиной, т. е. представить себе социально женщину как мужчину. Такая же процедура, представить крестьянина как горожанина, небелого как белого, бедного как богатого, глупого как разумного. Женщина, которая садится за руль, это мужчина или карикатура на мужчину. Однако, как бы либерализм не расширял свое влияние, в гендерном смысле он остается привязанным к своему архетипу.

Вторая политическая теория стартует с того же положения, что гендер – это буржуазный политический мужчина. Но при этом такая ситуация критикуется, и высказывается необходимость изменить эту

установку. Отсюда возникает идея тотального равенства, в том числе гендерного. Понятие гендерного равенства во второй политической теории качественно отличается от понимания равенства в первой политической теории. Феминизм, или же эгалитаризм полов в марксизме, полагает, что и мужчины и женщины, которые ангажируются в марксистскую идеологию, по сути, перестают быть мужчинами и женщинами, которые конституируют нормативную и императивную гендерную пару либерализма. То есть мы видим желание выйти за рамки гендера в буржуазной трактовке. По сути, мужчина здесь утрачивает свою рациональность. Так, венгерский философ-неомарксист Дьердь Лукач говорил, что «пролетариат - это тот, в ком субъект и объект совпадают». Исходя из такой постановки, последовательные марксисты призывают к безумию, к шизофрении, к шизомассам, как у Делеза. Они делают ставку на бедных горожан, на пролетариев, которые никогда не смогут стать полноценными буржуа, они обращаются к не белым городским слоям, однако игнорируют деревню, рассматривая ее через призму буржуазного восприятия. Но в целом, в гендерной политике коммунистов мы видим новую тенденцию: они признают гендерное статус-кво и предлагают изменить его под знаменем материи. То есть это трансгрессия гендерного буржуазного мужчины снизу, и обращение к материальной подструкции мира, к труду, где нет разницы между кухаркой и матросом. Марксисты предлагают спуститься еще ниже, где не останется ничего от гендерных иерархий и стратегий. Таким образом, в самых крайних марксистских идеях есть стремление разрушить буржуазный архетип. В реальности же было иначе: в сталинской России возобладал этот мужской архетип рационального, властного мужчины, несмотря на попытки воссоздать гендерное марксистское равенство сразу после революции 1917 года. Но идея преодоления мужчины через обращение к телу, к машине желаний, является характерной для марксизма.

Фашизм принимает известную модель белого горожанина, белого, европейского, разумного, состоятельного человека, экзальтируя ее. Если либерализм принимает эту модель как норму, то фашизм начинает накачивать мужчину дополнительными свойствами. Он должен быть не просто белым, а нордически белым, не просто разумным, а единственно разумным (в форме того, что только немцы обладают рациональностью). Это схоже с позицией Леви-Брюля,

*Юлиус Эвола*

который постулировал, что только европейцы обладают логосом, а остальные руководствуются пралогическими социальными структурами. Далее, экзальтируется мужественность, и женщин призывают заниматься *kinder, kirchen, küchen*. На периферии предлагались и другие гендерные установки: Юлиус Эвола и его «Антология пола», где речь идет о преимуществе мужского начала над женским, аргументирует это тем, что мужчины – это потенциальные спящие Боги, а женщины – это потенциальные спящие Богини, но стоящие чуть ниже в иерархии полов. Также для третьей политической теории необходимо упомянуть маргинальное направление, связанное с «нордическим матриархатом»: там была онтология женского начала. Вирт, ученик Бахофена, утверждал, что высшим существом является женщина, но женщина, которая абсолютна отлична от мужчины, женщина в своей онтологии, *weisse Frau*. Однако мейэнстримом в третьей политической теории оставался образ, созданный еще либерализмом.

Четвертая Политическая Теория представляет собой стремление к преодолению трех политических теорий. В таком случае, какова ее гендерная стратегия, ее императивы? Во-первых, Четвертая Политическая Теория выносит за скобки мужчину, т.е. того мужчину, с гендерными установками которого мы познакомились в Модерне. К такому последнему мужчине Четвертая Политическая Теория не обращается, поскольку он представляет собой замкнутый архетип Модерна. За пределами пространства гендера Модерна Четвертая Политическая Теория нащупывает контуры своего «мужчины». Если мы видим разум, состоятельность, ответственность, город, белый цвет кожи, то мы достаем пистолет и стреляем. Этот мужчина должен умереть, у него нет шанса выжить, так как он замкнут в историческом тупике Модерна, он воспроизводит свои малые иерархии и не может выйти за свои границы. Такой мужчина бессмертен, в

своей саморефлексии он создает бессменные реалии, зеркала, смотрящие в зеркала. То же самое касается и всех тех, кого мужчина Модерна включил в себя: бизнес-вумен, детей, не белых.

Позитивные атрибуты этого человека, вне парадигмы Модерна: невзрослость. Субъектом Четвертой Политической Теории является невзрослый мужчина. Например «Большая игра» (название литературной группы, близкой к сюрреализму) Жильбер-Леконта и Рене Домалья, которые предложили строить жизнь, не взрослея, остаться играющими детьми. Это можно рассматривать, как приглашение вырабатывать гендерные установки Четвертой Политической Теории, систему эстетической и политической философии. Под небелым человеком подразумевается мир пралогических систем Леви-Брюля, где логос не является единственным средством социальной организации. Здесь мы черпаем из Леви-Стросса, социальной антропологии, этносоциологии, то есть, из опыта множества не белых обществ. Далее, безумие: это все формы интеллектуальной трансгрессии, от практики добровольного безумия Фридриха Гельдерлина или Ницше до Батая, Арто. Безумие – это гендерный арсенал Четвертой Политической Теории. В целом, небелый, безумный, не городской или вписанный в ландшафт. Например, эколог, представитель общины, то есть человек не порвавший с природой, это Редфилд с его *folk society*. Таким образом, мы создаем антураж поиска, сотканный из тех элементов, которые игнорируются Модерном. Эти элементы составляют гигантское поле экзистенции и метафизики, поле насыщенного бытия Четвертой Политической Теории. Дополняя Четвертую Политическую Теорию, мы должны отказаться от всех гендерных установок, которые несет в себе либерализм. В гендерном смысле из второй политической теории можно было бы позаимствовать идею «машины желаний», идею преодоления мужчины через глобальный эгалитаризм в рамках материи. Из классической фашистской гендерной модели третьей политической теории, подобно либерализму, нельзя ничего почерпнуть, в то время как маргинальные направления могут представлять большой интерес, а именно онтологизация пола (Эвола), нордический матриархат.

Что является субъектом Четвертой Политической Теории? Субъектом Четвертой Политической Теории является *Dasein* или *Zwischen*, то «между» субъектом и объектом, которое можно

отождествить с траектом Дюрана. И вот Dasein, траект, imaginaire, имеет ли он пол? И каков гендер Dasein? Давайте опишем нормативный и императивный гендер Четвертой Политической Теории. Гендер Четвертой Политической Теории такой же, как пол Dasein, то есть, мы одно неизвестное объяснили через другое. Dasein каким-то образом может иметь пол, но тот пол, который он имеет, не может быть ни мужским, ни женским в гендерном смысле. Может быть, имеет смысл говорить об андрогине? Может быть, Четвертая Политическая Теория обращена к андрогинному существу и гендером его является андрогинат? Может быть, но только если не проецировать на андрогина заведомо расколотые модели пола как половины. Пол, по Платону, это то, что следует за разделением единства. Но и траект, который, по Дюрану, находится между субъектом и объектом и первичен по отношению к ним, и Dasein, который, по Хайдеггеру, находится in Zwischen, на границе между внутренним и внешним, конституирует своим нахождением на границе экзистенциалы, которые принадлежат к сфере, предшествующей разделению. А imaginaire сам по себе содержит разделение (греч. διαίρεσις), как один из возможных режимов. Значит, если понимать андрогинат в этом ключе, не как нечто составное, а как нечто корневое или радикальное, то мы можем говорить о некоем радикальном поле, которое не является полом в том смысле, что является половиной чего бы то ни было. То есть это та половина, тот пол, который является одновременно всем и не нуждается в своей антитезе, так как самодостаточен сам в себе. Об этом поле мы можем получить представление не столько из анализа половых или гендерных архетипов, сколько из размышлений (философских, политических) о субъекте Четвертой Политической Теории. Таким образом, мы изменяем постановку вопроса, мы не спрашиваем, какой у Dasein пол, мы отвечаем, что у субъекта Четвертой Политической Теории такой же пол, как у Dasein. В таком случае, мы можем также говорить о радикальном («корневом») андрогинате, который существует не путем сложения мужчины и женщины, а представляет собой изначальное единство.

Как меняется пол в условиях Постмодерна? Сам Постмодерн представляет собой сочетание всех трех политических теорий. С одной стороны, это совершившийся модерн, дошедший до своего логического конца как hypermodern («гипермодерн», или «ультрамодерн»).

Так все три политические теории проецируют в Постмодерн свои гендерные архетипы, которые представляют собой предел своих собственных конструкций. Это выражается в конституировании гендера Постмодерна. Что такое гендер Постмодерна? Это максимализация либерального мужчины, архетип которого распространяется на все свои антитезы: на глупых, бедных, не белых, маленьких. Это и есть гендерная глобализация, когда свойства определенного типа распространяются в качестве социальных нормативов на все остальные типы. Отсюда возникает идея, что пролетарии – это еще не разбогатевшие буржуа, черные - это не модернизированные белые, женщины - это не до конца освобожденные мужчины. То есть, мы видим, что этот всепоглощающий архетип утрачивает всякий смысл. Перерастаяжка гендерных половых моделей может привести к тому, что гипермодерн взорвется, как трухлявый гриб, и гендерный архетип рухнет. Сейчас мы находимся именно в моменте перерастаяжки и финального разрыва гендера. Стадиями этого разрыва являются феминизм, гомосексуализм, операции по смене пола.

Вторая политическая теория оказала на Западе большое влияние на элиты, творческие профессии (актерские, философские). Речь идет о «машине желаний», левом феминизме с его идеей свободы от пола (Donna Haraway - feminist, rather loosely a neo-Marxist and a postmodernist). Как говорит Donna Haraway, «как женщину не освобождай, она в лучшем случае станет мужчиной и все». Поэтому надо преодолеть и мужчину, и женщину -через киборга. Согласно ей, пол можно преодолеть, только преодолев человека. Еще один способ: Фуко и его концепция «сексуальности», то есть, сексуальности, предшествующей полу, как нейтрального диспозитива, сексуальности распространяющейся по поверхности экрана, «тела без органов». Это пансексуальность, которая представляет собой гладкую поверхность возбуждений непонятно кого, по какому поводу и главное - ни на что не направленная. В целом, в эрозию, в разрушение гендера Модерна, марксистская мысль привносит значительный вклад. Элементы фашизма в Постмодерне представляют собой практики садо-мазо. Более того, современный фашизм – это и есть садо-мазо, и первертный фашизм входит в Постмодерн в качестве неотъемлемого атрибута наряду с феминизмом, киборгами, «телом без органов» и т.д.

В конечном итоге мы оказались в интересной ситуации: доминирующий гендер Модерна подвергается перерастяжке, эрозии и, в каком-то смысле, вот-вот взорвется или, быть может, уже взорвался. Мы стоим на переходе между гипермодерном и Постмодерном, и мы не знаем, где истина, а где реальность. Так, в постмодернистском гендере не будет никакого мужчины. Представим себе эту ситуацию: архетип мужчины разлетается на части, которые не составляют больше части целого, а символизируют только себя. Консервативные силы могут вступить за этот архетип, потребовать «вернуть мужчину», этого разумного, состоятельного белого человека, но, тем самым, они лишь пытаются продолжить Модерн. Эта позиция кажется безнадежной, и здесь Четвертая Политическая Теория, на наш взгляд, идет вперед. Мы предлагаем сделать шаг к тому гендеру, которым наделен *Dasein*, без заведомых представлений о том, что мы получим. Выйдя за пределы гендера, который мы знаем, мы попадаем в сферу неопределенности, андрогинии, пола ангелов. В этой же сфере следует искать гендер Четвертой Политической Теории, а именно в сфере максимально абсолютного риска за пределом развалившейся химеры Модерна. Мы можем очертить только линии: мы знаем, что это гендер *Dasein*, траекта, что этот гендер представляет собой корневую реальность, что он имеет отношение к *imaginaire*. Продлевая цепочку наших размышлений, мы можем поставить вопрос о гендере Радикального субъекта, который стоит за пределами базовых парадигм.

И. Б. Дмитриев

Председатель философского клуба РГГУ

ИДЕАЛЬНЫЙ МУЖЧИНА И ПАТРИАРХАТ ВТОРОГО ПОРЯДКА

Идеальный мужчина – тот, который имеет отношение к платоновскому эйдосу. Эйдос же – это оригинал копии. Идеальный мужчина – мужчина без недостатков, по отношению к которому обычный мужчина является только обещанием, то есть «несбывшимся». Александр Гельевич упоминал, что можно говорить об определенном наследовании модернистского социологического гендера традиционному патриархату и о фигуре героя, как о предтече торговца. Я не стану настаивать на том, что такой взгляд на мужчину, как на идеал, характерен для традиционного общества, и предлагаю сосредоточиться на том, как эта идея обрабатывается в движениях, параллельных мейнстриму – в Позднем Средневековье, в Раннем Возрождении (здесь имеется в виду герметическая традиция).

В Новом времени – это романтизм, традиционализм и Ницше. Мы говорим о концепции мужчины, которого мы не встретим в обществе, особенно в буржуазном обществе. Он обладает следующими характеристиками: полная автономность, спонтанная активность. Как писал Е. Головин, мужчина выбирает себе направление приложения сил вне зависимости от того, какое место поле его деятельности находится в иерархии всего сущего. Это может быть благородная стезя или неказистый предмет. Здесь можно вспомнить Ницше, который говорил о возвращении воли к самой себе и излечении воли от ее болезни как изъятии ее из тех форм идеального порядка мира.

Таким образом, мы приходим к идее автономности. Вспомним также Кроули, который говорил: «Делай, что хочешь» и «Каждый мужчина и каждая женщина – звезда». Следует понимать это как то, что человек – это потенциальная звезда, и от реализации этого звездного статуса человека отделяет промежуток. Возможен ли путь, который может пройти обыкновенный мужчина до мужчины идеального? Этот путь описывается по-разному, в целом это сверхъестественное превращение, в герметизме – трансформация, в традиционализме – инициация, у Ницше – третье отрицание в истории нигилизма, которое переходит в утверждение.

Перейдем теперь на макроуровень и поговорим о патриархате второго порядка. Е. Головин пишет в статье «Диана» о противоборстве между матриархатом и патриархатом, между феминистичной концепцией и маскулиноцентричной: «Орест убивает свою мать, которая убила его отца Агамемнона. Далее следует интереснейший суд над Орестом. Со стороны защиты выступают Аполлон и Афина, со стороны обвинения – богини мести, Эвмениды. Аргументы защиты звучат странно: ничего страшного нет в том, что сын убивает мать, потому что вообще-то на мать можно наплевать. Это почти буквальный перевод. В чем же причина такого «неуважения» к матери? Мать – нечто вроде сосуда с землей и водой, который воспитывает и кормит уже пробужденную из семени жизнь. Этим ее значение и исчерпывается».

Это патриархальная позиция, патриархальный посыл.

«Разумеется, при таком взгляде ценность матери невелика. Обвинение же занимает иную, противоположную позицию: нет специфически мужского семени, просто мать-земля из своей радикальной влажности, путем контакта со своими собственными фаллическими речными божествами, выделяет мужское семя, которое целиком и полностью зависит от окружающей среды».

Еще несколько иллюстраций. Это мифология Двуречья, которая говорит о том, что старшие боги построили мир из разорванных половых органов богов хаоса. Можно обратиться и к интерпретации мифологии со стороны Лавкрафта. Древние боги обещают вернуться. Они не пали в этой битве, они просто отступили и могут внезапно возвратиться по своей собственной воле, и никакие бастионы Старших богов их не остановят. То же самое можно обнаружить и в

греческой мифологии, где Хаос в космогонических сюжетах предшествует всему, где он выступает как индифферентное, земляное, темное, материнское начало и предшествует всему порядку, который формируется после и предположительно в конце будет деконструирован. Боги Олимпа постоянно думают о том, что Титаны, заключенные в подземельях, когда-нибудь будут освобождены и им придет конец.

Все это позиции, в рамках которых женское, материнское начало внушает мускулино ориентированному сознанию и порядку то, что они являются вторичными по отношению к этой материнской природе. Это отражено и в досократическом пласте философии в интерпретации Аристотеля. А в философии подозрения мы снова видим возвращение этой установки, которая проявляла себя на протяжении всей истории западной культуры. Это тот же детерминизм. Детерминизм означает, что все происходящее на уровне ценностей, отношений и достижений является эффектом, процессом, который сам по себе слеп и безальтернативен. А если вариантов нет, то все ценности, достижения и заслуги утрачивают свой смысл. Что же касается философии подозрения, то здесь мы имеем дело с развенчанием субъектности субъекта. Мы находим те инстанции в разных философских предложениях, которые, с одной стороны, не соответствуют картезианскому дуализму (т. е. не являются протяженными вещами и находятся на стороне мыслящей вещи) и не совпадают с субъектом, а стоят за его спиной, превращая этого субъекта в объект. Это своеобразная материнская женская реальность (у психоаналитиков это бессознательное), которая из-за спины манипулирует субъектом, а в его самосознании, в том, что он мнит о себе, является эффектом, возникающим во время работы слепых механизмов.

Тем не менее, это образование, этот нарост субъекта, его претензия на автономию проходит красной нитью через все Новое время. Субъект остается мечтой. И эта мечта может найти свою реализацию, опершись на патриархат первого порядка, который не гарантирован, но лишь постулируется. Теперь вспомним геноновскую реконструкцию ведантистской онтологии: в ней существует множество уровней бытия, которые чередуются между собой по половому признаку. Бытие сталкивается с пропастью небытия, через которую оно не может перешагнуть. На этом макроуровне мы можем

говорить только о некотором сверхъестественном превращении. Здесь стоит обратить внимание на слова Александра Гельевича о безумии, поскольку мы уже договорились (и даже не однажды), что небытие является конструктором нашего ума.

Библиография

- Головин Е.* Приближение к Снежной Королеве. М.: Арктогея-Центр, 2003.
- Головин Е.* Мифомания. С-Пб.: Амфора, 2010.
- Бут М.* Жизнь мага: Биография Алистера Кроули. Екатеринбург: Ультра.Культура, 2006.
- Стивенсен П.Р.* Легенда об Алистере Кроули. М.: Ганга, 2009.
- Кузищин В.* Историография античной истории. М., 1980.
- Лурье С.Я.* История античной общественной мысли. М., 1929.

А. А. Коваленко

аспирант кафедры социологии международных отношений
Социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

ПОТЕНЦИАЛ ФЕМИНИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ В УСЛОВИЯХ ПОСТМОДЕРНА

Я бы хотел сказать о том, как Постмодерн предстает перед нами в реалиях социальной и политической практики, а также непосредственно в философии. Так, для обывателя феминизм представлен, прежде всего, общественными женскими движениями и такими публицистами, как Арбатова. Часто феминизм предстает перед нами в политизированном облике, примером чего может служить украинская группа FEMEN, обнажающаяся по любому подходящему поводу, например, во время приезда Владимира Путина на Украину. Однако феминизм имеет более глубокую философско-академическую традицию, которая успешно развивалась весь двадцатый век. Это классический либеральный и левый феминизм. Что касается классического философского феминизма, то в его рамках женщины на 70-80% заняты эпистемологией. В некоторых случаях они реконструируют религиозные модели, то есть проводят ревизию религиозных парадигм, и в совсем редких случаях обращают внимание на метафизику. Характерен тот факт, что феминистки практически не занимаются онтологическими вопросами. Наиболее развитым феминистское движение является в Англии и в США, причем зачастую его группы примыкают к таким институтам, как Оксфорд и Стэнфорд. Существуют даже специальные факультеты женских исследований, занимающиеся вопросами гендера. Феминистки в США и

Европе заняты преимущественно поиском закономерностей и иерархических структур, отличающихся своей маскулинностью, постулированием мужчин в качестве созидателей знания и науки.

«Под ценностно-иерархическим мужским мышлением понимается ситуация, когда философами воспринимаются обыкновенные различия и разнообразия, и упорядочиваются в соответствии с некой иерархической системой, так как объектам, находящимся на высших ступенях этой иерархии («мужчина», «культура», «разум», «мышление»), придается высшая ценность. Таким же категориям, как «женщина», «природа», «тело» и «чувства», придается меньшая значимость», - это классический пример дискурса либерального феминизма. Он пытается вычлени из всех наук иерархические структуры, заложенные туда мужчинами. Предтечей же мужской науки они считают Рене Декарта, разделившего субъект и объект, в чем с их стороны читается некий маскулинный посыл.

Феминизм в принципе выступает против субъект-объектной логики. Однако есть его разновидность – левый феминизм, опирающийся на концепции Маркса и Лукача, гласящие о том, что человеческое существо формируется его собственной деятельностью. Опыт же, который возникает в результате активации института подчинения женщины, представляется более ценным для познания и для науки как таковой, потому что он не инфицирован иерархическими структурами, которым сопутствует логика подчинения. Можно сказать, что левые феминистки образуют своеобразный «гендерный класс», значимость которого сравнима с «экономическим классом».

В контексте Постмодерна феминизм приобретает совсем другой вектор: например, современные женщины-феминистки утверждают, что женская философия и женская эпистемология в принципе невозможны, а единственная ценность феминизма заключается в том, что он наносит удар по зданию модернистической и маскулинной науки и философии. При этом, опять же, не утверждается никакой позитивной эпистемологии. Но существует феминистский тезис о том, что постмодернистов роднит общий женский взгляд на вещи. То есть постмодернистский феминизм не предлагает никаких альтернатив, но лишь разрушает маскулинное модернистическое здание гендерной проблематики, воздвигнутое белыми мужчинами. Но можно взглянуть на проблему с другой стороны,

придав женственности онтологический статус, и тогда мы выходим на новые горизонты, о которых говорил и Герман Вирт, и Евгений Головин. Здесь уже становится уместной постановка вопроса о консервативной революции.

Библиография

Бергер П. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.

Воронина О. Философия пола. М.: Русское слово, 1998.

Де Бовуар С., Второй пол, М.: Прогресс; СПб: Алетейя, 1997.

Гапова А. Антология гендерных исследований. СПб.: Прописки, 2000.

Гурко Т. Социология пола и гендерных отношений М.: Социология в России, 1998.

Хоткина З. Женщина. Гендер. Культура. М.: МЦГИ, 1999.

Silverman K. Male Subjectivity at the Margins. N.Y.: Routledge, 1992.

РАЗДЕЛ 2

КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

КАК ПРЕДВОСХИЩЕНИЕ

ЧЕТВЕРТОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

АНРИ ШИММЕР. XXI ВЕК ГЛАЗАМИ ЭРНСТА ЮНГЕРА

МАТИАС ШЛОССБЕРГЕР. ЭРНСТ ЮНГЕР
И КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ЭРНСТ ЮНГЕР. ФРАГМЕНТЫ

АРМИН ПФАЛЬ-ТРАУГБЕР. «НОВЫЕ ПРАВЫЕ»
ВО ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ

АЛЕН ДЕ БЕНУА. ОТ ПАРТИЗАНСКИХ ВОЙН
К МЕЖДУНАРОДНОМУ ТЕРРОРИЗМУ

ЭМИЛЬ ЧОРАН. ВОЙНА. СТРАДАНИЕ

РИХАРД ШАПКЕ. ВНУТРЕННЯЯ СУЩНОСТЬ И ИСКУССТВО ВЛАСТВОВАТЬ.

ЭРНСТ НИКИШ. О СУЩНОСТИ БОЛЬШЕВИЗМА И ФАШИЗМА

Анри Шиммер

XXI ВЕК ГЛАЗАМИ ЭРНСТА ЮНГЕРА

«Все преобразится, все будет снесено могучим ветром...
Нынешним политикам не под силу справиться с тем,
что вызревает в самых недрах как глубинный поток»¹

Эрнст Юнгер – одна из самых спорных фигур двадцатого столетия и для правых, и для левых. Однако ни те, ни другие не могут оспаривать его глубокую интуицию и прозорливость в прогнозировании будущего. В одном телеинтервью Юнгер и сам отметил, что в своих прогнозах он опережает историческую действительность. Тенденция нашего времени к безудержной динамике, нивелированию всего и вся, а также к чрезмерному повышению роли информации нигде не проанализирована точнее, чем в «Рабочем». Мысль Юнгера, погружаясь в древние эпохи человечества, со все возрастающим напряжением и силой обращалась и к суровому грядущему столетию, когда человек, по убеждению Юнгера, дойдет до крайних пределов человеческого и перейдет эти последние границы.



Эрнст Юнгер

¹ *Ernst Junger* „Die Politiker sind dem, was sich da vorbereitet nichtgewachsen“, Welt am Sonntag vom 9. 10. 1994.

Господство титанов

«Если рассматривая нынешнее положение вещей, исходить из того, что наша эпоха - это время не подлежащего сокрытию, то в самой ее динамике можно явно увидеть черты, указывающие на рождение титанов. Именно с этим следует прежде всего связывать радикальное преобразование Земли, которое уже ныне предвещают участвовавшие катастрофы»¹.

Эрнст Юнгер как и Френсис Фукуяма констатирует конец истории, но если последнему земной шар представляется благополучно заселенным «последними людьми», послушными монадами производства и потребления в безграничном мировом хозяйстве, то видение Юнгера отличается драматизмом. Ибо для него несомненно одно: «Там, где история завершается, имеет место возвращение либо к природе, либо к мифу – с человеческим присутствием, или без него»². Согласно Юнгеру, история уступит место мифу, который реализуется в господстве титанов (это понятие можно считать ключевым для позднего периода его творчества).

В чем же проявится грядущий титанизм? По мысли Юнгера это фундаментальное понятие характеризуется следующими признаками: кардинальное изменение живой и мертвой материи усилиями генной инженерии и ядерной техники, вытеснение войны терроризмом, размассовление, процесс ослабления государства, концентрация огромной власти в руках небольших бюрократических элит, ослабление патриархального уклада в пользу матриархального и, прежде всего, энергетический голод, в жертву которому будет принесено все и вся, включая мораль. Титаны, силы Земли древнегреческих мифов, возвращаются на природный план в виде различных форм энергии, которые поддерживают на ходу весь технический аппарат западной цивилизации. Ибо согласно Юнгеру, «и наше электричество представляет собой мертвую, специализированную и абстрагированную силу нашей планеты (...), и служит фактическим доказательством того, на что способен дух Земли»³.

¹ *Ernst Junger* „Prognosen“, (1993), S. 31.

² *Ernst Junger* „Siebzig verweht V“, (1997), S. 95.

³ *Ernst Junger* „An der Zeitmauer“, Gesamtausgabe, Band 6, (1963), S. 525.

Вся наша цивилизация, согласно Юнгера, носит теллурический характер и вынуждена для своего воспроизводства сжигать полезные ископаемые: «Экспансия в недра Земли направлена уже не на поиски золота, но на добычу энергии из ископаемых горючих материалов (включая уран), которые претерпевают радикальные трансформации в рамках земной осуществившейся утопии. Человек уже не хозяин, а расточитель, он безоглядно проматывает свое наследство ради идеи-фикс... Труд на планете носит строго коллективный и преимущественно анонимный характер и уже не имеет ясно очерченной цели, с тех пор, как прогресс попал под подозрение»¹. Естественнонаучным знаниям отводится при этом роль ключа, с помощью которого высвобождаются силы, заведомо неподвластные контролю людей.

По мнению Юнгера, на этом пути нас еще ожидают чудовищные «сюрпризы», которые исподволь готовят свой Дамаск для пытливого ума: «Не следует исключать возможность того, что некогда силы природы возьмут власть в свои руки. Они неизбежно персонифицируются в образы техники. Энергия превышает свои функции кроме всего прочего еще и в силу того, что начинает «думать». И вновь будет призвана десница богов»². Для Юнгера совершенно очевидно, что развертывание титанических сил должно пройти путем всего земного: «Катастрофа «Титаника» - это пророческое предзнаменование, такие встречаются нам только в мифах. И из этого следует сделать вывод: прогресс – лишь временное состояние, ибо сей феномен имеет начало и конец. Разумеется, всегда было известно, что деревья вырастают не на небесах»³.

Земная революция и мировая революция

«Предстоящая нам длительная эпоха характеризуется всеобщим упадком, распадом, разрушением и переворотами. Кто уже ныне настолько прозорлив, чтобы стать наставником и возвещателем чудовищной логики ужаса, пророком пасмурной погоды и солнечного затмения, равных которым – как знать? - на Земле еще не было?» (Ф. Ницше)⁴.

¹ Ernst Junger „Die Schere“, (1990), S. 154.

² Ernst Junger „Siebzig verweht IV“, (1993), S. 210.

³ Ernst Junger Prognosen «, (1993), S. 30.

⁴ Friedrich Nietzsche „Frohliche Wissenschaft“, Werke 1, Band 5, S. 343.

Эрнст Юнгер четко разграничивает понятия мировой революции и революции земной. К мировой революции Юнгер относит все политические перевороты столетия, марксизм и реакцию на это учение, мировую гражданскую войну 1914 - 1945 гг. и ее последствия вплоть до безграничного плутократического либерализма «One World», в котором масса, лишенная качеств, «последний человек» описанный Ницше, создал соответствующую своим устремлениям политическую систему.

Однако, по мысли Юнгера, мировая революция - это всего лишь одна из манифестаций глубинного потока, земной революции, которая связана с глобальными геологическими трансформациями. Земная революция – часть истории нашей Земли и не поддается никаким историческим, «слишком человеческим» оценкам. Согласно Юнгеру, перевороты такого рода уже не раз имели место при переходе из одной геологической эры в другую (как, например, когда в результате падения метеорита вымерли все динозавры).

Юнгер всегда остается верным своему мифологическому мировосприятию: Мать-Земля Гея преобразует свое дитя, как происходило уже не раз при переходе в новую геологическую эру. Человек при этом перестает быть активным движущим субъектом и становится лишь объектом изменений, ибо его «тотальная мобилизация» строго следует титаническому импульсу: он выполняет лишь то, чего хочет Земля: «Нашу долю участия в этих процессах можно сравнить с участием скорпиона, который старается вовсю со своим жалом»¹. Тем не менее в смене эпох, в великом переходе Юнгер видит и нечто иное: «Астрологи же, напротив, предсказывают необычайный духовный подъем. Так, например, христиане ожидают наступления новой эры, которая следует за эпохами Отца и Сына. А с ней и Третьего Завета, изложением и передачей которого будут ведать поэты»².

Дарвин и Кювье

Юнгер вполне согласен с той оценкой, которую Ницше дал Дарвину («Есть истины, которые могут постичь лишь посредственные умы»). Поэтому Юнгеру гораздо ближе идеи французского ученого

¹ Ernst Junger „Siebzig verweht IV“, (1995), S. 160.

² Ernst Junger „Prognosen“(1993), S. 31.

Кювье, который еще до Дарвина разработал свою концепцию, названную теорией катастроф. В ней можно найти немало созвучного теории земной революции Юнгера. Согласно Кювье, в ходе акта творения не подверженные изменениям виды, существующие в ту или иную геологическую эру, неизбежно гибнут в результате катастроф и замещаются новыми видами.

Отвержение Дарвина и обращение к Кювье, это, по сути, переход от линейного восприятия времени к циклическому. Эволюция осуществляется не линейно и последовательно, как у Дарвина, напротив, в этом процессе имеют место резкие скачки. С этой точки зрения нашу Землю можно уподобить птице Феникс. Действительно, многочисленные виды и роды живых существ гибнут в космических катастрофах, и всякий раз Мать-Земля, Гея, омолаживается благодаря неисчерпаемому богатству творческих сил и способности живой материи к приспособлению. По мысли Юнгера, в этот процесс фундаментальных перемен будет включен и человек: «Ницше давно предвидел, или, скорее, предчувствовал, что человек изменится, причем изменится именно как вид ... И вот, мы уже видим, что специалисты по генной инженерии уже за работой»¹.

Юнгер солидарен с Ницше и в его понимании сверхчеловека: «Ницше говорил, что в 21 веке, на пороге которого мы сейчас стоим, он бы чувствовал себя как дома. Вот когда начнется эпоха сверхчеловека, чье пришествие некогда возвестил его пророк... Сверхчеловек - это титан. В нем доминирует воля к власти. Это не какая-то вариация на тему человека, а совершенно новый вид. Сверхчеловек в гораздо большей степени представляет собой продукт духовной мутации, нежели сугубо биологической»².

Путешествие во времени

Мир грядущей эпохи, в которую мы вступаем, Юнгер описывает в своих дневниках «Семьдесят минуло», в записи от 8 августа 1988 года. Этот мир он видел во сне. Поскольку Юнгер описывает его

¹ Ernst Junger „Die Schere“, (1990), S. 121.

² Ernst Junger „Siebzig verweht V“, (1997), S. 163-164.

весьма подробно, на четырнадцать страницах, и говорит при этом о «путешествии во времени», ясно, что этот сон для него имеет особое значение.

Во сне он посещает столь любимый им Париж. Но вместо нервной суеты города с многомиллионным населением здесь ощущается атмосфера заброшенности, как на картине Альфреда Кубе. Сам город сильно изменился, и Юнгер предполагает, что здесь свирепствовала война, землетрясение, или разразился биржевой крах. Он узнает лишь немногие здания и площади, с которыми связаны его личные воспоминания, пока, наконец, не заходит в бистро. Там он знакомится с официантом Фредди, который разительно отличается от опустившихся горожан изысканными манерами, образованностью и присутствием духа. Юнгер и Фредди некоторое время ведут между собой учтивую беседу, но когда Юнгер собирается с ним распрощаться, Фредди предостерегает его от прогулок по городу в одиночку, ссылаясь на то, что земная кора стала крайне непрочной и постоянно присутствует угроза землетрясения. Юнгер считает, что его собеседник сильно преувеличивает, но, тем не менее, принимает предложение его сопровождать. Постепенно окружающая обстановка становится откровенно жуткой. Они шагают по руинам пришедшей в упадок цивилизации комфорта, нигилизм которой уже не замаскирован благосостоянием и потреблением. Юнгер наблюдает странных животных, которых невозможно отнести ни к одному из известных видов, и ужасных химер, порождений генной инженерии. Атмосфера становится все более враждебной, выбросы магмы и колебания почвы затрудняют продвижение вперед, прямо в точку концентрации огня и губительных излучений. В конце концов Юнгер и Фредди находят последнее прибежище: воронку, со всех сторон окруженную огнем. Юнгер, наконец узнавший во Фредди проявление своего могущественного «Я», спрашивает его, не пропали ли они окончательно. И получает краткий ответ: «Все равно».

Сон Юнгера наглядно показывает признаки вступления в новую геологическую эру, в которой безудержный прогресс обернулся кошмаром не поддающегося контролю огня и губительных для жизни излучений. Пример Фредди свидетельствует о недопустимости пораженческих настроений, ибо выстоять здесь можно только благодаря самообладанию.

Смена эпох

«Перпетуа полагает, что конец этого столетия будет еще ужаснее, чем его начало и середина. Не хотелось бы в это верить, и я часто себе представляю смену эпох как первое деяние Геракла, удушившего змей в своей колыбели»¹.

Герд Бергфельд в статье «Земля и родина» (см. сборник «Исполненная достоинства нация») предсказывал, что «экологическая катастрофа приведет к чудовищному коллапсу, какого мир еще не видывал»², и это, по мысли автора, будет конечным пунктом «эры несчастий». Действительно, достаточно беглого взгляда на афиши наших кинотеатров, чтобы убедиться, насколько силен на рубеже тысячелетий страх перед апокалипсисом, пусть даже этот страх не всегда осознан. Многие кинокартины, от «Глубокого толчка» до «Армагеддона» предсказывают глобальную катастрофу.

Согласно Юнгеру, на рубеже тысячелетий нам следует ожидать грандиозного «потопа». Он пишет: «Конец каждого тысячелетия сопровождается чувством усталости и безнадежности. Быть может, и на этот раз нам предстоит испытать всемирные потопа, в которых испокон веков гибли культуры и бесчисленные виды животных»³. Прогноз апокалипсиса на рубеже тысячелетий повторяется и в его поздней работе «Ножницы»: «Тот факт, что на планете одновременно происходит множество катастроф, далеко не случаен. «Сумерки богов» всегда сопровождаются природными катаклизмами, как это описано у Гесиода, в Эдде и в Ветхом Завете. Нас ожидат потопа, пожары и долгие ледяные зимы, от которых Земля оправится лишь много лет спустя»⁴.

В своих апокалиптических прозрениях Юнгер отнюдь не одинок. Вместе с итальянским философом Юлиусом Эволой⁵, по мысли которого человечество находится в завершающей фазе «темного века» (Кали-юги), Юнгер убежден, что вступление в новый «золотой век» немислимо без разрушения.

¹ Ernst Junger „Strahlungen I“, (1988), S. 390.

² Gerd Bergfleth „Erde und Heimat“ в Die selbstbewusste Nation, (1994), S. 113.

³ Ernst Junger „Fassungen II“, Gesamtausgabe, Band 13, (1995), S. 473.

⁴ Ernst Junger „Die Schere“, (1990), S. 148.

⁵ Julius Evola *Revolta contro il mondo moderno*. Roma, 1978.

Критика понимания «титанического» у Юнгера

Далеко не каждый может принять мифологическое мировоззрение Эрнста Юнгера. То, что он вкладывает в понятие «титанического», можно представить как результат исторического процесса. Для титанов из древнегреческого мифа одним из важнейших определяющих моментов их бунта выступает отцеубийство. В нынешнюю эпоху это означает полный разрыв со всеми традициями, унаследованными от прошлого. Но такой разрыв можно понимать иначе: не как миф о возвращении титанов, но как результат распространения американского глобализма, который уж никак нельзя назвать «титаническим». Ганс-Дитрих Зандер так описывает его последствия: «Там, где начинается господствовать этот тип экономики, он упраздняет основы народного хозяйства, разрушает природные ресурсы хищнической эксплуатацией, впустую растрчивает сокровища земли и приносит в жертву тех, кто их добывает. Массовое производство и потребление нивелирует отличные друг от друга культуры, уничтожает самобытность наций и народов, создавая вместо них покорные и легко поддающиеся манипуляции массы с унифицированными потребностями»¹. Американская идеология, которая сводится к «свободной» торговле и увеличению прибыли любой ценой, стремится к преодолению всех морально-этических максим и биологических норм (так, например, американские медики всерьез вознамерились создавать специальные клиники для клонирования людей). Согласно Юнгеру, широкое распространение генной инженерии выступает одним из главных признаков титанизма.

Коренные различия между мифологическим мышлением, с одной стороны, и исторически-социологическим подходом к действительности - с другой, наглядно просматриваются в критических выступлениях Эрнста Никиша в связи с эссе Юнгера «Идущий через лес», написанного им в 1950-е годы. Для Никиша пребывание в юнгеровском «лесу» - это знак внутренней экзистенциальной свободы, «символ пребывания вне общества» и «бегство от истории». Вот что пишет по этому поводу автор биографии Никиша, Фридрих

¹ *Hans-Dietrich Sander* Es ist dafür gesorgt, dass die Baume nicht in den Himmel wachsen" Staatsbriefe, (1996), Heft 6.

Каберманн в своей работе «Соппротивление и выбор немецкого революционера»: «Никиш любую метафизическую позицию непременно историзирует в политическом и социологическом ключе, тогда как Юнгер, напротив, любую политическую точку зрения обращает в метафизику, и при этом каждый, по-видимому, осознает относительный характер экзистенциальной позиции своего оппонента, что лишний раз доказывает принципиально взаимодополнительный характер их столь несхожих мироощущений».¹

Даже если согласиться с тем, что юнгеровский «Идущий через лес» олицетворяет бегство от общества, и что господство титанов Юнгер путает с господством США, тем не менее, всякая критика его взглядов неизбежно соскальзывает в пустую и бесплодную полемику, если не принять во внимание следующий факт: Юнгер просто не желает мыслить абстрактно, или «диалектически». Мысль Юнгера, как отмечает Каберманн, движется «вообще не в ключе истории, но лишь в плане мифологии, поскольку для него истина осуществляется не во времени, а за его пределами и проявляется в истории исключительно в зашифрованном виде, как притча, символ и миф...»². При этом Юнгер сознательно выбирает такой стиль мышления, ибо во всех его текстах постоянно идет речь «о духовном видении и, соответственно, переживании... а не об абстрактном и отвлеченном анализе»³.

Подводя итоги

Постепенно внимание Юнгера все в большей степени переключалось с политики на осмысление процесса радикальной трансформации, вызванной «переломом» (Юнгер охотно пользовался некоторыми геологическими терминами). В конце концов, он вообще утратил всякий интерес к политике. Когда в 1983 году национал-коммунист Рихард Шерингер попросил его присоединиться к движению сторонников мира против размещения на территории Германии ядерных ракет средней дальности, он получил лаконичный

¹ *Friedrich Kabermann* „Widerstand und Entscheidung eines deutschen Revolutionars- Leben und Denken von Ernst Niekisch“ (1973), S. 265.

² Ebenda, S. 192.

³ Ebenda, S. 189. 22 Ernst Junger „Siebzig verweht III“ (1993), S. 219.

ответ: «Политика любой окраски с давних пор вызывает у меня отвращение, и я больше не марширую ни под каким знаменем. Земную революцию не остановить политическими средствами. Самое большее, они лишь украсят жерло вулкана, если вообще не ускорят сам процесс».

Федеративную республику, о которой Юнгер, почти не маскируясь, заводит речь в утопическом романе «Омесвилль», он определяет как «общество феллахов, которое в нравственном плане изнемогает от засилья демагогов», как «чудовищную свалку» поношенных идей и исторических развалин, на которой царит либеральная ругань партий и лоббистских групп, ибо «в этом мире более не осталось ничего действительного и все представляется только возможным»¹. Вполне очевидно, что Эрнст Юнгер в предложенном им катастрофическом сценарии предвидел конец ФРГ: «Золотая середина всякий раз требует эквилибристического номера, тогда как «уравновешенность» - всего лишь избитая фраза. Это находит отражение в общепринятых идеях: «свободное правовое государство», «социальное рыночное хозяйство» и так далее. Нашу эпоху, как и все в этом мире, ждет свой конец»².

Как уже было сказано, Юнгер не принимал участия в формулировании политической альтернативы. Герд Бергфлет, который подобно Юнгеру предвидит «восстание Земли», ожидает при этом действенного исцеления «от религии Земли, которая берет начало в древней мифологической памяти и заново связывает человека с Землей». Немцам с их богатейшей традицией натурфилософии и романтического воспевания природы, немцам, гордым своей «метафизической связью с землей и с родиной» выпадает сыграть почетную роль: проложить «особый немецкий путь». Он должен «прийти на смену обанкротившемуся типу технократического либерализма, без чего ни мы, ни весь западный мир не остановим грядущей катастрофы»³. Юнгер, который в безудержном ускорении темпов нашего столетия и в утяжелении бремени фактов и событий склонен видеть конечный пункт завершающегося цикла и начало новой эры, скорее всего с изрядным скепсисом воспринял бы идею искусственного

¹ *Ernst Junger* „Eumeswil“, Gesamtausgabe, Band 17, (1980), S. 80.

² *Ernst Junger* „Fassungen II“, Gesamtausgabe, Band 13, (1981), S. 230.

³ *Gerd Bergfleh* „Erde und Heimat“ в „Die selbstbewusste Nation“, (1994), S. 119.

культивирования «религии Земли», ибо по его мысли религии могут основываться лишь на явлениях, то есть на фактах «прорыва абсолютного во временное».

Для нас, живущих во времена перелома, Юнгер счел бы достойной и ценной ту позицию, которую высказал в письме брату Фридриху Георгу от 07.06.1934: «В революционную эпоху, в которую мы вступили, можно выстоять лишь благодаря таким силам, которые действуют неизмеримо глубже, нежели риторика, литература и идеология, ибо эта эпоха испытывает саму нашу суть. Все следует начать с чистого листа и показать, кто ты есть»¹.

Перевод с немецкого Андрея Игнатьева



Эрнст Юнгер

¹ *Ernst Junger Criticon*, Nr. 157, (1998).

Матиас Шлоссбергер

ЭРНСТ ЮНГЕР И КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Представления о Юнгере после 1945 года

Примерно через год после прихода к власти национал-социалистов, в мае 1934 г. Эрнст Юнгер в послесловии к сборнику «Листья и камни» писал: «Следует браться за такую работу, которая сохраняет ценность и по прошествии времени (...). Из всего имеющегося материала были отобраны сугубо политические тексты, а с ними дело обстоит точно также, как с газетами, которые интересно читать либо не позднее, чем через день после выхода в свет, либо через сотню лет и не раньше»¹.

Итак, спустя три года после смерти Юнгера его политические тексты стали вновь доступны широкому читателю. Наши нынешние представления о Юнгере были бы другими, если бы нам в свое время была известна - благодаря этим текстам - та позиция, которую занимал Юнгер в те далекие годы. Ведь место Юнгера в политической жизни Веймарской республики было до сих пор определено только в самых общих чертах.

Карл Отто Петель, который хотел всех убедить в критическом отношении Юнгера к режиму, писал в 1943 г. в эмигрантском журнале «Дойче Блеттер»: «На самом деле Эрнст Юнгер вообще никогда не интересовался текущей политикой»². Петелю следовало бы вы-

¹ *Ernst Jünger* Blätter und Steine. Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt 1934, S. 7.

² *Karl O. Paetel*: Ernst und Friedrich Georg Jüngers Politische / Wandlung. B: Deutsche Blätter, Band 1 (1943), Heft 10, S. 22–27, hier S. 23.

разиться более сдержанно, поскольку ему была хорошо известна политическая деятельность Юнгера. В начале 1930-х годов Петель был главным редактором журнала «Ди Комменден», а его основателем был Юнгер¹.

В то время как Петель изображал Юнгера – автора повести «На мраморных скалах» (1939 г.) – писателем, вынужденно пребывающим во «внутренней эмиграции», политические эмигранты различных направлений давно уже признали вклад Юнгера в разрушение Веймарской республики. Зигфрид Марк², Герман Раушнинг³, Голо Манн⁴ и Карл Левитц⁵ видели в Юнгере одного из тех, кто проложил путь к немецкой катастрофе. Вероятно, они знали об участии Юнгера в текущей политике в 1925-1930 гг. Однако их выводы совпадали далеко не во всем.

Даже Армин Мелер не смог убедить Юнгера вновь предать широкой гласности его политическую публицистику. Два собрания сочинений выходили в свет без этих текстов. Разумеется, ознакомиться с ними было не так уж и сложно. В биографиях Юнгера эти статьи и очерки представлены почти в полном объеме. И все же по большей части эти тексты оставались вне поля зрения широкой читательской аудитории.

¹ На сильный эффект, который произвела эта статья Петеля, указывает ссылка, сделанная Карлом Цукмайером в его тайном докладе за 1943 / 44 для американского «Тайного управления стратегических служб». Позитивная оценка Юнгера Цукмайером основывается, по его собственному признанию, в основном на статье Петеля. Об имеющихся у него сведениях о братьях Юнгерах Цукмайер пишет: «Для характеристики этих обоих немецких авторов, с которыми я лично не знаком и о частных обстоятельствах которых мне ничего не известно, я рекомендую обратиться к блестящей и содержательной статье, опубликованной в *Deutschen Blätter, Santiago de Chile*, № 10, 1943, которая содержит информацию об их работах, взглядах и духовной эволюции.

² *Siegfried Marck: Der Neuhumanismus als politische Philosophie*. Zürich: Verlag der Aufbruch 1938. См. первую главу *Der Faschismus als Sophistik der konservativen Revolution*, S. 9–70, hier v. a. S. 46ff.

³ *Hermann Rauschning: Die Revolution des Nihilismus. Kulisse und Wirklichkeit im dritten Reich*. Zürich, New York: Europa-Verlag 1938. См. раздел *Die zweite Phase der Revolution*, S. 100–114.

⁴ *Golo Mann: Ernst Jünger. Ein Philosoph des neuen Deutschland*. In: *Die Sammlung*, Heft 1 (1934), S. 249–259

⁵ *Karl Löwith: Von Hegel bis Nietzsche*. Zürich, New York: Europa Verlag 1941.

Будущим биографам Юнгера предстоит теперь решать, насколько честно и с какой долей уверенности в своей правоте он фиксировал свои мысли и поступки. После войны Юнгера упрекали в том, что он, как и многие другие интеллектуалы, предпочитал оставаться лишь своего рода сейсмографом и барометром, но не активным участником происходящего¹. При этом не столь важно решить вопрос о том, какое место политические статьи Юнгера занимают в его общем наследии, гораздо важнее другое: каким в те годы было мироощущение их автора. Ибо в них он говорил от лица целого поколения – поколения, которое получило решающие жизненные импульсы не в процессе учебы, а на войне, а потом – в чудовищной суматохе, вызванной крахом революции и катастрофическим экономическим положением Германии до денежной реформы 1923 г.

Нередко акцент делали на том, что в поздний период существования Веймарской республики многим ее современникам будущее представлялось еще вполне безмятежным. Поэтому политическую публицистику Юнгера предполагалось изучать, оставляя без внимания перипетии дальнейшего развития политической обстановки в Германии. Разумеется, это возможно лишь гипотетически, так как подобный подход имеет свои границы. Если и можно его здесь рекомендовать, то лишь исходя из следующих оснований: в газетных дискуссиях взгляд на таких сложных и многогранных авторов, как Юнгер, становится крайне узким и схематичным, и обычно ограничивается двумя темами: их отношением к национал-социализму и к антисемитизму. Безусловно, это такие вопросы, которые постоянно надо ставить заново. Но при этом следует помнить, что в этом случае и направленность мысли Юнгера и понимание того, какое место он занимал в кругах правых интеллектуалов, так и останутся до конца неясными. Критики, которые ограничиваются лишь двумя вышеупомянутыми темами, а также апологеты типа Петеля соображают способствовать тому, что исчезает из поля зрения сложность и неоднозначность феномена веймарских правых, о которой пишут и Армин Мелер, и Стефан Бройер.

¹ *Alfred von Martin*: Der heroische Nihilismus und seine Überwindung. Ernst Jüngers Weg durch die Krise. Krefeld: Scherpe-Verlag 1948, S. 10. Возможно, упрек Мартина адресован в большей степени Петелю, чем самому Юнгеру. Информацию из первых рук у самого Юнгера обнаружить не удалось.

Обзор сборника

Сборник «Политическая публицистика 1919-1933 гг.» включает также немало таких текстов Юнгера, которые едва ли можно отнести к этому жанру. Всего здесь 144 текста. Среди них - предисловия к различным изданиям таких книг и эссе, как «В стальных грозах», «Бой как внутреннее переживание», «Огонь и кровь» и «Перелесок 125», которые далеко не всегда включались в существующие издания. Все они вошли в этот сборник вместе с некоторыми рецензиями, написанными между 1929 и 1933 гг.

На это можно возразить, что весь сборник представляет собой собрание разнородных текстов, созданных с 1920 по 1933 гг., да и его заглавие также может ввести в заблуждение. С другой стороны, обращаясь к такому автору, как Юнгер, трудно провести границу между его политическими и неполитическими текстами. К тому же этот недавно опубликованный сборник обладает одним неоспоримым достоинством. Ведь благодаря ему некоторые малоизвестные статьи Юнгера эпохи Веймарской республики стали теперь доступны в полном составе¹.

Открывается книга несколькими небольшими работами, которые также нельзя отнести к политической публицистике в строгом смысле слова. Между 1920 г., когда вышла его книга «В стальных грозах» и 1923 г. Юнгер написал несколько коротких статей, освещавших вопросы ведения современной войны (они были опубликованы в «Милитер Вохенблатт. Издание немецкого вермахта»).

31 августа 1923 г., во время, когда инфляция достигла своего пика, Юнгер уволился из рядов рейхсвера. В осенний семестр он поступил на учебу в университет в Лейпциге на факультет естественных наук. Юнгера было в ту пору 28 лет. То есть он приступил к учебе в тот период жизни, когда уже сформированы основные черты личности. Юнгер прослушал курс лекций по зоологии (их читал философ и биолог Ганс Дриш, ведущий представитель неовитализма), а также курс лекций по философии у Феликса Крюгера и его ассистента Уго Фишера. Кроме того, он там познакомился с Гансом Фрайером, который с 1925 г. был профессором Лейпцигского университета.

¹ Здесь и далее заключенные в скобках номера страниц указывают на упомянутое издание

Свою первую политическую статью Юнгер написал для «Фелькишер Беобахтер» вскоре после увольнения из рядов рейхсвера. Это была первая из двух его публикаций в этой газете, вторая вышла в 1927 г. В сентябре 1923 г., всего лишь два месяца спустя после попытки Гитлера устроить путч в Мюнхене, выходит в свет его статья под заголовком «Революция и идея». Уже здесь отчетливо прослеживаются те мотивы, определившие политические убеждения Юнгера последующих лет, а именно: значимость Идеи и невозможность остановить грядущую революцию. Потерпевшая поражение революция 1918 г. - «не драма возрождения, а представление, сыгранное роem навозных мух, которые садятся на труп, чтобы его сожрать». Ибо, по мысли Юнгера, эта революция была не в состоянии воплотить идею. Именно поэтому она должна была неизбежно закончиться крахом. «Эти факты, которые следующим поколениям покажутся невероятными, имеют лишь одно объяснение: старое государство утратило ту непоколебимую волю к жизни, которая в наше время стала безусловной необходимостью».

Подлинная революция еще не произошла, но она неумолимо приближается. Это не реакция, а именно революция со всеми ее признаками и проявлениями, ее идея - это национализм, отточенный до остроты до сих пор невиданной, ее символ - свастика (Hakenkreuz), а форма выражения - концентрация воли в одном единственном пункте - диктатуре! Слова она заменит делами, чернила - кровью, фразу - жертвой, перо - мечом.

В 1922 г. выходит эссе «Бой как внутреннее переживание», в 1923 г. в 16 номерах «Ганноверишен Курьер» вторым изданием печатается книга «В стальных грозах», в 1924 - рассказ «Штурм», а в 1925 гг. - эссе «Перелесок 125. Хроника окопной войны» и «Огонь и кровь. Короткий эпизод великого сражения». Этим завершается первый период творчества Юнгера, когда он был поглощен переосмыслением своих фронтовых впечатлений. 1925 г. во многих отношениях знаменует важный рубеж в жизни Юнгера. На протяжении десяти лет - вплоть до выхода «Африканских игр» в 1936 г. - Юнгер не опубликовал ни одного рассказа или романа.

В эти десять решающих для судьбы Германии лет - с 1925 по 1935 г. - Юнгер пишет философскую прозу. Он выступает в роли публициста (в основном в журналах и газетах правого толка), издателя и

эссеиста («Сердце любителя приключений» (1929 г.) и «Рабочий» (1932 г.). Но 1925 г. был для Юнгера важной вехой еще и в ином аспекте: он прервал учебу и женился.

Почти два года после опубликованной в сентябре 1923 г. в «Фелькишер Беобахтер» статьи Юнгер воздерживался от явно выраженных политических суждений в узком смысле слова. Регулярно, как политический публицист, он начинает выступать с 31 августа 1925 г., когда его статья была опубликована в «Гевиссен», органе младоконсервативного «Движения кольца», группировавшегося вокруг Артура Меллера ван ден Брука. Здесь мы видим те же призыва, что и два года ранее, хоть и выраженные в более умеренном тоне, чем в «Фелькишер Беобахтер»: осознание значимости идеи и необходимость революции. Здесь следует отметить следующее: хотя между Юнгером и кружком Меллера были точки соприкосновения, во многих важных аспектах между ними были существенные различия – о них еще пойдет речь ниже.

Юнгер публиковал свои политические статьи во множестве изданий, которые до сих пор были неизвестны даже знатокам журналистского мира Веймарской республики¹. Следует здесь проводить различие между изданиями, на страницах которых Юнгер выступал в качестве гостевого автора (там, как правило, издавали одну или две небольшие его статьи), и теми, где он был постоянным автором. В большинстве изданий, для которых Юнгер писал регулярно, он выступал и как соиздатель.

Юнгер как поборник «нового национализма» в приложении к «Стальному шлему» - «Ди Штандарте» (1925-26 гг.)

Первым изданием, с которым Юнгер сотрудничал на постоянной основе, была газета «Штандарте. К духовному углублению фронтовой идеи», в издании которой он принимал участие. Эта газета вышла впервые в сентябре в качестве приложения к журналу «Стальной шлем. Еженедельное издание союза фронтовиков».

¹ Обзор некоторых газет со снабженными пояснениями иллюстрациями см. у Карла Петеля в книге *Versuchung oder Chance Zur Geschichte des deutschen Nationalbolschewismus*. Göttingen: Musterschmidt-Verlag 1965

Появление этого приложения ознаменовало все возрастающую политизацию «Стального шлема». Союз фронтовиков был враждебно настроен по отношению к республике. Этот союз, основанный в декабре 1918 г., вследствие большой численности своих членов, был подходящей целевой группой для агитации¹. Вплоть до декабря месяца Юнгер ежедневно писал для каждого номера. Все его семнадцать статей тесно связаны между собой, последняя статья вышла под заголовком «Заклучение».

Из всех политических текстов Юнгера наибольшее значение имеют именно те, что были опубликованы в приложении к «Стальному шлему» в газете «Штандарте». Еженедельное издание «Стальной шлем» имело тираж в сто семьдесят тысяч экземпляров. Такой тираж был тогда недоступен ни одному из других изданий, в которых публиковался Юнгер. Поскольку Юнгер благодаря этим публикациям обрел немалое влияние на читательскую аудиторию, а также в силу того, что они олицетворяют определенный этап в его политическом становлении, их следует рассмотреть более подробно.

Программа, которую Юнгер развивает в приложении к «Стальному шлему», отмечена страстными выступлениями в поддержку национальной революции. Этот пункт служит исходной точкой для дальнейших размышлений Юнгера того времени. Юнгер живет верой, что великая война еще не закончилась, и окончательно еще не проиграна. Политика для него служит формой продолжения войны иными средствами (с. 63). Поколение фронтовиков, сформированное войной, должно продолжить эту войну. Юнгер не хочет оглядываться в прошлое, он жаждет созидать будущее. Поэтому сообщество фронтовиков, к которому причисляет себя Юнгер, должно стремиться к тому, чтобы привлечь на свою сторону молодежь (с. 77).

Программа Юнгера носит название «Национализм»: «Да, мы националисты, но нам совершенно не достаточно быть националистами, и мы будем безостановочно отыскивать самые радикальные

1 Cp. *Karl Dietrich Bracher*: Die Auflösung der Weimarer Republik. Eine Studie zum Problem des Machtverfalls in der Demokratie. Stuttgart und Düsseldorf: Ring Verlag 1955, S. 134–137; об учреждении этого приложения см. *Alois Klotzbücher*: Der politische Weg des Stahlhelm, Bund der Frontsoldaten, in der Weimarer Republik. Ein Beitrag zur Geschichte der “Nationalen Opposition” 1918–1933. Phil. Diss. Tübingen: [1965], S. 74ff.

методы, чтобы наделить этот национализм силой и энергией» (с. 163). Националистическая программа должна основываться на четырех основных принципах: новое грядущее государство должно быть одновременно национальным, социальным, обороноспособным и авторитарным (с. 173, 179, 197, 218). «Форма правления имеет для нас второстепенное значение, важно лишь одно: чтобы его конституция была радикально националистической» (с. 151). «Тот день, когда под нашим натиском рухнет парламентское государство и мы установим национальную диктатуру, станет для нас величайшим праздником» (с. 152). Сам лозунг национализма мало что может сказать. Чем же особенным отличается национализм фронтовика?

Благодаря войне, писал Юнгер, перед фронтовиком, сформированным вильгельмовской эпохой, открылись совсем иные пути: «Он вступил в новый, неизведанный мир, и это переживание было настолько острым и радикальным, что его с полным правом можно уподобить явлению нисхождения «благодати», благодаря которой человек меняется - внезапно и фундаментально » (с. 79).

С концом кайзеровской империи Юнгер связывает преодоление материалистических взглядов на природу. Отвергая плоский рационализм и позитивизм, он придает важное значение «ночной стороне» жизни¹. Рационалистическому, механистическому, материалистическому мышлению, основанному на разуме, он противопоставляет чувство и органическую взаимосвязь с целым: «Для нас самым важным является не революция, изменяющая государственное устройство, но духовная революция, которая создает из хаоса новые, произрастающие из земли формы» (с. 114).

Мировоззрение, которое Юнгер предлагает своему поколению, поколению фронтовиков, органично связано с творчеством немецких романтиков и с философией жизни Фридриха Ницше. Юнгер делает акцент на чувстве общности, связи с целым, ибо начало каждого великого деяния отмечено могучей силой возрастающего чувства. Ибо рост, по мысли Юнгера, это естественное право всего живущего (с.82), которое не требует никакого оправдания (с.186):

¹ Ставший популярным благодаря Фехнеру образ дневной и ночной стороны жизни Юнгер использовал в своей книге «Сердце искателя приключений», см. *Ernst Jünger: Das Abenteuerliche Herz. Aufzeichnungen bei Tag und bei Nacht.* Berlin: Frundsberg-Verlag 1929, S. 69.

«Все живые существа различаются между собой и уже поэтому питают друг к другу взаимную вражду. В отношении человека к растениям и животным это проявляется без всяких церемоний, неопровержимым доказательством здесь может служить любой обеденный стол. При этом жизнь проявляется не только в борьбе между видами, но и в борьбе внутри самих видов» (с. 133)¹.

Юнгер смотрит на все происходящее глазами социолога, что вообще присуще носителям консервативного мироощущения еще со времен романтиков. Его восприятие историософии романтиков отчетливо проявляется в акценте на Особенном, в противоположность Всеобщему, на подчеркивании независимости «от нашего времени и нашего пространства» (с. 158). Он жаждет «распрощаться с нездоровым стремлением к объективности, которая влечет за собой релятивистское упразднению энергий» и признает за собой осознанную односторонность, «которая основывается на оценке, а не на понимании» (с. 79).

Важным моментом в историософии Юнгера является соотношение социологического анализа и задач на будущее. Рассматривая исторические события Юнгер в своих построениях часто пользуется понятием необходимости. События происходят потому, что так необходимо. В поражении революции также «заключена необходимость» (с. 110). Говоря о развитии техники, он утверждает: «Движение, которое осуществляется с неизбежностью, остановить невозможно» (с. 160).

За убежденностью в том, что определенные события происходят в силу неумолимой необходимости, стоит представление о сверхличной идее, которая стремится осуществить себя в истории: война дает нам возможность пережить такие моменты, когда сама «идея войны предстает в чистом виде, благородной и с налетом великолепной романтики. Тогда свершаются героические деяния, и в них действует уже не человек, но сама кристально чистая идея» (с. 109).

¹ Цитата взята из статьи *Der Pazifismus* vom 15. November 1925. Газета *Die Welt am Sonntag* перепечатала эту статью 7 октября 2001 года (Nr. 40, S. 37f.) ввиду того, что она вновь обрела актуальность в свете политической ситуации в мире после 11 сентября: «Террористические атаки на США разбили надежды на прочный мир. В несправедливо забытой и ныне вновь изданной книге Юнгера *In Stahlgewittern* (В стальных грозах) автор разоблачает идеологию пацифизма как принятие желаемого за действительное».

Вызывая в памяти воодушевление той эпохи, когда реально переживалось ощущение творящейся истории, Юнгер писал 20 апреля 1943 г. в своем втором парижском дневнике:

«История тех лет с ее мыслителями, деятелями, мучениками и статистами еще не написана; мы тогда жили в эпоху Левиафана. (...) По-разному сложилась судьба участников тех событий: одни убиты, другие эмигрировали, третьи разочаровались, четвертые занимают высокие посты в армии, абвере и в партии. И все же те, кто еще жив, охотно расскажут о тех временах, когда жили яркой жизнью единственно благодаря идее. Именно так я представляю себе Робеспьера в Аррасе»¹.

Юнгер двадцатых годов убежден: «Без идеи человек - ничто». Если осуществление идеи терпит крах, как во время Ноябрьской революции, значит, это вызвано необходимостью, значит, идея была недостаточно зрелой. И еще не пришло ее время. Задача индивидуума - поставить себя на службу идее. Когда имеют место великие исторические свершения, «человек действует лишь как орудие разума более высокого порядка» (с. 93)².

Не следует забывать о том, что корни исторических воззрений Юнгера - в исторической науке 19 века и отмечены типичной для исторической школы склонностью к историософским спекуляциям. Карл Левит, который видел в Юнгере наследника Ницше, отмечал, что «Юнгер принадлежит еще бюргерской эпохе», в силу чего он оказывается в довольно сложной ситуации, когда старого уже нет, а новое еще не полностью обрело смысл и значение³.

Под влиянием виталистской телеологии Ницше Юнгер обосновывает свои историософские построения данными биологии: «Чем больше наблюдаешь, тем больше приходишь к вере в то, что все таинственным образом направляет великая биологическая целесообразность» (с. 171)⁴. Для Юнгера в феномене времени нет ничего

¹ *Ernst Jünger: Strahlungen*. Tübingen: Heliopolis-Verlag 1949, S. 308 f. (Das zweite Pariser Tagebuch)

² Из предисловия ко второму изданию *Der Kampf als inneres Erlebnis* (Berlin: Mittler & Sohn 1926).

³ *Karl Löwith: Von Hegel bis Nietzsche*. Zürich, New York: Europa Verlag 1941, S. 352.

⁴ Aus *Der Neue Typ des Deutschen Menschen* In: *Stahlhelm-Jahrbuch 1926*. Magdeburg: Stahlhelm-Verlag 1925.

случайного, ибо время - это «таинственный и мощный поток, который пронизывает все сущее и определяет его внутреннюю жизнь, подобно тому, как электрический поток подчиняет себе атомы, составляющие металлическое тело» (с. 182).

«Консервативная революция»

Обращаясь к корням юнгеровского мышления, мы вовсе не хотим умалить оригинальность Юнгера как художника и мыслителя, и отнюдь не намерены поддерживать сторонников известной тенденции в современной мысли, согласно которой философия жизни органично вырастает в фашизм. Мы лишь хотим связать историософию Юнгера с «консервативной революцией». Итак, зададимся вопросом: можно ли отнести учение Юнгера к духовному движению эпохи Веймарской республики, которое получило название «консервативной революции». Важнейший «консервативный» момент в мышлении Юнгера заключается в понятии «общность».

Чувство «общности великой судьбы», столь характерное для начала войны, осознание национальной идеи и всеобщее ей подчинение были для Юнгера признаками принципиального исправления политического курса: «Мы усматриваем в этом первую попытку восстановления утраченной связи, ощущение более твердой уверенности, которая на уровне личности проявляется в форме инстинкта» (с. 86).

Юнгер приветствует революцию, но вместе с тем он сознательно ограничивает ее значение, понимая ее лишь как средство, а не как цель. Она может быть только средством, ибо «фронтовику присуща своя духовная традиция, и он знает: величие и сила набирают могущество в процессе органического взращивания, их невозможно произвести из голого отрицания, из пустого угара. Фронтвик не отвергает войну, но с гордостью черпает из живого памятования о ней могучие силы для решения новых задач. И он никоим образом не отвергает деяния своих воинственных предков, напротив, в них он видит самую надежную основу для нового, величайшего рейха» (с. 124, 128).

Идеология Консервативной революции преследовала следующую цель: вернуть мироощущению военного поколения органическую взаимосвязь со всеми аспектами жизни. Выступления в

поддержку «Консервативной революции» питались также в значительной мере решимостью примкнуть к зрелой традиции. Лозунг Юнгера тех лет, что революция должна следовать за традицией, определяется в большей степени его *negativo*. Связь, которую Юнгер хотел установить между своей исторической философией жизни и своим национализмом, оставалась чисто демонстративной. Ей не хватало внутренней взаимосвязи.

Убедительный довод в пользу наличия этой взаимосвязи имел место лишь в форме попытки внушить индивидууму чувство принадлежности к органически развившейся нации. Тем не менее установление такой связи с нацией не следует настойчиво сводить лишь к юнгеровской концепции авторитарного национализма. Необходимо было лишь одно: отвергая враждебные по духу мировоззрения, поместить индивидуум в систему органических связей. В соответствии с этой концепцией за кризис, который испытывает лишенный корней индивидуум, несет ответственность либерализм и связанная с ним идея парламентской демократии.

Поэтому гораздо большую угрозу Юнгер видит «не в марксистском бастионе» (с. 148, 151), а во всем, что так или иначе связано с либерализмом: «Вопрос о собственности не относится к существенным вопросам, которые размежевывают нас с коммунистами. Коммунизм как боевое движение гораздо ближе нам, чем демократия, и с ним можно, вне всяких сомнений, прийти к соглашению независимо от того, какой он будет иметь характер: мирный или воинственный» (с.117).

После «Стального шлема»

Этих девятнадцати статей, опубликованных в приложении «Штандарте» между сентябрем 1925 г. и мартом 1926 г., вполне достаточно, чтобы показать, что Юнгер вовсе не был одиночкой, чувравшимся политики. На это однозначно указывают его страстные выступления в прессе, даже если оставить в стороне его откровенно политические заявления. Кроме того, говоря об узком круге единомышленников, к которому Юнгер тогда принадлежал (с. 197), он неизменно пользуется местоимением «мы»: «Мы, националисты»

(с. 207). Статья начинается с обращения: «Националисты! Фронтовики и рабочие!» (с. 250). А в другой статье мы встречаем такую фразу: «Я говорю от имени сотен тысяч фронтовиков» (с. 267).

Тем более удивительно то, что пишет в своем послесловии издатель этих статей, Свен Берггек: «Хотя Юнгер обрел довольно большую читательскую аудиторию, она в значительной степени ограничивалась людьми, у которых был такой же жизненный опыт, как у него, или очень похожий». Далее Берггек пишет, что Юнгер оказывал на этот контингент читателей значительное влияние, но при этом «едва ли обладал столь же значительным влиянием на формирование общественного мнения» (с. 867).

Почему умонастроения 170 тысяч фронтовиков, читавших «Стальной шлем» нельзя считать важной составляющей общественного мнения, остается загадкой. Быть может, Берггек хотел сказать, что члены «Стального шлема» и сами по себе, без Юнгера думали и чувствовали именно то, о чем он писал? Но о каком авторе нельзя сказать, что он лишь выражает то, что думают и чувствуют его читатели? Еще более неожиданным кажется заключительный вывод Берггека: «Юнгер уже в те годы был далек от политики и ему были близки преимущественно утопические представления» (с. 868). Как будто утопия и политика представляют собой непримиримые противоположности!¹

Приложению к «Стальному шлему» «Штандарте» не суждена была долгая жизнь. Уже семь месяцев спустя, в марте 1926 г. из-за разногласий с руководством союза «Стальной шлем» приложение вышло в последний раз. Его сменил печатный орган с похожим названием: «Штандарте. Еженедельное издание сторонников нового национализма». Его издателями были: Эрнст Юнгер, Гельмут Франке, Франц Шаувекер и Вильгельм Кляйнау. Однако его тираж (всего лишь несколько тысяч экземпляров) даже близко не приближался к тиражу предыдущего «Штандарте».

Взаимопонимание, установившееся между издателями, наглядно проявляется в программной статье Гельмута Франке, написанной для первого номера нового «Штандарте»: «Мы, члены редколлегии

¹ Интересно сравнить эту точку зрения с мнением Маркуса Йозефа Кляйна: «Невозможно переоценить роль Юнгера в координации деятельности националистических кругов в Берлине». Markus Josef Klein: Ernst von Salomon. Eine politische Biographie. Limburg an der Lahn: San Casciano Verlag 1994, S. 152.

«Штандарте», принадлежим к самым разным политическим направлениям: от консервативного до младосоциалистического. У фашистского - нет программы. Оно просто растет и действует»¹.

Однако новый «Штандарте» просуществовал недолго. В августе 1926 г. издание было временно закрыто, так как в одной опубликованной в нем статье («Мученики национализма») фактически оправдывались убийства Вальтера Ратенау и Матиаса Эрцбергера. В ноябре 1926 г. Юнгер вместе с Гельмутом Франке и Вильгельмом Вайсом основал другое издание: «Арминий. Боевое издание немецких «националистов» (частично с подзаголовком «Нойе Штандарте»), и оно просуществовало вплоть до сентября 1927 г. В октябре того же года вместе с Вернером Ласом Юнгер учредил печатный орган «Формарш. Газета националистической молодежи», выходивший до 1929 г. Следующее издание также было совместным проектом Юнгера и Вернера Ласа. С января 1930 г. по июль 1921 г. они выпускали журнал «Комменден. Независимое от всех объединений и союзов еженедельное издание немецкой молодежи».

Итак, в период между 1926 и 1930 гг. Юнгер непрерывно выступал в роли автора и издателя. Наряду со множеством статей, которые он писал для своих изданий, Юнгер публиковался и в нескольких других печатных органах, например в «Дойче Фолькстум» Вильгельма Штапеля.

Отдельные статьи появлялись также в изданиях демократических левых, например, в «Литерарише Вельт» Вилли Хааса и «Дас Тагесбух» Леопольда Шварцшильда. В них Юнгер излагал свою концепцию национализма. Значительное число статей Юнгер размещал в издании Эрнста Никиша «Видерштанд. Орган национал-революционной политики». После 1931 г. он писал почти исключительно для этого издания. Этот период политической активности Юнгера, когда были опубликованы его основные политические статьи, завершается в 1930 г.

¹ *Helmut Franke: Sterbender Kriegerverein. B Standarte. Wochenschrift des neuen Nationalismus*, 1. April 1926, Nr. 1, здесь цит. по Karl O. Paetel: *Versuchung oder Chance? Zur Geschichte des deutschen Nationalbolschewismus*. Göttingen: Musterschmidt-Verlag 1965, S. 63.

Юнгер и младоконсерваторы

После того как в октябре 1926 г. руководство «Стального шлема» выдвинуло лозунг о сотрудничестве с государством, Юнгер резко дистанцировался от союза. В ноябре 1926 г. он выразил свою негативную реакцию на происшедшее в «Стальном шлеме», заявив, что движение должно быть свободно от «организованных объединений, которые обращаются в кандалы» (с. 258): «Мы требуем движения в чистой форме, а не налаживания связей с государственным аппаратом» (с. 259). В феврале 1927 г. он повторил это обвинение в «Армии»: «Стальному шлему» ныне присуща «бюргерская» и, соответственно, либералистическая природа» (с. 305).

За решением о сотрудничестве с государством, о котором заявило руководство «Стального шлема», стояли – по мнению Юнгера – определенные группы заинтересованных лиц. Вот что он пишет по этому поводу: «С помощью приглашенных руководством союза опытных специалистов, которые достигли довольно высокого уровня в искусстве политического балансирования (не в последнюю очередь благодаря постоянному участию в известном эзотерическом дискуссионном клубе в Западном Берлине), лозунг о примирении с государством стараются истолковать таким образом, что он равным образом может быть своей противоположностью» (с. 305).

После того, как Юнгер и его соратники были вытеснены из «Стального шлема», влияние членов «Июньского клуба» значительно возросло¹. Вместе с теоретиком сословного государства Хайнцом Браувайлером на общем фоне выделялся «антибольшевик» Эдуард Штадтлер². Перед войной он был секретарем молодежного движения партии Центра, а после нее получил известность благодаря основанию Антибольшевистской лиги. Штадтлер был одним из первых,

¹ Vgl. *Alois Klotzbücher*: Der politische Weg des Stahlhelm, Bund der Frontsoldaten, in der Weimarer Republik. Ein Beitrag zur Geschichte der "Nationalen Opposition" 1918–1933. Phil. Diss. Tübingen: [1965], S. 113.

² О роли Эдуарда Штадтлера в «Стальном шлеме» см. *Ferdinand Muralt*: Der «Stahlhelm» und die große Politik. In: *Hochland*, 30. Jg., Okt. 1932–März 1933, Band 1, S. 193–204; а также *Eduard Stadtler*: Seldte – Hitler – Hugenberg! Die Front der Freiheitsbewegung. Berlin: "Das großdeutsche Reich" 1930.

кто сформулировал тезис о взаимосвязи революции и консерватизма¹. В начале двадцатых годов он был одной из ведущих фигур в «Июньском клубе».

Если под Консервативной революцией понимать политическое движение, объединявшее отдельных личностей и многочисленные политические группы, видевших перед собой общую цель, то следует прояснить, в каких отношениях эти последние были друг с другом, а также где и как они объединялись.

В августе 1926 г. Юнгер писал: «Дух этого национализма витает в больших городах» (с. 234). В июне 1927 г. вместе с семьей он переехал из Лейпцига в Берлин. Сначала он жил на Ноллендорфштрассе в Шенеберге, то есть в непосредственной близости от Моцштрассе, где младоконсерваторы проводили собрания в доме Шуцбунда под номером 22. Однако в Западном Берлине Юнгер задержался ненадолго. Уже год спустя он переезжает в восточную часть города, на Штралауер-аллее, где преимущественно жили рабочие², затем - на Дортмундерштрассе, вблизи Беллевию, а в 1932 г. в спокойный буржуазный Штеглиц. Разумеется, нельзя на основании перемены места жительства судить об эволюции его взглядов. Но не было также и чистой случайностью, что Юнгер на первых порах жил в непосредственной близости от Моцштрассе, что «Рабочего» он писал, проживая в рабочем квартале, что его постепенный отказ от активной политической пропаганды совпал с переездом в Штеглиц.

О контактах Юнгера с младоконсерваторами известно крайне мало. Ганс-Йоахим Швирскотт в своей биографии Меллера приводит список участников движения младоконсерваторов, где стоит и имя Юнгера³. Но отношения между Юнгером и младоконсерваторами

¹ *Eduard Stadtler*: Diktatur der sozialen Revolution. Leipzig: K. F. Koehler 1920, S. 143: «Я полностью отдаю себе отчет в том, что этот лозунг носит одновременно и консервативный, и революционный характер, как, впрочем, и то, что требуется в политической деятельности от меня».

² *Horst Mühleisen*: Ernst Jünger in Berlin. Frankfurt an der Oder: Förderkreis Kleist-museum 1998.

³ См. *Hans-Joachim Schwierskott*: Arthur Moeller van den Bruck und der revolutionäre Nationalismus in der Weimarer Republik. Göttingen: Musterschmidt-Verlag 1962. Anhang B, II. Mitarbeiter, Mitglieder der Jungkonservativen Vereinigung und Einzelverbindungen, S. 176–179, здесь S. 177. К сожалению, Швирскотт не указывает, на основании каких источников он составляет этот список. По

были довольно напряженными. В политических текстах Юнгера несколько раз упоминается имя Меллера, но, кроме ссылки на книгу Эдгара Юлиуса Юнга «Господство неполноценных» (с. 432), у нас нет каких-либо определенных свидетельств о развернутой полемике с младоконсерваторами.

Процитированная выше ядовитая фраза об «эзотерическом дискуссионном клубе в Западном Берлине» указывает на то, что во многих существенных пунктах Юнгер резко расходился во взглядах с такими младоконсерваторами, как Эдгард Штадтлер, Макс Хильдеберт Бем и Эдгар Юлиус Юнг. Возможно, они были для него слишком либеральными, слишком христианскими, слишком преданными государству. Идею иерархически организованного сословного общества Юнгер решительно отвергал: «Имея своим основанием общность крови и характера, мы намерены объединяться в небольшие группы и крупные сообщества независимо от образования, сословной принадлежности и материальной обеспеченности, но при этом мы непременно будем отмежевываться от всего, что нам чуждо» (с. 212).

Младоконсерваторы, группировавшихся вокруг Меллера ван ден Брука, после его смерти в 1925 г. выступали против Юнгера с резкой критикой. Последовательные выпады Юнгера на все буржуазное (этот ведущий мотив его политической публицистики наиболее радикальное выражение получил в «Рабочем») вызвали сильные возражения со стороны Макса Хильдеберта Бема¹. Вместе с тем некоторые младоконсерваторы Юнгера поддерживали. Так, например, философ Альберт Дитрих (ученик Эрнста Трельше и член «Июньского клуба» с первых дней его учреждения), вступил в перебранку с Бемом по поводу его нападок на Юнгера². Кроме того Юнгер поддерживал позитивные отношения с другим флангом младоконсервативного движения, представленным так называемым «Таткрайсом» Ганса Церера, Гизелера Вирсинга и Фердинанда Фрида³.

мнению Фая, Юнгер был бы немало удивлен, увидев в этом списке свое имя. *Jean Pierre Faye: Totalitäre Sprachen*, Band 1, Berlin: Ullstein 1977, S. 104.

¹ См. критические отзывы Бема на книгу Юнгера «Рабочий»: *Max Hildebert Boehm: Der Bürger im Kreuzfeuer*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht 1933.

² Из переписки между Дитрихом и Бемом, которая хранится в архиве Юнгера, можно сделать вывод о том, что Юнгер и Дитрих состояли в тесных дружеских отношениях. См. *die Briefe von Max Hildebert Boehm an Albert Dietrich und vice versa vom März / April 1933*, DLA Marbach.

³ О противоречиях между «Таткрайсом» и вышедшим из «Июньского клуба»

Возможности интерпретации взглядов Юнгера

Зададимся вопросом: оправданно ли включать Юнгера в число деятелей Консервативной революции? Однозначно ответить на этот вопрос невозможно. Но для того, чтобы максимально приблизиться к его решению, следует обсудить по крайней мере три темы.

Во-первых, личные взаимоотношения Юнгера с различными политическими фигурами той эпохи. Сам факт наличия этих отношений может помочь нам найти определенные признаки, указывающие на совместную деятельность ради достижения тех или иных общих целей, пусть даже на конечном ее этапе эти цели в чем-то могут и не совпадать. Во-вторых, необходимо исследовать и сравнить конкретные политические позиции Юнгера и его временных политических союзников. И, наконец, в-третьих, следует искать общие черты в их менталитете, а также в стиле мышления.

Что касается первой темы, мы уже сделали ряд наблюдений. Однако работа в этом направлении требует тщательного разбора обширного наследия Юнгера. И тогда, используя информацию, полученную из его писем и иных документов личного характера, мы сможем воссоздать известные и неизвестные связи.

Вторая тема хорошо освещена в работах Стефана Бройера. Сравнивая конкретные политические позиции многочисленной группы различных авторов, групп и союзов, которые Армин Мелер и некоторые другие деятели называли Консервативной революцией, Бройер убедительно показал, что если рассматривать составляющие этого движения по отдельности, то их единственным общим знаменателем окажется только критика либерализма.

По мнению Бройера, этого недостаточно, чтобы говорить о единой структуре, поскольку яростной критикой либерализма отличалась и другая сторона. Поэтому, утверждает Бройер, следует

кружком единомышленников, собравшихся вокруг Меллера ван ден Брука и Генриха фон Гляйхена см. *Wilhelm Wunderlich: Die Spinne*. In: *Die Tat*, 23. Jg., Heft 10, Januar 1932, S. 841–844.

отказаться от термина «Консервативная революция», так как речь идет всего лишь о мифе, восходящем преимущественно к Мелеру¹.

Поиск общих моментов, объединяющих все группы, составляющие движение Консервативной революции, можно вести и по ту сторону конкретных политических программ, на уровне стиля мышления и менталитета. Для Мелера эта третья возможность имеет решающее значение. Ярким примером такого подхода здесь может служить концепция Ницше о «вечном возвращении одного и того же». В ней Мелер видит попытку нанести удар по христианскому пониманию истории. Эта концепция представляет собой противоположность линейной модели времени, с которой связана идея прогресса.

Правда, Мелер отмечает, что эта концепция «не является обязательной в равной мере» для всех, кого он причисляет к Консервативной революции, но тем не менее он видит значимую для этого движения идею предельно ясно сформулированной именно в учении Ницше. Он следует за Ницше в следующих моментах: диагноз упадка ценностей и принятие этого процесса (нигилизм) вплоть до полного разрушения старых (христианских) ценностей, дабы разрушение обернулось созиданием².

Бройер находит схожие черты, общие для различных направлений Консервативной революции также на уровне менталитета. Если в конкретных политических позициях он находит не так много соответствий, чтобы можно было говорить о Консервативной революции как о полноценном политическом движении, он все же обнаруживает у всех авторов «сочетание апокалиптических настроений и готовности прибегнуть к насилию вкупе с духом воинственности, всегда

¹ См. *Stefan Breuer*: Die konservative Revolution – Kritik eines Mythos. In: Politische Vierteljahrsschrift, 31. Jg., Heft 4 (1990), S. 585–607; ders.: Anatomie der Konservativen Revolution. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1993, 1995.

² *Armin Mohler*: Die konservative Revolution in Deutschland 1918–1932. Stuttgart: Vorwerk-Verlag 1950, 1972², S. 109. Во втором незначительно переработанном издании база источников значительно расширена, а третье содержит дополнительный том и список опечаток (Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1989).

царившим в мужских союзах»¹. И все же это вывод, как отмечает сам Бройер, носит слишком широкий и неопределенный характер, и поэтому он столь же неудовлетворителен, как и вывод об общности течений в рамках Консервативной революции, сделанный всего лишь на основе критики либерализма.

Вывод, сделанный Меллером, напротив, отличается излишней узостью. Поэтому его утверждение о том, что Консервативная революция изначально была направлена против христианства, было сразу же после выхода первого издания его книги подвергнуто резкой критике².

В рамках этой критики Меллеру можно возразить, что его воззрения носят слишком односторонний характер, ибо в центре его построений - неорганическая идея консерватизма. Если Меллер (вслед за Альбрехтом Эрихом Гюнтером) понимает под консерватизмом «приверженность не тому, что было вчера, но тому, что обладает непреходящей ценностью», то он делает акцент лишь на одной стороне консерватизма³. Ибо немецкий консерватизм, который следует рассматривать в общем контексте породившей его эпохи, своим возникновением в значительной степени обязан романтизму, с которым он связан органиологически и исторически (здесь следует указать на идею органического развития, которая и сама находится в процессе саморазвития и принимает различные формы истины как надвременной ценности).

В меллеровском определении консервативного традиция романтического консерватизма, та же самая традиция, которой обязаны своими воззрениями большинство младоконсерваторов, в значительной степени была отодвинута на задний план⁴. Так возникает

¹ *Stefan Breuer*: *Anatomie der Konservativen Revolution*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1993, 1995², S. 47.

² См. *B. Wilhelm Stapel*: *Kann ein Konservativer Gegner des Christentums sein?* In: *Deutsches Pfarrerblatt* 51 (1951), S. 323–325.

³ *Armin Mohler*: *Die Konservative Revolution in Deutschland 1918–1932*, Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft 1972², S. 116. Зонтхаймер также делал особый акцент на «вечном». См. *Kurt Sonthheimer*: *Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik*. München: Nymphenburger Verlag 1962, S. 150.

⁴ Упомянутые противоречия между идеей развития и устоявшимися ценностями типичны для разногласий в рамках младоконсервативной мысли. См. *B. Gustav Steinbömer*: *Betrachtungen über den Konservatismus*. In: *Deutsch-*

неверное представление, что та же самая группа, которая сделала популярным лозунг о Консервативной революции, в меллеровском понимании этой революции оказывается маргинальной группировкой, которой лишь весьма условно можно приписать революционные взгляды¹.

Отсюда вполне закономерным является предположение Меллера о том, что при соединении младоконсервативного христианства и Консервативной революции (причем лишь в том смысле, которым он наделяет ее сам) одно из двух потерпит ущерб.

К специфическим чертам органологического мышления в немецком консерватизме главным образом следует причислить два момента: во-первых, восприятие индивидуума как неотъемлемой части общества, во-вторых, концепция истории, согласно которой одно органично должно вырастать из другого. С тех пор, как вышла книга Эдмунда Берка, посвященная критическому осмыслению французской революции, консервативная позиция подразумевает критическое отношение к любой радикальной перемене в обществе. С этой точки зрения отвергается не всякое изменение вообще, но такое изменение, которое не вызрело в обществе органически.

Беря начало из критики французской революции, консерватизм с самого начала обладает апоретической структурой, свойственной Консервативной революции². Если однажды органическая взаимосвязь нарушается, консерватор должен прибегнуть к средству, которое он отвергает. Путем радикальных мер он должен вновь попытаться восстановить общественные связи. Никакой консерватизм не может заново создать свои ценности.

es Volkstum. Halbmonatsschrift für das deutsche Geistesleben. Hrsg. von Wilhelm Stapel und Albrecht Erich Günther. Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt 1. Halbjahr (1932), S. 25–30, hier S. 26: “Консерватизм ориентируется на вечный порядок сердца, а не на меняющиеся идеалы ratio. Поэтому он всегда и присущ человеку. (...) Государственные и общественные формы, в которых стремится к реализации подобная позиция, могут весьма различаться в пространстве и времени в силу таких факторов, как Кровь и Почва”.

¹ *Armin Mohler: Die Konservative Revolution in Deutschland 1918–1932. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft 1972*², S. 141.

² Об этих апориях см. *Oscar H. Schmitz: Radikale und konservative Einstellung. In: Europäische Revue. Hrsg. von Karl Anton Rohan, Leipzig: Verlag der Neue Geist, Jg. 1, Heft 1, April 1925, S. 38–44.*

Но чем глубже в прошлом сокрыты ценности, тем труднее оказывается попытка вновь обрести единство. Как показывают исследования Бройера, после Первой мировой войны консерватизм в Германии уже не был единодушным в понимании того, в чем должно заключаться содержание общественных ценностей. На основании этого Бройер делает следующий вывод: больше не имеет смысла рассуждать о Консервативной революции, поскольку это понятие по сути оказывается пустым. Однако мы считаем его вывод преждевременным. Термин «Консервативная революция» вполне адекватно передает общие идеи различных консервативно настроенных групп, и можно осмысленно говорить о «Консервативной революции» как о движении гораздо более тесно связанном с общественной жизнью эпохи, чем это показано в работах Меллера и его последователей.

Консерватор ли Юнгер?

Сам Юнгер никогда не причислял себя к «Консервативной революции» и не пользовался этим термином. Уже само понятие «консервативного», как правило, означает для него нечто чуждое. В сборнике «Граффити» (1960) он довольно холодно отзывается об идее «Консервативной революции»¹.

В июне 1977 г. Юнгер сказал Альфреду Андершу: «Вы причисляете меня не к национальным консерваторам, а к националистам. Подытоживая пройденный путь, могу сказать, что вполне с этим согласен»².

Тем не менее, тот факт, что термин «Консервативная революция» не встречается в работах Юнгера, вовсе не означает, что в его взглядах нельзя обнаружить некоторые существенные составляющие

¹ *Ernst Jünger: Sgraffiti*. Stuttgart: Klett 1960, S. 122: “Уже само это слово «консерватор» носило на себе печать чувства дефицита, нехватки. Поэтому консервативная революция всегда должна свершаться в вакууме и терпеть крах, как всегда и случалось на протяжении истории. Напротив, каждый индивидум носил свой слой в себе, даже если открыть его можно было лишь ключом сознания. Этот ключ не следует передавать молодежи, он должен стать предметом осознанного припоминания. В принципе человек не хочет возвращаться назад. Он предпочитает познание, одухотворение, даже если оно будет связано с болью.”

² *Ernst Jünger: Siebzig verweht II*. Stuttgart: Klett 1981, S. 315.

этого понятия. Дело в том, что Юнгер был убежден, что только путем революции возможно преодолеть внушающее отвращение настоящее.

Остается лишь выяснить, в какой же мере желаемые изменения могут считаться консервативными. В статьях за 1925 и 1926 гг. присутствуют некоторые высказывания, типичные для мышления консерваторов, например: значение общности и значение традиции.

Приблизительно с весны 1926 г., то есть в период, который был наиболее стабильным в политической жизни Веймарской республики, взгляды Юнгера становятся все более радикальными. О значении традиции больше нет и речи.

При поверхностном рассмотрении трудно заметить перемены в его взглядах, поскольку еще в сентябре 1929 г. он по-прежнему определяет суть национализма через утверждение так называемых «четырех пунктов», которыми определяются политические цели националистов: национальное, социальное, обороноспособное и авторитарно устроенное немецкое государство (с. 504). Здесь снова Юнгер говорит о том, что смерть солдат, павших в великой войне должна обрести свой великий смысл (с. 239), и что все существенное можно лишь пережить, но не постичь разумом (с. 228).

Определяющим остается и значение идеи: «Новых целей требует наша кровь: идей, которыми можно опьяняться; движения, ради которого можно ее проливать; жертв, благодаря которым достигается самоотречение» (с. 196).

Приблизительно с середины 1926 г. наблюдается очевидное смещение акцентов. Теперь Юнгер все сильнее делает акцент на необходимости чистого движения и чистой динамики. Сила действия в том, «что она на сто процентов остается движением» (с. 256, с. 267)¹. Юнгер дает интересную оценку коллективной души своего поколения: «Мы, тридцатилетние, рано прошли суровую школу, и то, что в нас не укоренилось, то и не следует укоренять» (с. 206).

Разрыв со «Стальным шлемом» был для него чем-то гораздо большим, чем просто событием из мира повседневной политики. Этот разрыв знаменует начало новой агрессивной кампании. Юнгер

¹ См. *Hermann Rauschnig: Die Revolution des Nihilismus*. Zürich / New-York Europa Verlag 1938. Для Раушнинга определяющим моментом в мировоззрении национал-социалистов выступает идея перманентной революции.

по-прежнему, но еще более яростнее требует революции и уничтожения демократии. Он гордится почетным титулом «националиста» и с полным правом причисляет себя к воинам, которые «рискуют, ибо пестуют в себе желание рисковать», дабы решительным образом отмежеваться от «миролюбивых обывателей». Так он пишет в мае 1926 г. (с. 213).

«У него (т. е., у националиста) есть святая обязанность - даровать Германии первую настоящую революцию, то есть революцию, которая ведется беспощадными идеями, открывающими новую эру. Революция, революция! Вот что следует проповедовать беспрерывно, яростно, систематически и непреклонно, и эта проповедь должна быть рассчитана на долгие годы. (...) Националистическая революция не нуждается в проповедниках порядка и покоя, она нуждается в глашатае, который изречет:

«Возвысится над вами Господин с острым мечом!» Она должна избавить слово «революция» от того мелкого и смехотворного смысла, которым оно обременено в Германии уже почти сто лет. Великая война породила новую породу людей, возлюбивших опасность, найдем же для этих людей лучшее применение!»

Принципиальное неприятие демократии все более отдаляло Юнгера от национал-социализма. Перед выборами он писал в августе 1926 г.: «Теоретически объявить мероприятие безнравственным и одновременно практически в нем участвовать: в этом - судьбоносный раскол (...) Следует требовать всеобщего и строгого запрета на участие в выборах» (с. 243).

Еще ранее Юнгер дал ясно понять, что не видит непреодолимого противоречия между социализмом и национализмом. В декабре 1926 года он открыто объявил себя сторонником большевистской экономической политики: «Мы стараемся убедить хозяйственников в том, что наш путь быстрее всего ведет к той направляемой государством централизации, которая только и может сделать нас конкурентоспособными» (с. 269).

Историзм

Критикуя либерализм с позиций романтизма и «идей 1914 г.», Юнгер утверждал: нет нравственного закона самого по себе, любой закон определяется природой. Ибо природа «подчинена не законам прогресса, а законам развития. Как в желуде уже предопределен дуб, так и в характере ребенка уже виден характер взрослого» (с.210). Всеобщие истины, всеобщая мораль чужды историзму Юнгера.

«Напротив, мы верим в глубочайшую обусловленность истины, права и морали - временем, пространством и кровью. Мы верим в ценность особенного (...). Но верят ли во всеобщее, или в особенное, это не так важно, ибо в вере вообще важно не содержание, но ее пыл и ее абсолютная власть» (с.280).

Тогда, в январе 1927 г., Юнгер в своих высказываниях предвосхищал основной мотив книги «Сердце любителя приключений»: «Не существует права самого по себе, но оно утверждается, причем не всеобщим, а особенным» (с. 283). В самой книге это выражено еще более отчетливо: «Отсюда следует, что наше время требует помимо всех прочих одной добродетели: решительности. Весь вопрос в дерзновении, в том, чтобы дерзнуть желать и верить, вне зависимости от содержания этого желания и этой веры»¹.

Если обзор процесса исторического становления ставит под вопрос абсолютизацию чего бы то ни было, это может закончиться крахом: ни одно не будет более истинным и более обязывающим, чем другое.

Может случиться так, что единственно верным будет сделать акцент на необходимости выбора. Но если безразлично, что выбирать, то выбирают не позицию, для которой можно найти основания, пусть даже не рациональные. Ибо здесь речь идет, как это увидел и Юнгер, о чистом нигилизме. Независимо от того, как понимать этот нигилизм, как стадию упадка, или, напротив, подъема, эту позицию невозможно привести в соответствии с консервативными взглядами.

¹ *Ernst Jünger: Das Abenteuerliche Herz. Berlin: Frundsberg-Verlag 1929, S. 180.*

Антиисторизм

В сентябре 1929 г. в леволиберальном еженедельнике «Тагебух» (его издавал Леопольд Шварцшильд) появляется статья Юнгера, в которой особенно ярко изложена его позиция по отношению к консерватизму. Шварцшильд попросил Юнгера рассказать о своих взглядах. Непосредственным поводом послужили террористические акции движения ландфолька, которые с горячностью обсуждалось в левой прессе.

Шварцшильд представил Юнгера своим читателям как «беспорного духовного лидера» молодых националистов, для которых «даже Гугенберг, Гитлер и коммунисты являются реакционными обывателями» (с. 788). Юнгер недвусмысленно заявил, что его национализм «не имеет ничего общего с консерватизмом» (с. 504, 218)¹. Его критика парламентской демократии затрагивает все, что не выходит за пределы существующей системы, а все революционные силы внутри государства он считает союзниками, пусть даже бессознательными (с. 506). Поэтому разрушение для Юнгера - единственно приемлемое средство: «Коль скоро мы - настоящие, подлинные и неумолимые враги бюргерства, его распад и разложение доставит нам удовольствие» (с. 507)².

Статья в «Тагебух» вызвала яростную дискуссию в связи с политическими взглядами Юнгера. Несколькими месяцами спустя, в печатном органе «Видерштанд» Э. Никиша Юнгер по этому поводу заявил: «Переход на сторону анархии окончательно произошел в 1927 г., хотя сначала он обсуждался «в самом узком кругу».

«Передо мной лежат подборки моих писем за этот год, которые изобилуют рассуждениями о том, что мы тогда называли нигилизмом, и что мы завтра, вероятно, назовем иначе — быть может, даже консерватизмом, если это название нам понравится. Ибо хаос и по-

¹ В книге «Сердце любителя приключений», которая вышла в то же самое время, Юнгер отстраненным тоном социолога говорит о революционерах внутри консервативных партий как об одном из симптомов современной ему эпохи. Ernst Jünger, *Das Abenteuerliche Herz*. Berlin: Frundsberg-Verlag 1929, S. 155f.

² См. нынешний издательский план Haus Klett-Cotta: «Публицист, который с резко критических позиций прекрасно вскрывал недостатки в политической и общественной жизни во времена Веймарской республики и развивал радикальные альтернативные проекты». Gesamtverzeichnis 2002, Klett-Cotta, S. 20.

рядок находятся в гораздо более тесном родстве, чем принято думать» (с. 541)¹.

В одном из писем, из которых Юнгер цитирует два довольно длинных отрывка, сказано: «мы принадлежим к поколению эфемерному, но подлинному», ибо мы «проходим через нигилизм и еще не в состоянии сформулировать свои убеждения» (с. 542). Далее Юнгер комментирует свои высказывания: «В основе такого хода мыслей лежит стремление очистить бытие от всех новообразований, находящихся в процессе становления, дабы вверить его более глубоким и эффективно действующим силам, которые выступают не как жертвенные, но как движущие силы катастрофы» (с. 543).

Итак: то, что умозрительно представлял себе Юнгер и его круг, означало радикальный разрыв с исторической традицией вообще. С точки зрения немецкого консерватизма нельзя представить себе более антиконсервативную позицию. Юнгер полностью осознавал свой антиконсерватизм, противопоставляя его консерватизму в любой форме:

«Для консерватора исходная точка характеризуется древностью, для революционера — молодостью. Сегодня почти всем без исключения направлениям консерватизма сотня лет (...) Иными словами: сфера влияния либерализма обладает ныне большей протяженностью, чем обычно считают, и чуть ли не каждая дискуссия проходит в рамках этой сферы» (с.589).

В статьях за 1930 год антиисторицистский пафос находит свое дальнейшее выражение². В мае 1930 года Юнгер пишет: «Наше восприятие общества носит анархический характер (...). Повсеместно обнаруживается стремление к новому порядку, к созданию новых, в высшем смысле человеческих ценностей. Но эволюция невозможна! Только грядущая с насущной необходимостью революция может принести улучшение. (...) Лишь когда будет достигнута низшая точка в трансформации культурно-политического пространства, напол-

¹ К сожалению, в комментарии Бергтеца не упоминается, известно ли что-нибудь о местонахождении писем.

² О свойственном радикальной молодежи (в данном случае итальянским футуристам) тяготении к антиисторизму, см. *Benedetto Croce: Antihistorismus*. In: *Historische Zeitschrift*, Band 143 (1931), S. 457–466.

ненного иллюзией, у нас произойдет подъем в соответствии с железным законом истории! (с.583).

Если под Консервативной революцией понимать радикальную попытку вновь оживить - в эпоху господства антиконсервативных настроений - то, что в Германии традиционно называют консерватизмом, то после 1926 г. Юнгера никоим образом нельзя причислить к этому течению.

Меллер, который опирался на внеисторическое и, пожалуй, даже антропологическое представление о консерватизме, видит во взглядах Юнгера, высказанных им в 1929 г. чуть ли не идеальный тип мировоззрения Консервативной революции. Но здесь все же налицо противоречие. Отказ от любой исторической традиции означает также отказ от философии истории, тогда как Юнгер по причине своих идейных привязанностей в значительной степени остается приверженцем историософского мышления¹.

Перевод с немецкого Андрея Игнатьева

¹ Упоминаемые здесь противоречия между взглядами Юнгера и концепцией «Консервативной революции» у младоконсерваторов можно обнаружить и у Карла Шмитта в его критике романтизма. В 1930 г. на Юнгера произвела сильное впечатление книга Шмитта *Politische Romantik* (Berlin: Duncker & Humblot 1919, 1925). См. письмо Юнгера Шмитту от 2 августа 1930 года в: Ernst Jünger, Carl Schmitt, Briefe 1930–1983, Stuttgart: Klett-Cotta 1999, S. 6.

Эрнст Юнгер

ФРАГМЕНТЫ

Автор и авторство

Автор занимает определенное место в иерархии. Он состоит в непосредственном и свойственном лишь ему одному отношении к высочайшему Автору Вселенной. На этом основана его теология, ему самому неведомая. Произведения суть более или менее удачные переводы, делающие это неведомое достоянием видимого мира. Они указывают на некое отношение, которое не объять словом.

Поэтому всякое творение несовершенно. Совершенное же лежит за его пределами. Только благодаря этому запредельному возможно творчество. Отношение между автором и слушателем, зрителем, читателем обретаёт жизнь в незримом Третьем, которому сопричастны оба.

Никакое произведение само по себе не может полностью захватить читателя. Для этого необходимо его деятельное соучастие, которое простирается за пределы созданного автором. Чтобы загорелся свет, ток должен пойти через оба полюса.

«Граффити», 1960

Из «Дневников»

Кирххорст, 13 ноября 1945 г.

(...) Задача автора, если в глазах других людей авторство несет в себе какой-то смысл, - это создание духовного отечества, обители Духа. Ею может стать скромная ниша с изображением святого, скамья за воротами, деревенский дом, дворец, лесные и горные

просторы, пространство Космоса. Творчество пленяет мир гораздо сильнее, чем знание и политика, поэтому его победы выдерживают испытание временем.

И сегодня поэзия позволяет нам подняться на стены Трои, она открывает перед нами дворец Агамемнона. Как Герой обеспечивает гостеприимность и надежность обитаемых мест, так Поэт творит, чтобы их узнавали и помнили, чтобы впоследствии в них обрели духовную родину.

Щедрой рукой поэты раздаривают уютные пристанища, просторные жилища. Там, где поэтов нет, воцаряется запустение. Земли еще обитаемы, но уже негостеприимны. Для нас они утрачивают смысл и становятся внутренне чуждыми. (...)

«Излучения», 1941-1948

* * *

(...) О ты, одинокий читатель, жаждущий общества героев! И для тебя наступит время, когда ты станешь перелистывать полную приключений книгу мира. Эту книгу ты написал собственной кровью, чтение ее зовут воспоминанием. Тебе, как и каждому из нас, встретятся в ней неудачные страницы, в авторстве не хочется признаваться, и тогда ты говоришь себе, что на одном из рубежей, находящихся под твоей защитой, свой стяг водрузила пошлость. И поскольку ты - свой собственный автор, тебя вдвойне будет это терзать, ибо ты изменил себе и своему притязанию на действительность, которое состоит единственно в идее и соответствующей этой идее деятельности. Здесь станешь ты причастен тому плодотворному страданию, тому недовольству, которое лишь в себе самом черпает решающую помощь.

Быть может, с твоим Настоящим, сооружения которого ты слишком ценишь, чтобы принести их в жертву новым замыслам, ты поступишь так же, как с книгой, нагоняющей сон. Ты откладываешь ее в сторону, чтобы впоследствии вновь открыть, не испытывая ни малейшего участия, решительно прочесть до конца, до самой последней главы. Ибо я знаю тебя, ты - из тех юношей, в чьих сердцах Настоящее уже давно прочло свой приговор, и ныне они с болью

преследуют образы, некогда побуждавшие к действию, словно постыдный сон, достояние лишь недостойных. Длительность его ложной действительности зависит только от силы и страстности твоей воли к пробуждению.

«Авантюрное сердце», 1929

* * *

Сведенборг осуждает «скудость Духа», которая удерживает в тайне его познания и видения.

Но как быть с отвращением Духа, не желающего становиться разменной монетой? Как быть с аристократической замкнутостью Духа и его уединенностью в волшебных замках Ариосто? Подобно тому как золото в сплаве с медью превращается в деньги и ходит по рукам, Неизреченное унижает себя, отчеканиваясь в слове и делаясь общедоступным. Какой язык свободен от запахов, сопутствующих работе по передаче оттенков чувства? Тот, кто при свете дня тщится запечатлеть свои ночные грезы, видит, как они ускользают из сетей мысли, словно беспокойные стаи серебристых мальков, которых неаполитанские рыбаки порой замечают у самой поверхности вод залива.

В коллекциях лейпцигского Института минералогии я видел кусок горного хрусталя высотой около метра, который откололи при прокладке туннеля в массиве Сен-Готард. Поистине редкостная и неповторимая греза Материи!

Мною владеет подозрение, порой переходящее в уверенность, что среди нас есть Избранные, давно покинувшие библиотеки и пыльные арены. Вдали от мира, где-нибудь в сумрачном Тибете, они - за работой. Я верю в тех, кто бодрствует ночами в своих одиноких жилищах. Они недвижны, словно скалы, но в их потаенных пещерах брызжет искрами мощный поток. Снаружи его силой вращаются мельницы и в заданном ритме работают армии машин, здесь же, чуждый всякой цели, он пленен сердцами, что навеки лишены дневного света, словно пламенные колыбели всех сил и усилий.

За работой? Не они ли суть важнейшие артерии, в которых зримо пульсирует кровь? Наитягчайшие грезы грезятся в безымянных кладовых, в тех сферах, откуда законченное произведение видится

чем-то случайным и лишь в малой степени несущим в себе необходимость. Микеланджело в своих последних скульптурах лишь намечал лица: сокровенную жизнь каменных хризалид он вверил вечности, оставив мраморные глыбы безмолвно дремать в нишах. Проза Ницше в его «Воле к власти» — необузданное поле брани Мысли, реликт одинокой, чудовищной ответственности, фабричный цех, заваленный ключами: их бросил тот, у кого уже не было времени открывать и истолковывать. В зените творчества прославленный Бернини говорит об отвращении к законченной работе, а Гюисманс в позднем предисловии к роману «Наоборот» пишет, что не может читать своих книг. Было бы парадоксом, если бы некто, обладая оригиналом, стал изучать плохой комментарий. Великие романы остались недописанными. Они и не могли быть завершены, ибо пали жертвой своего замысла.

За работой? Где святые обители, в которых души в своих полночных царственных триумфах победоносно обретали сокровище милосердия? Где столпы отшельников, эти памятники возвышенного сообщества? Где сознание того, что мысли и чувства непреходящи, что есть некая тайная двойная бухгалтерия, и каждая потеря в какой-нибудь дальней графе выступает как приобретение? Единственное отрадное воспоминание связано с теми мгновениями минувшей войны, когда вспышка от разорвавшегося снаряда внезапно выхватывала из мрака одинокую фигуру часового, не покидавшего свой пост в течение многих часов. Братья! Те бессонные ночи, что вы провели на посту, среди смертельных опасностей, завоевали для Германии сокровище, которое никогда не иссякнет.

Вера в Одиноких берет начало в тоске по безымянному Братству, в жажде глубочайшего духовного отношения, какое только возможно между людьми.



«Авантюрное сердце»

* * *

(...) Наблюдение содержит в себе свободу. В той степени, в какой человеку удастся «представить» ситуацию, в которой он находится, сделав ее предметом своего наблюдающего духа, он освобождается от нее и возвышается над ней.

Едва ли индивидуум волен отказаться от участия в тех битвах, на которые его посылает государство. Но он свободно может занять позицию наблюдателя, и тогда он ставит государство себе на службу, словно это он - устроитель грандиозного спектакля. Но это возможно лишь в том случае, когда на своей внутренней арене он уже одержал победу над страхом. Вот почему наблюдателей всегда так мало. (...)

«Граффити», 1960

* * *

Перспектива достигнуть относительной завершенности, вопреки всем мучениям, заманчива, даже если это не принесет удовлетворения. Последнее слово всегда - предпоследнее. Оно - лишь осторожный стук в дверь в надежде, что когда-нибудь она откроется. Оно всегда остается предпоследним, когда мы пытаемся очертить контуры Абсолюта, когда мы приближаемся к нему и хотим взять в кольцо с помощью более или менее удачных подоби

Когда слово для нас не просто разменная монета и мы видим в нем нечто большее, чем средство общения, то, прежде чем овладеть им, мы должны обрести его по ту сторону Речи. Будучи изреченным, оно выигрывает в реальной силе, но теряет в метафизической. Однако Пребывающее в молчании, Неизреченное еще связано с ним, словно частицы почвы, приставшие к корням.

Если через много лет самому автору открывается сокрытый смысл одной фразы, то это - хороший знак. Это подобно жизненному пути. Нам поздно открывается то, что вещи, издавна занимающие нас, обладают неким другим, простым смыслом. Хорошо, что мы принимали их всерьез.

«По своим следам», 1955

Из «Парижского Дневника»

Париж, 2 ноября 1941 г.

Когда борьба идет на духовном плане, смерть принимают в расчет как один из элементов стратегии. Человек становится неуязвимым: мысль о том, что враг может уничтожить его физически, пугает меньше всего. Напротив, в высшей степени важно, чтобы его гибель стала звеном символической взаимосвязи, в которой он пребудет свидетелем истинным. Временами кажется, что он отступает перед близостью смерти, но в этом он похож на полководца, который не спешит подавать сигнал к наступлению и терпеливо ждет своего часа. Победы бывают разные.

Враг смутно предчувствует это и беснуется в слепой ярости. Ему противостоит истинная духовность, и он пытается действовать, не стеснясь в средствах: спровоцировать стычку на аванпостах, подкупить, обманом увлечь на ложный путь. В таких столкновениях наступает момент, когда все внешние, исторически обусловленные причины вражды затушевываются и на первый план выступает то, во имя чего на земле изначально идет борьба. Противники словно меняются ролями: теперь страшится тот, кто нападает. Все средства будут пущены в ход, чтобы жертва отказалась от предуготованной ей гибели. И когда они исчерпаны, наступает триумф кровавой расправы. История знает примеры, когда смерть захватывают врасплох, как вражеский штаб: процесс над тамплиерами, на котором Великий Магистр внезапно сорвал маски с себя и со своих судей. Так боевой корабль, разрывая пелену миража, предстает изумленному взору во всеоружии и с поднятым флагом. В тот же день Великий Магистр был сожжен, но место казни всю ночь охраняли, чтобы пепел костра не стал священной реликвией. Не должно было остаться и праха - даже прах внушает тиранам ужас.

Париж, 22 июня 1942 г.

Днем был у Пикассо. Он живет в старинном здании с обширными внутренними помещениями, которые приспособили под склады и амбары. Этот дом, расположенный на улице Гран Августин,

фигурирует в романах Бальзака. Сюда привезли Равальяка после убийства Генриха IV. В одном его крыле - винтовая лестница со ступенями из камня и старого дуба. На узкой двери прикреплен листок бумаги, на котором синим карандашом выведено: «Ici».¹ Я позвонил, и мне открыл невысокий человек в простом рабочем халате - сам Пикассо. Я уже встречал его однажды, правда мимоходом; тогда на нем была остроконечная шапочка, придававшая его облику черты мага. И теперь мной снова овладело чувство, что передо мной - маг.

Кроме небольшой квартиры с подсобными помещениями Пикассо занимает еще две просторные кладовые: нижняя используется им для пластики, а верхняя - для живописи. Пол выложен кирпичами в форме сот, стены, выкрашенные желтой краской, подпирают дубовые балки. По потолку тянутся почерневшие от времени ребра дубовых перекрытий. Должно быть, здесь хорошо работается: в этих древних стенах, хранящих атмосферу прошлого, остановилось время.

Сначала мы внизу рассматривали старые эскизы, потом поднялись наверх. Среди стоявших там картин мне понравились два неброских женских портрета и морской пейзаж. Если в него долго всматриваться, он начинал играть красными и желтыми тонами. Глядя на картину, мы беседовали о технике живописного и литературного письма по памяти.

Пикассо спросил меня, какой ландшафт лег в основу пейзажа, описанного в моем романе «На мраморных скалах».

Другие вещи, как, например, ассиметричные головы, показались мне безобразными. Тем не менее когда столь исключительный дар на протяжении многих лет и даже десятилетий обращается к подобным темам, возникает ощущение, что в них он объективно передает действительность, даже если ты сам этого и не видишь. В сущности, здесь речь идет о еще нерожденном и никем не виденном и об экспериментах, близких к опытам алхимиков. Интересно, что в беседе несколько раз всплывало слово «реторта». Никогда еще мне не было ясно с такой гнетущей отчетливостью, что гомункулус - отнюдь не досужая выдумка. Сначала образ человека рождается в предвидении

¹ Здесь (франц.) (прим. перев.)

мага, и лишь немногим дано почувствовать страшную бездну решения, которое выпадает художнику.

Я несколько раз пытался навести его на эту тему, но он, похоже, сознательно от нее уклонялся:

«Есть химики, которые всю жизнь занимаются тем, что исследуют элементы, содержащиеся в кусочке сахара. Так и мне хочется знать, что есть цвет».

О воздействии:

«Мои картины окажут то же самое влияние, если, окончив их, я закрою их и запечатаю, никому не показывая. Здесь речь идет о воздействии, которое обнаруживается непосредственно».

О войне:

«Мы с вами договорились бы о мире уже сегодня. А вечером люди, ничего не опасаясь, смогли бы зажечь в домах свет».

«Излучения»

Эрос

Когда факел войны бросал багряный отблеск на серые громады городов, каждый ощущал себя внезапно вырванным из цепи дней. Над взбудораженной и одурманенной массой, в смятении растекавшейся по улицам, вздымался чудовищный гребень кровавой волны. Под ее натиском все ценности мельчали: чрезмерно рафинированное наслаждение, все изысканное и усложненное исчезало в огнедышащем кратере инстинктов, считавшихся давно погребенными. Пестование разума, утонченный культ интеллекта шли ко дну под металлический лязг возрожденного варварства. Иных богов возвели на трон дня: силу, кулак, мужскую доблесть. Воплощенные в стройных рядах вооруженного юношества, они шествовали по мостовой, и ликующими толпами овладевали восторг и благоговейный ужас.

Когда на щит вновь поднимают несгибаемую силу, беспредельную мужественность, иными становятся отношения между полами, пробуждается ненасытная жажда объять жизнь во всей ее полноте, насладиться блаженством бытия в эфемерном танце над бездной вечности.

Потрясения культурных основ всегда влекут внезапный взрыв чувственности. Жизненный нерв, надежно защищенный гарантиями общества, внезапно оголяется и становится беззащитным. Жизнь, поглощаемая бездумно как воздух, приелась, и непривычная близость опасности рождает бурю небывалых ощущений. Прежде жатва наслаждений тщательно распределялась по нивам лет: если иссякнет первоизданный источник, то засохнет плод. И вдруг все, что считалось достатком и изобилием - сокровища в сундуках, вина в подвалах, - превращается в обузу, тяготит владельца. Руки тянутся к дукатам: пока не поздно - трать! Бургундское не по карману? Вздор! Ляжешь в могилу - другой отхлебнет из наполненной чаши. Еще и тело твоё не остынет, а наследник уже насладится букетом. Осушить бы все бочки одним махом! После нас хоть потоп! За гробовой доской какие радости? О жизнь! Еще, еще раз, быть может - в последний! Расточать, расхищать, проматывать! Разметать бы весь фейерверк на тысячи огненных солнц и пылающих каруселей, спалить запасы сбереженных сил перед походом в ледяные пустыни! Ринуться в водоворот плоти, алчно заглатывать сотнями глоток, воздвигнуть фаллосу ослепительный храм! Пусть часам суждено умолкнуть навеки, стрелки будут бешено мчаться по циферблату, путая границы дня и ночи!

Силы, сцепленные друг с другом как шестерни в зубчатой передаче, разрушали отлаженную механику, чтобы воссоединиться в могучем утверждении чувственного человека. В этом была необходимость, скрытая за романтической вуалью и воплощенная духом времени в более или менее привлекательные формы, но жизнь всегда устремляется к своим истокам, когда колеблется твердая почва бытия. Из каждого окна в ночную неизвестность струится мерцающий свет, улицы закипают лихорадочной сутолокой, атмосфера, до предела насыщенная пафосом агитации и самоотречения, грозит взрывом. Жизнь пленяет тем, что самые яркие и волнующие переживания она дарует в разгар революций, эпидемий и войн, когда смерть особенно ненасытна в своем сладострастии. Когда бушуют грозы мировых перемен, двое людей спешат укрыться в объятиях друг друга, и всякий любовный союз знаменует победу жизни с ее неоскудевающей силой. Это смутно чувствовал каждый, даже самый отчаявшийся: сливаясь с вечной вселенной, отдаваясь коловращению жизни, он терял всякую связь с собственным «я», его дыхание

замирало в любовном вихре, и на мгновение смерть представлялась ничтожной и презренной. Из бездны отчаяния кривая чувства круто взмывала ввысь, вырываясь за пределы сознания.

Причину взрыва чувственности мы видим в двух изначальных влечениях: в стремлении жизни к самоутверждению и в бегстве в пучину экстазов, когда в сладострастном угаре забывается грозная опасность. Немало иных мятежных порывов вовлечено в этот безудержный вихрь, но наш вопрошающий взгляд способен узреть лишь ничтожно малые пространства в царстве души.

Чем дольше длилась война, тем отчетливее проступала в ее обличье чувственность. Как походная утварь, любовная страсть скоро теряла внешнюю привлекательность под ударами неутомимого молотобойца¹. Ее пронизывал тот же дух, что переполнял сердца участников сражений. Дух битвы титанических сил техники и рукопашных схваток, беспримерных по жестокости и беспощадности, произвел на свет небывалую породу людей. Это была новая раса, воплощение энергии и мощи: выносливые, жилистые тела, стальные мускулы, четко очерченные лица, глаза, смотревшие смерти в лицо и окаменевшие под каской. Это были победители, заранее готовые пойти на самые чудовищные жертвы. Неудержимой лавиной неслись они над выжженной землей, знаменуя последний триумф запредельного ужаса. Невиданные силы пробуждались ото сна, когда они дерзко врывались в разбитые укрепления, где застыли серые фигуры с безумным остекленевшим взглядом. Жонглеры смерти, повелители огня и динамита, великолепные хищники, они рыскали по вражеским траншеям. В миг встречи с противником они воплощали огневую воинственную стихию этого мира, являя собой пронзительное единство тела, ума, воли и чувства.

Носителями духа времени всегда были единицы. Под чудовищным давлением войны только избранные выдерживали испытание на прочность, сжимаясь в тугой комок. Их сущность отражалась в поступках - дерзких, хладнокровных, молниеносных. Предпочитая всем винам чистый спирт, они стремились испытать все мыслимые экстазы. Броситься в бездну хмельного угара, сполна упиться жизнью - вот их девиз на время кратких передышек между боями. Пусть

¹ В древнегерманской мифологии молот был атрибутом Тора, бога грома и войны (прим. перев.).

рассвет застигнет под столом среди разбитой мебели и остатков ку-тежа: репутация бургера осталась дома. Здоровье? Пусть о нем печется тот, кто намерен жить долго!

Они шагали по улицам чужих городов, ландскнехты войны и любви, с колючими глазами на обветренных лицах, нетерпеливые первопроходцы ратных дорог, привыкшие брать, не церемонясь и не разводя сантиментов, ибо терять им было нечего. На долгие ухаживания, на весь романтический вздор, потребный бургерским дочкам, у них не было времени. Они хотели сразу и цвет, и плод. Любовь они искали там, где она предлагала себя без покровов.

Ночь за ночью на скрещенных ратных дорог горели огни под знаком освобожденного Эроса. Нескончаемым парадом шествовала вседоступная Женственность, лотос асфальта. Брюссель! Жизнь, бурлящая пеной под гребными винтами сонма кораблей! Безудержный размах могучих сил, зрелище величественное и столь же жуткое в своем автоматизме, как и эта война. Только стальные натуры могли выстоять в бешеном водовороте и не гибли в пучине. Голую функцию воплощали любвеобильные тела, беззастенчиво гибкие под шелестящими платьями, которые призывно развевались, словно яркие плакаты. Однажды, прислонясь к фонарному столбу, я жадно следил за сценой, которая разыгрывалась вновь и вновь, с монотонностью волн, набегающих на берег. Ее участникам не хватало слов, чтобы объясниться, а те немногие, что были, служили небогатой сервировкой на этом обильном пиршестве плоти.

Воспаленные глаза красных фонарей заманивали нетерпеливую страсть в темные закоулки старого квартала. В глубине неприглядных домишек мерцали зеркала, неверный свет тонул в удушливом пурпуре бархата. Из комнат доносились взрывы пьяного смеха, когда стальные пальцы впивались в податливую плоть. Воин и девушка - старый мотив.

Что помнят бесчисленные деревушки, окружавшие зону ужаса? Когда через них проходили войска, они замирали в ночной темноте, только штык часового поблескивал на рыночной площади. Но чужая раса оставила неизгладимый след на этой земле.

Когда кроваво-багряная жизнь бешено бьется о черные рифы смерти, буйство inferнальных красок рождает пронзительные образы. Пришла эпоха освобождения от оков, срывания масок и покровов. Долой все тонкое, томное и изнеженное! Всюду, особенно

в любви и в искусстве, жизнь, устремившаяся к истокам, сжимается в кулак, обретая языческое изобилие и татиническую силу. Теперь не время лить слезы над «Вертером».

Каждый из нас подобен призме. Но кто выразит в единой формуле все цвета спектра? Порой даже на грани уничтожения, в смертельном соседстве с бьющимися титанами техники теплится искра света. Он струится из окон единственного во всей округе обитаемого дома. Просочившись сквозь щели в ставнях, этот свет пронзает леденящий ужас ночи, словно горячая рука возлюбленного, ищущая ответного тепла. В бедной комнате, под грубым холщовым покрывалом, лежат двое. На краткое время они чувствуют себя в безопасности, как пташки, что укрылись от урагана, свирепствующего в ночном лесу. Кто они? Какой-нибудь бывший студент и пикардийская крестьянка, выброшенные на скалистый берег войны. Два сердца, горящие друг для друга в оледеневшем мире, слились в едином чувстве. В такт громовым ударам артиллерийской канонады дребезжат оконные стекла, а из губ девушки, с нежной настойчивостью прижатых к уху возлюбленного, льется мелодия незнакомой речи. Вся книжная и университетская премудрость меркнет в эти светлые минуты, когда Он прозревает душу Ее земли. Может ли разум соперничать с уразумением сердца?

Эта ночь несла искупление и избавление, а завтрашний день может сгинуть бесследно в гудящем пламени. Он снова в рядах закаленных ландскнехтов, глаза его сияют и поступь легка. Всеми владеет дух, не нуждающийся в бравых песнях и грубых шутках, но под натиском смертоносного шквала его сердце бьется ровнее, чем у других. Невозмутимо стоит он под градом свинца, а волосы еще хранят прикосновение нежных уст. Смерть приближается, как друг, и срезает созревший колос.

«Бой как внутреннее переживание», 1922

Охота на зверя (рассказ)

Цепь стрелков растянулась вдоль просеки. За ними черной зубчатой стеной стоял еловый лес. Густая пожелтевшая трава оплетала нижние ветви, плотно прижимая их к земле. Деревья напоминали темные шатры, раскинувшиеся среди глубоких снегов, убежища от холода и урагана.

Этот участок леса граничил с владениями князя. Летом здесь было знойно и душно, и над прогалинами кружили тучи слепней. Осенью, когда в воздухе носились паутинки, целая армия грибов покрывала заросшую мхом землю, а на вырубках коралловыми бусинами блестели ягоды.

Снег перестал падать. Воздух, пройдя через фильтр снежных хлопьев, приобрел какой-то особенный, редкостный привкус. Дышалось легче, каждый звук разносился по лесу, и все невольно понижали голос. Трудно было представить что-либо ослепительнее белизны свежевывавшего снега. Рождалось предчувствие царственных, непотревоженных тайн.

Лучшая позиция с наибольшей зоной обстрела была между просекой и перелеском, где зеленые верхушки молодых елей едва виднелись из-под снега. Рихард с воспитанником Брайером стояли между рубками, на участке нетронутого леса; он был таким густым, что ветви почти соприкасались и заслоняли перспективу. Место было самое невыгодное и предназначалось для новичков, но Рихард с таким нетерпением ждал своей первой охоты, что не обращал на это внимания. На какое-то время неодолимое стремление, поглотившее все его мысли и чувства, утратило свою остроту; до последней минуты он надеялся, что отец доверит ему ружье.

Рихард не знал более страстного и настойчивого желания. В мечтах он постоянно видел перед собой голубоватую сталь, ложу из ореха, дубовые листья, выгравированные на металле. Легкое и удобное, оно казалось ему чудеснее любой игрушки. В темной глубине ствола мерцала серебряная спираль нарезки. При взводе курка раздавался щелчок: слово самой надежности слышалось Рихарду в этом металлическом звуке, и сердце его радостно трепетало. Спусковой механизм можно было отладить с помощью особого устройства, и курок становился таким чувствительным, что, казалось,

выстрел повинуется движению мысли. Волшебный и бесценный предмет нес в себе судьбу и смерть, и с этим не могла сравниться никакая фантазия. Рихард предчувствовал, что обладание этим сокровищем, восполнив нечто недостающее, преобразит его. Греза перед сном, он часто представлял себя в лесу с ружьем, но он не собирался стрелять: они просто прогуливались, как неразлучная пара. Рихарду вспоминалась надпись на старом кувшине для вина, которым пользовался отец: «Когда с тобою мы вдвоем, довольно нам друг друга». Во сне эти картины продолжались. Иногда они внушали страх: Рихард нажимал на курок, но какие-то злые чары не давали ружью выстрелить. Он вкладывал всю свою волю в этот порыв, но как он ни старался, выстрела не было. Он хотел крикнуть, но голос его не слушался. Вздвогнув, Рихард просыпался. Каким блаженством было сознавать, что это всего лишь глупый сон!

Заветная мечта сбудется, когда ему исполнится шестнадцать. Как мучительно ждать наступления этого дня, глядя на молодых охотников и воспитанников вроде Брайера, который всего на два года старше и едва ли выше ростом. Но сейчас в лучезарной тишине зимнего леса все его терзания утихли. Безмолвный и величественный мир торжественно хранил свои тайны.

Что-то прошелестело и мгновенно смолкло в отдалении. Это вспорхнули золотистые короли, оперением напоминавшие лесных дятлов. В темной чаще они клевали еловые шишки и чувствовали себя в безопасности. Но вот с опушки леса, облетев заснеженное пространство, донесся звук горна: охота началась.

По лесу распространялась волна тревоги. Она нарастала, и сердце билось сильнее. Через лесную чащу продирались загонщики в тяжелых кожаных фартуках, они били топориками по стволам елей, выкрикивая: «Урр-урр-урр!» Издалека их голоса казались задорными и веселыми, но, приближаясь, звучали все более грубо и зловеще. Вторгаясь в тайну леса, они несли с собой атмосферу трактира: едкий запах табачного дыма, винные пары, азарт пьяной драки.

Загонщики были уже близко, как вдруг на фоне криков и треска сучьев послышались новые, незнакомые звуки. Из зарослей тростника метнулась неясная тень и, ища укрытия, бросилась в ту сторону, где стояли Брайер и Рихард. Зверь мчался с невероятной быстротой, но Рихарду все же удалось разглядеть его: это был

вепрь. Его спугнули, и он выскочил из логовища. Он летел словно стрела, пущенная из лука. Клинообразное туловище с могучей грудью покрывала вдоль хребта жесткая щетина, торчащая наподобие гребня, который охотники называют «оперением». Рихарду показалось, что по нему скользнули маленькие глазки, под которыми грозно сверкали кривые клыки. Он успел рассмотреть и резцы зверя: их оскал придавал морде выражение гневного презрения. Что-то бесконечно свирепое ощущалось в этой бурой взъерошенной массе с огненно-рыжим отливом. Темное рыло было странно изогнуто, почти вывернуто, словно вольного обитателя лесов оскорбляла близость преследователей с их ненавистным человеческим запахом. Заметив юношей, кабан издал короткое хрюканье, но в сторону не свернул.

Во мгновение ока зверь исчез из виду, но в памяти Рихарда этот образ запечатлелся с поразительной остротой. Он навсегда запомнил сочетание мощи, ужаса и величия. Рихард почувствовал, что у него подогнулись колени и открылся рот, но не мог произнести ни звука.

Брайер был потрясен не меньше Рихарда. Побледнев, он широко раскрытыми глазами следил за вепрем. Тот едва не задел его, пробегая мимо, и уже скрылся в чаще, когда юноша поднял ружье и выстрелил ему вслед, туда, где еще трепетали зеленые ветви.

В густом ельнике выстрел прозвучал оглушительно, словно удар в литавры. Рихард и Брайер молча смотрели друг на друга. Едкий звериный запах, смешиваясь с пороховым дымом и ароматом смолы, растекался между деревьями. Снова протрубил горн, оповещая о конце облавы. Все слышали только один выстрел.

Через просеку к ним бежал Моосбругер, лесничий. Его нос сверкал, как карбункул, на груди болтался охотничий рог на зеленой перевязи. Отдышавшись, он разразился бранью. Идя по следу, он с досадой обнаружил, что кабан не побегал через просеку, как все ожидали, а выскочил здесь, на самом отдаленном участке. Граф и его гости остались ни с чем. Для Моосбругера это было равносильно личному оскорблению. Рихард видел, что он едва сдерживается, чтобы не вклепать затрещину юному стрелку: будь Брайер одним из его парней, ему бы наверняка досталось. Оскалив зубы, лесничий язвительно спросил:

- Знаете, что вы сейчас сделали?

Брайер смущенно пожал плечами.

- Тогда я вам скажу: вы промазали!

Моосбругер злобно расхохотался и снова занялся следами. Сейчас Рихард был рад тому, что оставался только наблюдателем. Несчастный Брайер покраснел: ему было явно не по себе. Он пробормотал: «Вечно он недоволен. Если бы я не выстрелил, все равно бы накинуся».

Брайера тяготило ощущение вины: сначала испугался кабана, а потом позорно промазал. Если в начале охоты он мечтал встретиться со зверем один на один, то теперь он проклинал его за то, что он побежал в их сторону. Юноша заметил графа, который шел к ним впереди группы охотников. Брайер чувствовал себя крайне неловко, и его волнение передалось Рихарду. Хорошо еще, что ушел этот жуткий Моосбругер!

Когда граф поравнялся с ними, из чащи донесся зычный голос лесничего: «Подбил свинью! Подбил!»

Он протрубил конец охоты, и звуки горна снова облетели лес. Стрелки и загонщики пошли на сигнал и оказались на прогалине, окаймленной соснами. В снегу лежал убитый вепрь, рядом стоял Моосбругер. Он ликовал, что охота закончилась удачно. С жестокой улыбкой, перерезавшей лицо от уха до уха, Моосбругер то и дело принимался заново рассказывать графу о том, как обнаружил подстреленного зверя. Уж он-то знал, что найдет его, когда шел по следу: две-три щетины в снегу, кое-где капли крови. Черт побери, как-никак ребята учились у него!

Все обступили добычу: стрелки опустили ружья, загонщики закинули топоры за плечи. Казалось, вепрь дремлет, растянувшись на белоснежном ложе, а маленькие глазки чуть насмешливо оглядывают победителей. Охотники с любопытством рассматривали крупную голову, покоившуюся на снегу, словно на подушке. Кривые клыки злоеще поблескивали, как старая слоновая кость. Передние ноги - Моосбругер называл их «молотками» - отходили от туловища там, где голова переходила в мощную шею. Покрытая жесткой щетиной шкура была темно-бурого цвета с огненно-рыжими вкраплениями, и только вдоль хребта тянулась черная полоса. По спине расплзлось темное кровавое пятно с бледно-розовыми краями.

Рихардом овладела смутная тревога. Что-то противоестественное было для него в том, что человеческие глаза упиваются видом поверженного зверя. Раньше ничья рука не смела его коснуться.

А теперь, оправившись от первоначального удивления, каждый норовил потрогать его, ухватить за уши, за ноги, перевернуть. Рихард пытался совладать с внезапно нахлынувшим волнением: в этот миг вепрь был ему неизмеримо ближе тех, кто преследовал и затравил его.

Вдоволь натешившись добычей, охотники наконец вспомнили про удачливого стрелка. Граф сломал еловую ветку, обмакнул ее в крови кабана и поднес юноше на прикладе ружья, а Моосбругер прокричал «улю-лю!». Брайер, стоявший в центре группы, со скромным достоинством прикрепил ветку к шляпе. Все смотрели на него доброжелательно. При дворе, на войне и среди охотников умеют ценить случай: удача, приписанная человеку, - хорошее начало на жизненном пути.

Граф пустил по кругу флягу с фруктовой водкой. Сделав первый глоток, он встряхнул ее и передал Брайеру. Каждому хотелось перекинуться с юношей парой слов, и ему то и дело приходилось заново рассказывать о случившемся. Парень стрелял не целясь, можно позавидовать! Брайер во всех подробностях расписывал, как он заметил кабана и тот кинулся на него, а он выстрелил, но в спину, потому что зверь бежал к лесу под острым углом. Моосбругер расхваливал его всю.

Рихард был смущен и подавлен. Он чувствовал, что только он один воспринимает все иначе, чем остальные. Его поразило, что Брайер видит происшедшее совершенно по-другому, но приходилось ему верить: ведь перед ним лежал убитый зверь. Впервые Рихард столкнулся с тем, что результат способен изменить цепь предшествовавших событий, и это открытие разрушило его прежний идеализированный мир. Грубые крики охотников действовали угнетающе. Он снова почувствовал превосходство зверя.

Моосбругер вытащил из ножен охотничий нож и проверил, хорошо ли он наточен, проведя по лезвию большим пальцем. Даже при сильном морозе нельзя было оставлять тушу неразделанной, да и рана обильно кровоточила. В лице охотника проступило что-то первобытное: его осветила торжествующая усмешка и около рта резко обозначились глубокие вертикальные складки. Моосбругер уселся верхом на заднюю ногу кабана и левой рукой отвел в сторону его другую ногу. Надрезав натянутую шкуру, он распорол ее до грудины,

но сначала отрезал половые части, цветом напоминавшие гусиные яйца, и со словами «Лисе на ужин!» швырнул через плечо под одобрительный смех загонщиков. Потом он осторожно продолжил линию разреза. Запах, исходивший от туши, стал нестерпимо едким, и все с бранью отступили в сторону. Моосбругер обеими руками рылся в брюхе. Добравшись до грудной клетки, он вытащил красные и голубоватые внутренности и отделил печень, почки и сердце. Оно было пробито выстрелом. С этой раной вебрь пробежал около ста метров. Один молодой охотник разрезал требушину, полную раздробленных буковых орешков, и стал промывать ее в снегу. Вскоре оскверненное тело превратилось в кровавое месиво, из которого сочилась кровь, дымясь на морозном воздухе.

Моосбругер сделал петлю и стянул верхнюю челюсть кабана, зацепив веревку за клыки. Загонщики взялись за другой конец и поволокли тушу за собой. Стрелки закурили трубки и, негромко переговариваясь, пошли следом. Охота закончилась.

Впервые этой ночью Рихард заснул, не вспомнив о ружье. Отныне в его сны ворвался вебрь.

1950

Тотальная мобилизация (фрагмент статьи)

(...) Одновременно с размытием границ между сословиями и ограничением привилегий дворянства исчезает понятие о касте воинов. Вооруженное представительство интересов страны уже не является долгом и привилегией профессионального солдата, но становится задачей всех, кто способен носить оружие. Чудовищное увеличение издержек делает невозможным ведение войны только за счет определенной части казны, предназначенной для военных расходов. Теперь, чтобы военная машина была на ходу, приходится использовать все доступные кредиты и строго экономить сбережения. Картина войны как некоей деятельности, основанной на применении оружия, постепенно сливается с более широкой панорамой гигантского производственного процесса. Наряду с армиями, противостоящими друг другу на полях сражений, возникают армии иного

рода, которые обеспечивают транспорт и коммуникацию, снабжают продовольствием, производят вооружения. Вместе они составляют армию Труда вообще. В последней фазе минувшей войны уже не оставалось трудовой деятельности, которая хотя бы косвенно не была включена в работу войны: в ней участвовала любая домохозяйка, сидящая за швейной машинкой. В этом абсолютном овладении потенциальной энергией, преобразующей воюющие государства в гигантские кузницы Вулкана, наиболее отчетливо вырисовывается наступление эпохи Работы: это делает мировую войну явлением, имеющим большее значение, чем Французская революция. Чтобы развернуть энергии такого масштаба, уже недостаточно вложить меч в руку воина: государственный организм должен быть вооружен вплоть до самого мозга костей, до тончайшего жизненного нерва. Это становится задачей Тотальной мобилизации, акции, посредством которой ток, пронизывающий разветвленную на множество артерий электрическую сеть современной жизни, одним включением рубильника на пульте управления устремляется в мощный поток военной энергии.

В начале войны человеческий рассудок еще не мог предвидеть Мобилизацию такого размаха. Однако ее масштабы уже вырисовывались в отдельных мероприятиях: в широком использовании добровольцев и резервистов с самого начала военных действий, в эмбарго на вывоз, в цензурных запретах, в обмене денег. В ходе войны процесс Мобилизации обретал все более откровенные формы. Плановое хозяйственное использование сырья и продовольствия, превращение трудовых отношений в военную повинность, вооружение торгового флота, непредвиденное расширение полномочий генеральных штабов, «программа Гинденбурга», борьба Людендорфа за объединение военного и политического руководства - все это может быть названо в качестве примеров.

Однако далеко не все возможности были использованы, несмотря на столь же грандиозное, сколь и устрашающее зрелище последних битв материальных сил техники, в которых организаторский талант праздновал кровавые триумфы. Эти возможности - даже если ограничиться рассмотрением технической стороны процесса - лишь тогда будут использованы, когда образ войны отразится уже в мир-

ных порядках. Мы видим, как после войны во многих государствах новые методы вооружения уже приспособлены к Тотальной мобилизации.

Следует отметить прогрессирующее ограничение «индивидуальной свободы», право на которую всегда было под вопросом. Осуществляется наступление на все, что претендует на самостоятельность, не желая быть функцией государства, и прежде всего мы видим это в России и в Италии, а позже и у нас в Германии. Можно предвидеть, что все страны, где живы притязания на мировое господство, должны осуществить это наступление, чтобы высвободить новые силы. Сюда же относится возникшая во Франции оценка отношений власти под углом зрения потенциальной энергии, а также начавшееся уже в мирное время сотрудничество между генеральными штабами и индустрией, пример чего явила нам Америка. (...) Русский «пятилетний план» впервые поставил мир перед попыткой объединить в едином русле общие усилия огромного государства. Весьма поучительно наблюдать за тем, как экономическое мышление, преодолевая себя, выходит за собственные пределы: «плановое хозяйство» как одно из последних следствий демократии перерастает себя, превращаясь в развертывание власти как таковой. Этот скачок наблюдается во многих явлениях нашего времени. Громадное давление Масс выкристаллизовывается в завершенные формы.

Не только нападение, но и оборона требует исключительных усилий. Принуждение обретает здесь еще более явный характер. Подобно тому как все живое несет в себе зародыш гибели, вступление Масс на арену истории порождает демократию смерти. Эпоха прицельного выстрела отошла в прошлое. Командир эскадрильи, летящей в ночном небе, приказывая сбросить бомбы на вражескую территорию, не видит разницы между солдатами противника и мирным населением, а облако смертоносного газа, словно стихия, накрывает собой все живое. Сама возможность такой угрозы предполагает не частичную и не всеобщую, но Тотальную мобилизацию, которая распространяется даже на младенца, лежащего в колыбели. Он тоже подвергается опасности, даже еще большей, чем все остальные.

Можно привести немало примеров, но достаточно понаблюдать за нашей жизнью с ее безудержной раскрепощенностью и неумолимой дисциплиной, с ее раскаленными и закопченными промышленными

районами, с физикой и метафизикой ее скоростей, с ее моторами, самолетами и гигантскими городами, чтобы со смешанным чувством ужаса и восторга ощутить, что нет уже ни единого атома, не включенного в Работу, и мы сами глубоко вовлечены в ее бешеный процесс. Тотальную мобилизацию не столько проводят, сколько она осуществляется сама собой: не только в военное, но и в мирное время она выражает таинственное и неумолимое веление самой Жизни, которому мы подчинены в эпоху масс и машин. Так жизнь каждого все больше становится жизнью Рабочего. Войны рыцарей, королей и буржуазии сменяются войнами Рабочих. Неумолимая рациональность и жестокость этих войн предчувствуется уже в первом глобальном столкновении века.

1930

Рабочий. Господство и образ

(Отрывки из книги)

Господство третьего сословия в Германии никогда не могло затронуть глубочайшее внутреннее ядро, которое определяет богатство, могущество и полноту жизни. Оглядываясь на прошедшее столетие немецкой истории, мы можем с гордостью признать, что были плохими буржуа.

(...) Немец не знал, что делать с той свободой, которая была ему предложена вместе с умением владеть мечом и убеждать словом, и определилась с провозглашением всеобщих прав человека: эта свобода была для него неким внешним орудием, не имевшим никакого отношения к сокровенной внутренней органике. Ибо понятие свободы, применяемое как некая постоянная и не имеющая в себе содержания мера к любой величине, которую под нее подгоняют, такое понятие свободы в Германии реализовать невозможно. Здесь мера свободы, которой располагает какая-либо сила, всегда в точности соответствует мере ее обусловленности. В сфере освобожденной воли проявляется соответствующий объем ответственности, а она сообщает воле оправдание и значимость. В нашу действительность, а значит и в нашу историю в ее высочайшем судьбоносном значении, может войти лишь то, что несет печать ответственности. (...)

Свойство, прежде всего отличающее немца, Порядок, утратит всякую ценность, если в его зеркале не сумеют распознать стальной лик свободы. Послушание - это искусство слушать, а Порядок - это готовность внять слову, готовность внять приказу, который подобно молнии устремляется от вершины до самых корней. Все и вся находится в порядке ленной зависимости, а вождь - это тот, кого знают как первого Слугу, первого Солдата, первого Рабочего. Как свобода, так и порядок относятся не к обществу, но к государству, и образец всякой организации не общественный договор, а военная организация. Здесь рождается могучая сила, если нет сомнений в повелевании и подчинении.

Необходимо уяснить следующее: господство и служение суть одно и то же. Эпоха третьего сословия так и не постигла чудодейственную мощь этого единства, ибо исходила в своих устремлениях из соображений слишком умеренной, слишком человеческой пользы.

(...) Рабочие образуют сословие только с буржуазной точки зрения. В основе этого истолкования лежит бессознательная хитрость: втиснуть новые притязания в старые рамки, чтобы сделать возможным продолжение переговоров. Ибо там, где можно вести переговоры, буржуа чувствует себя в безопасности. Однако восстание Рабочих не будет чем-то бесцветным и вторичным, подобным разбавленному раствору, приготовленному по устаревшим рецептам. Различие между Рабочим и буржуа - это не только разница в возрасте, но прежде всего разница в ранге. Рабочий связан со стихийными силами, о самом наличии которых буржуа даже не подозревал. Благодаря этой связи Рабочий из недр своего бытия способен добыть совершенно иную свободу, отличную от буржуазной, а притязания, с которыми он готов выступить, - гораздо шире, значительнее и несут в себе большую угрозу, нежели притязания сословия.

(...) Буржуазная политика оперирует только такими величинами, которые можно свести к обществу. Общество есть государство, сущность которого стирается в той степени, в какой общество подгоняет его под свою мерку. Наступление на государство осуществляется при посредстве понятия буржуазной свободы, с помощью которого все взаимные обязательства преобразуются в договорные отношения, которые можно расторгнуть.

В тесном отношении с обществом находится фигура Единичного, странная абстракция человека, драгоценнейшее открытие буржуазной чувствительности и неисчерпаемая тема для ее художественной фантазии. Подобно тому как человечество является космосом этого представления, так человек является его атомом. Практически Единичный рассматривает себя в оппозиции не к человечеству, но к массе, своему зеркальному отражению в этом крайне причудливом ирреальном мире. Ибо масса и Единичный суть одно, и из их единства рождается образ, поражающий своей двойственностью: с одной стороны - пестрый беспорядок анархии, с другой - трезвый распорядок демократии, той самой демократии, которая была спектаклем века.

(...) Буржуазное общество, независимо от того, выражает ли оно свое понятие свободы в массе или в индивидууме, приговорено к смерти, и в этом - знамение грядущей новой эпохи. Первый шаг заключается в том, что внутри этих форм уже не думают и не чувствуют, второй - в том, что в них больше не действуют. Жизнь таит в себе гораздо большее, в ней содержится и нечто иное, нежели то, что буржуа почитает за благо. И высшее притязание, которое может выдвинуть Рабочий, состоит не в том, чтобы стать носителем нового общества, но в том, чтобы быть носителем нового государства.

И тогда он объявляет борьбу не на жизнь, а на смерть. Единичный, который в основе своей - не кто иной, как несущий службу, становится воином, масса становится армией, а вместо изменения общественного договора устанавливается новый порядок повелевания. Рабочий покидает сферу договоров, сострадания, литературы и вступает в сферу деяния; его юридические обязательства преобразуются в военные. Вместо адвокатов у него будут вожди, и его собственное бытие станет мерой, вместо того чтобы являться предметом истолкования.

(...) Рабочую демократию рассматривают как чрезвычайное положение. В ней видят одну из мер по наведению порядка, подобную введению диктатуры на ограниченный срок, которое предусматривалось в исключительных случаях в Римской республике.

Фактически здесь идет речь о чрезвычайном положении, но о таком, которое не может завершиться возвратом к либерализму. Либеральная демократия упраздняется окончательно. (...) Изменения, происходящие с людьми и вещами в поле сил рабочей демократии,

столь решительны, что возвращение на исходные рубежи представляется невозможным.

Решающий шаг к рабочей демократии состоит в том, что здесь тип Рабочего уже деятельно осуществляет поворот к государству. Здесь мы сталкиваемся с тем, что партии, движения и организации вступают в органическую конструкцию - в некую новую форму единства, которую мы называем Орденом¹. Определяющий признак органической конструкции заключается в том, что она предполагает культ Образа Рабочего.

Таким образом движение фронтовиков, социал-революционные партии, армия преобразуются в новую аристократию, которая овладевает решающими духовными и техническими средствами. Различие между ними и партией старого стиля - очевидно. Ныне речь идет о подборе и выращивании этой новой аристократии, тогда как традиционная партия стремится организовать массы.

Особенность органической конструкции в том, что в определенный момент прием новых членов прекращается и в очередной раз начинается массовая чистка, тогда как партия старого стиля по самой своей сути не способна к подобным мерам. Таким образом достигается надежность и однородность наличного состава Ордена, что может обеспечить лишь тип Рабочего, поскольку именно на него возложены обязательства, соответствующие нынешней исторической ситуации.

(...) Происходит превращение парламентов из органов, воплощающих буржуазное понятие свободы, и из институтов, формирующих общественное мнение, - в Рабочие Органы, что равнозначно превращению общественных органов в государственные. Следует также упомянуть об овладении механизмом всенародного голосования, в рамках которого определенный смысл придается не только понятию народа, но и возможным ответам на вопрос, вынесенный на голосование. Далее, общественная дискуссия заменяется аргументацией, которая носит чисто технический характер. Этому соответствует замена общественных деятелей государственными служащими. (...)

Тип Рабочего возвышается над либерально-демократическими Порядками, из которых он происходит, не потому, что он «захваты-

¹ В этой связи интересно отметить, что И. В. Сталин также называл партию «орденом меченосцев».

вает власть», но потому, что он сам, будучи носителем нового стиля жизни, выступает воплощением Власти. (...)

Революционные средства, которые узаконивает Рабочий, значительнее абстрактно-духовных, поскольку они имеют предметную природу. Задача Рабочего состоит в том, чтобы придать легитимный характер техническим средствам, с помощью которых он мобилизует мир, то есть приводит его в состояние безбрежного движения.

Различие в средствах, которыми пользуются буржуа и Рабочий, порождает различные подходы к овладению завоеванным миром и его устройению. Для буржуа этот процесс осуществляется в духовных построениях конституций, в которых тот же Разум, что разрушил старое общество, является основой нового строя и его определяющей мерой. Перед Рабочим стоит решающая задача: включить в органическую конструкцию пребывающие в безбрежном движении массы и энергии, которые образовались в процессе разложения буржуазного общества. Рамки, в которых заключена свобода действия, определяются уже не буржуазной конституцией, но рабочим Планом. (...)

Внутри рабочей демократии, как внутри некоего переходного состояния, План характеризуется признаками законченности, гибкости и носит милитаризованный характер. Как и само слово «план», эти признаки подтверждают, что здесь не идет речь об окончательных мерах. Однако плановый ландшафт отличается от чисто производственного тем, что в первом присутствуют ясно сформулированные цели. В плановом ландшафте нет места безграничному развитию, и он не обладает чертами, свойственными политическому «Perpetuum mobile», который на манер стенных часов постоянно приводится в движение с помощью противовеса оппозиции.

В оппозиции такого рода мало смысла. Она не в силах оказать какое-либо влияние на положение дел, как не смогла бы изменить курс военного корабля. В политических движениях XIX века постоянно повторялась одна и та же узаконенная конституцией революция Разума. Внутри планового ландшафта такое поступательное движение посредством ротации - ненужное расточительство. В плановом ландшафте совершается марш, разбитый на несколько этапов, каждый из которых должен быть пройден за определенное время, в строгом соответствии с планами генерального штаба Власти. Как

средства, которые узаконивает Рабочий, не являются отвлеченными принципами, но обладают предметным характером, так и поставленные Планом задачи выражены в цифрах. Эти задачи больше не определяются борьбой мнений, но вытекают из проекта планового задания. Уже не масса или индивидуум обеспечивают единство выполняемой работы: оно обретает свою конкретность благодаря Плану. Результат столь же точен и нагляден, как показания часовой стрелки.

Таким образом плановое задание в той же степени поддается контролю, в какой ему не поддается выполнение тех обещаний, которые какой-нибудь адвокат облачает в либеральные фразы, чтобы завоевать общественное мнение.

1932

Максима-минимум. Заметки к «Рабочему»

(Отрывок из книги)

На каком-нибудь мрачном вокзале человек должен был сесть в поезд - как националист или большевик, как революционер или солдат - и отправлялся служить темным духовным силам или теориям. Спрашивается только одно: как далеко он намерен идти вместе с ними, «Дальше всего уйдет тот, кто не знает, куда он идет!» Тот, кто не способен творить историю, пытается ее подделать: одна из станций парижского метро называется «Сталинград».

В недрах Истории происходит своеобразный пищеварительный процесс: во дворцах копрофагов каждое новое поколение питается отбросами предыдущего. Человек живет не только деяниями отцов, но и их злодеяниями.

Когда глупость доходит до такой степени, что ее нельзя разумно истолковать, возрастает ее значение как феномена - как глупости не только зоологической, но и демонической: можно предположить, что за ней скрыто действие чудовищно могущественных сил.

Это можно сказать и по поводу атрофии метафизической способности. Потери, понесенные в пределах исторического ландшафта, имеют относительное значение внутри глубинных взаимосвязей:

универсум - это дом, в котором ничто не пропадает. Остаться на своем месте не самое главное, важно не выйти из игры.

Необходимо не упускать из виду тип преследователя, а не разновидности партийных движений. Партии сменяют друг друга, а преследование продолжается. Правосудие следует за политикой, словно стан стервятников - за войском. Все храбро нападают на поверженного.

1963

Из «Русского Дневника»

Ворошиловск, 6 декабря 1942 г.

(...) Воскресенье, ясный морозный день. Земля покрыта тонким слоем снега. С утра отправился на прогулку в лес. Зимние картины радовали глаз. По дороге встречались крестьянки с изогнутыми на концах длинными коромыслами, на которых покачивались ведра с водой или какая-нибудь ноша. Весело смотреть на лошадку: она трусит легкой рысцей, а ее хомут ритмично подпрыгивает. Вспоминаются старые времена, былое изобилие. Живо представляешь себе, сколь многого эту землю лишила Абстракция и как она могла бы вновь расцвести под солнцем благосклонной отеческой власти. В речи местных жителей мой слух улавливает переливы гласных: в их голосах звенит тихий смех и какая-то скрытая радость, и вспоминаются зимние дни, когда подо льдом и снегом слышно журчание ключей. (...)

Кропоткин, 9 декабря 1942 г.

(...) Утром прибыл в Кропоткин, где провел целый день, пока не пришел поезд на Белореченскую. В просторных и голых помещениях вокзала - сотни солдат, которые ждали поезда, как и я. Они молча стояли небольшими группами или сидели на своем багаже. В часы раздачи пищи они теснились у маленьких окошек, стоя в очереди за порцией супа или кофе. Во всей атмосфере ощущалось присутствие неумолимых титанических сил. С ледяным равнодушием они гонят вперед огромные массы людей, которые слепо им повинуются. Создается впечатление, что могучая Воля овладела всем существом

человека, а разум его спит. Только состояние чистого созерцания, подобного тому, в котором творит художник, способно дать облегчение и успокоение. Но это невозможно: текущим событиям уже не получить глубокого истолкования под пером великого историка, а лучше романиста. Неизвестны даже истинные имена сил, которые борются между собой. И я подумал: «Свободу, как ее понимали в XIX веке, уже не восстановить, хотя многие об этом мечтают до сих пор. Она должна подняться к ледяным новым вершинам Истории и воспарить над ними, как орел взмывает ввысь над зубцами крепостных стен, вздымающихся из хаоса. Свобода должна быть выстрадана и вновь заслужена».

Майкоп, 12 декабря 1942 г.

(...) Вчерашний разговор показал, что мне не удастся описать действительное положение дел: слишком многое здесь для меня табу. У меня нет доступа туда, где поднимают руку на беззащитного, где пытаются устроить население посредством репрессий и массовых карательных операций. Впрочем, я не питаю никаких надежд на изменения к лучшему. Таков стиль эпохи: это видно уже по той алчности, с какой повсеместно прибегают к подобным средствам. Противники подражают друг другу.

Разыскать бы места злодеяний, чтобы увидеть и засвидетельствовать, каковы они, палачи и жертвы! Какое огромное влияние оказали «Записки из Мертвого дома» Достоевского. Но он не по своей воле оказался там, он был в заключении.

Наблюдению также положены пределы. Чтобы они исчезли и доступ был открыт, необходимо обладать более высоким посвящением, нежели то, которым нас жалует Время.

Кутаис, 31 декабря 1942 г.

(...) Вечером в штаб-квартире - празднование Нового года. В который раз я убедился в том, что чистая радость праздника в эти годы безвозвратно утеряна. Генерал Мюллер рассказал о позорных преступлениях секретной службы, совершенных после взятия Киева. Вновь речь зашла о туннелях с отравляющим газом, куда отправляли поезда с евреями. Это слухи, и я пишу о них именно как о слухах, однако несомненно, что убийства совершаются в массовых мас-

штабах. (...) Отвращение душит меня, когда я вижу мундиры, погоны, ордена, оружие, блеск которого я так любил. Старое рыцарство умерло. Теперь войны ведутся теми, за кем стоит Техника. Человек дошел до состояния, описанного Достоевским в «Преступлении и наказании». Он стал смотреть на себе подобных как на насекомых. Но именно этого человеку должно остерегаться, если он сам не хочет попасть в их число. (...)

Апшеронская, 1 января 1943 г.

(...) На Апшеронской пообедали с Массенбахом, потом гуляли в лесу. На горизонте ослепительно сверкали снежные вершины гор. Мы говорили о постыдных преступлениях нашего времени. С нами был еще некто третий, считавший их неизбежными: когда после 1917 года была уничтожена русская буржуазия и миллионы людей погибли в застенках, немецкий мелкий буржуа, поддавшись паническому ужасу, стал пугать других. Так справа к нам пришло то, что еще страшнее надвигалось слева.

Из таких разговоров отчетливо видно, как глубоко техника уже успела проникнуть в сферу морали. Человек чувствует себя заключенным в чудовищный механизм, из которого нет исхода. Всюду царит страх, он проявляется в гротескной игре в таинственность, нарочитом вуалировании событий, во всемогущем недоверии. Любая встреча двух людей рождает взаимные подозрения, что видно уже по тому, как они приветствуют друг друга.

Перевод с немецкого В.Рынкевича

Армин Пфаль-Траугбер

**«НОВЫЕ ПРАВЫЕ»
ВО ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ**

**О развитии праворадикальной
интеллектуальной среды**

Часть 1

О «новых правах» постоянно говорят представители науки и общественности. Однако до сих пор нет ясного и недвусмысленного определения этого термина. Поэтому, прежде чем говорить о «новых правах» во Франции и Германии, необходимо дать этому понятию определение, чтобы адекватно сформулировать подлежащую анализу тему. При этом не следует рассматривать полученное определение как окончательное, оно будет служить нам исключительно рабочим термином, нуждающимся в дальнейшей разработке¹.

**Дискуссии вокруг «новых правых»
и определение этого термина**

В ходе дискуссии вокруг «новых правых» этот термин используется (причем, весьма неубедительно) для обозначения совершенно разнородных политических групп и движений, среди которых следуют назвать следующие: новые правоэкстремистские партии, внезапно возникшие на политической арене после длительного периода застоя;

¹ *Armin Pfahl-Traugber*, Vier Thesen zur Verwendung des Begriffs "Neue Rechte", в: *blick nach rechts*, Nr.1 vom 10. Januar 1995, S.4f.

правоэкстремистские движения, которые авторитарный этатизм «старых правых» заменил концепцией «национальной революции»; национал-революционные группы, которые сильно отличаются от «старых правых» и «новых левых», а также от кружков национал-консервативных интеллектуалов и публицистов.

Все попытки дать «новым правым» адекватное определение неудовлетворительны по разным причинам. Одни исследователи настаивают на том, что отделить «новых правых» от прочих правых движений невозможно в плане идеологии, другие же опираются на искусственные построения, никак не связанные с реальностью. Именно в силу такого положения вещей в нынешних дискуссиях доминирует представлению о «новых правых» как о своего рода «шарнирах» между консерватизмом и правым экстремизмом¹. В контексте выбора термина это определение кажется мало осмысленным, поскольку термин, указывающий на определенное течение в политической идеологии («новые правые»), используется здесь для обозначения конкретного места в политическом спектре («между правым экстремизмом и консерватизмом») и при этом постулируется отсутствие идеологической однородности. Кроме того, фраза «функция шарниров» указывает на существование функциональной взаимосвязи, а это ничем не подтверждается.

Оправданным является использование термина «новые правые» только в отношении политической идеологии, то есть как обозначение разновидности идеологии право-радикальных движений в Германии. Связанные с этим проблемы разграничения касаются, с одной стороны, оценки, проводимой с позиций теории демократии, а с другой, различий между вариантами идеологий право-радикальных групп. В качестве духовно и стратегически сопоставимой величины можно рассматривать «Консервативную революцию» периода Веймарской республики. В этом контексте под «новыми правыми» понимают «весьма претенциозное праворадикальное движение интеллектуалов, имеющее своим образцом «Консервативную революцию» эпохи Веймарской республики, а в плане метаполитической

¹ Wolfgang Gessenharter, die "Neue Rechte" als Scharnier zwischen Konservatismus und Rechtsextremismus in der Bundesrepublik, в: Rainer Eisfeld/Ingo Muller (Hrsg.), Gegen Barbarei. Essays Robert M. W. Kempner zu Ehren, Frankfurt. M. 1989, S.424-452

стратегии нацеленные прежде всего на переоценку существующих ценностей»¹. В духовном плане «новые правые» ориентируются на теоретиков «антидемократической мысли эпохи Веймарской республики»², таких как Эдгар Юлиус Юнг (парламентская демократия как «господство неполноценных»), Артур Меллер ван ден Брук («либерализм ведет народы к гибели») и Карл Шмитт (антагонизм «друг-враг», требование гомогенности общества).

Адекватное определение термина «новые правые» представляется проблематичным также в связи с недавней дискуссией, в ходе которой был поставлен под сомнение сам факт существования «Консервативной революции» как единого политического течения, поскольку авторы, принадлежавшие к «Консервативной революции», якобы не имели никакой общей основы в плане политических, социальных и экономических взглядов, кроме критики либерализма³. Здесь важно отметить следующее: общим для представителей «Консервативной революции» - помимо их враждебности к политическому либерализму и веймарской политической системе - было устремление преодолеть упомянутые явления посредством «революционного духовного акта», и создать общественные устои, которые только потом можно будет законсервировать. Это двойное устремление и связанная с ним стратегия - через интеллектуальные круги инициировать культурные, а также связанные с ними политические перемены - представляются столь ценными особенностями этого движения, что при всех различиях «консервативных революционеров» их вполне правомерно объединить под общим собирательным термином «Консервативная революция». А их нынешних духовных приверженцев, считающих себя «младоконсерваторами», следует определить как «новых правых»⁴.

¹ Uwe Backes/Eckhard Jesse, Politischer Extremismus in der Bundesrepublik Deutschland. Bd. 1: Literatur, Köln 1989, S. 136

² Kurt Sonthheimer, Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik (1962), München 1983

³ Vgl. Stefan Breuer, Anatomie der Konservativen Revolution, Darmstadt 1993

⁴ В этом смысле группу, возглавляемую журналистами «Вельт» Ульрихом Шлахтом, Хаймо Швильком и Рейнером Цительманом нельзя отнести к «новым правым». Хотя сами они в своих публикациях не выступают сторонниками «Консервативной революции» эпохи Веймарской республики, все же они предоставляют слово приверженцам этого духовного течения,

ГРЕСЕ - «новые правые» во Франции



Ален де Бенуа

Возрождение идей «Консервативной революции» времен Веймарской республики после 1945 года произошло не в Германии, а во Франции, где образовалась группа интеллектуалов со схожими взглядами. Речь идет о ГРЕСЕ, *Groupement de recherche et d'études pour la civilisation européenne* («Группа изучения и исследований европейской цивилизации»)¹. Эта организация, учрежденная в 1969 году, возникла в ответ на культурно-революционные импульсы парижского мая 1968 года и формировалась с учетом названных тенденций в форме сообщества интеллектуалов. Участвовавшие в ее деятельности молодые журналисты, публицисты и ученые происходили из почти всех объединений традиционных ультраправых, но затем, вследствие идеологических и стратегических различий от них отмежевались. Философ и публицист Ален де Бенуа (он считается главным теоретиком и организатором ГРЕСЕ) обосновал этот шаг в своей поздней публикации, в которой указывает на очевидный провал в деятельности традиционных ультраправых. Вот что он пишет: «Старые правые мертвы. И они это заслужили. Они погибли потому, что жили за счет своего наследия, своих привилегий, своих воспоминаний. Они погибли потому, что у них не было ни воли, ни цели»². Бенуа называет несколько причин, обусловивших неэффективность традиционного

что делает неубедительными их старания, якобы нацеленные на объединение «демократических правых».

¹ Подробнее об этом см.: *Marie-Luise Christadler*, Die „Nouvelle Droite“ in Frankreich, in: *Iring Fetscher* (Hrsg.), *Neokonservative und „Neue Rechte“*. Der Angriff gegen Sozialstaat und liberale Demokratie in den Vereinigten Staaten, Westeuropa und der Bundesrepublik Deutschland, München 1983, S. 163-215; *Hans-Gerd Jaschke*, Frankreich, in: *Franz GeSS/Ders./Klaus Schonekas*, *Neue Rechte und Rechtsextremismus in Europa*, Opladen 1990, S.17-103; *Armin Pfahl-Traugher*, GRECE - Die Neue Rechte in Frankreich, in: *Vorgänge*, 30 Jg., H. 112/1991, S.15-27

² Alain de Benoist, *Kulturrevolution von rechts*. Gramsci und die Nouvelle Droite, Krefeld 1985, S. 13

правого радикализма. Во-первых, отсутствие долгосрочной политической стратегии, во-вторых, недостаток конкретных политических задач, в-третьих, неприязненное отношение к идеологической работе и тесно связанное с этим отсутствие собственной четко сформулированной и научно обоснованной теории, в-четвертых, враждебность к культуре и отсюда - игнорирование культурной сферы как поля политической борьбы и, наконец, в-пятых, духовная ориентация на политические формы и концепции прошлого, которые давно себя изжили и никого уже не привлекают.

В противоположность этому, сторонники ГРЕСЕ ратовали за обновление. При этом речь не шла о принципиальном размежевании с прежним правым экстремизмом, по сути, речь шла об идеологических и стратегических различиях при сохранении верности основополагающим принципам ультраправых. Соответственно, для «новых правых» образ врага в политической сфере сводился к «эгалитарным идеологиям», под которыми подразумевались либерализм, марксизм, а также и христианство. Естественно-правовое обоснование прав человека отвергалось этими «эгалитарными идеологиями» как проявление индивидуализма, который, будучи поставлен во главу угла, якобы подрывает устои общества. В противоположность этому, теоретики ГРЕСЕ считают себя защитниками права народов и культур на самоопределение, которое должно привести к созданию органических сообществ. Идеологическим обоснованием подобных взглядов является биологизаторское представление о человеческом обществе, в рамках которого определенные культурные нормы рассматриваются не как результат исторического процесса, но как отображение сугубо природных процессов, то есть как неизменные. При этом «новые правые» позитивно оценивают господство элиты, которая узаконивает свое положение не через выборные процессы или рациональные доводы, но через аристократическую мораль.

Эти представления были взяты из наследия некоторых политических теоретиков, которых идеологи ГРЕСЕ считают своими классиками. На основе их работ избирательно и произвольно было выработано собственное мировоззрение. Этих теоретиков-предшественников можно разделить на три группы. Во-первых, это представители немецкой Консервативной революции, такие как Эрнст Юнгер, Эдгар Юлиус Юнг, Артур Меллер ван ден Брук, Карл Шмитт и Освальд

Шпенглер; во-вторых, интеллектуалы, бывшие сторонниками или предшественниками итальянского фашизма: Юлиус Эвола, Роберт Михельс, Вильфредо Парето, а также француз Жорж Сорель; в-третьих, «исследователи наследия», такие как Ганс-Юрген Айзек, Иренаус Айбл-Айбесфельд, Артур Иенсен и Конрад. Уже одного этого списка достаточно, чтобы понять следующее: новое в ГРЕСЕ как в группировке право-радикальных интеллектуалов состоит не в отказе от основополагающих принципов, присущих этому политическому спектру, но в формальной модернизации, с одной стороны, идеологического, а с другой - стратегического типа.

Последнее проявляется в культурной, или «метapolитической» ориентации ГРЕСЕ. Поднимается на щит идея культурной революции справа, которая призвана осуществить переделку существующего образа мышления и представлений о ценностях и, таким образом, создать предпосылки для политических перемен. Развивая подобные представления, французские «новые правые» обращаются, во-первых, к немецкой Консервативной революции, а во-вторых, к итальянскому марксисту Антонио Грамши. Они исходят из того, что никакое изменение власти невозможно, если перемены в политике не следуют за переменами, которые прежде имели место в умах людей. Нужно придти к власти в сфере культуры, и эта власть должна быть установлена параллельно политической власти и определенным способом ей предшествовать. В первую очередь нужно выиграть «битву за умы» и добиться «культурной гегемонии». Именно в этом духе создавалась ГРЕСЕ: была учреждена бюрократически безупречно выстроенная и работающая на профессиональной основе организация, создавалась издательская сеть и публично работавшие коллоквиумы. ГРЕСЕ целенаправленно обращалась к интеллектуалам, журналистам, учителям и политикам с целью изменить общественное сознание.

Иногда эта стратегия приносила явный успех: представителям ГРЕСЕ удалось внедриться в редакцию влиятельного журнала «Фигаро», Бенуа писал для солидных французских газет, таких как «Ле Монд» и «Валер актюэль». В результате в конце семидесятых-начале восьмидесятых годов ГРЕСЕ удалось привлечь к себе всеобщее внимание во Франции и за ее пределами. Однако впоследствии «метapolитический» проект ГРЕСЕ оказался в ситуации кризиса.

Это было связано, во-первых, с внутренними конфликтами и отсутствием отправных точек и перспектив для дальнейшей работы, а во-вторых, с бегством многих сторонников в Национальный фронт Ле Пена и ростом интереса в обществе к правым экстремистам, организованным в форме партии. Но это не означает, что французские «новые правые» не оказали ощутимого влияния на общество. В сфере политической культуры Франции ГРЕСЕ удалось добиться того, что праворадикальные взгляды стали предметом общественного обсуждения, что способствовало успеху НФ на выборах и запустило процесс интеллектуализации в лагере ультраправых в европейском масштабе.

После этого вокруг французских «новых правых» на долгое время воцарилась тишина. Только летом 1993 года Бенуа и его сторонникам вновь удалось привлечь к себе общественное внимание. Правда, это произошло благодаря сближению с левыми, прежде всего с интеллектуалами из среды французских коммунистов. Бенуа пригласили сделать доклад на конференции в Институте марксистских исследований (это учреждение твердо стоит на ортодоксальных коммунистических позициях), где он встретил радушный прием. На конференции Бенуа заявил, что для него больше не существует разделения на левых и правых: отныне речь будет идти только о «центре», занимаемом представителями «господствующей идеологии» и «периферии», объединяющей всех тех, которые не принимают эту идеологию. Те, кто находятся на периферии, вполне могут вести между собой дискуссии. Поэтому Бенуа выступал за сближение коммунистов (бывших?) и сторонников «новых правых». Схожим образом, был сделан ряд встречных шагов из другой части политического спектра, а именно, со стороны интеллектуалов из Коммунистической партии, и только после долгих колебаний ее руководство все же склонилось к тому, чтобы осудить эти контакты.

Развитие новых правых в Германии

После того как ГРЕСЕ в начале восьмидесятых годов стало предметом широкого общественного внимания у себя на родине, а в нашей прессе также стали появляться многочисленные публикации, посвященные «новым правым», немецкие, большей частью tradi-

ционалистски ориентированные приверженцы право-радикального движения восприняли это на свой счет. Из привлекательной деятельности ГРЕСЕ явно надеялись извлечь уроки, чтобы выйти из роли маргиналов и одновременно завязать более тесные связи с консервативным лагерем. В конце концов в 1980 году Пьер Кребс, дипломированный юрист и политолог учредил в Касселе в качестве филиала французских «новых правых» Туле-Семинар (Рабочую группу по изучению и основаниям европейской культуры)¹. Выбор был сделан в пользу той же стратегии, что и ГРЕСЕ во Франции: Туле-Семинар мыслился как кружок интеллектуалов и культурное объединение.

Были установлены контакты между Кребсом и причисляемым к традиционным правым экстремистам тюрингским издательством «Граберт-Ферлаг», которое публиковало многочисленные материалы Туле-Семинара: переводы текстов Бенуа, брошюру Кребса и программный сборник. В середине восьмидесятых годов между Кребсом и издательством произошел разрыв - возможно, вследствие того, что даже в лагере правых радикалов взгляды Кребса сочли сектантскими. Впоследствии он занимался изданием немецкоязычного аналога печатного органа французских новых правых «Элементы (к метаполитике)». В 1986-1987 гг. вышло три номера, в 1990 году четвертый, и на этом все закончилось. Отдельные, нерегулярно выходящие издания свидетельствуют о том, что Кребс со своим «Туле-Проектом» не преуспел ни в материальном, ни в идеологическом отношении.

Несмотря на контакты с различными праворадикальными организациями ему явно не удалось поставить Туле-Семинар на серьезную организационную и финансовую базу. Потерпела крах и попытка создать новое объединение правых радикалов. Причина этих неудач заключена, во-первых, в личности Кребса. Дело в том, что председатель Туле настолько витиевато выражал свои взгляды, что даже отпугивал свою аудиторию. В конце концов, Туле-Семинар так и остался его единоличным предприятием, и он так и не смог продвинуться в деле строительства организации. Во-вторых, со стороны других ультраправых интеллектуалов работа Семинара была подвергнута серьезной критике. Действительно, крайне незначительное внимание уделялось тематике регионализма и экологии, зато создавались псевдополитические фронты на базе отрицания

христианства и пропаганды язычества, а также проповедовалась сугубо элитаристская концепция политики. В этом отношении можно считать, что попытка создать значимый филиал ГРЕСЕ потерпела крах.

Более важную роль в формировании немецких новых правых сыграл журнал «Критикон»¹. Этот печатный орган был основан в 1980 году публицистом Каспаром фон Шренк-Ноцингом (в начале его издания выходили один раз в два месяца, а начиная с 1994 года - один раз в четыре месяца). Журнал возник в то самое время, когда среди немецких консерваторов стала усиленно постулироваться необходимость теоретической работы. Только благодаря ей, как тогда уже было признано, можно было вернуть себе выгодную позицию властителей дум. Поэтому «Критикон» должен был стать не популярным журналом для широких слоев публики, но строго теоретическим органом, который издается интеллектуалами для тех, кто заинтересован теорией. В этом духе в журнале публиковались сообщения, посвященные вопросам текущей политики и имевшие сильную теоретическую базу; материалы, посвященные тому, как консерваторы воспринимают самих себя, а также «строительные блоки» соответствующей теории. Были также тексты, посвященные культуре и истории (с косвенно выраженным политическим посланием) и статьи о классиках политической науки, которые давали возможность заниматься теоретической работой.

В отношении выбора стратегии издатели «Критикона» оказались последователями ГРЕСЕ и ее «грамшизма справа». В статье под заголовком «Через культурную революцию к политической революции» Шренк-Ноцинг пишет: журнал «солидарен с утверждением Грамши о том, что идеологическое большинство важнее, чем парламентское»². Поэтому журнал был рассчитан, прежде всего, на элиту и в особенности на Multiplikatoren, то есть на журналистов,

¹ Vgl. dazu ausführlicher Ak Neue Rechte (Hrsg.), Thule-Seminar. Spinne im Netz der Neuen Rechten, Kassel 1990; Klaus Schonekas, Bundesrepublik Deutschland, in: GreSS/Jachke/Ders., Neue Rechte (Anm. 7), S.218-349, hier S.278-280; Armin Pfahl-Traugber, Rechtsextremismus. Eine kritische Bestandsaufnahme nach der Wiedervereinigung, Bonn 1993, S.106-109

² Vgl. ausführlicher dazu Armin Pfahl-Traugber, Rechte Intelligenzblätter und Theorieorgane, in: Vorgänge 31 Jg., Nr.116/1992, S.37-50, hier S.43f.

академическую молодежь, интеллектуалов, сотрудников университетов, предпринимателей и т.д. «Критикон» должен был подтолкнуть их к тому, чтобы начать изменения сначала в духовной сфере и затем уже в политической жизни.

В семидесятых и восьмидесятых годах «Критикон» представлял собой нечто вроде общей трибуны для правых интеллектуалов; здесь печатались старые консерваторы и неоконсерваторы, правые из ХДС и представители новых правых, национал-революционеры и националисты различных оттенков. Взгляды в духе Консервативной революции Веймарской республики пропагандировались в особенности одним из сотрудников редакции, политологом и публицистом Армином Мелером. (За раскрытие темы этого духовного течения он получил научную степень.) Сам термин «Консервативная революция» ввел в широкое обращение именно Мелер в работе¹, получившей в заинтересованных кругах широкое признание. Этот термин стал обозначать в собирательном смысле всех интеллектуалов, причисляемых к этому течению. Впоследствии Мелер стал секретарем Юнгера, работал в качестве корреспондента во Франции для различных ежедневных и еженедельных газет и завязал контакты с Бенуа и другими сторонниками французских «новых правых».

С 1946 по 1985 гг. Мелер был руководителем фонда Карла Фридриха фон Сименса в Мюнхене. Он пытался популяризовать идеи Консервативной революции через различные газетные публикации: от простых рецензий на книги до статей, посвященных отдельным представителям этого интеллектуального течения. Мелер считался «первым мыслителем среди новых правых»² и он оказал влияние на ряд более молодых представителей движения, которые определяли себя в духе Консервативной революции эпохи Веймарской республики и также публиковались в «Критиконе». Среди них – историк и преподаватель Карлхайнц Вайсман. Он причислял себя к «младоконсерваторам», имел ученую степень и стал одним из представителей молодого поколения авторов журнала. В статье Вайсмана «О необходимом возрождении консервативной мысли»

¹ Critilo, Über die Kulturrevolution zur politischen Revolution. in: Criticon, 1980, S.107

² Armin Mohler, Die Konservative Revolution in Deutschland 1918-1933. Ein Handbuch (1949), Darmstadt 1989

есть такие слова: «Пока все носятся с какими-то меньшинствами, разрушается то общее, которое и есть государство... Полис требует нового этоса, если хотите: прусского измерения... Многочисленные красивые слова, к которым привыкли, должны улетучиться в пользу трезвого понимания необходимости, к чему относятся стратификация и элита»¹.

Еще большое значение для пропаганды взглядов в духе Консервативной революции эпохи Веймарской республики имеет газета «Юнге Фрайхайт»². Это издание, основанное студентами в 1986 году развивается в духе «*rechten taz*» (именно так оно само себя определяет). Журналисты занимаются составлением комментариев, то есть: сообщения о текущих событиях носят отнюдь не нейтральный характер, напротив, к читателям обращаются с определенным политическим посланием. Однако при этом большинство авторов пишут в подчеркнуто мягкой манере и, как правило, искусно представляют спорные взгляды. Особенностью, отличающей журнал от других печатных органов «новых правых», является раздел, посвященный культуре. Сообщая о тех или иных событиях в мире литературы и искусства, внимание уделяется не только тем авторам, которых признают в своем политическом лагере, но освещаются все без исключения текущие события культурной жизни. Разумеется, при этом на первый план выдвигаются те элементы нынешнего культурного ассортимента, которые обнаруживают общие черты с собственной политической идеологией, и их сопровождает соответствующая интерпретация.

В отношении политической идеологии и избранной стратегии редакция находится в рамках традиции Консервативной революции эпохи Веймарской республики (о чем свидетельствует представляемый ей слоган «консервативная революция»). Между тем самым важным теоретиком для этого издания выступает специалист по государственному праву Карл Шмитт, которого чуть ли не в каждом выпуске либо прямо цитируют, либо выражают его идеи косвенным образом. Также как и он, «Юнге Фрайхайт» определяет себя, раз-

¹ So Claus Leggewie, *Der Geist steht rechts. Ausflüge in die Denkfabriken der Wende*, Berlin 1987, S.187-212

² Karlheinz Weißmann, Ein paar einfache Wahrheiten. Über die notwendige Renaissance des konservativen Denkens, in: *Criticon* 1992, S.61-63

межевываясь с политическим либерализмом, который еще до краха «реального социализма» считался главным врагом новых правых. Ориентация на представителей Консервативной революции или на французских новых правых носит, разумеется, стратегический характер. Характерно желание действовать в политической сфере не через партию, но через газеты и критику. В этом духе в крупных городах был учрежден целый ряд кружков (частично в рамках сотрудничества с «Критиконом»), члены которых обсуждали политических классиков своего направления и устраивали лекции. Долгосрочная задача кружков включала в себя и более серьезную задачу: оказание влияния на какую-либо политическую партию.

Духовная ориентация на сторонников «Консервативной революции» у «Юнге Фрайхайт», как и у «Критикона» не связана с прямым и открытым отказом от правил игры и от ценностных представлений демократического правового государства. Скорее, через критику они стремятся лишить его принципы идеологической базы. Поэтому для утверждения их политических представлений должно быть создано интеллектуальное свободное пространство. Но это удастся лишь в том случае, если помимо консерваторов будет проводиться работа с более широкими слоями общественности. Это вынуждает к тактической осторожности, что не исключает внутренних конфликтов. Так, например, редакция «Юнге Фрайхайт» смогла привлечь идеолога новых правых Армина Мелера к тому, чтобы он вел регулярную колонку. Однако взгляды редакции на проблему «преодоления прошлого» привели к конфликту с Мелером, и он как автор полностью исчез со страниц газеты.

Было ли это связано с внутренней, духовной эволюцией - в смысле отхода от идей Консервативной революции и вместе с тем от новых правых - так и осталось неясным. Прямые ссылки на вышеупомянутые духовные течения стали встречаться реже, политические взгляды выражались в тщательно продуманной форме, и некоторые авторы перестали писать для газеты. Правда, в середине 1995 года «Юнге Фрайхайт» стала печатать серию статей под рубрикой «Портреты консервативных революционеров». Это свидетельствовало о том, что издатели газеты по-прежнему видят себя продолжателями этого духовного течения. Во введении, написанном к этой серии, подчеркивалось: следует проанализировать, насколько совре-

менны эти «внепарламентские правые межвоенного времени», и тогда полученные данные послужат предпосылкой для того, чтобы «идеи Консервативной революции заняли свое место в нынешних политических дискуссиях». Правда, обращаясь к соответствующим элементам теории, указывают на их обусловленность определенной эпохой и не хотят подходить к классическим текстам слишком уж схоластически. Но при этой намеренной критической «трансформации консервативно-революционной мысли»¹ нельзя поставить под сомнение антидемократический характер тех духовных течений, которые «Юнге Фрайхайт» рассматривает в качестве образца.

О значении новых правых - сравнительный обзор

Появление новых правых как во Франции, так и в Германии – с учетом многообразного характера наблюдателей и обстоятельств времени - вызвало реакцию с довольно широким диапазоном: от явной недооценки до излишней драматизации. Когда в 1978 году лидер французских новых правых получил Большую премию Французской академии, это событие почти не затронуло общественное внимание, а о каком-либо протесте не было и речи. Но когда в 1979 году четыре сторонника новых правых временно устроились на работу в редакцию влиятельного журнала «Фигаро», это вызвало широкое общественное возмущение, которое в конце концов привело к уходу Бенуа и его соратников. Весьма двусмысленной была реакция общественности и в Федеративной Республике Германии: долгое время о феномене интеллектуального правого экстремизма или, соответственно, новых правых не знали вообще ничего. Но после того, как рост тиража «Юнге Фрайхайт» показал значимость этой темы, отдельные наблюдатели стали чересчур драматизировать ситуацию, о чем свидетельствует заголовок посвященной новым правым книжной публикации «Республика рушится?»².

¹ Vgl. Armin Pfahl-Traughber, Die "Junge Freiheit". Ein publizistischer Bruckenschlag zwischen Rechtsextremismus und Konservatismus, in: Neue Gesellschaft/Frankfurter Hefte, 40 Jg., 1993, S.44-49

² Wolfgang Fenske, Zur Einführung, in: Junge Freiheit, Nr.25 vom 23. Juni 1995AA

Как правило, этим оценкам не хватает реализма. Исключение в этом отношении представляет суждение, высказанное политологом Клаусом Леггеви: «Все же тезис, согласно которому немецкие правые последовали примеру *Nouvelle Droite* и поставили под контроль прессу, вдвойне ошибочен: Ален де Бенуа и его сторонники так и не совершили триумфального шествия, и нельзя всерьез утверждать, что политическая редакция «Вельт» или литературный отдел «Франкфурте Альгемейне Цайтунг» заняты шумными младоконсервативными эпигонами зауэрландца (подразумевается Карл Шмитт). В еще меньшей степени новые правые представлены на принадлежащих правым радиостанциях и на телеканалах. Никаким Карлом Шмиттом там и не пахнет»¹.

Реалистичная оценка значения и влияния новых правых в Германии и Франции становится возможной и при прямом сравнении: в соседней стране новые правые в форме ГРЕСЕ хорошо организованы, в Германии же это просто ряд интеллектуалов, которые регулярно пишут для определенных печатных органов. Во Франции новые правые располагают единой и завершенной идеологией, в Германии этой идеологической однородности нет и в помине. В то время как Армин Мелер вместе со своими французскими друзьями отвергает христианство как идеологию равенства, на политическое мировоззрение Карлхайнца Вайсмана наложил глубокий отпечаток протестантизм. Различна и степень их общественного признания.

Бенуа даже после своего ухода из журнала «Фигаро» мог свободно печатать свои статьи в уважаемых французских газетах, но в Германии это возможно лишь для таких личностей, как Мелер и Вайсман, да и то, исключительно в журнале «Вельт». Вокруг французских новых правых сформировался круг из уважаемых преподавателей высшей школы, которые являются их сторонниками или принимают участие в конференциях; в Германии подобного наблюдать нельзя, не принимая во внимание отдельных персонажей, которые не обладают весом ни в общественной, ни в научной жизни.

¹ *Wolfgang Gessenhar*, *Kippt die Republik? Die Neue Rechte und ihre Unterstützung durch Politik und Medien*, München 1994

Мы говорим это не для того, чтобы умалить значение новых правых в Германии, но чтобы нарисовать реалистичную картину. В сфере политики опасность со стороны новых правых может проявиться лишь в том случае, если им удастся в гораздо большей степени влиять на общественное мнение, принимать участие в политических дискуссиях и соответственно задавать в них тон. Но в наше время ничего подобного не наблюдается. Правда, в последние годы произошли некоторые сдвиги, но нет ничего по-настоящему значительного, что могло бы оказать воздействие либо в форме утверждения («Новые правые наступают»), либо вопроса («Рушится ли республика?»). На самом деле в этой области наблюдалось некоторое движение, заслуживающее пристального внимания, но отнюдь не в смысле неоправданной драматизации. Напротив, необходимо усиленно вести интеллектуальную и политическую дискуссию с политическими взглядами, выражаемыми новыми правыми и их «классиками», к которым отчасти возрождается интерес. Но до сих пор об этом много говорят, но мало что в этом плане делают.

Перевод Андрея Игнатьева

Ален де Бенуа

ОТ ПАРТИЗАНСКИХ ВОЙН К МЕЖДУНАРОДНОМУ ТЕРРОРИЗМУ

(об актуальности «теории партизана» Карла Шмитта)

Часть 1

В конце 1990 года Арбатов, советник Горбачева, заявил американцам: «мы нанесем вам самый ужасный удар: мы оставим вас без врага». Весьма символические слова. Крах советской «империи зла» могли лишить американскую гегемонию над союзниками всякого идеологического оправдания. Начиная с этого времени американцам оставалось только одно: найти нового врага, чья угроза, реальная либо мнимая, но в любом случае усиленная благодаря средствам пропаганды, позволила бы им сохранять свою гегемонию над партнерами, которые больше похожи на вассалов. Соединенные Штаты нашли нового врага, и в 2003 году, два года спустя после террористических атак 11 сентября, разработали концепцию глобальной войны против терроризма (Global War on Terrorism).

Выяснить, кто твой враг - это вполне в духе Шмитта. Именно по этой причине многие авторы в последние годы стали изучать обстановку в современном мире в свете тех или иных аспектов творчества Карла Шмитта (особенно, когда речь идет о военных операциях США, или о тех мерах, которые предпринимает Вашингтон для борьбы против исламизма и международного терроризма) (1).

Темой нашего исследования станет образ «международного» террориста в сравнении с фигурой партизана в терминах Карла Шмитта из его знаменитой книги «Теория партизана» (2).

Но прежде всего вспомним, что первоначально слово «террор» никоим образом не обозначало действия нерегулярных, партизанских формирований. Во Франции этим словом (*la Terreur*) называли период времени (с сентября 1793 года по июль 1794 года), когда революционная французская власть в официальном порядке прибегла к террору, чтобы подавить политических противников. Таким образом, в первое время своего появления на политической арене «террорист» не был бойцом нерегулярного формирования, противопоставляющий легитимность своих действий легальности, с которой он сражался. Напротив, он был лицом, действующим от имени власти. «Террор» 1793 года был государственной политикой, совпавшей по времени с одним из периодов Французской революции. Он осуществлялся в интересах государства и как таковой предполагал монополию власти на насилие. Само слово «терроризм» вошло во французский язык в 1794 году для обозначения режима политического террора, стоявшего в ту пору у власти. Через два года это слово уже включали в издаваемые в те годы словари. «Полчища дьяволов из ада, именуемых террористами, выпустили в мир», - так писал Эдмунд Берк. Итак, прежде это слово обозначало действия, осуществляемые государством или политическим режимом, то есть легальные действия (которые можно назвать нелегитимными), но вовсе не нелегальные действия (которые можно назвать легитимными). Однако в девятнадцатом веке под «терроризмом» стали понимать нелегальную форму деятельности против государства или политического режима. С тех пор это слово обретает уже негативный оттенок и больше не служит самоопределением. В наше время им продолжают пользоваться для обозначения определенных мер, к которым прибегают тоталитарные режимы - нацистский или сталинский. (В этом случае речь идет о «терроре», но не о «терроризме». И с этого момента два термина уже разъединены). Это очень важное уточнение, ибо оно позволяет понять, что мог существовать (и всегда существует) терроризм государства.

Интересно отметить следующее: введение «террора» во Франции шло рука об руку с войной, которую вели, начиная с апреля 1792 года, французские революционеры. Это была первая «тотальная война» в истории. Данный термин никак нельзя применить в прежним войнам, например, к религиозным войнам шестнадцатого столетия или к Тридцатилетней войне, несмотря на их многочисленные злодеяния (3). Тотальная война характеризуется тем, что отменяются все традиционные различия, прежде действовавшие во время войны. Одно из нововведений 1792 года заключалось в том, что впервые в истории воевали полки, целиком состоявшие из мобилизованных (в срочном порядке) гражданских лиц. С другой стороны, тогда конфликт обрел неограниченные масштабы и распространился на все аспекты жизни общества. Если революционер-«террорист» представлял себя в роли защитника добродетели (он «очищает» общество), революционная война затрагивала как участников боевых действий, так и тех, кто в них не участвовал. Те, кто вели ее, сами говорили о «войне до победного конца». Жан-Батист-Ноэль Бушо, бывший тогда военным министром, заявлял о необходимости «вселить ужас в сердца наших врагов» (4). Робеспьер призывал «полностью подавить, истребить, уничтожить врага» (5). Таким же образом полагалось необходимым поступать и с внутренними врагами, а это означало, что война с иностранными государствами и гражданская война ведутся в соответствии с одними и теми же принципами. Во время боевых действий в Вандее республиканские войска получили недвусмысленный приказ не брать пленных и уничтожать всех мужчин, женщин и детей без разбору. «Тотальная война, - пишет Жан-Ив Гьомар, - это такая война, которая приводит в движение никогда прежде не виданные массы сражающихся, воодушевленных желанием победы вплоть до полного уничтожения противника. Такую войну ведут без передышки, ибо она отвергает даже возможность переговоров, имеющих целью остановить вооруженный конфликт и прекратить его как можно скорее» (6). Очевиден полный разрыв с принципами «ведения войны по правилам», которым следовали до Революции (7).

Эта неограниченная война обладает и другой значимой чертой: она ведется во имя «свободы». Революционеры, в мае 1790 года торжественно заявившие об отказе от завоевательных войн,

оправдывали свои действия – и их неограниченный характер – намерением «освободить пребывающие под игом народы», свергнуть все монархии и распространить повсюду в мире принципы Революции. Если они нападали на соседние страны, то для того, чтобы «дать им свободу», если они устраивали резню, то лишь потому, что возвышенные нравственные (идеологические) цели оправдывают применение любых средств. Связь между «моральной» войной и тотальной войной в свете того, о чем говорил Карл Шмитт, просматривается здесь весьма наглядно (8).

У Карла Шмитта является сущностно важной фигура партизана, ибо он служит убедительным примером того, что понятия государства и политики не обязательно носят характер синонимов, но, напротив, могут разделяться. Партизан ведет политическую борьбу, но она осуществляется вне контроля государства и главным образом направлена против него. Деятельность партизан показывает, что могут вестись внешние войны, которые не являются войнами между государствами, и что противником не обязательно может выступать государство.

Шмитт проводит различие между современным боевиком-революционером и фигурой партизана в партизанских войнах начала девятнадцатого века в Пруссии и Испании (это была борьба с наполеоновской оккупацией). Разумеется, и тот и другой – бойцы нерегулярного ополчения, действующие вне легального пространства и противопоставляющие этой легальности легитимность, к которой они апеллируют и которую воплощают. И тот и другой – «вольные стрелки», именующие себя «участниками сопротивления». Однако при этом и на тех, и на других представители государственной власти ставят позорное клеймо не только «нелегальных», но и «нелегитимных» бойцов, отказывая им во всяком праве на сопротивление или восстание. И тот и другой, в ходе их деятельности игнорируют традиционную разницу между военными и гражданскими. Изначально эта разница должна соответствовать разнице между теми, кто принимает участие в военных действиях, и теми, кто в них не участвует. Предполагается, что гражданские не участвуют в войне, и именно по этой причине пользуются особой защитой. Между тем партизаны лишь в редких случаях бывают военными. Чаще всего они – выходцы из гражданских, решивших взяться за оружие. Нередко они сами же нападают на других гражданских, которых считают пособниками или союзниками врага.

*Карл Шмитт*

Партизан и боевик-революционер тем не менее принципиально отличаются друг от друга. Карл Шмитт отличительным критерием фигуры партизана, в виду нерегулярности его воинского статуса и активной вовлеченности в политику, считал гибкость и мобильность, и при этом делал акцент, прежде всего, на его «теллурической» природе. Партизан ставит перед собой ограниченные цели на территории, которую считает своей. Желает ли он положить конец иностранной оккупации, или свергнуть режим, который считает нелегитимным, его деятельность так или иначе связана с этой территорией. Он обусловлен логикой Земли. Этим он и отличается от фигуры «бойца революции» или «революционного деятеля» (происхождение этого типа революционера Шмитт возводит к Ленину) (9), который претендует на воплощение идеала «абстрактной справедливости» и чьи действия характеризуются «абсолютно агрессивной идеологией».

Партизан классического типа оказывается «непреодолимо вовлеченным в сферу деятельности сил технического и промышленного прогресса. Он становится все более мобильным благодаря моторизации, вплоть до того, что он уже не связан ни с какой конкретной территорией. Мобильный партизан такого типа утрачивает свой теллурический характер» (10). Эта утрата обусловлена тем фактом, что боевик-революционер не связан по сути ни с какой земной территорией: фактически, вся Земля представляет собой поле его деятельности. Отсутствие ограничений проявляется и на другом плане. «Боец революции» освобождается от всяких ограничений также в выборе средств. Он убежден, что ведет справедливую войну, и его действия носят крайне радикальный характер и в идеологическом, и в нравственном аспектах. Он с неизбежностью считает своего противника преступником, тогда как последний, в свою очередь, воспринимает его точно также. Вместе с боевиком-революционером пришла абсолютная вражда. Для Ленина, пишет Карл Шмитт, «целью являлась коммунистическая революция во всех странах мира; все, что служит этой цели, считалось достойным и справедливым (...) В глазах

Ленина только революционная война является настоящей войной, ибо она рождается из абсолютной враждебности (...). С того дня, как Партия обрела статус абсолютной ценности, фигура партизана также стала носить абсолютный характер, и партизан стал носителем и выразителем абсолютной враждебности» (11).

«Там, где война ведется сторонами, считающими друг друга равными себе (...) партизан остается маргинальной фигурой, которая не разрушает привычных понятий о войне и не изменяет природу этого политического феномена. Но если противник отождествляется с преступником (как, например, в жестокой борьбе между враждебными классами), если главная цель войны - свержение правительства вражеского государства, то взрывная сила этой криминализации врага делает партизана подлинным героем. Он тот, кто приводит в исполнение смертный приговор, вынесенный в отношении преступника или вредного элемента. Такова логика войны *justa causa*, которая не признает *justus hostis*» (12). Террорист наших дней - наследник, или последнее воплощение этого второго типа.

В какой степени различие между двумя этими типами партизана соответствует различию между корсарами и пиратами? Жюльен Фройнд двадцать лет назад сказал: «Партизанскую войну и нынешний терроризм в каком-то смысле можно уподобить сухопутному восприятию корсарства и пиратства (...). Современный тип партизана представляет собой копию сухопутного корсара, а тип террориста - копию пирата. Без сомнения, здесь есть своя логика, поскольку деятельность того и другого отличается нерегулярным характером, и в этом смысле подчас трудно провести грань между корсаром и пиратом, как и между партизаном и террористом» (13). В фигуре корсара Шмитт также видит прообраз фигуры партизана. Корсар, хотя и действует как участник нерегулярного формирования, пользуется тем не менее общественным признанием, тогда как пирата общество считает преступником. Однако корсар действует на море, в то время как партизан у Шмитта по природе своей связан с землей. Что касается современного террориста, то он превосходит все эти различия. Он скорее пират, чем корсар, но он также действует в пространстве, находящемся по ту сторону всех различий между сушей и морем.

Шмитт не согласен с тем, что в условиях промышленного и технического прогресса фигура партизана утрачивает свое значение. Напротив, он утверждает ясно и недвусмысленно, что именно этот прогресс и придаст фигуре партизана новое измерение. «Что произойдет, если тот человеческий тип, который до настоящего времени мы определяли как фигуру «партизана», сумеет приспособиться к своему техническому и промышленному окружению, поставит себе на службу новые средства и трансформируются в новый вид партизана, приспособившегося к обстоятельствам? (...) Кто сумеет помешать неожиданному появлению партизанов нового типа, в чьей деятельности обретет новое неожиданное воплощение эта фигура?» (14)

Итак, «терроризм» - отнюдь не новый феномен. Новое здесь только одно, а именно, то центральное место, которое он занимает (или которое ему приписывают) на международной арене. Возникает вопрос: можно ли это объяснить появлением новой формы терроризма? Между тем, налицо удивительный факт: хотя феномен терроризма широко обсуждается в обществе, сам этот термин так и не получил адекватного определения, что, впрочем, никому не мешает его использовать, подчас вкладывая в это понятие разный смысл.

Один из первых вопросов, которые возникают по этому поводу, связан с представлением о легитимности террористической деятельности, легитимности, на которой террористы постоянно настаивают, но в которой им, разумеется, отказывают их противники. Проблематичность фигуры партизана сразу же вызывает соответствующие вопросы, связанный с понятиями легальности и легитимности. Именно в силу того, что партизан - это боец, стоящий вне рамок легальности, он может апеллировать только к высшей легитимности в противоположность позитивному закону, установленному властью, с которой он борется. Эта проблема особенно занимала Шмитта (15).

Часть 2

Нельзя отрицать, что определенные формы «терроризма» в недавнем прошлом, начиная со Второй мировой войны, признавались легитимными (отметим, что оккупационные власти называли

«террористами» участников Сопротивления). Схожая ситуация возникла в период деколонизации, когда многочисленные террористические группы представляли себя в глазах населения «борцами за свободу» (freedom fighters), желавшими путем вооруженной борьбы достичь независимости от старых колониальных держав. Четыре Женевские конвенции от 12 августа 1949 года наделяют участников сопротивления большинством прав и привилегий из числа тех, которыми обладают солдаты регулярной армии. После 1945 года, в эпоху антиколониальной борьбы многочисленные вооруженные меньшинства, всевозможные движения за «освобождение» и партизаны, сталкиваясь с государственным аппаратом, который квалифицировал их действия как «подрывные» или «террористические», стремились выглядеть в глазах населения бойцами Сопротивления. Когда борьба завершалась и партизаны получали международное признание, задним числом признавались оправданными средства (зачастую неблагоприятные, если не преступные), которые они использовали. Даже распространилось мнение о том, что в некоторых случаях и сам терроризм оправдан. Разумеется, никто не собирался оправдывать терроризм, если имелись иные возможности для решения политических и социальных требований. Но при этом так и не смогли определить критерии, позволяющие отличить «хороший» терроризм от плохого. Оценка нравственной или безнравственной природы терроризма так и оставалась в руках пропаганды, или же зависела от произвола заинтересованных лиц и групп.

Граница между «участниками Сопротивления» и террористами стала настолько размытой, что если при стечении благоприятствующих обстоятельствах бывшим террористам удастся захватить власть, то с ними, как с полномочными представителями их страны, ведут официальные переговоры. Так, например, Алжир и Израиль добились независимости и стали самостоятельными государствами благодаря систематическому использованию террористических методов.

Одни и те же люди в одной ситуации именуются «участниками сопротивления», в другой - «террористами». Использование этого термина носит непостоянный и даже обратимый характер. Талибы, которых в эпоху советского вторжения в Афганистан называли борцами за свободу (freedom fighters), мгновенно превратились в

террористов, когда применили те же самые методы борьбы против своих бывших союзников. Когда силы НАТО бомбили Сербию, боевиков АОК масс-медиа называли «участниками Сопrotивления», но они же стали «террористами», когда напали на Македонию, союзнику НАТО и Соединенных Штатов. Можно привести и другие примеры (16).

Вопрос о месте терроризма по отношению к паре взаимосвязанных понятий «легальность-легитимность» еще более усложняется из-за того, что существует феномен «легального» терроризма (т. е., терроризма государственной власти). Если определять терроризм как способ действия, призванный нанести противнику максимальный ущерб в форме сознательного уничтожения ни в чем неповинных людей (чтобы деморализовать население, спровоцировать в нем давление на своих политических лидеров и принудить их к капитуляции), то ужасные бомбежки гражданского населения в Германии и Японии во время Второй мировой войны попадают под это определение, ибо во всех случаях больше всего страдают те, кто не принимает участия в боевых действиях.

В настоящее время по-прежнему широко обсуждается вопрос: правильно ли считать, что нынешний «гипер-терроризм» или «международный терроризм» вовсе не изменил природу терроризма «классического», чьи составные элементы он только усилил, или же мы имеем совершенно новую форму насилия? Давайте вкратце коснемся некоторых аспектов этой проблемы.

Одна из главных характерных черт международного терроризма состоит в том, что он не знает границ. Терроризм, безусловно, подразумевает насилие, но этого фактора еще не достаточно, чтобы дать терроризму адекватное определение. Необходимо еще уточнить, какой тип насилия имеет здесь место. Но не следует при этом забывать, что это - прежде всего насилие, не знающее границ, и а priori его ничто не может ограничить. Международный террорист сразу и без колебаний вступает в смертельную борьбу. Именно террористы в первую очередь выходят за рамки классических различий между воюющими сторонами и нейтральными лицами, между гражданскими и военными, между теми, кто принимает участие в военных действиях, и теми, кто в них не участвует, между целями легитимными и нелегитимными. В этом отношении терроризм подобен тотальной

войне. Проблема здесь заключается в том, что борьба против терроризма связана с риском, а именно: с риском оправдать использование любых средств. «Необходимо действовать партизанскими методами везде, где есть партизаны», - сказал Наполеон еще в 1813 году. Если терроризм считать абсолютным врагом, возникает соблазн покончить с ним любыми средствами, не исключая а priori ни одно из них – особенно, если исходить из допущения, что перед лицом такой угрозы классические (или демократические) средства оказываются неэффективными. Использование пыток, например, неоднократно оправдывалось потребностями антитеррористической борьбы (любой ценой добыть сведения, чтобы предотвратить теракт). Итак, под предлогом эффективности борьбы с террористами возникает сильное искушение обратиться против них методы, которые используют они сами.

Другой важной чертой современного терроризма стало отсутствие связи с какой-либо определенной территорией. Во времена Постмодерна, которые стали эпохой утраты органической связи с землей, фигура партизана с его, по выражению Карла Шмитта, «теллурическим характером» также теряет связь с землей. На войне с терроризмом нет театра боевых действий. Противник уже не связан с какой-либо определенной территорией (или же связан с ней лишь в малой степени). Поль Вирильо даже предрекал «конец географии», что, разумеется, уже чересчур, ибо данности геополитики остаются теми же, что и всегда. Как бы то ни было, излюбленная форма террористической деятельности в наши дни - это сеть. Так, например, «Аль-Каида» - это не организация классического типа, с определенным местонахождением и иерархией, но неясный конгломерат запутанных сетей. Эти террористические сети обретают тем большее значение, что эпоха Постмодерна и сама по себе - эпоха сетей, ибо ныне на смену организациям, имеющим пирамидальную структуру приходят именно сети. Они имеют очень широкий диапазон охвата: их члены проживают во множестве стран, что, опять-таки, указывает на отсутствие привязанности к какой-либо территории. Впрочем, если даже партизан все в меньшей степени остается «теллурической» фигурой, то дело тут в том, что сама территориальная форма господства сильно устарела. В наши дни выгоднее завоевывать умы или контролировать рынки, чем захватывать и присоединять территории.

Параллель, которая часто проводилась между терактами 11 сентября 2001 года и атакой на Перл-Харбор в 1941 году, является в этом отношении глубоко ошибочной. Атаку на Перл-Харбор санкционировало правительство страны, которая имеет точное местонахождение на карте. Но теракты 11 сентября отсылают нас к миру сетей, имеющих транснациональную природу. Разумеется, Соединенные Штаты могли начать войну в Афганистане из-за того, что он служит убежищем (или «святилищем») для групп Аль-Каиды, но эти группы нашли там пристанище только частично и на временных основаниях. «Всеобщая» война против терроризма, начатая Соединенными Штатами, столкнула две стороны: «партизан», не привязанных к какой-либо территории и организованных в сети, и могучую державу, которая стремится не к завоеванию новых территорий, а к установлению нового мирового порядка (*new world order*). Причем его установление она считает необходимым условием для обеспечения своей национальной безопасности. Новый порядок подразумевает всеобщее открытие рынков, гарантию доступа к энергетическим ресурсам, уничтожение регуляций и границ, контроль над коммуникациями и т. д. В таких условиях уже не логика земли определяет действия партизан, но «морская логика» глобализации и отсутствия территориальной привязки. Именно эта «морская» логика благоприятствует появлению новой формы терроризма, предоставляя в его распоряжение новые средства воздействия (17). Но необходимо отметить, что США, по Карлу Шмитту, - «морская» держава *par excellence*. А поскольку глобализация подчинена «морской» логике, то борьба против терроризма, рассредоточенного по сетям и, фактически, запредельного по отношению ко всем земным границам, зависит целиком от той же логики моря.

Терроризм, не имеющий территориальной привязки, влечет за собой еще одну ситуацию: смешение военных или полицейских задач, которые, фактически, подменяют друг друга. Во время Второй мировой войны, чтобы бороться против Сопротивления, оккупационные войска были вынуждены прибегать к полицейским мерам (розыск, задержание и допросы подозреваемых и т.д.), одновременно способствуя милитаризации полиции, призванной с ними сотрудничать. Во время антиколониальных войн регулярные войска также были вынуждены использовать методы полиции, ибо для них речь шла

прежде всего о том, чтобы выявить врага, который не носил униформы. В эпоху борьбы против международного терроризма это смешение задач полиции и армии достигает таких масштабов, что фактически упраздняется разница между внутренней и внешней политикой. Сталкиваясь с терроризмом, полицейские все чаще вынуждены прибегать к военным средствам, в то время как военные интервенции в другие страны стали называть «операциями международной полиции».

Поскольку терроризм - это война во времена мира, то он становится своего рода символом неопределенности, возникающим между двумя этими понятиями. Война с ним, как было сказано выше, заключается прежде всего в использовании методов полиции. Между тем, полицейский смотрит на своего противника совсем иначе, нежели воспринимает врага «традиционный» военный. Полиция, как правило, не довольствуется тем, чтобы просто бороться с преступностью. Она стремится ее уничтожить. Она не может составить и заключить «мирный договор» с преступниками. Именно поэтому деятельность полиции не содержит в себе ничего политического, по крайней мере, когда она имеет дело с привычными для себя противниками, с преступниками и злодеями. Однако в ее деятельности присутствует очевидное «нравственное» измерение: ведь преступник на стороне зла. Итак, война, ведущаяся против терроризма, носит ярко выраженный полицейский характер, что весьма показательно. Рик Кульзе считает, что именно такое его понимание лежит в основе «послания, которое хотели до нас донести начиная с XIX века: терроризм не является формой легитимной политической деятельности. Он принадлежит к криминальной сфере» (19). Но является ли это послание убедительным? Является ли терроризм новой формой военных действий или новой формой преступности? (20)

Для тех, кто борется с терроризмом, все предельно ясно. Когда они говорят о своем противнике, террористы неизменно именуются преступниками. Это далеко не ново. Во время Революции вандейские мятежники официально именовались «разбойниками». Приравнение террористов к преступникам в силу насильственного и непредсказуемого характера их действий также широко имело место. Исходя из этого можно было рассматривать их как уголовных преступников (это оправдывало тот факт, что после ареста у них

не было статуса политических заключенных). Пьер Маннони пишет, что террористам постоянно навязывают ярлыки «преступников», «убийц» и «бандитов», низводя их на уровень нежелательных элементов, нарушителей порядка и общественного спокойствия; их именуют «варварами», «дикарями», «хладнокровными безумцами» с нездоровыми психическими наклонности» (21). Мишель Вальце пишет, что «террористы напоминают спущенных с цепи убийц, которые все уничтожают на своем пути» (22). Итак, получается, что террористы могут быть либо преступниками, либо сумасшедшими.

Такой взгляд на терроризм превращает его во врага, который *a priori* не может иметь ничего общего с теми, на кого он нападает. Так террорист становится Совершенно Иным. «Образ Другого составлен так, чтобы всем было ясно: он никогда не сможет «быть таким, как мы» (23). И заявления политиков в СМИ постоянно это подтверждают: цели, которые преследует терроризм «недоступны постижению». Соединенным Штатам это непонятно, поскольку американцы убеждены, что созданное ими общество - наилучшее из возможных. Разумеется, они считают немыслимым, если кто-то отвергает модель общества, поборниками которой они являются перед лицом всего мира. Распространенная в Америке идея о том, что США - страна свободы (*land of free*) и представляет собой высшую форму организации общества, а также нацию, избранную Провидением, явно облегчает изображение террористов в качестве злодеев, извращенцев и безумцев. Как «нормальные» люди в сентябре 2001 года могли не поверить в искренность американцев? «Как люди, у которых меньше материальных благ, могли решить, что те, у кого их больше, обязаны этим не своим заслугам, а чему-то другому?» (24). Все дело в том, что «террористы», которые «ненавидят США и все их деяния и устремления» (25) – это просто ненормальные люди. Поскольку Америка отождествляет себя с Добром, они суть воплощение Зла. Поэтому терроризм для них - явление одновременно иррациональное и криминальное, лишенное всякой логики и, в сущности, не имеющее политического значения.

Образ террориста как сумасшедшего и преступника, разумеется, находит отклик в общественном мнении. Террористические акты часто рассматриваются как не имеющие никакого оправдания («Почему они это делают?», «Чего они хотят?»). Подобная реакция

совершенно понятна. Вопрос лишь в том, не является ли подобный подход препятствием для анализа подлинной природы терроризма и выявления его причин.

Представление о террористе как о «преступнике» основывается на логике, которая исключает какую-либо возможность легитимизации убийства. Однако эта логика наталкивается на неудобный факт: на войне убийство считается легитимным. Риторика террористов имеет своей целью попытку включить свои действия в сферу легитимности. Каждый террорист убежден, что его действия носят в высшей степени легитимный характер; что насилие является только следствием или отражением другого, «легального» насилия; и что оно оправдано царящей несправедливостью, то есть является реакцией на неприемлемую ситуацию.

Столкнувшись с подобной риторикой, претендующей на аргументированность, борцы с терроризмом тотчас же объявляют его преступным, и весьма неохотно признают, что он может иметь политические цели. Подчеркивается, что насильственные методы, к которым он прибегает, лишают его права считать себя полноправным участником политической жизни. На этом основании делается вывод, что террорист принадлежит к криминальной сфере. Но на самом деле отрицание политической природы терроризма объясняется исключительно эмоциональной реакцией. Со стороны властей подобное отрицание служит выражением позиции, которая имеет ярко выраженный политический характер, но при этом основывается на эмоциональной реакции. Перси Кемп пишет, что фактически отрицание истины власти считают обязательным условием для основания нового этоса и поэтому они вполне сознательно намерены игнорировать политическое послание, которое заключает в себе террористический акт. Так, в Израиле отказ властей признать политический характер терроризма (в частности, отказ от каких-либо переговоров) основан на отрицании истины, а именно, того факта, что палестинцы суть жертвы израильской политики. Для США подобный отказ основан на официальном отрицании тех связей, которые сменявшие друг друга администрации поддерживали с исламским движением, а также отрицании того факта, что после окончания холодной войны эти неудобные союзники были предоставлены сами себе» (26). Однако в то же время оказывается вполне допустимым,

чтобы между террористами и государствами шла настоящая война. Традиционные войны заканчивались подписанием мирного договора, но в данном случае это исключено. Поэтому тип войны, который здесь подразумевается, это тотальная война, цель и задача которой не в том, чтобы победить врага, но в том, чтобы его уничтожить. Карл Шмитт пишет, что «теологи имеют склонность определять врага как того, кого необходимо стереть с лица земли» (27). Именно в такой манере рассуждают приверженцы идеи «моральной войны» и «справедливой войны», и точно так же думают те, кто ведет «войну с терроризмом». Они, как и террористы, оправдывают то, что хотят оправдать, и намерены не просто бороться с терроризмом, но уничтожить его. Поэтому необходимо помнить, что тотальная война по своей природе радикально отличается от войн традиционного типа, ибо она включает в себя одновременно и действия полиции, и абсолютную войну.

«Мы не ведем переговоры с террористами», такие слова повторяют представители власти любого государства, которые с ними сталкиваются (даже если в действительности случается, что они ведут переговоры более или менее скрытым способом, например, чтобы заплатить выкуп за освобождение заложника). Но международный терроризм и не желает никаких переговоров. (Этим он отличается от киднеппинга, с которым он, впрочем, имеет много общего, хотя, в отличие от него терроризм стремится нанести максимально возможный ущерб.) Однако если допустить, что подлинной целью терроризма является не совершение самих террористических актов, но достижение конкретных задач путем их совершения (вынудить наметенную «мишень» занять ту или иную позицию, принудить ее к изменению политического курса и пр.), то, соответственно, следует допустить, что терроризм все же ищет «переговоров». Ведь террористы всегда стремятся чего-то достичь: чтобы Франция прекратила поддерживать алжирский режим, чтобы США изменили свою политику на Ближнем Востоке, чтобы Россия ушла из Чечни и т. д. Заявление, согласно которому «мы не ведем переговоров с террористами», следует понимать как простой отказ уступать их требованиям. Власти оправдывают отказ от любых уступок террористам, указывая на негуманные средства, используемые террористами для получения уступок (эти средства заведомо рассматриваются властями как

неприемлемые), ибо вследствие применения этих средств страдают «невинные люди», или гражданское население становится «заложниками». Ясно, что власти не пошли бы на уступки и в том случае, если бы те же самые требования террористов были представлены им более «разумным» способом. Именно поэтому террористы, которым это известно, сразу же прибегают к самым крайним средствам – средствам, которые помогут достичь того, чего нельзя достичь другим способом, а властям это облегчает задачу оправдать отказ от уступок.

Шмитт отличает традиционного партизана от «абсолютного партизана», который, воодушевленный верой в дело революции, освобождает себя от всех ограничений. Но это не превращает абсолютного партизана в преступника. Напротив, Шмитт видит в нем вполне адекватную политическую фигуру. Он замечает, например, что «необходимо учитывать ярко выраженный политический характер деятельности партизана, ибо следует отличать его от обычного бандита и преступника, которым движет желание личного обогащения» (28). Любой террористический акт, даже когда он кажется (или оказывается) только самоцелью, несет в себе политическое послание, которое следует расшифровывать. Для террориста террор всегда потенциально «обратим в политический капитал» (Перси Кемп). В представлении Карла Шмитта, террорист является *hostis*, политическим противником. Перси Кемп отмечает: «Чем больше демократические институты будут отрицать тот факт, что терроризм заключает в себе политическое послание, тем больше они будут способствовать росту насилия, позволяя террористу играть роль благородного мстителя» (29). Разумеется, никто не спорит с тем, что террористические акты – это преступления. Но это политические преступления, которые нельзя признать таковыми, если не учитывать обстановку и те причины, которые позволяют дать им адекватное определение. Иными словами, политическое преступление – это, прежде всего, политика, и именно поэтому не следует отождествлять его с уголовным преступлением (но это вовсе не означает, что к нему нужно относиться с большей снисходительностью).

Часть 3

Многие авторы давно уже выявили ограниченный характер тезиса, согласно которому к терроризму можно прибегать как к «последнему средству», что он как «оружие бедных» выражает «отчаяние» определенных кругов населения или угнетенных меньшинств. Но тезис, согласно которому террористическое насилие «лишено логики», «иррационально», «необъяснимо», «бесчеловечно» и «преступно», еще меньше поддается рациональному обоснованию. Терроризм во все не «иррационален». Он не более (или не менее) иррационален, чем логика рынка, которая по сути своей имеет религиозный характер, ибо делит мир на «верующих» (во всемогущество экономического регулирования или «невидимой руки») и «неверующих». Тем более ошибочным будет определять исламский терроризм как «нигилистический» (мусульман особенно возмущает присущий Западу нигилизм). Нет ничего более далекого от реальности, чем представлять терроризм как иррациональную цепь исключительно патологических или преступных актов. Терроризм является частью политических устремлений, он отвечает стратегической логике. Эта логика и эти устремления упускаются из вида, когда СМИ начинают кампанию морального осуждения. Пьер Маннони пишет: «Даже теракты, в ходе которых убивают всех без разбору, являются обдуманными и подчиненными строгому плану. Все здесь подсчитано, чтобы произвести определенный эффект. Это акция, в которой все распланировано: действующие лица, местонахождение сообщников, и прежде всего, политические и медийные последствия» (30). «Все призывы к моральному осуждению самим фактом своего наличия только питают терроризм, свидетельствуя о его способности потрясать умы».

В эпоху холодной войны Советский Союз был для Америки «симметричным» противником. Но в ситуации международного терроризма она была втянута в конфронтацию ассиметричного типа. «Война, - как считает Пьер Маннони, - предполагает прямо пропорциональную зависимость между широкомасштабным охватом пространства, умеренной по силе напряженностью и непрерывной частотой, тогда как терроризм характеризуется обратным пропорциональным отношением между незначительным пространственным распространением, крайней напряженностью и



прерывистой частотой» (32). Еще недавно налицо было стремление к равновесию сил (или равновесию «страха»). Ныне же стало ключевым представление об асимметрии (но не диссимметрии, которая означает только неравенство количественного порядка между противостоящими силами).

«Война против терроризма» является асимметричной войной, что вытекает из самой природы этого феномена. Именно в силу того, что террорист не располагает классическими средствами борьбы, он прибегает к терроризму. Эта асимметрия существовала уже в эпоху классического партизана, что вызывало гнев у Наполеона. С появлением международного терроризма эта асимметрия распространилась на все уровни. Асимметрия действующих лиц: с одной стороны, неповоротливые структуры и государство, с другой, туманная логика и транснациональные группировки. Асимметрия цели: террористы знают, где и каким образом они нанесут удар. Их противники не знают (или знают только частично), где и каким образом они им ответят. Асимметрия средств: 11 сентября 2001 года в течение нескольких минут боевые корабли, атомные бомбы, Ф-16 и ракеты морского базирования оказались устаревшими, столкнувшись с горсткой «фанатиков», вооруженных ножами для резки бумаги. Теракты в Нью-Йорке и Вашингтоне, осуществленные при помощи смехотворных в качестве вооружения средств, заставили содрогнуться всю Америку, а их прямой и косвенный ущерб оценивается на сумму более чем в 60 миллиардов долларов (33).

Но главная линия асимметрии пересекает сферу психологии: огромная пропасть разделяет мир тех, для кого многие вещи хуже смерти, и мир тех, для кого жизнь индивидуума сама по себе

представляется высшим благом. Западные люди в наши дни живут в «свободном от цепей» мире, где все убеждены, что нет ничего дороже жизни. Но на всем протяжении мировой истории это убеждение было скорее исключением, чем правилом. Перси Кемп в этой связи очень точно говорит о реализованном «выборе в пользу антропоцентризма, сделанном в эпоху Возрождения, когда человека поместили в центр Вселенной вместо Бога, а страх перед адом заменили страхом перед смертью» (34). Здесь и берет начало радикальная асимметрия между террористами (начисто лишенными «страха перед смертью» и готовыми отдать свои жизни, отнимая жизнь у других) и теми, кому подобное поведение кажется «непостижимым», ибо для них жизнь в любом случае обладает большей ценностью, чем все прочее. Именно в силу этой асимметрии возникает следующий психологический феномен: жертвы терроризма описывают свои переживания в терминах «абсурдного нигилизма», ибо рациональность западного мира делает его неспособным не только понять, но даже воспринять мотивации иной, чуждой для него логики. А ведь эту логику западный мир знал в прошлом, когда не было ни малейших сомнений в том, что существует дело, доброе или дурное, за которое стоит отдать жизнь. Однако для современного западного человека отказ от сакрализации жизни и отсутствие «страха перед смертью» может проистекать только из фанатизма, напоминающего преступное безумие. Между теми, кто думает об ином мире, и теми, кто думает о пенсии, нет и не может быть ничего общего. Для террористов смерть - это награда. Сталкиваясь со стремлением к смерти, выступающим в роли абсолютного оружия, Запад неизбежно оказывается безоружным.

Терроризм асимметричен еще и в другом смысле, а именно: он производит колоссальное впечатление на общественное мнение, хотя при этом его жертвами становится относительно небольшое количество людей, во всяком случае, несоизмеримо меньшее, чем число жертв в результате убийств «классического» типа, которые постоянно происходят в нашем мире. С этой точки зрения терроризм вполне сравним с авиационными катастрофами, которые случаются редко, но о которых сообщают все СМИ, ибо они влекут за собой одновременную гибель нескольких десятков или сотен людей. В то же время число жертв автокатастроф в общей сумме намного больше, но о них никто не говорит, ибо каждая из них, взятая в отдельно-

сти от прочих, влечет за собой совсем небольшое число погибших. Равным образом терроризм становится причиной гибели намного меньшего количества людей, чем этнические чистки (как, например, в Руанде), но он порождает более сильную реакцию, ибо носит гораздо более зрелищный характер. Между тем этот зрелищный характер неотделим от цели, которую он преследует.

Международный терроризм направлен на ослабление государственных структур и дестабилизацию обстановки. Рассматривая современные теракты, Пьер Маннони очень верно замечает, что те, кто их совершают, стремятся «не вырвать массы из их апатии», как это было у революционеров прошлого, а напротив, «погрузить их в апатию и подавить способность к самозащите и проявлению инициативы» (35). Согласно наблюдениям Жардена По, начитая с семидесятых годов цель терактов состоит в следующем: «использовать страх и ужас, чтобы главная мишень была вынуждена принять навязанную ей модель поведения или желаемым образом изменить свою политику» (36). Это определение показывает, что «главная мишень» никогда не бывает непосредственной целью сразу, ее хотят затронуть, так сказать, рикошетом (и именно этим теракт напоминает киднеппинг). Во время чудовищных бомбардировок гражданского населения Германии и Японии во Вторую мировую войну мишенью были не сами жертвы, а правительства этих стран. Точно также действует и международный терроризм, чьи акции направлены в большей степени на вторичный, нежели на первичный эффект. Например, 11 сентября 2001 года целью террористов было не столько разрушить башни-близнецы в Нью-Йорке, сколько травмировать зрелищем этого разрушения общественное сознание. В этом важное отличие террориста от партизана, который стремится разрушить цели классического типа, то есть прежде всего стремится к первичному эффекту.

В современном мире эта цель достигается главным образом посредством средств массовой информации. Существует очевидная связь между тем зрелищным характером крупных терактов и отголоском этих терактов в интерпретации СМИ. Теракт настолько эффектен, насколько он потрясает воображение. Это шокирующее и будоражающее зрелище вызывает эмоциональное потрясение и

порождает незамедлительную психическую реакцию. Это наглядно продемонстрировали теракты 11 сентября.

Подъем терроризма принципиальным образом связан с расширением мировой медийной системы, которая многократно увеличивает его «убойную силу». Эффект шока, вызываемого терактом, зависит не столько от его реального масштаба, сколько от того, как и что о нем скажут: если о нем ничего не говорят, значит, ничего и не было. Как тонко заметил Поль Вирильо, «оружие СМИ в сущности превосходит оружие массового поражения» (37). Между терроризмом и масс-медиа существует нечто вроде извращенной, но органической связи. Поразительно схожим образом внедряется в парадигму социальных языков язык рекламы (38). По мысли Рюдигера Шафрански, «терроризм действует на двух уровнях, конкретном и символическом. Медийное освещение терактов не менее важно, чем сами теракты. Именно поэтому масс-медиа невольно становятся сообщниками террористов. Получается, что одни совершают теракты в ожидании, что о них скажут другие (...). Поэтому использование масс-медиа в качестве службы пропаганды составляет самую суть современного терроризма» (39). Итак, терроризм представляет собой смертельную игру, в которой задействованы четыре неразлучные стороны: террористы, жертвы, «главная мишень» (существующая власть) и масс-медиа.

Незадолго до смерти Жак Деррида задал такой вопрос: «Чем организованный, спровоцированный, инструментализованный террор отличается от того страха, который вся традиция, начиная от Гоббса и заканчивая Шмитом, и даже Бенджамином, считает условием власти закона и осуществлением властных полномочий, условием существования самой политики и государства?» (40). Это мнение представляется спорным, но по крайней мере можно поставить в заслугу Дерриде, что он вообще акцентирует внимание на представлении о страхе. В ситуации международного терроризма страх перед опасностью на самом деле имеет еще большее значение, чем сама опасность. Террорист – это «незримый» враг, то есть, враг вездесущий и способный на все (41). И тот факт, что он не знает ограничений и сама его «незримость» ему на руку, поскольку возрастает эффект внушаемого им страха. Не ведая ни границ, ни чувства меры, терроризм уничтожает все ориентиры, ибо он исходит из логики, радикальным

образом отличной от господствующей в западном рациональном мире. Его «невидимость» и непредсказуемость умножают страх, и вместе с тем благоприятствуют всевозможным фантазерским и конспирологическим измышлениям. В обществе, где «вездесущий» риск занял место опасности (поддающейся определению и локализации) (42), это, кроме всего прочего, породило всеобщую подозрительность, которая стремится оправдать ужесточающийся контроль или ограничение свобод для населения, часто готового пожертвовать свободами ради гарантий большей безопасности.



Ален де Бенуа

Скажем яснее: терроризм – это война, идущая в мирное время, то есть тотальная война. Джордж Буш, обращаясь в 2001 году к Конгрессу, заявил, что она будет продолжаться долгое время, до тех пор пока все террористические группы международного уровня не будут обнаружены, задержаны и разгромлены («until every terrorist group of global reach has been found, stopped and defeated»). Можно даже сказать, что эта необъявленная война не имеет конца. Поль Верилье пишет, что «с появлением феномена терроризма мы вступили в эру войны без конца, в двух значениях этого слова» (43). Ведь речь идет как о войне, которая не может закончиться, так и о войне, у которой нет точной и определенной цели. У нее нет конца для обеих сторон, ибо террористы не могут всерьез надеяться победить своих противников, в то время как эти последние не могут всерьез надеяться искоренить терроризм. Можно сказать, что золотые денечки международного терроризма еще впереди.

Перевод с французского Андрея Игнатьева

Примечания

1. Cf. notamment G.L. Negretto et J.A.A. Rivera, « Liberalism and Emergency Powers в Latin America. Reflections on Carl Schmitt and the Theory of Constitutional Dictatorship », в *Cardozo Law Review*, New York, 2000, 5-6, pp. 1797-1824 ; Thomas Assheuer, « Geistige Wiederbewaffnung. Nach den Terroranschlägen erlebt der Staatsrechtler Carl Schmitt eine Renaissance », в *Die Zeit*, 15 novembre 2001, p. 14 ; « Carl Schmitt Revival Designed to Justify Emergency Rule », в *Executive Intelligence Review*, 2001, 3, pp. 69-72 ; Frederik Stjernfelt, « Suverænitetens paradokser: Schmitt og terrorisme », в *Weekendavisen*, 10 mai 2002 ; Carsten Bagge Lausten, « Fjender til døden: en schmittiansk analyse af 11. September og tiden efter », в *Grus*, 71, pp. 128-146 ; William Rasch, « Human Rights as Geopolitics. Carl Schmitt and the Legal Form of American Supremacy », в *Cultural Critique*, 2003, 54, pp. 120-147 ; Nuno Rogeiro, *O inimigo público. Carl Schmitt, Bin Laden e o terrorismo pós-moderno*, Gradiva, Rio de Janeiro 2003 ; William Rasch, « Carl Schmitt and the New World Order », в *South Atlantic Quarterly*, 2004, 2, pp. 177-184 ; Peter Stirk, « Carl Schmitt, the Law of Occupation, and the Iraq War », в *Constellations*, Oxford, 2004, 4, pp. 527-536 (texte repris в Peter Stirk, *Carl Schmitt, Crown Jurist of the Third Reich. On Preemptive War, Military Occupation, and World Empire*, Edwin Mellen Press, Lewiston 2005, pp. 115-129) ; Fabio Vander, *Kant, Schmitt e la guerre preventiva. Diritto e politica nell'epoca del conflitto globale*, Manifesto libri, Roma 2004. Вильям Раш также постарался перевести тезисы Шмитта, посвященные теме конфликта на язык, заимствованный у Лумана и Лиотара (« Conflict as a Vocation: Carl Schmitt and the Possibility of Politics », в *Theory, Culture and Society*, décembre 2000, pp. 1-32). Жак Деррида высказался за критическое прочтение Шмитта при анализе нынешней международной ситуации (« Qu'est-ce que le terrorisme ? » См., беседа с Джованной Боррадори в: *Monde diplomatique*, Paris, février 2004, p. 16). Жорж Корм полагает, что «коллизии, свидетелями которых мы становимся со времен важных событий 11 сентября 2001 года, и воинственная энергия,

- которую развили Соединенные Штаты для того, чтобы внушить всем необходимость тотальной войны с террористическим монстром», лишь подтверждают «проницательность взглядов» Карла Шмитта. (Orient-Occident. La fracture imaginaire, 2e éd., Découverte, Paris 2005, p. 194).
2. Theorie des Partisanen. Zwischenbemerkung zum Begriff des Politischen, Duncker u. Humblot, Berlin 1963 (перевод на французский в La notion de politique – Théorie du partisan, Calmann-Lévy, Paris 1972, 2e éd. : Flammarion, Paris 1992).
 3. См., например, J.F.C. Fuller, La conduite de la guerre de 1789 à nos jours, Payot, Paris 1963, p. 27.
 4. Цит. по Marcel Reinhard, L'armée et la Révolution pendant la Convention, CDU, Paris 1957, p. 141.
 5. Цит. по Marcel Reinhard, в Le Grand Carnot, Hachette, Paris 1994, p. 432.
 6. Jean-Yves Guiomar, L'invention de la guerre totale, XVIIIe-XXe siècle, Félin, Paris 2004, pp. 13-14.
 7. Cf. André Corvisier (éd.), De la guerre réglée à la guerre totale, 2 vol., CTHS, Paris 1997.
 8. Жан-Ив Гьомар в своей книге подчеркивает сам, что «анализ, представленный Карлом Шмиттом, великолепен». (op. cit., p. 313).
 9. В «Новой рейнской газете» от 7 ноября 1848 года уже Карл Маркс упоминает «революционный терроризм» в качестве одного из необходимых средств для достижения победы. Но именно Ленин превратит насилие в неизбежную отправную точку для завоевания власти пролетариатом.
 10. Théorie du partisan, op. cit., 2e éd., Paris 1992, p. 224.
 11. Ibid., pp. 257 et 303.
 12. Ibid., p. 235.
 13. Послесловие к Carl Schmitt, Terre et Mer. Un point de vue sur l'histoire mondiale, Labyrinthe, Paris 1985, pp. 108-109.
 14. Théorie du partisan, op. cit., 2e éd., pp. 287 et 305.
 15. См. Carl Schmitt, Legalität und Legitimität, Duncker u. Humblot, München-Leipzig 1932 (перевод на французский: Légalité – légitimité, Librairie générale de droit et de jurisprudence, Paris 1936, 2e éd. : « Légalité et légitimité », в Carl Schmitt, Du politique. «

Légalité et légitimité » et autres essais, Pardès, Puiseaux 1990, pp. 39-79).

16. Тот факт, что американцы и европейцы не могут придти к согласию при определении таких движений, как палестинский «Хамас» или ливанская «Хезболла» (два движения, которые никогда не вели борьбы за пределами границ их территории), служит еще одним примером того, как трудно провести четкую границу между «сопротивлением» и «терроризмом». Согласно израильскому закону, насильственные действия, совершаемые палестинцами, являются преступлениями или правонарушениями, и лица, их совершившие, не могут пользоваться правами, которые полагаются военнопленным. В то же самое время репрессивные действия, осуществляемые против палестинцев, официально квалифицируются именно как военные действия (они не требуют возмещения ущерба, причиненного третьим лицам), но не как полицейские операции, которые предполагают возмещение причиненного ущерба. См. на эту тему Henry Laurens, « La poudrière proche-orientale entre terrorisme classique et violence graduée du Hezbollah », in Esprit, Paris, mai 2005, pp. 141-149.
17. О связи между терроризмом и глобализацией, и о бреши, которую создает эта последняя между странами, относящимися к «центру» глобализованного мира, функционирующего как сеть, и прочими странами, см. Thomas P.M. Barnett, *The Pentagon's New Map. War and Peace in the Twenty-first Century*, Putnam, New York 2004.
18. С 2000 года «соединение» (blending) систем внутренней безопасности и военной стратегии представлялась в США как идеальная и всеобщая модель борьбы против террористической угрозы. В докладе NSS сказано: «в наши дни стираются различия между внутренней и внешней политикой » (p.29). Специалисты по контртеррористической борьбе со своей стороны все чаще обращаются за советами к криминологам. См. A. Dal Lago, *Polizia globale. Guerra e conflitti dopo l'11 settembre*, Ombre corte, Verona 2003.
19. Rik Coolsaet, *Le mythe Al-Qaida. Le terrorisme, symptôme d'une société malade*, Mols, Bierges 2004, p. 113.

20. На эту тему см. Christopher Daase, « Terrorismus und Krieg. Zukunftsszenarien politischer Gewalt nach dem 11. September 2001 », in Rüdiger Voigt (Hrsg.), *Krieg – Instrument der Politik? Bewaffnete Konflikte im Übergang vom 20. Zum 21. Jahrhundert*, Nomos, Baden-Baden 2002, pp. 365-389. См. также Richard Falk, « Thinking About Terrorism », в *The Nation*, 28 juin 1986 ; Teodoro Klitsche de la Grange, « Osservazioni sul terrorismo post-moderno », в *Behemoth*, Roma, 30, 2001.
21. Pierre Mannoni, *Les logiques du terrorisme*, In Press, Paris 2004, p. 41.
22. Michael Walzer, *De la guerre et du terrorisme*, Bayard, Paris 2004, p. 80.
23. Francesco Ragazzi, « “The National Security Strategy of the USA” ou la rencontre improbable de Grotius, Carl Schmitt et Philip K. Dick », in *Cultures et conflits*, 18 mai 2005.
24. Immanuel Wallenstein, *Sortir du monde états-unien*, Liana Levi, Paris 2004, p. 66.
25. Rapport du NSS, p. 14.
26. Percy Kemp, « Terroristes, ou anges vengeurs », in *Esprit*, Paris, mai 2004, pp. 21-22.
27. *Ex captivitate salus*, Greven, Köln 1950, p. 89 (trad. fr. : *Ex captivitate salus. Expériences des années 1945-1947*, J. Vrin, Paris 2003).
28. *Théorie du partisan*, Flammarion, Paris 1992, p. 218.
29. Art. cit., p. 20.
30. Op. cit., p. 8.
31. Ibid., p. 17.
32. Op. cit., p. 29.
33. О представлении об ассиметричной войне, см. Jorge Verstrynge, *La guerra periférica y el islam revolucionario. Orígenes, reglas y ética de la guerra asimétrica*, El Viejo Topo, Madrid 2005.
34. Art. cit., p. 19.
35. Op. cit., p. 10.
36. « A Definitional Focus », in Y. Alexander et S. Finger (ed.), *Terrorism. Interdisciplinary Perspectives*, New York 1977, p. 21.
37. « L'état d'urgence permanent », in *Le Nouvel Observateur*, Paris, 26 février 2004, p. 96.

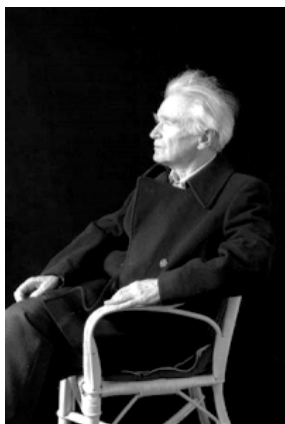
38. Cf. Pierre Mannoni, *Un laboratoire de la peur : terrorisme et médias, Hommes et perspectives*, Marseille 1992.
39. Rüdiger Safransky, *Quelle dose de mondialisation l'homme peut-il supporter?* Actes Sud, Arles 2005, p. 84.
40. « Qu'est-ce que le terrorisme ? », entr. cit., p. 16.
41. Джордж Буш, как пишет Франсуа-Бернар Хейг, «был первым, кто сделал своим коньком борьбу против опасности, исходящей не от враждебной империи, но от подпольной группы, прибегающей к аморальным средствам». (« Le terrorisme, le mal et la démocratie », in *Le Monde*, Paris, 18 février 2005).
42. Cf. Ulrich Beck, *La société du risque*, Aubier, Paris 2001 (2e éd. : Flammarion, Paris 2003).
43. Art. cit., p. 97. «Международный терроризм доводит до крайности два аспекта, - замечает со своей стороны Юрген Хабермас, - отсутствие реалистичных целей и способность извлекать выгоду из уязвимости сложных систем» (беседа с Джованной Боррадо-ри, в *le Monde diplomatique*, février 2004, p. 17).

Эмиль Чоран

ВОЙНА

Отрывок из работы: «Schimbarea de față a Romîniei»

Есть ли в мире народы, которые никогда не вели войн? Все когда-то их вели, подчас даже сами того не желая. Крупные народы их хотели, что выгодным образом их отличает от малых. Как бы то ни было, в этом вопросе неверно исходить из факта поддержки (или, напротив, отрицания) войны большинством народа. В любом случае национальный организм не воспринимает войну на сознательном уровне. Война связана с жизнью наций на глубочайшем сущностном уровне, и люди сами по себе просто не могут вмешиваться в эту сферу. Даже если они запретят войну, им не удастся ее избежать. Поэтому совершенно неадекватной представляется теория, согласно которой войны возникают по вине руководителей стран, или вызваны борьбой за интересы различных социально-политических групп. Неужели кто-то всерьез полагает, что все войны, которые когда-либо развязывало человечество, рождались только в головах князей, королей и императоров? Кто поверит в войны, вызванные индивидуальной фантазией или коммерческими интересами? Даже если война, как говорится, уже витает в воздухе, она носит подчеркнуто неиндивидуальный характер, ибо никто не может нести за нее ответственность. Пацифизм (на его стороне все пылкие сердца, но отнюдь не суровая действительность) прославился тем, что установил ответственность за разжигание войн. Но пацифисты забывают о том, что война – это явление, относящиеся не к внешнему, но к внутреннему миру каждой нации. Если бы люди могли остановить войны или воспрепятствовать их возникновению, они бы давно это сделали.

*Эмиль Чоран*

Но жизнь человечества в целом не имеет определенной этической цели. Тот, кто разбавляет размышления о войне всевозможными чувствами, безо всякой пользы усложняет себе жизнь, ибо неизбежность военных конфликтов нельзя устранить даже божественным вмешательством. Господь любит войну.

Мало что может нам дать такое сильное ощущение соприкосновения с судьбой, как война. Если смерть заставляет грустить, война оставляет лишь горький привкус, либо холодное разочарование, холодное безумие... Смерть происходит внутри нас, тогда как война проходит через нас.

Тот же, кто ведает, как происходит все на этом свете, спокойно живет среди обрушивающихся на него несчастий, дабы в свое время быть погребенным под ними.

Нельзя размышлять о становлении наций, не принимая во внимание фактор войны. С помощью войн нации достигают осознания собственной силы и отмежевываются от других наций. Нация проверяется в войне. Чем больше нация ведет войн, тем больше ускоряется ритм жизни. Алчная по своей природе, она дает выход жизненной силе в частых войнах. Продолжительность жизни нации тесно связана с ее жизненным ритмом. Войны возникают из-за избытка жизненной энергии, которую они в свою очередь и увеличивают. Но увеличивают только по интенсивности, а не по длительности. Хочет ли нация жить долго? Кто может ответить на этот вопрос? Те, кто предназначены стать гениями, ненадолго загораются и быстро сгорают. Славу они предпочитают долговечности и сурово обходятся со своими жизненными резервами. Только посредственные культуры выживают, ибо по сути они никогда и не жили... Великая судьба стоит многого.

Сопротивляться нападению противника — благородное дело, идти в наступление — деяние, достойное восхищения. Если народ долгое время не ведет агрессивной войны, он не существует как активный фактор истории. Провокация возможна лишь при наличии

резерва сил и избытка жизненной энергии. Война, начатая по собственной инициативе, но в конце концов проигранная, заслуживает большего уважения, чем выигранная оборонительная война.

Германия проиграла Первую мировую войну только в политическом смысле, сама по себе эта война придала немцам больше достоинства, чем союзникам. Агрессивная война возникает либо из-за сугубо биологических факторов, либо в результате стремления императивно навязать миру некую идею. Первый случай имеет место крайне редко, в основном мы имеем дело со вторым. Нет и не было народа, который обрел бы значимость вселенского масштаба одной лишь силой духа. Процесс его самоутверждения в мире – это комплекс средств, в котором зверство идет рука об руку со святостью. Глупо питать слишком много иллюзий по отношению к истории. Дух не возникает из ничего. Если бы Голландия в свое время не была империей, возникла бы великая голландская живопись? Одинаковые материальные условия создают благоприятные предпосылки как для порока, так и для духовных исканий. Война – настолько сложный феномен, что было бы неправильно считать ее сущность преступной.

Для нации агрессивный этос – нечто вроде позвоночного столба. Чем еще объяснить тот факт, что армия – инструмент инстинкта агрессии – столь тесно связана со всеми формами национальной экзистенции? Все формы государственности освящены армией в гораздо большей мере, чем религией и ее храмами. Армия – это вечное учреждение, если вообще можно считать вечным то, что создано человеком. Подобным образом даже наименее одухотворенный человек может понимать самого себя и иметь строгий план жизни. Постоянное существование армии – это самое веское доказательство в пользу любой пессимистической антропологии. Человечество не может себе позволить такую роскошь как анархия и мечты о ней.

Если из человеческой истории изъять армию, вселенское становление станет похожим на лекцию по педагогике. Значит, в этом есть необходимость: все, что осуществляется, должно осуществляться через кровь, и все, чего мы достигаем, должно рождаться из страха и трепета. История обретает свой блеск и величие на фоне кровавых разводов. Боль – сущность становления.

Страдание

Только страдание реально изменяет человека. Все прочие переживания не могут изменить его сущностный характер или настолько углубить имеющиеся в нем предпосылки, чтобы он изменился полностью. Сколько было нормальных, уравновешенных женщин, из которых страдание сделало святых! Абсолютно все святые испытывали невообразимые страдания. Их преобразование не было следствием божественного вмешательства, чтения Священного писания или взятого на себя обета. Нескончаемое страдание, чудовищное и длительное, подарило им невообразимые миры, и до такой степени углубило их духовную жизнь, какая просто немыслима в существовании обычного человека, полном суетных размышлений.

Человек, обладающий особым преимуществом, проклятой привилегией - непрерывно страдать, может на всю оставшуюся жизнь спасти себя от книг, людей, идей, от всего. Иными словами, чистый фактор страдания позволяет полностью преобразиться, и обрести такие силы, которые делают абсолютно ненужным какое-либо дополнение извне. Как много можно извлечь из страдания, из этого проклятого сокровища, которое спасет или убьет тебя, сделает из тебя все, что угодно, но только не посредственность!

Люди не понимают, что с посредственностью нельзя бороться иначе, как с помощью страдания. Дух и культура сами по себе не производят серьезных изменений. Но страдание способно изменить очень многое. Единственным оружием против посредственности является страдание. Оно изменяет темперамент, концепции, позиции, оценки, меняет саму направленность существования. Любое сильное и длительное страдание воздействует на интимную основу существа. Изменяя внутреннюю основу существа, страдание имплицитно меняет и отношение его к миру. Это реальное изменение перспективы, изменение понимания и чувствования. После долговременного страдания сложно представить себе жизнь без него, ибо любое страдание отчуждает от природных установок и переводит на экзистенциальный план сущностных устремлений. Таким образом, из человека, рожденного для жизни, страдание делает святого, замещая все его

иллюзии язвами и гангреной отказа. Отсутствие покоя, которое следует за страданием, внушает человеку такое напряжение, в котором нельзя быть посредственностью.

Целый народ может быть изменен через страдание и лишение покоя, через постоянную дрожь, мучительную и настойчивую. Апатия, вульгарный скептицизм и поверхностный имморализм могут быть разрушены страхом, тотальным беспокойством, плодотворным террором и всеобщим страданием. В народе вялом и настроенном по отношению ко всему скептически огонь можно зажечь только через страх, через мучительное беспокойство и убийственную пытку. При этом страдание, приходящее извне, не столь плодотворно, как страдание, имманентное человеческому существу. Но из народа следует сделать не общность творцов, но общность личностей. Все объективные методы, весь комплекс культурных ценностей в самой сущности не изменит ничего. Объективное и внеличностное знание облегает манекен, но не человеческое существо. Я никогда бы не стал управлять государством с помощью законов, программ и манифестов, но я не позволил бы ни одному гражданину спать спокойно до тех пор, пока его беспокойство не заставит его усвоить формы социальной жизни, в соответствии с которыми ему придется существовать.

Перевод с румынского Александра Бовдунова

Рихард Шапке

**ВНУТРЕННЯЯ СУЩНОСТЬ И ИСКУССТВО
ВЛАСТВОВАТЬ.
В ПАМЯТЬ О ФРИДРИХЕ ХИЛЬШЕРЕ**

Два тирана необходимы немцу: внешний, который его принуждает сознательно противопоставить себя миру в качестве немца, и внутренний, который его принуждает найти самого себя.

Эрнст Юнгер

Фридрих Хильшер, скончавшийся 7 марта 1990 года в Римпрехтсхофе, в горах Шварцвальда, несомненно, принадлежал к числу самых оригинальных идеологов Консервативной революции. Поскольку после Второй мировой войны он практически не пытался оказывать влияние на широкие слои населения, и он сам, и его работы были преданы почти полному забвению. (Тем не менее имя Хильшера нередко можно встретить в «Излучениях» Эрнста Юнгера.) Только в последнее время была опубликована часть наследия этого ницшеанца, чье мироощущение выходит за рамки обычных представлений, и мы, наконец, получили возможность познакомиться с его жизнью и трудами. В этой статье мы не раз будем обращаться к его произведениям, дабы дать возможность герою нашего повествования говорить от себя, своими словами. Все цитаты берутся в основном из опубликованной после Второй мировой войны автобиографии «Пятьдесят лет среди немцев». По вполне понятным

причинам, связанным с конкретным содержанием этой работы, мы уклоняемся от хронологии данной публикации.

Начало жизненного пути

Фридрих Хильшер родился 31 мая 1902 года в Губене (по другим сведениям, в Плауене/Фогтланде) в семье коммерсанта, который придерживался национал-либеральных взглядов. В 17 лет, сдав экзамены на аттестат зрелости в классической гимназии, он почти сразу же записался в один из добровольческих корпусов, солдаты которого сражались со спартаковцами и сепаратистами и участвовали в боях на восточной границе. (Отметим, что добровольческий корпус «Хассе», сформированный в июне 1919 года на базе пулеметной роты 99-го пехотного полка, выступил в Верхней Силезии против польских мятежников.) Одним из товарищей Хильшера по службе был Арвид фон Харнак, который позднее прославился благодаря участию в деятельности «Красной капеллы» Харро Шульце-Бойзена. Впоследствии это воинское объединение хорошо себя зарекомендовало, и его включили в состав рейхсвера, но в мае 1920 года Хильшер оставил службу, так как отказался от участия в непродуманном путче Каппа, направленном против республики.

Хильшер уехал в Берлин, где регулярно посещал занятия в высшей школе политики и получил юридическое образование. Во время учебы Хильшер по примеру многих студентов решил присоединиться к одной из студенческих корпораций и выбрал «Норманния Берлин», а потом некоторое время был членом имперского клуба национал-либеральной Немецкой Народной партии (ННП). Значительное политическое влияние на него оказали в те годы вышедший из СДПГ национальный социалист Август Винниг и историософ Освальд Шпенглер. У Виннига Хильшер заимствовал убежденную веру во всемирно-историческую миссию Германии, а у Шпенглера – циклическое представление об истории. Кроме того, его вдохновляла философия войны, разработанная в трудах Эрнста Юнгера.

В 1924 году Хильшер переехал в Йену и сдал экзамены референдаром, а в декабре 1926 года получил степень доктора права. Он поступил на прусскую государственную службу, но работа (он был

юристом) приносила ему мало удовлетворения, и меньше чем через год, в ноябре 1927 года, Хильшер уволился.

Еще во время учебы он часто посещал веймарский архив Ницше. Наследие Фридриха Ницше, которым ведала сестра философа, Элизабет Ферстер-Ницше, стало последней реально значимой составляющей его мировоззрения, к тому времени уже вполне сложившегося. Долгое время Хильшер в качестве *Alter Herr* продолжал участвовать в жизни корпорации «Норманния Берлин», где он познакомился с такими личностями, как Хорст Вессель, Ханс Хейнц Эверс и Курт Эггерс.

Внутренняя сущность

26 декабря 1926 года Фридрих Хильшер вышел на арену политической публицистики со статьей «Внутренняя сущность и искусство властвовать». По совету Виннига молодой юрист примкнул к национал-революционному кружку (в него входили в основном сотрудники еженедельника «Арминиус»), на который не в последнюю очередь оказывал влияние Эрнст Юнгер. Знакомство с Юнгером переросло в дружбу на всю жизнь. Статья Хильшера «Внутренняя сущность и искусство властвовать» уже содержит в себе все существенные аспекты его мировоззрения и поэтому заслуживает тщательного рассмотрения.



Фридрих Хильшер

«Давайте будем честными: мы находимся не в начале нового подъема, а перед концом старого упадка. Этот конец уже открыт нашему взору. Нам еще предстоит пройти через самое худшее, прежде чем мы сможем взяться за новую работу. Каждый, кто уже сейчас начинает что-либо строить, выполняет сизифов труд. Именно так его следует называть. Все военные приготовления, которые имеют своей целью освободительную войну в настоящем, или в ближайшем будущем, являются бессмысленной забавой и безоглядной глупостью. Все духовные устремления, союзы, корпорации, культурные сообщества, школы мудрости, основываемые в настоящее время, представляют собой самообман безо всякого внутреннего содержания.

(...) В реальном мире аргументы не имеют никакого смысла... Никогда еще не удавалось одной лишь силой аргументов обратить политического противника в свою веру или поколебать его убеждения. Однако уже сейчас необходимо объединиться всем, кто устремлен к одной и той же цели: к священному Германскому Рейху. Для такого единения необходимо взаимопонимание. Но именно его и не хватает. Едва ли стоит что-либо менять в наступающем развале Германии. Но уже настало время работать над духовной основой, на которой только и возможно новое обустройство. Внутренняя позиция германцев несвободна с тех самых пор, как они соприкоснулись с обессиленным и перезрелым римско-византийско-христианским многообразием культур, ознаменовавшим конец так называемой древности, и позаимствовали образ мышления этих чуждых миров, будучи еще не в состоянии поддерживать самобытное критическое осмысление изначально чуждой сущности. С тех самых пор основа немецкой души расколота надвое (sic!). Немец обычно одобряет борьбу как таковую, но, утомленный моралью чужаков, он стремится к миру. Итак, с тех пор как немецкий дух подчинен чуждому влиянию, немцы каждый раз вступают в борьбу, обремененные нечистой совестью. Они останавливаются на полпути и, не достигнув окончательного успеха, снова уходят в себя после мощного подъема. Искусство властвовать дает возможность начать и продолжать борьбу, которая увенчается небывалым успехом. С тех пор как немец подпал под власть чуждых влияний, остается только немецкое искусство властвовать, которое, увы, еще не охватывает немецкой внутренней сущности (...)

С отставкой Бисмарка бисмарковский рейх превратился в вильгельмовское государство, чье разрушение было неизбежно. Эта неизбежность стала явной во время мировой войны. Если бы дело мог решить наш военный героизм, мы бы победили. Но мы были вынуждены опустить знамена, ибо за германским воином не стояла родина, не стояла Германия как единство глубочайшей веры, воли и мысли, мир безупречно ясной, глубочайшей уверенности. Так пришло поражение. Государство, основанное на Веймарской конституции, это не новое строение, в чем-либо отличное от предшествующего, но лишь последний слепок с вильгельмовского государства, который демонстрирует с образцовой ясностью и честностью (разумеется, неосознанной) его нелепые, лишенные всякой ценности, жалкие стороны. Здесь не за что более держаться и нечего больше спасать. Его дальнейшая судьба нам совершенно безразлична. И чем скорее это государство погибнет, тем лучше для дела немецкого возрождения. Следует ли сказать еще яснее? Итак, улучшать здесь уже нечего. Его спасению – если бы оно было возможно – помогли бы не детские крики «ура» на мнимо бодрых военных шествиях, но упорная, молчаливая и самоотверженная работа в подземелье, которая всегда начинается с самого малого, как показал пример Фридриха Вильгельма I. Но поскольку невозможно приложить руки к этому государству, нам остается лишь одно: уйти в себя, дабы из глубин собственного сердца поднять наверх уверенность и веру в будущее немецкого народа, ибо без этой веры невозможно начать новую работу (...).

Подведем итог: разрушение либерального капиталистического порядка пока еще не идет полным ходом, оно нам только предстоит. Но уже бесполезна всякая созидательная работа и любое участие в политической жизни. Поскольку немецкое бытие подвластно влиянию западного христианского материализма, то поражение озапащенной кайзеровской империи в мировой войне неизбежно. Республика – это лишь продолжение вильгельмовского государства в иной оболочке, и она точно также обречена на гибель.

30 января 1927 года Хильшер продолжил эту тему в статье «Другой путь»: «Если угнетенный народ хочет быть свободным, он должен сделать это двояким путем: во-первых, внутренне он должен стать единым, а во-вторых, он обязан раскрыть свое дарование в

сфере искусства политики... Но для этого раскрытия нам не хватает средств. (...) Мы стремимся добиться свободы, то есть возможности самостоятельного приложения наших сил без резкой конфронтации с Европой... Поэтому развитие всех наших способностей следует направить на другой путь, равным образом неизбежный и необходимый, на путь окончательного единения немецкого духа».

Современная эпоха, как утверждает Хильшер, обладает поистине «мефистофелевской ловкостью в сокрытии и глубочайших основ, и отдаленного фона». Поэтому в борьбе с ней все средства дозволены, если только не нарушается верность самому себе. «Безопасность нашей внутренней основы подразумевает такой образ действий, без которого вряд ли можно обойтись». Хильшер настаивает на необходимости вести духовную борьбу с многообразием чужеродных влияний. Лишь найдя основу в собственной воле, можно воздвигнуть мир нового духа и души, стремящихся к могуществу. «Это и есть цель. Путь к ней требует сурового и жестокого самовоспитания каждого отдельного человека. Он ведет к цели через единодушное исповедание веры, которой вверяли себя поэты и авторы древних сказаний, Экхарт, Лютер, Гете и Ницше. В ходе самовоспитания, укорененного в вере, осуществляется пестование рода, единого в жертвенном служении немецкой вере и поэтому призванного к творчеству в сфере искусства, где он также призван властвовать, для чего настоящее не годится из-за отсутствия внешней воли и нехватки внутренней веры».

13 февраля 1927 года вышла в свет статья Хильшера «Фаустовская душа»: «Фундаментальное переживание немца - это душевная принадлежность к германству. Последней великой попыткой критически и осознанно рассмотреть это фундаментальное переживание стало учение Шпенглера о фаустовской культуре. Фаустовская культура - это суть немецкой души. Шпенглер прозревает, как в глубокой ночи она встает из Валгаллы, затерянной в мистических глубинах, и обнажает меч в бесконечных битвах. Башни готических соборов жаждут штурмовать небеса, в бесстрашных сердцах - лютеровское крестьянское упрямство. В бескрайних просторах звучит нордическая музыка лесов, то скрывая в нежнейших блаженных мелодиях свое безмерное одиночество, то являя его в бурях и грозах. Из нужды, нищеты и крови поднимается пруссачество, и

когда за Фаустом следует Заратустра, мир потрясают торжествующие звуки вагнеровских тромбонов. Пруссак Бисмарк достает из глубин Рейна корону. Потом - катастрофа, и по-новому возобновляется старая борьба (...) У истоков легенд - неразрывно связанные друг с другом немецкая воля к власти и немецкая внутренняя суть ... Фридрих Ницше, последний великий носитель немецкой сущности, учивший о воли к власти, вновь пробудил от спячки древнюю мудрость, ту самую мудрость, что возвещает немецкую мораль начиная с эры богов, с эпохи Зигфрида и Хагена. Когда немцев снова начнут учить нашей внутренней сути, дабы строго ей следовать, когда немецкая воля к власти уже не будет одинокой, тогда, и только тогда придет конец немецкому расколу. Немецкая человечность обретет завершение, и немец в своем вновь обретенном совершенстве отыщет дорогу к вечному источнику, из которого она и берет начало».

Это представление о фаустовской душе наглядно представлено в статье «Старые боги». Легенды, сказки и германо-кельтская мифология образуют родную среду немецкой души. Хильшер делает акцент на борьбе как принципе существования. «Только немец способен понять, как можно наносить друг другу глубочайшие раны, сохраняя при этом неувязимую дружбу. Ибо немец таков по самой своей сути: разорванный на сотни и тысячи частей, он - поле брани всех добрых и злых духов. Из раскола в душе он выносит гордость и высшее единство, которое всегда смеялось над всякой серьезностью, и над всеми безднами удерживало одинокую и светозарную вершину, наполняющую сиянием бездонные глубины ... Борьба - это «нет», а совершенство - это «да». Рождение «да» из «нет», совершенство в борьбе - вот он, гимн древних богов. Этот гимн возвещали все великие носители немецкой внутренней сути. Когда Экхарт учил о пылающей душе, в чьих глубинах царит безмолвный и безмятежный покой; когда Лютер в деяниях Сатаны прозревал осуществление всемогущества Божьего; когда Гете отображал мятежные порывы и борьбу как вечный покой, заключенный в Боге; когда, наконец, проявлял свою благую волю ницшеанский мир воли к власти, мир вечного самостановления и вечного саморазрушения как бесконечного возвращения к себе, - это был все тот же древний гимн».

«Так борьба становится самоцелью, и самое ценное здесь - сохранить в борьбе верность. И больше ничего. Ради этой борьбы и сберегается внутренняя сущность, ибо она дает силу. Это совсем иная верность, и наши современники о ней не ведают. Эта верность жертвует всем: клятвами, честью, собственной кровью. Ибо эта верность знает: только в борьбе ее истинное предназначение и осуществление».

Жизни народов, по Хильшеру, присуща та же цикличность, которую мы наблюдаем в природе. Хильшер прибегает к многочисленным аллегориям цикла вегетации дерева. Немцы в настоящее время находятся на стадии «зимы», вызванной «вещизмом», то есть материализмом западной цивилизации, возникшим в эпоху Ренессанса, в котором уже вызревали ростки раннего капитализма. В определенный момент человек, обусловленный предустановленными циклами, больше не желает быть связанным древними ритмами, но, вопреки своей природе, хочет зависеть лишь от себя самого. Религия, народ, традиция и культура уступают путь индивидуализму. У людей есть выбор, принесет ли грядущая зима «возвращение или смерть, по нашему выбору и по милости богов».

«Если бы некто вознамерился упразднить холод, царящий на поверхности земли, то он – как самозванный дух тепла - потерпел бы неудачу. И дело тут не в корнях, не в семенах и не в людях. Ибо для нас этот холод предопределен». Каждая зима прячет росток весны, это символизирует солнцестояние.

«Вблизи источника должна утихнуть буря, пагуба должна уйти прочь, если она - у корней. И у источника, и у корней нужно заново обрести былое счастье». Рейх еще недостаточно силен, чтобы процветать на поверхности земли. Он в сокровенных недрах, в сердцах приверженцев, в произрастании нового типа человека, и еще не имеет зримого образа. Внутренняя сущность и воля к власти неразрывно связаны друг с другом.

Сегодня речь идет не о спасении старого тела Запада, а о создании нового. Социальное происхождение и интересы нынешних тружеников подземелья не имеют ни малейшего значения. Пусть же каждый из них изберет себе героя в согласии с прозреваемыми образцами».

Искусство властвовать

Указав на настоятельную необходимость развивать новое сознание в качестве основной предпосылки успешных действий, Хильшер обратился к вопросам внешней политики. В марте 1927 года в «Арминиусе» была опубликована его статья «За угнетенные народы!», которая в известной степени сделала Хильшера создателем теории национально-освободительной борьбы. Следует отметить, что подобный ход мысли уже проявлялся в работах Меллера ван ден Брука.

Первая мировая война так потрясла народы всех континентов, что эффективность каждой продуманной политической акции возросла в сотни раз. На Брюссельском конгрессе, посвященном угнетенным народам Азии, они впервые возвысили голос против Запада, против империализма и колониализма и выступили за национализм. (Здесь нужно напомнить о том, что в жестких рамках версальского диктата Германия с ее демократией, зависимой от Запада, была не суверенным государством, но фактически колонией.) Но теперь ни один континент уже не существовал сам по себе, в отрыве от прочего мира, ибо проявились новые задачи, новые дружественные связи и цели. Хильшер возлагал большие надежды на пробуждение Китая, Индии и арабского мира, и в гораздо меньшей степени надеялся на Советский Союз, который хотел навязать свою идеологию всем остальным народам и поэтому не мог быть честным партнером народов, стремящихся к свободе.

Германия, как полагает Хильшер, это не часть Западной Европы, но часть азиатского Востока. «Полный радостного ожидания, умиротворенной мудрости и веры в себя, из которой он черпает силы, немец, очарованный Востоком, почтительно склоняется перед огромным, бесконечным, совершенно неевропейским и таинственным миром». Немецкая внутренняя сущность противостоит Западу и идеологии его бездушной цивилизации. «Народы Востока верят в незыблемые силы. Они умеют им служить, ибо в них берет начало их природа. К ним же они обращаются, когда приходит их последний час. Немец принадлежит Востоку, а не Западу. Запад - это цивилизация, тогда как Восток - это культура. Цивилизация основана на деньгах и на расчете, и знать не знает никакой внутренней сущности. Культура же воздвигнута на

фундаменте непоколебимой уверенности, на шедеврах высокого искусства, смиренного умозрения, жертвенной мудрости. Народы Запада суть народы цивилизации, а народы Востока - носители ценностей своих великих культур».

В противоположность капиталистическому Западу, Восток неуклонно становится социалистическим, при этом социализм здесь следует понимать как внутреннее содержание, а не как теоретическую систему. Если капитализм отчуждает людей от их деятельности и ее результатов и подчиняет необходимости, то при социализме они сами стремятся к труду и к творческим достижениям. При социализме люди - уже не отчужденные друг от друга индивиды, но равноценные члены общества. «Запад не знает идей, он учреждает концерны; он не знает общин, но налаживает экономические связи».

«Запад выступает под знаменем империализма, Восток приветствует национализм. Национализм - это следствие веры в собственную культуру, это воля к следованию своей природе, это стремление служить обществу, которое зиждется на родной ему культуре. Империализм же - это использование национальных лозунгов с целью извлечения экономической прибыли, искажение национальных целей в хозяйственных интересах».

«Мы, немецкие националисты, пойдем рука об руку с националистами Востока, ибо мы стремимся к совместной борьбе против капитализма победителей, против западно-европейского и американского империализма. Мы требуем порвать экономические и культурные связи Германии с Западом. На Востоке угнетенные народы ведут точно такую же борьбу, борьбу культурных наций против дикости цивилизованных наций, борьбу глубины против поверхности. Давайте же объединимся с ними! Не стоит бояться жертв. Восток ждет нас. Не разочаруем же его! Мы авангард Востока в его борьбе против Запада. Запад вот-вот пошатнется, а наступление с Востока уже началось. Пробил час немецкой нации».

Высказывания Хильшера (кстати говоря, их мог бы с пользой для себя усвоить каждый расист и ксенофоб) встретили противоречивое отношение. «Камфпферлаг» левых национал-социалистов, точно также как «Штандарте» Франца Шаувекера, поддержали

интернационально-националистические тезисы Хильшера. Однако со стороны гитлеровской «Фелькишер Беобахтер» и Объединенных Патриотических Союзов они вызвали резко негативное отношение.

Когда Хильшер со своей философской и политической программой устремился в политику, он прежде всего опубликовал в «Арминиусе» серию аналитических статей, посвященных геополитике, в которых подверг резкой критике любую форму сотрудничества с веймарской системой. В июле 1927 года он присоединился к основанной Августом Виннигом берлинской секции Старой Социал-демократической партии (она возникла в результате внутрипартийной борьбы и откололась от правого крыла СДПГ). Печатным органом этой группы стал журнал «Дер Морген», а среди его постоянных авторов кроме Хильшера были известные национал-революционеры: Евгений Моссаковский и Карл Отто Петель. Поскольку эта группа единомышленников не могла найти сторонников в рабочей среде, то ее членами в основном становились бунтарски настроенные представители буржуазии.

«Дас Райх»

Впоследствии эксперимент с деятельностью в рядах ССДП убедил Хильшера в бессмысленности активного участия в перипетиях текущей политики. В своих воспоминаниях «Пятьдесят лет среди немцев» он так охарактеризовал ту ситуацию:

«Если есть желание поставить себя на место одиночки, то можно представить враждующие партии в виде подковы, на одном конце которой будут находиться национал-социалисты, а на другом - коммунисты. Далее, рядом с национал-социалистами мы обнаружим сторонников Немецкой национальной народной партии Гугенберга, рядом с ними - Немецкую народную партию Штреземана и, наконец, католический центр, который фактически образует середину. Слева от него мы увидим демократов, за ними социал-демократов и коммунистическую партию.

Однако круг не завершен. Между коммунистами и национал-социалистами зияет пустое место, которое становится тем меньше, чем в большей степени национал-социалисты и коммунисты превращаются в банды. Ведь и те, и другие лишь называются партиями,

тогда как в действительности это банды в обличье политических организаций и в парламентской маске. Эти движения хотели быть массовыми. Они изображали перед своими приверженцами некое подобие союзов, лишь бы только их не запретили, и на публике при-творялись партиями.

Полноценную политическую организацию в плане структуры характеризуют взаимные обязательства между руководителями и рядовыми членами. Но эти обязательства немыслимы без духа, объединяющего тех и других и реально создающего из их сообщества монолитное единство. Истинный смысл их деятельности - добровольное служение этому духу, ибо только он направляет их усилия к общей цели.

Банде же в плане структуры не хватает взаимных обязательств, в том, что касается внутренней сути - духа, в отношении смысла - свободной воли, а в плане координации общих усилий - цели. В банде взаимные обязательства подменяет одностороннее повиновение, вместо духа здесь господствует принятая руководством программа, свободную волю подменяет принуждение, а вместо цели движущим мотивом становится выгода, будь то выгода вождя шайки и его приближенных, или же всех членов банды.

Поскольку народ стремится к организации и организованности, то банда обычно усваивает внешний вид политической организации, ибо ложь эффективнее всего действует, маскируясь под правду, и живет за ее счет. Мошенничать с правдой - это не только самый эффективный, но, фактически, единственный вид лжи, который может принести колоссальный успех.

И, наконец, банде удастся ловко действовать под маской партии еще и вот по какой причине: во времена упадка народ, лишенный духовных ориентиров и органической связи с землей, превращается в скопище обывателей, которым выгодно и удобно существовать в рамках таких ложных партий, духовно никого и ни к чему не обязывающих (...).

Итак, вернемся к образу подковы, символизирующей партийную систему. Перед нами две явные банды, существующие под видом политических организаций с мнимо организованными структурами: здесь СА и СС, там - Союз красных фронтовиков. (...)

Но между обоими концами подковы варят свое зелье одиночки, и так образуется союз. А разгорающееся пламя между тем перекидывается справа налево, дабы обеспечить каминным щипцам необходимый накал».

После распада группы, сложившейся вокруг «Арминиуса», стал выходить журнал «Дер Формарш» (начиная с октября 1927 года), который прежде был печатным органом союза «Викинг» капитана Эрхардта. Изданием руководили Эрнст Юнгер и Вернер Ласс, вождь «Молодежи Шилля», бывший последователь лидера фрайкора Россбаха, пользующийся сильным влиянием в Гитлерюгенде. «Дер Формарш» стал источником осознанно провокационной воинственности. Дело даже дошло до создания небольших революционных кружков, которые действовали поверх границ союзов и партий. Довольно тесные связи кружок «Формарша» поддерживал с НСДАП, которая благодаря своему социал-революционному характеру заметно отличалась от прочих объединений правых сил.

В эти годы Хильшер вращался в различных кругах, среди которых следует отметить салон Залингера. Выходец из еврейской среды Ганс Дитер Залингер, чиновник имперского министерства экономики и редактор «Индустриэ унд Ханделсцайтунг», собирал в своем салоне пестрый круг друзей и знакомых. Кроме Хильшера, у него часто бывали Эрнст фон Заломон, Ганс Церер, Альбрехт Хаусхофер, Эрнст Замхабер и Франц Йозеф Фуртвенглер, который был тогда правой рукой профсоюзного лидера Лайпгарта.

Весной 1928 года Хильшер, вдохновленный плодотворным общением в кружке Залингера, а также в кружке учеников поэта Стефана Георге собрал собственный кружок единомышленников. (Этому кружку косвенно можно поставить в заслугу привлечение на сторону революционных правых Арнольда Броннена, соратника Брехта.) После ухода Юнгера Хильшер вместе с Эрнстом фон Заломоном принял на себя руководство «Формаршем», тираж которого быстро вырос до пяти тысяч экземпляров. Национал-социалистический союз студентов вербовал в свои ряды одаренных интеллектуалов, чтобы использовать их в качестве ораторов на политических митингах. Печатный орган Союза сторонников Эрхардта и Объединение членов правых военизированных формирований стал ежемесячной

международной антиимпериалистической газетой, которой, однако, мешала экономическая и административная некомпетентность Шербернинга, руководителя издательства.

По свидетельству Эрнста фон Заломона, кружок Хильшера в начальной стадии своего существования представлял собой арену всевозможных интриг. Осенью 1928 года Хильшер отреагировал на начавшиеся крестьянские бунты в Северной Германии, выдвинув перед правительством достаточно мягкое требование: снижение налогов и аграрную реформу. Вероятно, он не распознал тогда революционного анархического потенциала нарождающегося движения ландфолька. В феврале 1929 года раздосадованный Заломон так отозвался на эту ситуацию: «Мне жаль Хильшера, он полностью себя исчерпал, ведь то, чем он занимается, это пустая трата времени. Но сам он этого не признает, и из-за этого действует слишком поспешно и ничего не достигает. Кроме того, он ведет странный образ жизни, изнуряющий его нервную систему ...»

Хильшер, по словам Заломона, воображал, что «политикой можно заниматься, благодаря одному лишь энтузиазму и хорошим связям, даже не имея за собой реальной силы». Тем временем в кружке Хильшера начались острые внутренние конфликты, сопряженные с интригами, клеветой и подозрениями. В результате Заломон покинул «Формарш», заметив, что его следовало бы вообще закрыть, и примкнул к террористам ландфолька.

Несмотря на вердикт Гитлера, направленный против «Формарша», который якобы заигрывал с «азиатским большевизмом», могущественный Грегор Штрассер 25 октября 1929 года выступил в поддержку этой группы. Эрнст Юнгер, Франц Шаувекер и Фридрих Хильшер были живыми примерами распространенной среди интеллектуалов тенденции. «Национал-социализм начинает магнетически притягивать к себе родственные души из других кругов, до сих пор прочно к ним привязанные». Хильшер на страницах «Комменден» заявил: «Если мы в нашей националистической работе натолкнемся на политическую активность внешней политики русских, которая направлена против Запада, то мы будем приветствовать эту активность и по возможности оказывать ей содействие. Если же мы натолкнемся на коммунистическую идеологию, основанную на диалектическом материализме, то ей мы противопоставим идеалистическую

веру в немецкий дух. Не будем забывать, что тот социализм, к которому стремимся мы, означает подчинение людей националистическому государству в экономической сфере, тогда как социализм, о котором мечтал Маркс, подразумевает процветание по возможности наибольшего числа людей, обходящихся без государства».

Летом 1929 года Хильшер сложил с себя полномочия редактора «Формарша», чтобы посвятить себя работе над проектом собственного журнала и над основополагающим мировоззренческим трудом. Ежемесячный журнал «Дас Райх» должен был стать одним из самых весомых изданий национал-революционного движения, в котором получили бы возможность высказаться самые светлые головы из пограничной зоны между НСДАП и КППГ. В рубрике «Марш народов» было отведено большое место антиколониальным национал-освободительным движениям и их представителям. Само собой разумеется, отводилось место и вульгарным геополитическим представлениям. В конце 1930 – начале 1931 гг. Хильшер (вместе с Юнгером и членами организации Петеля «Социал-революционные Националисты») принял участие в германско-восточном конгрессе по содействию антиимпериалистическому национально-освободительному движению. Необходимые для участия в конгрессе деньги добывал Франц Шаувекер, обратившись в близкое к «Стальному шлему» издательство Фрундсберга. (Здесь интересно отметить, что Шаувекер вместе с заслуженным путчиком Ф. В. Хайнцем стал одним из самых восторженных последователей Хильшера.) В дальнейшем финансовые средства поступали от вездесущего капитана Эрхардта. Первый номер «Райха» увидел свет 1 октября 1930 года, и этому способствовал не кто иной, как Эрнст Юнгер.

Хильшер сам писал в книге «Последние годы», что веймарский порядок (как прежде и вильгельмовский) находится в состоянии упадка и неминуемо идет к саморазрушению, вместе со всеми его партиями, вплоть до НСДАП, из-за неспособности их лидеров. Хильшер был убежден, что для мировой экономики Веймарская республика подобна неизлечимой ране. Он верил, что Азия с надеждой взирает на Германию, из которой должна прийти спасительная искра, несущая последний целительный взрыв: «Попытки Запада устранить надвигающуюся опасность экономической катастрофы не увенчиваются успехом. Все державы Востока пытаются

нащупать свой новый возможный статус, однако развязка все никак не наступает. Никто не знает, что будет дальше. И немецкое пространство вследствие этой путаницы бурлит без перерыва. Именно здесь и место, и задача для граждан рейха, которые прошли через огонь мировой войны: место и задача тайного рейха, который готов уже принять зримый образ. Тот, кто своим положением и своей уверенностью обязан мировой войне, знает, что он приближает победу рейха, пробуждая Восток, разрушая Запад и готовя крах вильгельмовского чужеродного тела...

Знающих видно с первого взгляда. Они либо уже нашли друг друга, либо упорно ищут с тех самых пор, как их сознанием владеют перемены, вызванные мировой войной. С того момента беспокойство стало трудом, а поиск - открытием. Отыскивали друг друга люди незримой сути. Они и ни шага не сделают ради Запада, который разрушается сам по себе. Ибо крах постигнет не только государство Веймарской конституции, но также и те, что расположены по ту сторону океана.

Люди незримой сути безразличны к тому, что ныне называется успехом. Они крайне терпеливы. Ибо финал, который сегодня готовится, лежит глубже, нежели что бы то ни было в совершавшейся до сего дня истории. Все силы принимают в этом участие. Путь к финалу проходит одновременно и через веру, и через искусство властвовать. Только там, где есть их взаимодействие, возникает рейх».

Наряду с «Рейхом» Хильшер посвятил себя и другим публицистическим проектам. Так, в 1931 году он принял участие в изданном Гец Отто Штоффрегеном сборнике «Восстание: обзор революционного национализма». В статье «Две тысячи лет» Хильшер писал: «Характерная черта, которая отличает нашу историю от истории прочих народов, это взаимосвязь между внутренней сущностью и властью. Наша внутренняя суть заключает в себе волю к власти, а наша власть заключает в себе устремление к внутренней сути». Путь внутренней сути ведет от древних сказаний к Ницше через мистику, реформацию и идеализм. Путь власти идет от Фридриха Великого через Генриха VI фон Гогенштауфена, Густава Адольфа и Фридриха Великого к Бисмарку. Единство внутренней сути и воли к власти частично было расколото из-за проникновения христианства. Но их глубинная взаимосвязь никогда окончательно не прерывалась.

Всякий раз на протяжении нашей истории удавалось вновь прочно сплавить и оба этих понятия, и под властью рейха объединить все германские племена. «Таким образом, ныне, в троекратной попытке на глазах у всех достигнута поставленная цель. И ее достижение вновь ставит перед нами ряд задач, в ходе решения которых сбудется то, к чему мы стремимся: власть рейха. Но для этого немцам требуется особое оружие. Это оружие носит славное имя: Пруссия. Пруссия - не территория, но порядок. Существует только та Пруссия, которую выбирают. Из всех племен рейха собираются вместе самые дерзкие, самые воинственные души, и возникает государство Фридриха Вильгельма I и Фридриха Великого». Целью, о которой говорит Хильшер, была борьба против западного материализма и «непосредственно против его яда, уже проникшего в Германию».

«Когда Лютер боролся против Рима, когда Гете в «Фаусте» по-новому переводил начало Евангелия от Иоанна: «Вначале было дело» - всегда к действию побуждала внутренняя суть. Она заключала в себе волю к власти и высочайшее устремление, которое верит в долг и влечет людей к деятельности.

У Ницше это устремление к осознанной воле становится совершенным: внутренняя суть признает ее побуждающую силу в качестве воли к власти».

Ницше заклинает это «поднявшееся в духовной сфере фридрихианство», связывая новое человечество с образами Фридриха II фон Гогенштауфена и Фридриха II Великого. После Ницше и Бисмарка разражается мировая война, но она «несмотря на мнимое поражение, означает величайшую победу, которую когда-либо одерживала Германия».

«Впервые, с тех пор как существует Земля, возникло нечто, прежде невиданное: больше нет отдаленных друг от друга театров военных действий - дальневосточного, ближневосточного, или средиземноморского - но отныне Земля стала одним полем брани, новым хаосом. В нем все силы одновременно стремятся к победе, а он преобразует эти силы через их борьбу, истощая их до самых глубинных истоков».

В том же году в издательстве Фрундсберга вышел в свет основополагающий труд Фридриха Хильшера «Рейх». Согласно Хильшеру, народ возникает из общности судьбы и веры. Кровь обре-

тает свой высший смысл и предназначение благодаря духовному настрою, а не вульгарным данностям биологии. Принадлежность к немецкой нации определяется не происхождением и гражданством, но убеждениями и верой. Идея рейха из политической становится религиозно-метафизической, она действует в истории как принцип федеративного устройства Европы – под главенством прусского духа. Национальные государства должны были раствориться среди вольных племен и диких ландшафтов, и из этих умаленных целостностей надлежало создать нечто более великое, выходящее далеко за пределы ограниченных национальных государств. В книге «Пятьдесят лет среди немцев» Хильшер пишет: «Сначала великое должно зародиться в душах немногих людей, и уже потом привиться к тем, кто обладает такими же устремлениями. Но этого не добиться ни с помощью чистой нравственности и морали, ни путем распоряжений и предписаний». Одна лишь вера «дает нам закон как заповедь богов».

В книге «Рейх» он пишет: «Творческая сила не может в одной области действовать, а в другой – нет. Ее не остановят повседневность, обстоятельства и нужда. Ибо она заполняет собой всего человека. Она всегда в силах бороться за то, к чему устремляется, она может желать пребывания в самых ничтожных вещах. Творческая сила следует за человеком, она побуждает его продвигаться дальше, и в конце он признает: все, что он видел, и все, что встречал, было необходимо и полезно для его деятельности, ради этого он жил, ради этого в нем жило то, что через него действовало. Поэтому все, за кем стоит одна и та же сущность, непременно и во всех отношениях созидают единство деятельности, но не в каких-либо отдельных друг от друга сферах: они проносят это единство через всю свою жизнь. События, которые им будут либо способствовать, либо препятствовать – всегда одни и те же. Одни и те же встречи означают для них глубину, или свет: ибо у них одна и та же судьба, а это означает, что они – суть народ. Ничто в пространстве и времени не связывает людей окончательно: ни происхождение, ни язык, ни окружение. Одиночка предоставлен сам себе. Только творческая сила прочно объединяет людей в народ, ибо она есть зерно бытия народа. Именно этим народ отличается от простой группы, скрепленной родственными и прочими связями, которые образуются сугубо внешними обстоятельствами... Только высокая душевная

одержимость благодаря все той же творческой силе образует народ из множества разрозненных людей, подтверждая своим действием один и тот же факт. Народ - это единство веры и судьбы (...)

Высочайшей добродетелью того, кто желает проводить преобразования, является терпение. У кого нет терпения, тот ничего не достигает. Финал, который нынче подготавливается, означает полное уничтожение существующих порядков и ценностей. Уже настало время оставить безнадежные мечты спасения того, что хотелось бы спасти. Ибо спасать больше нечего. Все чисто внешние обустройства и образования современности используют и поддерживают только западное устройство общественной и частной жизни. Во главу угла они ставят святость неограниченного права собственности, доход как движущую силу торговли и благосостояние всех как цель общества. Здесь ничего уже нельзя спасти. Но внутренние ценности, которые принадлежат не Западу, а Рейху, не подвержены разрушению. Кто считает, что они подвержены угрозе, тот мертв для немецкого будущего. Ибо он в них не верит. Тот же, кто верит, не сомневается.

Уничтожение нынешнего – насущная необходимость. Тот факт, что Запад видит решение своих проблем именно в пространстве между Рейном и Вислой, имеет свою причину: этот регион имеет колоссальное значение для западного - мирового хозяйства. Поскольку Китай, Индия и Россия в основном из него уже выпали, оно никоим образом не может себе позволить потерять еще и Германию. Иначе оно и само погибнет. Вот почему упадок Запада имеет своей предпосылкой разрушение того, что ныне зовется Германией, которая не имеет ничего общего с рейхом, кроме имени. Ужасы Тридцатилетней войны покажутся ничтожными перед лицом событий грядущего. Тридцатилетняя война не смогла охватить всю землю. Но Первая мировая война в этом преуспела, и потому значение не только ближайших лет и десятилетий, но и ближайших столетий важнее значения пяти тысячелетий известной нам мировой истории. Те, кто от работы, которая вменяется в обязанность, ожидают лишь сохранения и защиты, унаследованных от прошлого ветхих вещей, демонстрируют только одно: непонимание колоссальных изменений, которые претерпевают народы, начиная с 1914 года. Ныне у нас еще нет зримых очами ценностей рейха. Но они живы в сердцах; иначе бы они вообще не жили. Запад был бы давно побежден,

если бы он не пленил людские души. Действительно, ведь каждый, кто живет лишь ради собственного блага, превратился в его орудие и оружие, в подданного и помощника Запада. Сословный порядок должен быть разрушен, ибо иерархическое замирение сословий, которое, с добрым или недобрым умыслом, возвещается с юга - только часть *рах Романа*, мирного господства Рима, подчиняющего народы Святому престолу. Ибо планы Рима, направленные на сохранение Веймарской республики, совпадают с планами Запада. Должна быть уничтожена сама возможность колониальной экспансии, поскольку притязания рейха на владычество не имеют ничего общего с борьбой за рынки колоний. Колониальная экспансия служит только воле к процветанию, а не воле к власти.

Можно быть уверенным, что все ближайшие годы ознаменуют собой подготовку или поддержку этого процесса уничтожения. Тот синхронный ход саморазрушения Запада – с одной стороны, и строительства слагаемых грядущего Рейха – с другой, то медленное и колеблющееся сближение двух путей, которые пересекутся лишь в финальный миг (их пересечение и станет финальным мигом!) находит выражение уже сегодня – и с каждым днем все больше - в обнищании народа. Будет не пять миллионов, а двадцать миллионов безработных. Не будет не только ненависти и надежды, но даже и отчаяния и уверенности.

Эта уверенность, которая принимает грядущее разрушение, верит в неуничтожимую вечную сущность рейха. В переменах зримой истории ей, этой уверенности, введома незримая реальность. Ибо она знает: все силы вечного и сами неизменны и вечны, и ни одна работа, ни один творческий акт не совершается ради временного бытия, но только ради могущества рейха, чье лаконичное речение либо безмолвие, действие или бездействие, зримый или сокрытый образ, даруется нам по его благоволению. Воинственная натура не смешивает временное содержание с божественным бессмертием. Эта натура бессмертна и она ликует, радуя за разрушение временно-го, выступающего в качестве антагониста ее неодолимому могуществу. Упадок, в состоянии которого живут немцы, то есть будущие граждане рейха, вызывает к жизни свободу, за которую ведется борьба, начавшаяся с самого первого сражения Первой мировой войны.

Этой свободе вопреки своей воле, в качестве полезного орудия служит и сам Запад, невольно содействуя наступлению эпохи великих войн Рейха».

В подполье в Третьем рейхе

Националисты старого стиля и активисты КПП по вполне понятным соображениям не могли принять взгляды Хильшера. Эрнст Никиш отозвался о нем так: «Это, безусловно, не национализм». 14 сентября 1931 года Альфред Кантрович один из немногих в «Фоссишен Цайтунг» так оценил мировоззрение Хильшера: «Это не политика и не философия, но теология». Отто-Эрнст Шюддекопф очень точно заметил, что в лице Хильшера мы имеем стремление преодолеть диспропорцию между узким немецким национализмом 19 века и приближающейся глобальной борьбой за власть, используя радикальный национализм Веймара.

Действительно, по мысли Хильшера, прыжок немецкого духа в царство свободы осуществляется через идею «райха», которая не имеет ничего общего с основами немецкого национального государства. В противоположность этому стремлению к свободе национал-социализм означает только реакцию: так можно вообще упразднить старые массовые партии и единоличие обозначить как силу, определяющую будущее рейха.

После захвата власти национал-социалистами Фридрих Хильшер прекратил издание «Рейха», чтобы посвятить себя подпольной работе против гитлеризма. Достаточно точно он определил даже продолжительность существования «тысячелетнего рейха» - двенадцать лет, в то время как большинство национал-революционеров в те годы не воспринимали Гитлера всерьез. Если личности вроде Шаувекера приспособились к новому порядку, то Фридрих Хильшер, братья Юнгеры и Эрнст Никиш остались интеллектуальными лидерами, вокруг которых объединилось национал-революционное подполье. Кружок Хильшера превратился в небольшую подпольную ячейку (ее членом был также бывший адъютант Эрхардта Франц Лидиг). Через Лидига и Августа Виннига группа поддерживала контакты (впрочем,

довольно редкие и фрагментарные) с оппозиционно настроенными военными. Имелась также связь с социал-демократической группой Миррендорффа, Лойшнера, Хаубаха и Райхвайна.

Однако по сравнению с деятельностью этого подпольного кружка гораздо более важное значение для Хильшера и его последователей имело основание Независимой Свободной Церкви (это событие имело место в 1933 году, после переезда Хильшера в Потсдам). Эта Церковь (сокращенно - НСЦ) представляла собой сложный сплав язычески-пантеистического движений с основами индогерманской идеологии. Ее кредо звучит так: «Я верую во Всемогушего Бога. Я верую в вечных богов. Я верую в рейх». Языческие элементы, заимствованные из творчества немецких классиков и романтиков были сплавлены с еретическим пантеизмом Иоганна Скота Эриугены, философскими взглядами Ницше и сохранившимися кельтскими и германскими народными верованиями. Так сложилась единая теологическая система, малопонятная и труднодоступная для непосвященных. При этом Хильшер подчеркивал, что теология НСЦ - это не набор неизменных догм, но, как и рейх, представляет собой цель и задание, которое требует динамического развития.

В 1934 году Хильшер принял участие в изданном Куртом Хорцелем сборнике «Немецкое восстание» и обнародовал поистине пророческий текст, составленный в форме тезисов: «Первый тезис: вильгельмовское государство проиграло войну, но Германия ее выиграла. Второй тезис: Германия выиграла войну не только потому, что открыла новые источники внутренней силы, но и благодаря потрясению, охватившему всю Землю и поколебавшему основы существования всех народов. Третий тезис: благодаря потрясению, распространившемуся на весь мир из Германии, она стала первостепенной страной в грядущей второй мировой войне». Эту войну уже предсказывали Ницше, Троцкий и Людендорф. «Ясно, что там, где сталкиваются все силы, должна произойти развязка». Борьба будет идти между империализмом и революцией, между большевизмом и зрелым капитализмом, между Азией и Западом. Германия как страна, находящаяся в средоточии мирового конфликта, стремится к синтезу всех противоположностей. В итоге Хильшер требовал создания континентального блока Германия – СССР – Китай.

В 1935 году Хильшера постиг неожиданный удар. Его близкий друг и ученик Вольфрам Зиверс был назначен административным руководителем близкой к СС организации «Анэн-эрбе». Индогерманские и фелькишские представления группы Хильшера об элите полностью совпадали с идеями СС. Но если Хильшер замкнулся в башню из слоновой кости, то ревностный практик Зиверс решил воплотить его идеи в жизнь и начал действовать почти безо всякого контроля со стороны учителя. Новоиспеченный административный руководитель приложил свою руку и к тому, чтобы вытеснить из «Анэн-эрбе» приверженцев сугубо охранительного мироощущения, присущего германскому крестьянству и почвенничеству, и вместо этого дать больше места идеологии СС с ее воинским духом. Тем более что СС ставило перед собой поистине грандиозные задачи. Наряду с исследованиями в области древней истории, фольклора и индоевропейской филологии немалое значение в те годы имела попытка идеологов СС проникнуть в немецкую высшую школу с целью создания «новой науки». В январе 1941 года Зиверс в доступном только для членов руководства меморандуме изложил свои соображения по поводу изучения мест жительства, духовной культуры и деяний нордической индогерманской расы: «Главная цель заключается в том, чтобы здесь, в Германии, посредством культурно-просветительской работы заново пробудить в немцах сознание рейха и максимально развить его. Такие культурные памятники, как, например, страсбургский кафедральный собор, пражский кремль, дом Фугтеров на старом варшавском рынке, фламандский суконный зал и прочие, доныне свидетельствуют о былом величии рейха. Они указывали на его величие на протяжении столетий, когда рейх пребывал в упадке, а в Богемии, в Моравии и в Нидерландах, во Фламандии и в Швейцарии чувство принадлежности к рейху было уже утрачено. Нам необходимо только укрепить те органические связи, которые никогда не прерывались, дабы устранить в немецком народе отчуждение, вызванное усилиями христианской церкви, а также либерализма, франкмасонства и еврейства. Это будет способствовать воссоединению в рейхе носителей германской крови. Рейх, вынужденно пребывавший в длительном самоотчуждении из-за

господства чуждых идеологий интернационального типа, вопреки их разрушительной работе стал еще сильнее и сохранил свой германский характер».

С началом войны руководство Анэн-эрбе ввязалось в разграбление культурных ценностей в оккупированной Европе и в организацию преступных опытов над людьми, а Зиверс после поражения Германии попал на эшафот.

Как бы то ни было, но работа в «Анэнэрбе» (начиная с 1937 года) позволила Хильшеру свободно путешествовать по всему миру под видом выполнения научных задач и поддерживать отношения с оппозиционерами. Из-за своих связей с участниками заговора 20 июля он был арестован 2 сентября 1944 в Марбурге и помещен в берлинскую мужскую тюрьму на Лертерштрассе. Гестапо оставило без внимания его связи с Францом Лудигом и Гартмутом Плаасом и интересовалось прежде всего контактами с Хаубахом, Рейхвайном и графом фон Шуленбургом. 19 декабря 1944 года Зиверс, обеспокоенный судьбой учителя, добился его освобождения. После условно-досрочного освобождения Хильшеру пришлось подать прошение о добровольной отправке на фронт, где он служил в разведывательном отделе и не сделал ни единого выстрела. После краха Третьего рейха Хильшер сосредоточился на научной работе и занятиях философией, а также принимал участие в деятельности студенческих союзов и Независимой Свободной Церкви.

«Взгляд в прошлое учит необходимости, взгляд в будущее учит свободе. Прошлое дает увидеть сбывшееся, будущее позволяет узреть предстоящее. Время для нас не господин, не друг и не враг. Время - это мы сами, странствующие и подверженные изменениям. Тот, кто отменяет время, тем самым обращается либо к другим людям, либо к самому себе и к поставленной перед собой задаче. Обращаясь к другим, особенно к тем, кто сегодня господствует, можно им указать, чего не следует делать, а обращаясь к себе, мы лишь повинемся задаче.

Она перед нами, но вместе с тем в отдалении. Мы тесно с ней связаны, коль скоро подкапываем корни несправедливого господства. Действительно связаны, или нет? Да, и у нас есть единственный выбор: либо быть скованным совестью и в силу этого быть свободным от мира, либо иметь ни к чему не обязывающую совесть и жить у мира в подчинении.

Свобода или зависимость от мира - это нечто совсем иное, нежели связанность совестью или свобода от нее. Там идет речь о нашей свободе действия, и мы должны решиться: либо ее защищать, либо нет. Здесь речь идет о нашей свободе воли, которой мы сами себя связываем - или же не связываем - с тем, что предлагает нам совесть.

Так или иначе, с нами связаны - и свобода воли, и свобода действия, и лишь потому, что от второй на долгое или на короткое время отказывается тот, кто злоупотребляет первой («Пятьдесят лет среди немцев»).

Перевод с немецкого Андрея Игнатьева
Библиография

Peter Bahn: Glaube - Reich - Widerstand. Zum 10. Todestag Friedrich Hielschers, in: wir selbst 1-2/2000

Louis Dupeux: «Nationalbolschewismus» in Deutschland 1919-1933, München 1985

Friedrich Hielscher: Innerlichkeit und Staatskunst, Arminius 26.12.1926

Friedrich Hielscher: Der andere Weg, Arminius 30.01.1927

Friedrich Hielscher: Die Faustische Seele, Arminius 13.02.1927

Friedrich Hielscher: Die Alten Götter, Arminius 20.02.1927

Friedrich Hielscher: Für die unterdrückten Völker! Arminius 20.03.1927

Friedrich Hielscher: Fünfzig Jahre unter Deutschen, Hamburg 1954

Friedrich Hielscher: Das Reich, Berlin 1931

Curt Hotzel: Deutscher Aufstand, Stuttgart 1934

Michael H. Kater: Das «Ahnenerbe» der SS 1935-1945. Ein Beitrag zur Kulturpolitik des Dritten Reiches, Stuttgart 1974

Markus Josef Klein: Ernst von Salomon. Eine politische Biographie, 1994 Limburg an der Lahn

Susanne Meinel: Nationalsozialisten gegen Hitler. Die nationalrevolutionäre Opposition um Friedrich Wilhelm Heinz, Berlin 2000

N.N.: Das Innere Reich, in: Sturmgeweiht, Ausgabe Sommer 1995

Karl O. Paetel: Versuchung oder Chance? Zur Geschichte des deutschen Nationalbolschewismus, Göttingen 1965

Otto Ernst Schüddekopf: Linke Leute von Rechts. Nationalbolschewismus in Deutschland von 1918-1933, Stuttgart 1960

Sonnenwacht. Briefe für Heiden und Ketzer, Ausgabe 12, 2000

Goetz Otto Stoffregen (Hrsg.): Aufstand. Querschnitt durch den revolutionären Nationalismus, Berlin 1931

ZIRKULAR, Ausgaben 1 bis 3, 2001

Эрнст Никиш

О СУЩНОСТИ БОЛЬШЕВИЗМА И ФАШИЗМА

У всех великих движений в истории всегда была своя особая идеология. Ибо идеология заключает в себе то, что воодушевляет сердца, позволяет питать надежды на счастье и рождает представления, формирующие образ привлекательного будущего. От идеологии следует строго отличать суть того, что осуществляет в действительности то или иное историческое движение. По отношению к нему идеология оказывается только покровом, маской, призванной туманить зрение, вводить в заблуждение, даже обманывать. В конце концов, функцией идеологии становится задача мобилизации масс для достижения новой исторической цели и внушения им веры в будущее, готовности к самопожертвованию, даже готовности умереть ради этого будущего, короче говоря, идеология призвана воодушевить «борцов» за новое дело несокрушимой волей к борьбе. В конце борьбы они всегда чувствуют себя разочарованными, ибо реальность, к которой их усилия пролагали путь, никогда не бывает столь впечатляющей, какой они ее себе представляли. Им кажется, что надежды их обмануты. Оглядываясь в прошлое, можно лишь констатировать, что идеология послужила только общим ориентиром для движения.

Некогда в Древнем Риме поднялось движение против господства правящего класса; это движение поддержали варварские народы, евреи и рабы. Стремление к освобождению угнетенных и поработенных масс от довлеющего над ними римского общественного порядка воспламенило мощное движение протеста. Христианское учение в том виде, в котором оно изложено в Евангелиях, было идеологией

этого протеста. И действительно, когда римский общественный порядок рухнул, варварские народы, евреи и рабы сбросили иго римских господ. Но когда, наконец, все свершилось, евангельская весть о свободе, мире, счастье и благоденствии оказалась далекой от жизни утопией. «Страшный Суд», наступления которого первые христиане ожидали еще в своей земной жизни, как им было предсказано, отодвинули в будущее, одно поколение сменяло другое, и исполнение всех чаяний, воодушевлявших сердца верующих, перенесли в потусторонний мир. Христианское вероучение стало бессильным и вялым. И продолжало жить век за веком лишь благодаря изощренному искусству дерзновенных фантазий и смелых толкований. Развитию этого искусства способствовала – по иронии судьбы – новое господствующее учреждение, христианская церковь. Новая реальность, на которую изначально было ориентировано Евангелие, благодаря сомнительной подмене было сдвинуто в необозримое будущее.

В наше время идеологиями родственного типа стали социализм и коммунизм. Поначалу они обещали человечеству освобождение и избавление от всех видов угнетения и эксплуатации, всеобщее процветание, справедливое распределение жизненных благ, радужные перспективы развития личности. Но довольно скоро социализм стал чем-то безвкусным. Вера в него испарилась, его как будто разбавили, и он превратился в средство умиротворения для тех, кто в капиталистическом мире испытывает нужду и лишения.

Коммунизм же, напротив, не хочет быть голым средством умиротворения, служащим для адаптации «эксплуатируемых» к капиталистическим порядкам. В основе его лежит стремление к созданию нового мирового порядка. Это стремление получило недвусмысленное выражение в Манифесте коммунистической партии. Ленин с непоколебимой решимостью воспринял это стремление безжалостно сокрушить мировой капиталистический порядок. Подобно тому, как когда-то Евангелия выступили в роли идеологии для «восстания рабов», коммунистическая идеология тоже хочет быть идеологией радикального движения протеста. С тем же евангельским пылом коммунизм говорит об освобождении измученных и обремененных, об установлении мира, о будущем счастье всех поработанных.

Под знаком коммунистической идеологии возник Советский Союз. Учитывая советский опыт, в принципе уже можно говорить об отношении коммунистической идеологии к коммунистической действительности. При этом становится ясно, что русский народ воспринял коммунистическую идеологию отнюдь не случайно. Присоединившись к этому историческому движению в 1917 году, русский народ чувствовал, что коммунистическая идеология верно понимает и объясняет его положение. Это был народ, основная часть которого, миллионы крестьян, томились под бременем феодального порядка в крайне стесненных, недостойных человека условиях. В рамках раннего капитализма, господствовавшего в этой стране, положение рабочих также было невыносимым. В результате неудачной войны стало понятно, что уровень технического развития страны настолько низок, что России грозит опасность фактически стать чьей-либо колонией. При этом всеми ощущалась насущная необходимость наверстать упущенное, как это было уже в 1861 году, когда крестьянство получило свободу. На повестку дня встала задача скорейшей разработки природных богатств, индустриализации и развития транспортной сети.. За крайне ограниченный срок нужно было пройти весь путь технического развития, который в Европе и Америке занял несколько десятилетий.

Русские в своем фанатичном стремлении догнать Запад, должны были стать буквально одержимыми. Скорее всего, только так и могла осуществиться эта цель: энергия, прежде лишь дремавшая в народе, была максимально сконцентрирована, а ее использование осуществлялось в строгом соответствии с установленным планом, без оглядки на затраченные усилия и неизбежные человеческие жертвы. Господствовал безусловный коллективизм; человеку отводилась роль лишь средства для достижения цели. Обещанное и отчасти достигнутое повышение жизненного уровня населения было, вне всяких сомнений, ожидаемым следствием коллективного труда. При этом отдельный человек никого не заботил; он наслаждался обещанными благами лишь постольку, поскольку этими благами обеспечивались все.

Всепроникающая и всеохватывающая организация жизни, основанная на коллективизме, эффективна лишь в том случае, когда страна обеспечена богатыми природными ресурсами. Эти ресурсы были

субстанцией, за счет которой жил народ и которые с течением времени возносили его все выше. Чем богаче ресурсы страны, тем светлее казалось будущее ее народа, который с нетерпением ждал его наступления. Грандиозные предприятия по преобразованию природы, как, к примеру, строительство огромных плотин, пока что себя окупали. Сколько бы средств ни вкладывали в какой-либо новый проект, в конце концов, он все же начинал приносить прибыль.

Именно так дела обстояли в большевистской России. Большевистская политика представляла собой сумму всех тех мероприятий и предприятий, благодаря которым «отсталый» русский народ достиг уровня технической цивилизации Европы и Америки, благодаря чему он обрел способность с ними конкурировать. Коммунистическая идеология скрасила лишения, которым подвергался русский народ, достигнутые успехи стали оправданием для трудовых лагерей, примитивных условий жизни и всех тех исключительных обстоятельств, в которых русские вынуждены были пребывать десятилетиями. Огромные массы русского народа, до революции прозябавшего в нищете, претерпев невыразимые страдания, которые принес с собой большевизм, постепенно поднялись на более высокий уровень жизни. Под знаком большевизма Россия в конце концов достигла положения второй мировой державы. В итоге никто не мог отрицать, что коммунистическая идеология все же указала верный путь.

Пример большевиков воодушевил отсталые народы Азии и Африки. Если они желали достигнуть вершин технической цивилизации и сбросить иго колониальной зависимости от Европы и Америки, им следовало идти по тому же пути, который русский народ уже прошел до них. В этом заключается причина того, что коммунистическая идеология оказалась столь привлекательной для азиатских, африканских, а позднее и для южноамериканских народов. В настоящее время под ее знаменем осуществляет свой непредвиденный подъем Китай. Если Индия пока еще отвергает коммунистическую идеологию, то это не удивительно, ибо ей оказали помощь Америка и европейские державы, предоставив ей необходимые кредиты, лишь бы удержать ее в рамках западного лагеря. Ведь коммунистическая идеология означает осознанную принадлежность к антизападному лагерю. Установление большевистского порядка происходит в атмосфере непримиримой вражды к чуждому европейско-американскому

порядку. Подобно тому, как восстание рабов было просто восстанием против мирового владычества Рима, большевизм является восстанием против господствующего положения, которое захватили и на протяжении нескольких столетий удерживали Европа и Америка. Здесь идет борьба не на жизнь, а на смерть. И именно эта борьба составляет подлинное содержание продолжающегося конфликта между Западом и Востоком.

После 1918 года некоторые европейские народы, в основном немцы и итальянцы, воодушевленные примером большевиков, также ощутили в себе способность к аккумуляции и концентрации энергии, чтобы впоследствии найти ей конкретное применение. Эта задача осуществилась в движениях итальянского фашизма и немецкого национал-социализма. Однако Германия и Италия были странами, лишенными природных ресурсов. И здесь нельзя было отыскать тех сказочных запасов, которыми так богата русская земля. Здесь принуждение и насилие не предвещало того, чего удалось добиться России, а именно: многообещающей перспективы превращения в мировую державу. Здесь было лишь две возможности. На одну указывал пример Древнего Египта. Тысячи египетских рабов под ударами бичей вынуждены были приносить свою жизнь и здоровье в жертву государству. Результатом их адского труда стали пирамиды, подлинные шедевры, пережившие тысячелетия, но эти пирамиды никоим образом не способствовали улучшению жизни египетского народа. Они увековечили нищету тех миллионов, которые погибли на их строительстве. Пирамиды были гробницами фараонов, но в них же похоронены надежды на счастье простых людей, погибших на их строительстве. Ни фашистская Италия, ни Германия эпохи национал-социализма не стремились к тому, чтобы путем принудительной коллективизации и бесчисленных жертв повторить опыт строительства бесполезных пирамид. Германия и Италия стремились к тотальной мобилизации всего народа путем милитаризации всех сфер жизни; народ должен был покорить и завоевать соседние страны, а ресурсы, которых не было на родине, добыть в других странах.

Фашистская Италия и национал-социалистская Германия были нацелены на то, чтобы отобрать у других народов те природные богатства, которых сами они были лишены. Так заявил Йозеф

Геббельс в Данциге в 1942 году. Политика этих стран была политикой откровенного грабежа в мировом масштабе. Концентрация сил, осуществлявшаяся их безжалостными режимами, имела целью постепенно подготовить колоссальный грабеж. Будучи ориентированными исключительно на грабеж, эти режимы в наибольшей мере воплотили в себе империалистический дух. При чем они и сами не скрывали своих целей и даже выдвигали их на первый план. Конституционные, управленческие и правовые формы, отчасти напоминавшие большевистские, были лишь вводящим в заблуждение псевдо-социалистическим покровом, под которым дух грабежа смог проявиться в самых своих безжалостных и грубых формах.

Фашистский и национал-социалистский эксперимент потерпели крах. Ни немецкому, ни итальянскому народу не удалось пожать плоды, которые они надеялись получить путем грабительской экспансии; все жертвы и лишения, под бременем которых оба народа едва не погибли, все унижения, через которые им пришлось пройти, оказались напрасными. Большевизм приносил желаемые результаты лишь в тех странах, где можно было рассчитывать на собственные ресурсы, как в России и Китае. Но народам тех стран, которые страдают от нехватки ресурсов, он ничего не может дать, ибо там, где большевизм не в состоянии опереться на собственные силы, он с неизбежностью обращается либо в фашизм, либо в национал-социализм.

1930

Перевод с немецкого Андрея Игнатьева

РАЗДЕЛ 3

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ И ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ РЕФЛЕКСИИ

А. Г. Дугин «Геополитика войны»

А. Г. Дугин
«РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА НА ПОРОГЕ СИСТЕМНОГО СБОЯ»

А. Г. Дугин «Весна и политика»

А. Г. Дугин «Идентичность в руках интеллектуалов»

Ю. Ю. Коринец «Карл Шмитт об антихристе»

В. Е. Никитин «Гносеократия»

И.Б. ДМИТРИЕВ
«ПРОТИВ КАНТА: КОНСЕРВАТИВНАЯ АПОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВА»

А. Л. Бовдунов
«Утопия и парадокс русского патриотизма»

С. А. Жаринов
«КОНСЕРВАТИЗМ БЫТИЯ И ЧЕТЫРЕ КОНСЕРВАТИВНЫЕ ИСТИНЫ»

Семен Жаринов «Власть и четвертая политическая теория»

С. А. Жаринов
«СВОБОДА КАК ФУНДАМЕНТ И ЦЕЛЬ ЧЕТВЕРТОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ»

Н. В. Сперанская
«ЧЕТВЕРТАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ СОЗДАНИЯ ПЛАТОНОПОЛИСА»

А. Г. Дугин

ГЕОПОЛИТИКА ВОЙНЫ

О большой войне трудно говорить без эмоций. Но если мы будем говорить с эмоциями, то далеко не продвинемся.

Когда на твою страну нападает враг или когда твоя страна нападает на врага (это, в сущности, все равно), есть только один долг – сражаться до последней капли крови. Надо ли при этом ненавидеть врага и видеть в нем лишь подлежащий быть уничтоженным ад? Для большинства надо. Иначе у большинства не хватит мотивации для того, чтобы убивать и умирать.

Есть правда особый тип людей, в Индии их называли кшатрии, воины, которые и так готовы убивать и умирать – в этом их жизнь, их дыхание, их честь, их бытие. Гегель в «Феноменологии духа» называл это принципом Господина. Господин смотрит смерти в лицо, глаза в глаза. И вступает с ней в поединок. С кем бы Господин ни сражался, он бьется со смертью. И он не может заниматься ничем иным, кроме как биться со смертью – убивать других и рисковать. Это и делает его Господином. Но есть другой тип, по Гегелю, тип Раба. Раб перед страхом смерти готов сделать все что угодно. И он выторговывает этой покорностью себе жизнь. Но это жизнь Раба. Раб поворачивается к смерти спиной, не видит ее, прячется от нее. И Господина Господином, и Раба Рабом делает смерть. Гераклит называл это враждой, полемос, битвой. Господин в битве со смертью не обретает бессмертия, он обретает Раба. А Раб обретает безопасность, отказываясь биться со смертью, но только ценой того, что над ним теперь властвует Господин.

Это я к тому, что у масс, которые по определению не могут быть все Господами, должна быть очень серьезная мотивация для того, чтобы воевать. Они должны быть затронуты до глубины души. Враг

должен совершить что-то такое, что их поразит, перевернет, взорвет изнутри. И тогда они поднимаются на священную войну. И часто выигрывают ее.

А вот для элиты война дело обычное. Для того чтобы ввязаться в нее, даже особого повода не нужно. Поэтому Господин способен увидеть во враге свое собственное отражение. И даже симпатизировать тому, кого он собирается убивать и от рук кого может в любой момент погибнуть. Это господское, элитарное, кшатрийское отношение к войне прекрасно понимал Ницше, чем шокировал миролюбивые массы, массы Рабов.

Я бы хотел сделать несколько замечаний о геополитике Второй мировой войны, не обращаясь к массам, не на языке масс, не ставя перед собой цели поддержать их пафос. Я понимаю этот пафос, принимаю его и ни в малейшей мере не хотел бы его остудить. Это священный пафос. Люди, помнящие войну и просто думающие о войне, охватываются чувством сакрального, которое редко посещает их в иные минуты. Это чувство ценно само по себе. Потому что смерть ценна сама по себе и мысли о ней ценны. И все же я собираюсь говорить о другом. И совершенно холодно.

В войне очень много решают стартовые условия. Это прекрасно понимал Сунь Цзы и Клаузевиц. А геополитики утверждают, что эти стартовые условия решают вообще все. В какой структуре альянса война начинается, такими и будут ее результаты. Структуру альянса, в свою очередь, геополитики вписывают в пространство. Следовательно, стартовые условия войны имеют четкое пространственное выражение. На этом строится собственно геополитический анализ войны – совершенно отдельный от идеологического, экономического или военно-технического анализа. Попробуем дать краткий геополитический анализ стартовых условий Второй мировой войны.

В конце 1930-х годов в мире существовали три геополитических блока с ярко выраженными идеологическими особенностями. Симметрия между их пространственным местонахождением и их идеологическим устройством была настолько сильна, что иногда складывается впечатление, что мы имеем дело с мифом и с географией волшебной сказки. Самые западные области мира - Западная Европа и США - представляли собой либерал-капиталистический полюс. На востоке располагался социалистический СССР. Между ними –

страны Оси, где царила строго промежуточная идеология – с элементами, как капитализма, так и социализма (национал-социализм, фашизм). Три зоны (крайний Запад - Центральная Европа - СССР/Евразия) – три идеологии: капитализм - национал - социализм.

И хотя дело шло к войне объективно, определенная свобода в альянсах была у всех трех блоков. То есть, теоретически можно было предположить три версии: Запад вместе со странами Оси против Востока/СССР (капитализм+национал-социализм против социализма); страны Оси вместе с Востоком/СССР против Запада (социализм + национал-социализм против капитализма) и, наконец, страны Оси против Запада и Востока (как оно и случилось), что толкало Восток и Запад, социализм и капитализм к совершенно противоестественному с идеологической точки зрения альянсу. Почему противоестественному? Потому что у социализма было и идеологическое и геополитическое сходство с национал-социализмом. Такое же относительное сходство было у национал-социализма с капитализмом. Но вот между социализмом и капитализмом ни идеологически, ни геополитически никаких общих пунктов не было. Конечно, все три геополитических актора осуждали остальных, но логика в этих идеологиях все же была.

Накануне Второй мировой мы видим, как прочерчиваются две наиболее логичные (с чисто теоретической точки зрения) системы альянсов: Мюнхенский сговор демонстрирует намечающийся альянс капиталистического Запада с национал-социалистической Германией против СССР, а пакт Риббентроп-Молотов - вполне симметрично (непонятно, почему все в его отношении так беснуются!) намечающийся альянс социалистического СССР с национал-социалистической Германией против капиталистического Запада. Обе эти возможности так или иначе оставались открытыми вплоть до начала Второй мировой.

Крупнейший геополитик Карл Хаусхофер чрезвычайно ясно понимал эти закономерности. И выдвигал сразу два геополитических проекта для гитлеровской Германии, оба они в какой-то мере соответствовали геополитической и даже идеологической логике. Либо континентальный блок Берлин-Москва-Токио, к чему склонялся сам Хаусхофер, либо альянс с Англией (а также с США и Францией) против СССР (для проработки этой возможности в Англию неудачно

слетал ученик Хаусхофера Рудольф Гесс). Либо Мюнхенский сговор, либо пакт Риббентроп-Молотов, был убежден Хаусхофер. Но Гитлер в этом не был убежден. И он принимает другое решение – война на два фронта – ни Запада, ни Востока. Круто? С идеологической точки зрения, чрезвычайно круто! Но абсолютно самоубийственно. Война в таком геополитическом контексте была проиграна Германией заведомо. И то, что Германии и странам Оси вообще удалось так много сделать, это почти не укладывается в голове. Но на конечный результат любые успехи немцев повлиять не могли. Поэтому сын Хаусхофера Альбрехт в 1944 году, когда не только Хаусхоферу, но и многим другим стало совершенно очевидно, что с Гитлером Германию фактически постиг крах, принимает личное участие в покушении на него. Покушение срывается, Альбрехта Хаусхофера расстреливают в Моабитской тюрьме. НО на фоне гибнущих миллионов это даже трагедией назвать язык не поворачивается. Просто глухой щелчок затвора и гулко упавшее у стены тело. Техническая деталь. Война и против Запада и против Востока для Германии означала неминуемый крах. И этот крах наступил. После 1945 исчезла с политической карты и самостоятельная Центральная Европа и национал-социализм. Мир поделили на две части – между Западом (капитализмом) и Востоком (социализмом). Победа. Надолго ли?

Через 2 года после взятия Берлина, в 1947 начинается другая война – «холодная». Война как война. И снова география волшебной сказки – Запад против Востока, капитализм против социализма; симметрия между географией и идеологией удивительная.

Смотрим на стартовые условия этой войны. Они-то и предопределяют, кто в ней выиграет. После 1945-го США окончательно перехватывают инициативу у Англии и становятся оплотом Западного мира и центром мирового капитализма. И тут оказывается, что США идеально защищены стратегически морскими границами и оказались в идеальных условиях в ходе Второй мировой, так как, не считая эпизода с Перл-Харбором, неприятным, но не фатальным, воевали на чужой территории. Это тоже тяжело, но все не на своей. Гражданское население как огурчики, промышленность работает вовсю, экономика расцветает. Европа же и СССР в развалинах. ТО есть у США есть Америка (как прекрасно и надежно защищенный плацдарм), есть стратегически ключевая военная база в лице

Западной Европы, полностью зависящей от нового центра Запада и капитализма в военно-стратегическом и экономическом смысле (план Маршалла) и мировой геополитический и идеологический враг в лице СССР/Востока.

А что у нас, победителей над немцами? От Германии нам досталась Пруссия (это меньшая часть Германии). В освобожденных нами от фашизма странах нас в глубине души полюбить не успели. Граница нашего влияния является сухопутной и примыкает, так или иначе, к нашей территории непосредственно. Американцы же надежно защищены у себя, и готовы в случае чего пожертвовать европейцами, если русские пойдут ва-банк. Что же получается? А то, что мы в такой ситуации рано или поздно проиграем «холодную войну». И снова все решают стартовые условия.

Это отчетливо понимали Сталин и Берия. К концу 1940-х у них начинает складываться два альтернативных проекта по изменению такого положения дел с геополитическим позиционированием. Первый вариант - наступательный: продвинуть границы социалистического лагеря к Атлантике. Во Франции и Италии сильны левые. Бросок, - и русские выходят к Ла-Маншу. Утопия? Мы не раз маршировали по европейским столицам. Могли бы прогуляться и еще раз.

Второй вариант: финляндизация Европы. Вывод оттуда советских войск – но... с условием вывода американских и роспуска НАТО. Европа должна быть строго нейтральной. (Этот план, якобы «шпионский», ставился в вину Берии, когда его ликвидировал Хрущев.) Какой из вариантов лучше: оба хороши, потому что только они геополитически реалистичны. Не измени мы стартовые условия «холодной войны», нам рано или поздно пришел бы конец. С геополитической точки зрения, это задача для первого класса.

Конец пришел. Поздно пришел, но пришел. Нас так перепугались, что долго не решались подорвать. Но рано или поздно это свершилось. СССР рухнул. Холодная война была проиграна. Социализм пал, пал СССР, пал Восток.

Та Победа осталась в далеком прошлом, ее результаты у нас отобрали. Геополитические результаты – вместе со страной, которая эту войну выиграла, вместе с идеологией, которая эту Победу вдохновляла.

Что теперь? Войны кончились? Мы, наверное, плохо знаем человечество, чтобы допускать такие абсурдные гипотезы. Человечество и война – синонимы. Люди воюют всегда. Одни добровольно, потому что любят это, другие принудительно, так как ничего другого не остается. И будут воевать всегда. Признать это – реализм. Стараться избежать этого – глупый страх.

Какая война нас ждет? Во-первых, одна уже идет. Это установление Западом глобального порядка. Холодную войну Запад выиграл, с формализованным, геополитически и идеологически структурированным конкурентом покончил. С нами, победителями, покончил. Поставил над нами править своих надзирателей. Но у него еще остались проблемы. Теперь, правда, скорее полицейского, внутриполитического характера, коль скоро вся планета для Запада стала внутренней территорией. На место войн встали карательные полицейские экспедиции на своей территории: США, по сути, объявили своей территорией все пространство планеты. И карают того, кого считают нужным – Саддама Хусейна, муллу Омара, Бин Ладена или Муамара Каддафи. На очереди Башир аль-Асад, Махмуд Ахмади-Недждат, а затем Лукашенко и Путин. Но на пути этого атлантистского глобалистского катка еще нет-нет, да встают преграды. Самая серьезная – Китай. Идеологически активная – исламский мир. Технически проблемная – российский ядерный арсенал и недружелюбное к колонизаторам российское общество. Экономически конкурентная – Европа. Задиристая и дерзкая – Латинская Америка, где один за другим приходят к власти враги США (Чавес, Моралес, теперь Умала в Перу). Американская империя теперь воюет с глобальными повстанцами и спешно, руками коллаборационистов, ликвидирует опасные для них механизмы и арсеналы.

Насилие вызывает насилие, меч – меч, берущий в плен – сам окажется в плену. США воюет с миром, с человечеством, уверяя, что их власть блага, а их гегемония комфортна. Может быть, это и так, но это рабство. Рабов все устроит. Но Господ нет. Значит, впереди момент, когда мир или те, кто остаются в нем Господами, кшатриями, по-настоящему включатся в эту войну.

Каковы стартовые условия этой грядущей войны? Американская империя перерастянута. США пытаются контролировать такие объемы пространства, которые не удавалось контролировать никому.

В этом уязвимое место. Против глобального американского контроля необходима глобальная антиамериканская герилья, столь же глобальная, как и то, против чего она направлена.

Победы и поражения сменяют друг друга. Победа – радость и восторг. Поражение – горечь, и темная мука. Но это судьба человека – радоваться и мучиться, любить и убивать. И все это перед лицом неотвратимой лучезарной смерти. Воин хочет только одного, чтобы она была славной.

Так что, вставай ото сна, друг. Война.

А. Г. Дугин

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА: НА ПОРОГЕ СИСТЕМНОГО СБОЯ

Кризис репрезентации

Основная проблема современной России заключается в растущем несоответствии реального состояния общества и его репрезентации, его представления в политических элитах и в средствах массовой информации. Общество представляет собой нечто одно, а политические элиты видят его совсем другим, и (так как обладают полным контролем над СМИ) ретранслируют полностью искаженный образ массам.

В народе царит неуверенность, элиты излучают «стабильность». Народ возмущен тотальной коррупцией, элиты от этой коррупции только богатеют, увеличивая и без того огромный экономический разрыв между бедными и богатыми. Межэтнические противоречия и неконтролируемая миграция при отсутствии внятной национальной идеи и сильной идентичности достигли критической точки, а власть продолжает уповать на «гражданское общество», «толерантность» и копирование западных моделей мультикультурализма (все больше отвергаемого Европой). Народ боготворит Сталина, грезит о социальной справедливости и великой России, власть запускает «десталинизацию», исповедует либерализм и принцип «каждый за себя», ставя себе в заслугу сближение с США и странами НАТО.

Российский народ и российская элита будто живут в двух параллельных мирах. Элита все чаще сетует на то, что ей «не повезло с народом». Так, например, Игорь Юргенс, директор ИНСОРа и ближайший советник Президента Медведева, откровенно утверждает,

что «нынешний человеческий материал очень плох». Народ приблизительно то же самое думает о политической элите. Отчуждение с обеих сторон постоянно нарастает.

Политологи пытались найти этому положению дел какое-то определение. Так Г. Павловский говорил некоторое время назад об «управляемой демократии». В. Сурков предложил понятие «суверенной демократии», где западные демократические стандарты подчинены императиву укрепления суверенитета. Другие пытались обосновать национальные особенности российской демократии. Все эти попытки сводились к весьма справедливой мысли: государство для россиян традиционно является высшей ценностью, и без его укрепления и величия никакие права и свободы отдельных граждан не будут иметь политического и социального смысла. Но такой подход предполагал наличие яркой державной патриотической идеологии, в соответствии с которой государство должно было стратегически развиваться и которая была бы основой всего политического процесса. Необходимыми условиями для этого являются гражданственность, нравственность и социальная ответственность политической элиты. Даже если нынешний исторический период и оправдывает некоторые отступления от канонов западной демократии, и в этом случае можно говорить об «отложенной демократии» (*suspended democracy*), то компенсацией за это должны были быть конкретные и зримые успехи в державостроительстве.

Такой идеологии создано не было. Стратегия же была очерчена лишь фрагментарно и невнятно. Укрепление государства, под эгидой которого проходили политические реформы начала 2000 годов, было свернуто. Адекватной политической элиты не сформировалось. Сращивание власти и бизнеса блокировало оздоровление и управленческого класса, и здоровую конкуренцию в экономике.

Сегодня «откладывание демократии» не обосновано ничем вообще. И это порождает разочарование в существующем политическом курсе не только у радикальных либералов-западников (которым всегда «мало демократии»), но и у широких и политически неструктурированных патриотов-государственников.

Показателен состав Общественной палаты или Государственной Думы. Мы едва ли найдем там представителей «народных» профессий – врачей, учителей, рабочих, строителей, крестьян. Чиновники,

эксперты, бизнесмены, спортсмены, телеведущие, представители шоу-бизнеса и профессиональные политтехнологи замещают собой народ, отделенный от них непроницаемой социальной и имущественной стеной.

СМИ и в первую очередь телевидение полны сенсациями и развлекательными сюжетами, призванными отвлечь зрителей и читателей от реальной жизни, погрузить в иллюзию. При этом культурный уровень программ и материалов стремительно падает. Свободные дискуссии и правдивая информация перетекают в интернет, но и там адекватность теряется в хаосе случайных и неквалифицированных мнений и подделок.

Реальные проблемы и острые вопросы, которые по-настоящему волнуют общество, остаются на периферии. Полемика, да и то чаще всего совершенно невнятная, ведется вокруг мелочей или технических деталей.

Нарастающий дефицит легитимности

Мы переживаем сегодня дефицит легитимности политической власти.

Напомню: легитимность - это неформальное одобрение (или неодобрение) большинством народа того курса, которого придерживается власть. Легальность есть соответствие политического режима установленным правовым нормам. Легальность - свойство формальное и юридическое. Легитимность же выражает общее состояние общества и суммарное мнение большинства. Теоретически политический режим может быть и легальным и легитимным; легальным, но не легитимным; легитимным, но не легальным; и наконец, и нелегальным и нелегитимным. История знает примеры всех возможных сочетаний.

В поздний период политический режим в СССР был вполне легальным, но все менее легитимным. Поэтому либеральный переворот (по сути, либеральная революция) в начале 90-х не вызвал полного отторжения, хотя и опрокинул советскую систему права, вместе с идеологией и государством (распад СССР). Однако и режим Ельцина, сменившего Горбачева, не стал по-настоящему легитимным. Для укрепления своих позиций Ельцину пришлось расстрелять

парламент и наспех принудительно навязать непродуманную и как следует не обсужденную Конституцию. Отклонения от легальности были налицо.



К концу 90-х нелегитимность Ельцинского режима стала очевидной большинству. Страной правили олигархи, межэтнические и межрелигиозные противоречия раздирали Кавказ, мы почти потеряли Чечню. Россия была на краю бездны.

Ситуацию исправил пришедший неожиданно-негаданно Владимир Путин. Он фактически вернул российской власти легитимность. Он сделал то, чего больше всего требовалось в тот момент – он спас Россию как государство в критической ситуации. Именно Путину и его реформам мы обязаны сохранением территориальной целостности России, укреплением вертикали власти, взвешенным отношением к исторической традиции – в том числе и советской. По контрасту с периодом правления Ельцина Путин начинает проводить самостоятельную внешнюю политику, не боится идти в определенных ситуациях на конфронтацию с США и странами НАТО, четко и однозначно заявляет о российских интересах на пространстве СНГ. Москва отказывается от двусмысленной помощи МВФ, выдворяет из страны подрывные Фонды и НПО (Фонд Сороса и другие). В первый период правления Путина общество избавляется от наиболее одиозных олигархов. Власть отзывает непропорциональную поддержку у либеральных западнических партий (как это было при Ельцине), и без нее они уходят с политической сцены. Путин укрепляет суверенитет России.

Именно это делает оба срока его президентства (2000-2004 и 2004-2008) и легальными и легитимными. Отсюда не только рейтинг или результаты выборов (Путина лично и его партии «Единая Россия»), но общий социальный консенсус вокруг его фигуры. Путин не только формально был назван «национальным лидером».

В 2008 году Путин вложил капитал своей легитимности в выборы Дмитрия Медведева. С этого момента ситуация с легитимностью российской политической власти начинает постепенно меняться.

Путин был легитимен в силу его конкретных действий, выстраивавшихся в одну последовательную логическую цепочку, определяемую вектором патриотизма и державности. И даже те начинания, которые он не обозначил ясно или не довел до конца, представлялись лишь отложенными на более поздние сроки.

За Медведевым стоял тот политический кредит, который предоставил ему Путин. В августе 2008 г. Президент Медведев в критической ситуации нападения Саакашвили на Цхинвал поступил решительно и мужественно, предотвратив геноцид осетин, отстояв и ценности и интересы России в чрезвычайно драматической обстановке и несмотря на давление Запада и внутренней сети агентов западного влияния. Тем самым новый президент укрепил патриотическую легитимность путинского курса.

Но это событие, к сожалению, оказалось лишь отдельным и исключительным эпизодом. В остальных вопросах Медведев придерживался либерального направления. Он окружил себя советниками и экспертами западнической ориентации, непопулярными олигархами (Фридман, Усманов, Вексельберг), стал сближаться с США и Обамой, донельзя обострил отношения с Беларусью. Провозглашенная им модернизация предполагала слом российской идентичности и копирование западных стандартов. Национальные проекты, которыми он занимался до своего президентства, постепенно заглохли и сошли на нет. Совершенно неуместным оказался и курс «десталинизации», тогда как воспоминания о советском периоде, о социальной защищенности, промышленном рывке и международных успехах СССР в широких массах, напротив, приобрели статус ностальгического идеала (особенно в сравнении с несправедливостью, имущественным расслоением и культурным измельчением постсоветской эпохи).

Крайние либералы, однако, не признали в Медведеве «своего», считая его слишком зависимой от Путина фигурой. Патриотические же массы тем более не узнавали в нем даже намек на приемлимую для них повестку дня.

Так, начиная с 2008 года начал нарастать зазор между элитой и массами, между властью и народом.

Конечно, в этом нельзя винить лично Медведева. Предпосылки для этого были созданы еще в период президентства Путина. Путин не завершил чистку олигархов, не придал своему патриотическо-

му курсу стройного идеологического оформления, не закрепил его в понятной широким слоям стратегии, не смог справиться с всепоглощающей коррупцией. И самое главное: не осуществил необходимой ротации элит, не привел по-настоящему новых, соответствующих масштабу исторических задач людей во власть. Медведев стал в определенной мере заложником этих незаконченных процессов. Но вместо того, чтобы доделать за предшественника то, что было бы действительно легитимным и востребованным, он взял совершенно иное направление, все более и более напоминающее атмосферу 90-х и эпоху увлечения Западом Горбачева и Ельцина. Открытие гигантского монумента Ельцину в Екатеринбурге и более скромного памятника Егору Гайдару в Москве, в Высшей Школе Экономики, снова символически возвращают нас в период, который был полностью нелегитимен. При Путине о Ельцине начали постепенно забывать, и это было единственным способом смягчить неприязнь к этой фигуре. Любое напоминание о 90-х, да еще и попытка их реабилитации, напрямую затрагивает патогенное ядро широких масс.

Страна, нуждающаяся в эффективных реформах, стала неумолимо терять время.

Парадоксы модернизации

Следует сказать несколько слов о модернизации, которая является коньком Президента Медведева.

Если принять за аксиому, что Россия должна двигаться по пути Запада (хотя это и в высшей степени спорный тезис), то мы исторически стоим сегодня перед необходимостью создания буржуазной нации. Нации в Европе возникли в Новое время вместе с буржуазными реформами и приходом к власти третьего сословия. Нация неразрывно связана с капитализмом, индустриализацией и отказом от коллективистского традиционного самосознания. Нация основана на принципе индивидуального гражданства. При этом, как показывают такие авторы как Э. Геллнер и Б. Андерсон, созданию нации обязательно предшествует национализм. Нации создаются искусственно, и национализм служит для этого основным инструментом.

Россия все еще в значительной степени представляет собой именно традиционное общество с довольно архаическим и коллективистским самосознанием, несмотря на формальные признаки общества индустриального. Как ни старались Ленин и большевики доказать, что капитализм в России уже построен и настало время строить социализм, в конце XX века обнаружилось, что никакого капитализма у нас не было, и мы только сейчас приступаем к его строительству. Советский период осуществил индустриализацию в экономической области, способствовал резкому увеличению пропорции городского населения. Но эти процессы проходили в сочетании с упорным внедрением коллективистской психологии и социалистической идеологии, переносящей принципы традиционной общины на широкие общественные страты. К 90-м годам XX века в российской истории так и не состоялось полноценного и поступательного развития капиталистических отношений: за время существования СССР все связи с дореволюционной Россией, где капитализм только начинался, были прерваны.

Если двигаться в том же направлении, в каком развивались западно-европейские страны, то самое время строить в России буржуазную нацию со всеми ее атрибутами: гражданской индивидуальной идентичностью, формированием ответственного и эгоистического «человека экономического» (*homo economicus*), а также с необходимым искоренением и нивелировкой самобытных этнических культур. Такая буржуазная нация могла бы называться «российской нацией», а инструментом ее создания с необходимостью должен выступать российский национализм. А так как европейские нации просуществовали в таком состоянии в течение нескольких веков, прежде чем европейцы стали переходить к модели гражданского общества, то следует предположить, что и у российской нации (даже при ускоренном варианте развития) впереди длительный (как минимум столетний) период аналогичного становления. При этом – по аналогии с европейскими нациями – именно национализм должен был бы стать основной направляющей идеологией. Поэтому модернизация в наших исторических условиях может означать только одно: строительство буржуазной российской нации с опорой на российский национализм.

Но здесь мы сталкиваемся с важным противоречием. Западные страны в настоящее время стараются преодолеть свои национальные границы и создать гражданское общество. Именно поэтому там национализм в самых разных формах сегодня подлежит искоренению и демонтажу (он свое отслужил, будучи лейтмотивом европейской истории в течение нескольких столетий). Получается, что у нас совершенно разные исторические фазы: мы стоим у истоков строительства буржуазной нации, а Запад переходит к другой, следующей социальной модели – к гражданскому обществу. Здесь возникает «большевистский» соблазн форсировать исторический процесс и перепрыгнуть (в очередной раз) через логически необходимую ступень развития общества. Именно в этот соблазн и впал Дмитрий Медведев со своей версией модернизации: строительство не буржуазной нации с опорой на российский национализм, но попытка резкого перехода сразу к гражданскому обществу, минуя стадию нации. И в результате: гарантированный провал модернизации, кризис репрезентации (элиты мыслят общество не таким, каким оно является в реальности) и, соответственно, делигитимация политического курса власти и ее персональных представителей.

Конечно, модернизация и создание буржуазной нации не единственный путь развития; теоретически можно было бы остановиться и на традиционном обществе (то есть на чисто консервативном проекте – лично я считаю его предпочтительным). Но коль скоро взят курс на модернизацию, то национализм неизбежен. Но именно национализм у Медведева и его окружения и вызывает наибольшее отторжение, равно как и фигура Сталина, который осуществил решающий (хотя и насильственный) шаг в индустриализации России, бывшей до него аграрной страной. И наконец, любая модернизация в России всегда проходила сверху и принудительно, ломая сопротивление народных масс. Национализм, сталинизм и авторитаризм – три ориентира российской модернизации на данном историческом этапе. И все три категорически неприемлемы для Медведева.

Из этого можно сделать только один, но железный вывод: в такой ситуации модернизация останется пустым звуком.

Тандем и выборы

Сегодня многие гадают, кто будет следующим президентом России в 2012 году.

С технической стороны, все просто: президентом станет тот, кого выдвинет тандем Медведев-Путин. И легальность такого выбора будет, скорее всего, вполне прозрачной. Но вопрос о том, будет ли этот выбор легитимным, намного сложнее. Более того, если мы проследим динамику утраты легитимности в период правления Медведева, не доведенные до конца державостроительные реформы Путина, а также концептуальные тупики российской модернизации, то мы получим удручающий прогноз: при любом выборном раскладе легитимность будущего президента России будет под большим вопросом. Причем независимо от того, кто из двух фигурантов им станет.

Общий тренд эволюции политической системы современной России сопряжен с формулой Путина, которую можно описать как «патриотизм+либерализм». На этом была основана стратегия Путина: патриотизм для масс, либерализм для элит, и строгое поддержание баланса между этими двумя трудно сочетаемыми ориентирами, чтобы один другого не перевесил. При этом именно массы являются носителями легитимности, так как они, а не элиты являются электоратом и создают общественный фон и доминирующий социальный контекст. Путин, видимо интуитивно, учитывал это обстоятельство и в ключевые моменты своего президентства обращался к массам, подтверждая через них свою легитимность. В рамках своей формулы, он все же поддерживал имидж в первую очередь именно «патриота», а поэтому воспринимался как «народный» президент.

Медведев же, оставаясь в рамках той же формулы, явно тяготеет к либеральному полюсу. И именно это обстоятельство существенно снижает его легитимность.

Но в рамках тандема делегитимация политической власти существенно затронула и самого Путина. Ведь все острые и неприятные вопросы, которые могут возникнуть у масс к Медведеву, адресуются не к нему лично, а через его голову к Путину. Если Путин выглядел вполне легитимным правителем на фоне нелегитимного Ельцина, то повторить это с Медведевым не удастся, ведь Путин рекомендовал его на этот пост по собственной воле и под свою ответственность.

Тем самым все происходящее в России в период 2008-2012 годов напрямую распространяется на фигуру Путина. И общий дефицит легитимности власти автоматически затрагивает и его.

Выборы президента 2012 году в таких обстоятельствах представляют собой существенную проблему. Но не технологическую, а содержательную. Если Путин возвратится, то, несмотря на вероятное чувство облегчения у значительного сегмента населения, всеобщим праздником это не станет. И не только из-за радикальной либеральной оппозиции (ее мнением, как раз, можно пренебречь), но в силу накопленных проблем с легитимностью, которые уже невозможно будет списать на Медведева (как ранее на Ельцина). Путин несет полную ответственность за происходящее в стране сегодня, и все вопросы, претензии, фрустрации и обманутые ожидания, накопленные за этот период, будут обращены к нему. Это потребует с его стороны радикальных мер, резких решений, отчетливой стратегии и внятной идеологии. А этого-то как раз по каким-то причинам Путин всячески старался последнее время избегать (по контрасту с самым первым периодом, когда он закладывал основы своего курса).

Если же по тем или иным причинам тандем выдвинет единственным кандидатом от власти Медведева, то ситуация будет еще более драматической. Как сказал однажды, в порыве откровенности, на радио «Эхо Москвы» К. Ремчуков: «Медведев - это быстрый развал России, Путин – замедленный». В отношении Медведева это, пожалуй, недалеко от истины. Попытка продолжить на следующем этапе президентства модернизацию в западнически-либеральном ключе, игнорируя и русскую самобытность и историческую логику последовательности модернизационных фаз, может, действительно, привести только к одному – к распаду России и непоправимым катастрофам в духе ельцинско-горбачевского сценария. При этом весь накопленный негатив, который сегодня почти равномерно распределяется по обеим фигурам тандема, обрушится на голову лично Медведева. И путинских заслуг у него в качестве собственного политического капитала не будет.

И наконец, выдвижение обоих кандидатов окончательно смутит и запутает электорат. Отличия между претендентами будут либо незначительными, либо искусственно раздутыми, что всех только приведет в замешательство. Очевидно, что в такой паре Путину будет

отведена роль «консерватора» и «державника», а Медведеву – «западника» и «модернизатора». Условность такого распределения ролей граничит с кичем. Но по легитимности, накопленной Путиным и уже существенно подрастраченной на сегодняшний момент, этот нанесет еще один, возможно непоправимый удар.

Многие предсказывают распад тандема и стараются уловить любые его признаки. Если это случится, то политическая система России окончательно зайдет в тупик.

Неотложенная демократия

Наш анализ приводит к довольно неутешительным выводам. Даже если не учитывать экономический кризис, который далеко не закончился и лишь вступает в новую стадию, общий подъем революционных настроений в мире (ярким примером его являются события в арабских странах), климатические изменения или вероятность природных катаклизмов, продолжение существующих социально-политических тенденций в российском обществе неминуемо ведет нас к кризису. Накануне выборов 2012 года складывается впечатление, что Россия сбилась с курса, что мы то ли вообще стоим на месте, то ли идем куда-то совершенно не туда. И дело не в личности будущего президента. Сбой системы происходит в самой конструкции России: кризис репрезентации, блокировка обратной связи элиты и общества, путаница в определении момента исторического развития, неадекватность правящей элиты, отсутствие направляющей идеологии, неопределенность и противоречивость стратегии. Это не просто техническая ошибка или серия неудач. Дело обстоит гораздо более серьезно.

В очередной раз в нашей драматической российской истории мы приближаемся к решающей черте. Казалось, что в начале 2000-х годов после прихода к власти Путина мы стали удаляться от бездны и заходить на устойчивый и надежный путь. Сейчас выясняется, что не все так радужно и стабильно. Впереди нас ждут испытания. И к ним надо быть готовым.

А позитивный вывод сводится к тому, что нам нужна альтернатива существующему положению вещей. Это значит, нам нужна новая идеология, другая элита, четкий стратегический курс,

корректная репрезентация общества. Нам нужна по-настоящему легитимная власть. Может быть, это покажется кому-то странным от лица убежденного консерватора, но я все больше прихожу к выводу, что сегодня нам необходима демократия, не «отложенная» и не «подвешенная» (*suspended democracy*), а самая настоящая, та демократия, которая определяется как «соучастие народа в своей собственной судьбе» (А. М. ван ден Брук).

А. Г. Дугин

ГЛОБАЛЬНЫЙ ПЕРЕХОД И РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА НАКАНУНЕ 2012

До президентских выборов-2012 осталось совсем немного времени. И, вполне естественно, сейчас каждое малейшее движение внутри правящего тандема, каждый символический жест, намек, реприза или утечка из централа власти будут восприниматься с повышенным вниманием. Ну что же они решат? Давно начавшаяся интрига будет двигаться к своей кульминации, но мне представляется, что саспенс будет продолжаться до самого последнего момента. Наша политическая жизнь славится своей непредсказуемостью. Интрига на лицо.

Сейчас хочется поговорить не о знаках, намеках, умолчаниях и пиар-технологиях, но о том контексте, в котором мы находимся. И внутри России, и в глобальном смысле.

Начнем с глобального. Несмотря на все детали и нюансы всем сегодня очевидно, что США продолжают оставаться ведущей державой и, соответственно, главным актором мировой политики. Конечно, есть различия между неоконсервативным проектом «Американской Империи» («спасай США, а остальное приложится!»), обамовским мультилатерализмом, предполагающим более равномерное распределение полномочий между Вашингтоном и его союзниками («Спасай Запад, а остальное приложится!»), и проектом ускоренного «углубления демократии» (цветные революции и лозунг Сороса - «Открытое общество в глобальном масштабе, здесь и сейчас!»). Но в любом случае незападным странам (со своей собственной спецификой) в такой конфигурации предлагается либо покориться Западу и его ценностным, политико-экономическим моделям, либо,

в лучшем случае, примкнуть к нему на вассальных основаниях. Проект же «углубления демократии» вообще чреват установлением управляемого хаоса и декомпозицией существующих государств. В любом случае США и Запад ведут дело к постепенной десувенизации всех существующих политических единиц (по тому или иному сценарию), и это аксиома глобального Перехода. Переход от чего - понятен всем, но к чему - остается под вопросом. При всех существующих разночтениях внутри самих США, для Вашингтона общий вектор Перехода, тем не менее, ясен: надо следовать дальше по вектору современной истории, приведшего Запад (и США) к построению эффективной, технологичной, либеральной капиталистической цивилизации, основанной на экономической свободе, правах человека и принципе индивидуальной идентичности (в ущерб всем формам идентичности коллективной – вплоть до гендерной). Не в деталях, но, в общем и целом, направление Перехода США очевидно: это продолжение их «Проявленной Судьбы» (Manifest Destiny) XIX века, 14 пунктов Вудро Вильсона XX века, одним словом, либеральное мессианство (США несут миру свободу, демократию, прогресс и развитие и в этом их предназначение, их право и их долг).

США строят одновременно несколько возможных глобальных конструкций – «однополярный мир» («американская Империя»), «многосторонний мир» (западноцентричный мир с несколькими центрами принятия стратегических решений), «глобальное открытое общество» (бесполярный мир, как глобальный мировой рынок или глобальное Государство во главе с Мировым Правительством). Все они основаны на одном и том же наборе базовых ценностей и принципов – западных, европейских, американских. Всем остальным предлагается в той или иной форме под них подстраиваться.

Незападные государства реагируют на это по-разному. Кто-то отчаянно сопротивляется (Иран, Северная Корея, Венесуэла, Беларусь, Ливия). Кто-то пытается сотрудничать с Западом, но тщательно заботится о том, чтобы это сотрудничество не ослабляло суверенитет, а вело бы не к попаданию в зависимость, а к укреплению страны. Бесспорный и довольно эффективный чемпион в этой тонкой игре Китай, чья стратегия и представляет собой постоянный баланс и просчет соотношения положительного эффекта от соотношения глобальных возможностей и национальных интересов. К такой модели

тяготеют Индия, Турция, Бразилия и т. д. Кто-то пытается сблизиться с США, интегрироваться в Запад, в надежде подключиться к высоким технологиям и рано или поздно (в отдаленной перспективе) вывернуться и даже, быть может, взять реванш. И наконец, есть страны, которые готовы втянуться в Переход и полностью подстроиться под нормативы глобального Запада.

У Запада и его глобальных проектов есть и убежденные противники. Как правило, они представлены негосударственными силами и движениями. Это, в первую очередь, радикальный ислам, имеющий свои виды на будущее мироустройство, а также неосоциализм (снова популярный в Латинской Америке) или евразийские течения, настаивающие на реорганизации мира на полицентричной, многополярной основе (столько полюсов, сколько цивилизаций).

Из различных стратегий США и Запада в целом (до определенной степени совпадающих в вопросе промоушна «глобальной демократии»), из ее принятия или отвержения крупными региональными игроками и из постепенного структурирования антизападных (на идеологической и ценностной основе) транснациональных сетей складывается глобальный контекст современности. Несомненно одно: мы находимся в стадии глобального Перехода (глобальной Транзиции). От чего мы приблизительно знаем, а вот к чему, это остается открытым вопросом. США и Запад видят этот Переход в целом в одном направлении (при всем различии конкретных проектов); другие крупные игроки (но уступающие США) стараются оставить все как есть (Вестфальская система, ООН, национальный суверенитет и т. д.); в неправительственных кругах постепенно вызревает глобальная альтернатива, предполагающая направить Переход в совершенно ином направлении – либо к созданию мирового исламского государства, либо к мировой революции, либо к многополярной полицентрической модели.

Политика, дипломатия, экономика, энергетика, демография, миграция, технологии, информационные потоки – все это помещено в глобальный геополитический контекст Перехода, как в своего рода магнитное поле. В центре этого поля – ядро (США и Запад). Это сосредоточие и эмулирующая инстанция глобальных сетей, распространяющих свое многоуровневое влияние на весь мир. Распространение новейших технологий, продвижение демократии, развитие

новых рынков, экспорт цветных революций (Твиттер-революций, на подобие тех, что прокатились по арабскому миру) – все это формы сетевого воздействия в глобальном масштабе, модернизируемого ядром. В этом поле оказываются все остальные – страны Периферии и Полупериферии (в модели «мир-системы» И.Валлерстайна), но все отвечают на это «сетевое излучение» по-разному. Но даже прямое локальное отвержение, и в еще большей степени попытка закрыться, или стремление частичной адаптации, не ставит под вопрос саму систему Перехода, как ее понимает США и Запад (по суммирующему вектору). Основные параметры и ценности – демократия, свободный рынок, права человека и т.д. признает сегодня (пусть иногда номинально) подавляющее большинство стран, соглашаясь по умолчанию с самим этим полем и лишь пытаясь найти в нем максимально приемлемое для национального государства место. И только негосударственные (субнациональные и транснациональные) акторы всерьез задумываются о том, чтобы изменить саму структуру этого поля, предложив столь же глобальную альтернативу.

Пока ситуация такова: само поле, Переход, отвергают только маргинальные мировые силы, хотя их вес постепенно растет. Национальные же государства (за редким исключением) бросить вызов общей структуре не решаются и стремятся любой ценой сохранить статус кво, все как есть. Либо «оседлать тигра» и проехаться на глобализации ровно столько, сколько это необходимо для укрепления национального суверенитета, в надежде спрыгнуть в критический момент («превращение яда в лекарство»). Тем самым, последовательные и систематические антизападные силы слабы с точки зрения инфраструктуры, но сильны идеологически. А государства, обладающие определенной инфраструктурой, идеологически реактивны и зависимы от глобальной системы. Там, где идеология (пусть частично) смыкается с государством в отвержении глобального Перехода (Иран, Венесуэла), возникают серьезные и могущественные очаги сопротивления, доставляющие США и Западу серьезную головную боль (США тут же заносит их в список стран-изгоев, причисляя к «оси зла»). Однако и неправительственные структуры, такие как «Аль-Каида», показали свои возможности в нанесении США определенного и существенного урона.

Вот в этом глобальном контексте и протекает политическая жизнь современной России незадолго до выборов. Изолировать внутриполитические процессы в России от внешнеполитических строго нельзя. Вся мировая среда становится все более и более прогниваемой, магнитное поле глобального Перехода действует помимо национальных границ. Какую позицию в отношении этой мировой структуры занимает Россия?

Складывается впечатление, что политическая власть в России колеблется между проектом интеграции в Западный мир и частичным и избирательным принятием тех или иных его сторон с сохранением национального суверенитета. При этом о радикальном идеологическом отбрасывании Перехода речи не идет, и Кремль (особенно в последнее время) всякий раз стремится всячески дистанцироваться от тех стран, которые своего отрицательного отношения к этой системе не скрывают (Иран, Ливия, Беларусь). Именно такое колебание и составляет базовый смысловой контекст российской политики (как внешней, так и внутренней).

Вся эта проблематика разделяется на две составляющие: объективное состояние общественного мнения широких российских масс и эффективность политического управления, то есть достижение властью поставленных ей для самой себя задач (reality chek политического курса).

Общественное мнение широких российских масс составляет в данном случае существенную проблему. Это мнение в целом (чисто интуитивно) направлено против Перехода и явно тяготеет (причем все больше и больше) к суверенитету, автаркии и даже ностальгии по советскому прошлому (о чем свидетельствует неуклонный рост популярности фигуры Сталина). Таким образом, постепенно складывается устойчивый диссонанс между прозападным курсом власти и эмоциями (быть может, «утопическими», «ностальгическими» и «безответственными») широких народных масс. Им говорят о «преlestях свободы», но они явно предпочитают «конкретность справедливости» и даже «равенство» (которыми и не пахнет в современном российском обществе). Власть акцентирует свободу, демократию и развитие, массы предпочли бы национализм, социализм и консерватизм. Налицо когнитивный диссонанс.

В такой ситуации политическое руководство могло бы теоретически пойти на непопулярные меры и продолжить курс на интеграцию с Западом (модернизацию, либерализацию и демократизацию). Но для этого необходимо продемонстрировать и доказать на практике эффективность и действенность этого курса, предъявить его осязаемые плоды. То есть в государстве российском все должно идти как по маслу, политические проекты осуществляться, демократические процедуры действовать, отношения с Западом приносить зримые дивиденды, плоды модернизации быть наглядно представлены. Тогда даже недовольные массы примут курс власти, каким бы (непопулярным) он ни был. Но и с этим в современной России проблемы. Деятельность бюрократического аппарата особенно не радует, модернизация пока в основном носит характер вербальный, успехи в отношении с Западом нигде конкретно не ощущаются, а российская демократия оставляет желать лучшего.

Не в последнюю очередь эти проблемы связаны с многообразием глобальной американской стратегии и, в частности, с неоднозначным отношением Вашингтона к Москве. По формуле Обамы (многостороннее партнерство США с его «младшими» союзниками), демократизация России могла бы сделать ее участником западного клуба (пусть на довольно скромных позициях и после исправного выполнения ряда структурных рекомендаций). Но для неоконсов и республиканских сторонников проекта «Американской Империи» Россию, напротив, желательно раскатать и максимально ослабить, а то и расчлениить. Проект «углубления демократии» и вовсе ориентирован на политический взрыв изнутри и подготовку цветной революции. Тем самым российские западники и первый среди них, российская власть (еще Пушкин говорил: «Правительство все-таки единственный европеец в России»), оказываются в щекотливом положении. Симпатии Обамы наталкиваются в самих США на совершенно иное понимание американо-российских отношений. А система принятия решений в США коллективная и рассредоточенная (в отличие от российской). Поэтому сами же американцы отчасти торпедируют линию Обамы и тем самым обрекают российское руководство на провал его стратегии. Другие стороны модернизации буксуют уже по другим, чисто российским причинам.

Это только усугубляет и без того напряженную ситуацию.

Президентские выборы 2012 года будут проходить на этом фоне. И в значительной степени они будут зависеть даже не столько от личности, которую выдвинет тандем (хотя это, конечно же, перво-степенно), сколько от прояснения позиции будущего президента относительно глобального положения России в мире и того пути, по которому ей предстоит следовать. Заведомо можно сказать, что идея продолжать движение в сторону Запада, принимать глобальный Переход и стараться адаптироваться к нему (в лучшем случае стараясь затянуть статус кво на неопределенный срок), большого энтузиазма у электората не вызовет, кто бы ее не озвучил – будь-то Медведев или Путин. Вместе с тем объяснить избирателям хитрости балансирования между интеграцией в западную систему и сохранением суверенитета будет не просто, так как речь пойдет о нюансах и деталях, а в условиях предвыборной борьбы и коротких и внятных лозунгов этого едва ли удастся добиться. Следовательно, кандидатам в Президенты придется огрублять и упрощать. И вот в этом-то упрощении и будет заключаться самое главное. Если это упрощение будет в сторону Запада и модернизации, это чревато апатией и фрустрацией масс. Если же, наоборот, снова, как при Путине, будет поднят на щит тезис о «суверенитете», это вызовет более позитивные реакции, но, с имиджем нынешнего Президента Медведева, сделавшего всю ставку на модернизацию, это будет ввязаться с трудом (время для формирования его патриотического имиджа потеряно). А вот эффективности работы государства и его внешней и внутренней политики наглядно не удастся вообще никакому из двух наиболее вероятных проходных претендентов. И не в последнюю очередь из-за того, что Обама, при всей его «русофилии» (которую, кстати, не стоит переоценивать) даже теоретически не мог настоять на серьезных и ощутимых шагах Запада в сторону России, достаточных для того, чтобы россияне их смогли по-настоящему заметить и по достоинству оценить.

Если добавить к этому социальные и межэтнические проблемы российского общества, не до конца преодоленные последствия экономического кризиса и тщету попыток нормализовать в стране ситуацию с коррупцией, то ситуация 2012 года выглядит еще более напряженной. Конечно, у кандидатов в президенты есть еще стратегический неприкосновенный запас идеологического

антизападничества (скажем условно, «евразийства» или «национализма»). Это сработает на внутривнутриполитическом плане (как всегда работало), но создаст определенные проблемы с магнитным полем глобального Перехода и может спровоцировать сетевой удар со стороны ядра западноцентричной системы. Но именно этого Медведев, и даже Путин, всячески старались избежать ранее.

Конечно, Путину (по имиджу, возможно, а не по сути) проще пойти на такой шаг, и именно этого от него многие ждут (одни с надеждой, другие с ужасом). Но такой сценарий явно отложен на самый крайний случай. Дойдет ли до него дело или нет, скоро увидим. Счет идет на месяцы.

Ю. Ю. Коринец

КАРЛ ШМИТТ ОБ АНТИХРИСТЕ

Процесс деполитизации и нейтрализации имеет, согласно Шмитту, различные стадии: в XVI веке определяющей была теология, в XVII веке – метафизика, в XVIII веке – мораль, в XIX веке – экономика, в XX веке – техника. В каждом веке иная предметная область становилась центральной областью. Предметные области меняются, но политика остается судьбой. Политическое фундаментально, оно не есть самостоятельная предметная область наряду с другими областями либеральной философии культуры.

В качестве критерия Политического Шмитт определяет различие друга и врага, при этом в области морального существует последнее различие добра и зла, в области эстетического – прекрасное - безобразное, в области экономического – полезное и вредное. Точка Политического может быть достигнута, исходя из любой предметной области, поскольку Политическое – это не отдельная предметная область, а высшая степень интенсивности разделения или связи, ассоциации или диссоциации. При этом мотивы людей могут быть различными – религиозными, национальными, экономическими – важно то, что люди группируются на друзей и врагов. Возможность вооруженной борьбы входит в понятие врага, эта возможность конституирует Политическое. Война – не просто экстремальное политическое средство, она является серьезным случаем для человека в абсолютном смысле, поскольку здесь речь идет о реальной возможности физической смерти.

Враг – это иной, чужой в экзистенциальном смысле, он отрицает твой образ жизни, так что необходимо побороть его, чтобы защитить свою самобытность. Враг, занимающийся политикой в неполитическом или даже антиполитическом одеянии, обманывает. Невидимая, анонимная власть, замаскированная власть – это, согласно Шмитту, «сатанинское искушение»¹.

В Новое время самый яркий пример вражды, согласно Шмитту, это борьба Кромвеля против папистской Испании. Имеется ввиду его речь 17 сентября 1656 года, где Кромвель ссылается на книгу Бытия III, 15: «и вражду положу... между семенем твоим и между семенем ея». (Здесь символизируется потомство змия-искусителя, то есть чада дьявола по духу, которые на языке Св. Писания именуются то «порождениями ехидны» (Мф. III, 7; XII, 34; XXIII, 33), то «плеве-лами на Божьей ниве» (Мф. XIII, 38-40), то прямо «сынами погибели, противления, дьявола» (Ио. VIII, 44; Дн. XIII, 10). Из среды этих чад дьявола Св. писание особо выделяет одного «великого противника», «человека беззакония и сына погибели», то есть антихриста).

Шмитт говорит, что если прекращается различие друга и врага, то наступает неполитическое мировоззрение – культура, цивилизация, экономика, мораль, право, искусство, развлечение – но не будет ни политики, ни государства. Родится несерьезный мир буржуа. В этом мире не будет ничего такого, ради чего человек мог бы пожертвовать своей жизнью. Если человек утратит способность ставить вопрос об истине, то он прекратит свое бытие в качестве человека. Последний главенствующий вопрос – это вопрос к человеку, подчиняется ли он Богу или сатане, и Политическое имеет свое последнее основание в этом вопросе. Различение друга и врага может прекратиться, если слова книги Бытия III, 15 потеряют свою законную силу, если люди будут жить в райской посюсторонности, не имея необходимости выбирать между добром и злом. Утверждение Политического коренится в утверждении морального и теологического. Неизбежности решающего выбора между Богом и сатаной в области теологического «соответствует» неизбежность различения друга и врага в политической сфере.

¹ *Meier Heinrich. Carl Schmitt, Leo Strauss und "Der Begriff des Politischen". Stuttgart, 1988. S. 27.*

Шмитт с опасением относится к всемирному государству, ибо это будет противобожеской попыткой создать рай на земле. Стремление к вавилонскому единству - знак самообожения человека. Процесс нейтрализации и деполитизации находит свое завершение в том состоянии, когда вещи будут управляться сами собой, но фактически господство захватит антихрист. Таким образом, можно поставить знак равенства: эпоха либерализма = отрицание политического = духовный антихрист.

Ужас, наступающий при мысли об этом господстве антихриста, Шмитт впервые описал в 1916 году. Антихрист «умеет подражать Христу, и хитростью выманивает у людей душу». «Его таинственная власть заключается в подражании Богу. Зловещий волшебник преобразовывает мир, изменяет облик Земли и подчиняет себе природу. Она служит ему; все равно для чего^ для удовлетворения культурных потребностей, для удовольствия и комфорта. Люди, позволившие ему обмануть себя, видят лишь сказочный эффект: природа кажется преодоленной, наступает эпоха безопасности; обо всем заботятся, умное предвидение и планомерность замещают Провидение; антихрист делает, изготавливает (“macht”) провидение, как некое учреждение»¹ Антихрист восторжествует, если ему удастся убедить людей в том, что различие друга и врага окончательно преодолено, что они более не нуждаются в том, чтобы выбирать между Христом и антихристом. «Мир и безопасность» – лозунг антихриста в знаменитом *Ludus de Antichristo*. Сравни Первое послание к фессалоникийцам ап. Павла V,3: «Ибо, когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами постигает имеющую во чреве, и не избегнут».

В идеале пацифистского земного шара, в мире без политики, без серьезного оборота дел Шмитт усматривает «царство антихриста». Одобря и приветствуя Политическое, он одобряет эсхатологическое состояние историчности, состояние взыскательного морального решения, испытания и суда.

Серьезный случай, в котором все дело, - это борьба с провиденциальным врагом, с врагом, исторически-конкретно определяемым в мгновения большой политики. В конце времен с этим врагом состоится «решающее сражение» (“*Entscheidungsschlacht*”).

¹ *Schmitt C. Theodor Daublers 'Nordlicht'. Drei Studien über die Elemente, den Geist und die Aktualität des Werkes. München, 1916 C. 65/66.*

В. Е. Никитин

ГНОСЕОКРАТИЯ

Мы говорим о Четвертой Политической Теории (4ПТ) в контексте кризиса модерна и трех его идеологий. Мы говорим о 4ПТ в контексте Постмодерна и торжествующего глобализма, именно с их наступлением обнаруживает себя эта теория. Новая эпоха является не просто некой исторической вехой, но фундаментальным сдвигом базовых предпосылок бытия и его описания, языка. Именно поэтому не имеет смысла сопоставлять 4ПТ со старыми политическими теориями – они продукты другого языка и других предпосылок бытия и, по сути, других людей.

Старые теории

Старые теории, несмотря на различный антропологический идеал, говорят на языке противостояния и, как показала история, подтверждаются на его основе. Либерализм – богатые против бедных, коммунизм – бедные против богатых, фашизм – власть против оппозиции (нацизм – белые против небелых). Старые теории подтверждаются в войне, противостоянии. Как только это противостояние исчезает, они гниют, растворяются и исчезают. Нечего и говорить, что и сам Модерн построен на принципе радикального противостояния со своим предшественником. И как только власть его пошатнулась, у модерна возник кризис самоидентификации.

Новые условия

Глобализм, как необходимое условие Постмодерна, строится на системе глобального компромисса и полного снятия всех противоречий. Это полная реабилитация как победителей, так и побежденных. Принцип противостояния отменяется, ему на смену приходит принцип компромисса, торговой договоренности и мировой безопасности. Врагами нового порядка являются неспособные к диалогу общества модернистского типа, но противостояние с ними, также как и все, превращается в торговую операцию, построенную между крупными игроками мирового рынка. Они не являются врагами глобализма и Постмодерна – они продукты товарооборота, биржевых операций, и серьезной опасности не представляют. Мы отметили, что глобальная система построена на торговом компромиссе суверенных субъектов, суверенность которых обеспечивается за счет участия в мировом сообществе. В этом отношении можно считать, что отказ от любой возможности конфликта означает отказ от собственной правоты и моральных императивов. Все ради стабильности. Все для борьбы с кризисом. Национальным приоритетом становится золотовалютный резерв и все, что способствует его увеличению.

Новая политическая теория

Если интуиция о Четвертой Политической Теории обнаруживает себя в эпоху Постмодерна, значит, она может быть описана его языком. Мы уже установили, что язык противостояния в «новенькое» время не работает, поэтому не имеет смысла говорить о врагах 4ПТ и чему она противостоит. Четвертая политическая теория ничему не противостоит! Сторонники 4ПТ – это гносеократы, существа обладающие знанием, не вовлеченным в глобальные торговые операции, тем знанием, которым строители нового мирового порядка пренебрегли ради стабильности биржевых показателей. Если Постмодерн стремится заморозить, обобщить и включить в рыночные отношения все накопленные человечеством знания и достижения, то гносеократы заняты непрерывным производством новых реальностей, знаний и предметов, с которыми новый мировой порядок вынужден

заключать очередные компромиссы, меняя свое существо. Победа Четвертой политической теории – финальный компромисс Постмодерна с Вечным.

Гносеократы

Гносеократия – это постоянная работа воображения с категорией вечного. Она объединяет их, говорящих на разных языках и использующих непохожие друг на друга научные и религиозные дискурсы. Гносеократам подражают политтехнологи, у них тоже работает воображение, которое они называют креативом, они занимаются вписыванием врагов нового мирового порядка в глобальную систему. Если политтехнолога можно купить, то гносеократ, даже беря деньги, вписываясь в ту или иную стратегию Постмодерна, меняет ее в пользу Вечности. Гносеократ несет перед ней фундаментальную ответственность, и все, что он делает, он делает для ее торжества. Прогноз гносеократа всегда верен, он не бросает слов на ветер, дискуссию ведет только с себе подобными. Гносеократ имеет ключи к трем парадигмам и знает, чем закончится история человечества. Именно поэтому перед ним не стоит необходимости добиваться внимания масс, бороться за их благополучие. За это массы ненавидят гносеократов – их власть угрожает благополучию, требуя постоянных жертв и аскетизма. Сияние вечности – главный наркотик, на котором гносеократ сидит с детства.

Индия

Подведем итог. Главным достижением Постмодерна является уничтожение языка кшатриев. Вместе с тремя политическими теориями была уничтожена и сама политика, построенная на принципе противостояния. Власть взяла каста торговцев. Однако разрушение языка противостояния дает возможность говорить также и о языке Вечности, языке возврата к глубинной сущности вещей, которую пытались постичь брахманы. Глобальная толерантность не противопоставляет их потомкам, гносеократам, она просто не принимает их во внимание, считая глобальный компромисс фундаментальной ценностью. А зря.

И. Б. Дмитриев

ПРОТИВ КАНТА: КОНСЕРВАТИВНАЯ АПОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВА

Государственничество входит в стандартный набор консерватора на особых правах. По крайней мере, стереотипный консервативный габитус предполагает государственничество в ряду обязательных ассоциаций. И в то же время как не существует конвенционального определения консерватизма в России конца первой декады 21-го века, и все, чем мы располагаем, это лишь расплывчатый концептуальный контур, так не существует ныне и убедительного консервативного дискурса о государстве; тогда как либеральный дискурс о государстве в самых разных своих версиях развивается весьма активно.

Перспектива того, чтобы консерватизм на нынешнем этапе социально-политического процесса в России стал синонимом нечленораздельности, не может нас устраивать. В частности, государство, как категория сколь важная, столь же и сложная, требует на наш взгляд самого пристального интеллектуального внимания именно сейчас, когда кому-то может показаться, что все, что можно было сказать, уже сказано. Необходимо адекватно и четко проговорить тему государства, и, немного забежая вперед, скажем – не спасовать перед тем нравственным вызовом, который это проговаривание с собой несет. Только в этом случае мы как консерваторы сможем вести речь об ответственности за будущее своей страны.

Современный российский государственный порядок подвергается энергичной критике со стороны либеральной и левой мысли. Показательным, можно сказать сигнальным, примером такой кри-

тики является доклад Института современного развития «Россия 21 век. Образ желаемого завтра». Важно уяснить себе параметры этой критики: с последовательно либеральных, экономикоцентричных позиций критикуются такие элементы государственного порядка, которые можно объединить общим и несколько условным понятием суверенных атрибутов: директивность принятия решений, преимущество вертикали власти над самоуправлением, сочетание засилья бюрократии с пренебрежением процедурой, что затрудняет поступление сигналов «снизу вверх», обеспечивая беспрепятственность неподконтрольных воздействий «сверху вниз».

Докладчики ИНСОРа четко фиксируют связь соответствующих элементов статус-кво «суверенной демократии» с тем, что распознается в качестве их идеологического сопровождения. Они называют это ресурсной моралью. Великодержавный пафос и вдохновенный лоялизм выступают здесь в качестве компенсации неудовлетворенности запроса на «реальные» социальные перспективы. Пока эта компенсация работает, подсказывают нам авторы, позиции государства в глазах граждан обеспечены. Однако никакая модернизация, задекларированная этим самым государством в качестве сознательного приоритета, в такой ситуации невозможна. Цель ИНСОРа – разоблачить компенсаторную сущность информационного климата, формируемого публичным дискурсом власти, сведя ситуацию к ее предполагаемому социально-экономическому базису и продемонстрировав неудовлетворительность положения дел. Прodelав данную процедуру, авторы рассчитывают добиться от адресата признания: если мы хотим модернизацию, то мы не хотим пролонгации статус-кво. Однако интрига в том, что природа базисов и порядок возведения надстроек также определяются в рамках вполне определенного дискурса, по всей видимости, с дискурсом власти конкурирующего и служащего инструментом оспаривания этой самой власти.

Критики ИНСОРа показывают: то, что имеет место, не является обязательным и даже оправданным. Они рассматривают весь дискурс власти как надстройку над определенным типом хозяйствования – типом, противоположным модернизации и с ней несовместимым. В этой связи и соответствующие элементы государственного устройства расцениваются как неэффективные и излишние, как пережиток, как нечто несовременное и несвоевременное. Данный тип

хозяйствования, в котором, согласно усмотрению авторов, генетически укоренен способ существования действующей власти, по преимуществу ориентирован на извлечение природной ренты. Роль государства в этой ситуации сводится к распределению благ, дарованных природой, и не предполагает производства в качестве фундамента социального развития. Ресурсная мораль, следует заметить, лежит в основе идеологий всех традиционных государств. Как правило, в традиционных государствах идеологический комплекс выстроен более последовательно - с привлечением соображений религиозного характера. Но в настоящей ситуации российская власть не готова привлекать подобные соображения в свою пользу в силу их полной иррелевантности идейному контексту, поэтому ее дискурс носит компромиссный и непоследовательный характер. Если бы власть выговаривалась до конца, она была бы вынуждена либо признать необходимость самоумаления в интересах модернизации, к чему ее и призывает ИНСОП, либо последовательно встать на позицию «целое больше и лучше части» и попытаться предъявить сверхъестественный мандат.

Мы не отрицаем уместности постановки подобной альтернативы. Другое дело, что в дискурсе ИНСОПа эта альтернатива дается как псевдоальтернатива, поскольку второй вариант представлен как явно ущербный. И только таким он и может быть дан в перспективе либерального мировоззрения, отрицающего преимущество целого над частным. Переинтерпретация концепта в терминах, отличных от тех, в которых он был порожден, как правило, предполагает его редукцию, низведение, выхолащивание (этого мы еще коснемся ниже). Однако беда нынешней российской власти заключается в том, что она вообще не располагает оригинальными терминами, в которых могли бы быть обоснованы способы ее отправлений. В итоге ее просто ловят на слове. Это слово – «модернизация».

Исходя из императива модернизации, под которым подписывается действующая власть, авторы доклада подводят последнюю к необходимости отказа от силовых атрибутов, надиктовав собственные правила вывода и не услышав в ответ никаких сопоставимых по уровню высказывания возражений. Критика ИНСОП состоялась. Власть, будучи призванной к ответу, не имеет в чем почерпнуть свое достоинство и на чем утвердиться - кроме тех оснований, которые

предложены либералами и которые принуждают ее устыдиться и умалиться, свернув всю суверенную часть «суверенной демократии» и «доведя до ума» демократическую. Для того же, чтобы реабилитировать государство в тех силовых параметрах, в которых оно отчасти существует сегодня, а в лучшем случае могло бы существовать в еще более высокой степени, нам необходимо переинтерпретировать их в совершенно особой системе координат.

Современная Россия на карте политических идеологий находится, сама этого не отрицая, примерно в поле либерализма. Это, собственно, и дает основание критикам действовать так, как они действуют. Искони западники в России трактовали действительность российской политики как нечто, что в принципе поддается описанию в терминах западной прогрессистской политико-философской мысли, но всегда с рядом существенных поправок, с оговоркой о том, что нечто должно быть исправлено, устранено, пересобрано. Если мы не соглашаемся с такой постановкой вопроса, если мы отрицаем излишний и погрешностный характер критикуемых элементов, то мы нуждаемся в особой системе отсчета, в такой перспективе, где силовые атрибуты власти окажутся теоретически оправданы.

Что это будет за система? По крайней мере, она будет отлична от либерализма, лежащего в основе ИНСОРовской интерпретации. Что касается определения либерализма и его возможной альтернативы как принципиальной системы отсчета, в которой мы будем переописывать наше государство, то мы воспользуемся базовой формулой, которую дает современный философ Ален де Бенуа в своей книге «Против либерализма»: либерализм – это приоритет справедливости над благом. Для того чтобы уяснить себе смысл этой формулы, необходимо раскрыть содержание терминов «благо» и «справедливость», которые не могут быть взяты вне соответствующего политико-философского контекста. Справедливость либерализма – это отнюдь и далеко не та справедливость, о которой говорит Платон в своем «Государстве». Влиятельный теоретик либерализма Карл Поппер в части своих построений как раз опирается на критику платоновской концепции справедливости. Переизлагая платоновскую концепцию в собственных терминах, Поппер утверждает, что справедливость Платона – это не справедливость на самом деле. То есть, уточняем мы, не та справедливость, которую имеет в виду либерализм.

Справедливость либерализма в общем смысле сводится к понятию равенства с одной стороны и ценностной нейтральности – с другой. Какова мировоззренческая подоплека установки на справедливость как равенство и ценностный нейтралитет? Она как раз-таки и заключается в отрицании приоритета блага как некоей надчеловеческой категории. А вместе с благом упраздняются и все стратификации, выстраиваемые в порядке его реализации на уровне общества как целого.

Либерализм закрывает этап европейской истории, характеризовавшийся кровопролитной борьбой различных проектов общественного блага. Для того чтобы остановить войну, ее участники договорились приватизировать благо, иначе говоря – приватизировать мораль и питающее ее понятие о ценности. Приватизация блага или, что то же самое, «этическая зачистка публичной сферы» как событие в сфере общественного сознания (и в истории идей) составляет фундаментальную предпосылку доминанции либеральной политико-экономической модели на пространстве Европы. Отныне никакой проект блага не может претендовать на обязательную реализацию. Благо редуцируется, ужимается до уровня интересов, а моральная убежденность приравнивается к мнениям, несоизмеримым между собой и потому абсолютно равноправным. Отныне у каждого есть свое приватное благо, равняющееся индивидуальному интересу. Справедливость же мыслится уже не как моральный принцип, подлежащий реализации, а вполне технически – как условие оптимизации процесса взаимодействия интересов, страхующее общество от рецидива блага, от прорыва индивидуального интереса в сферу общего. Ограничение на реализацию проекта индивидуального блага в рамках индивидуальной же сферы вводится в соответствии с формулой «моя свобода заканчивается там, где начинается свобода другого». Причем ограничение это вводится в качестве общезначимого в соответствии с конвенцией, то есть признается всеми участниками процесса как оптимальное с точки зрения реализации их собственных интересов в долгосрочной перспективе.

Итак, общество в целом начинает мыслиться не как поле для реализации какого-то проекта, но как система, в рамках которой «естественным образом» протекает конкуренция интересов. Декларируя доверие «невидимой руке рынка», либерализм реализует

антителеологическую установку, то есть установку на отсутствие общезначимой цели общественного процесса. При этом либеральная справедливость если не прямо, то косвенно преследует цель предотвратить битву интересов не на жизнь, а на смерть - разумеется, в общих интересах (точнее, в интересах каждого). В контексте рынка brutальная борьба за существование переходит в режим более тонкого соревнования, где участники непрямым образом наносят друг другу увечья и подчиняют друг друга, а воздействуют через сферы пересекающихся интересов. Они имеют возможность ущемить или поддержать друг друга не прямым телесным способом, а путем затруднения или поддержки условий для экономического преуспевания друг друга.

По реальному счету сама идея справедливости не является всецело свободной от ценностного заряда. Она продолжает нести в себе рудимент представления о благе, ведь требование равенства в любом случае выражает некую ценность. Казалось бы, при последовательном проведении линии на оппозицию благу, всякое ограничение на произвол должно быть снято, в том числе и ограничение на подавление конкурента всеми доступными способами. Однако покуда мы мыслим социальное пространство хоть в какой-то степени единством (что неизбежно в случае любой, пусть даже максимально паритетной модели управления), наше описание будет с неизбежностью допускать наличие у этого единства характеристик, не сводимых к сумме характеристик частей. Нечто надчеловеческое закрадывается, делая либеральную идею ценностно «небезгрешной», а ее нейтралитет безупречным. В рамках самой либеральной доктрины это несоответствие теоретически преодолевается за счет того, что всякое вне-произвольное установление мыслится как результат свободного договора, как по согласию и в интересах отложенная борьба, как вполне рукотворные и прозрачные правила координации, с которыми, по крайней мере, в теории каждый участник процесса согласен в каждый момент. Это согласие дается, повторим, исходя из расчета на личную выгоду. И, конечно, ничего кроме личной выгоды мы от модернизации и не ждем.

Мы страхуем себя от непредвиденности, делаем прозрачными друг для друга собственные тактики, делаем максимально понятным и предсказуемым режим нашего соревнования. Идеал прозрачности

подразумевает исключение из поля нашего взаимодействия закрытых зон – зон суверенитета, из которых исходит непредсказуемое и неотразимое воздействие (установка на социальную прозрачность соответствует атеистической установке в области метафизики – она в принципе не допускает проявления субъектности, превышающей индивидуальную). Суверен же не подчиняется никому из нас, защищен от нашего воздействия, в то время как мы от него не защищены никак – вот она, ресурсная модель или модель близкой власти – по Мишелю Фуко. Согласно схеме Фуко отправным пунктом трансформации политического порядка европейских обществ является модель близкой власти, при которой суверен убивает нас в ответ на неподчинение. Это – телесное воздействие, исходящее прямо от верховного властителя через цепь опосредований. Нарушитель порядка карается либо смертью, либо малой смертью – отсечением части тела. Важно еще раз подчеркнуть, что эта модель может быть рассмотрена как нормальная – в том случае, если мы поверим тому, что она говорит сама о себе. Тогда мы введем в круг своего рассмотрения соображения, касающиеся божественной делегации. Либерал эти соображения отвергает, утверждая, что суверен – ни кто иной, как узурпатор, который просто пытается задним числом оправдать, «отмыть» свой силовой захват, выдавая свои индивидуальные интересы за общезначимое благо, довлеющее над интересами всех остальных.

Путем последовательного размыкания зон суверенитета и перехода к прозрачности и все более непосредственной сводимости порядка к индивидуальному интересу утверждает себя модель либеральной справедливости. Ей противостоит модель диктатуры блага. Принимая эту модель, мы верим тому, кто отправляет неподконтрольную власть, верим, что его полномочия связаны не просто с тем, что он благодаря своей силе оказался способен установить условия одностороннего контроля нас. Мы допускаем, что он осуществляет определенную миссию, находящуюся в его исключительной компетенции; его преимущество, его прерогатива, его право на принятие общеобязательных решений подкрепляется соображениями высшего порядка и имеет надчеловеческую легитимацию.

Оппозиция «справедливость против блага» может быть несколько условно перефразирована следующим образом: «Кант против Платона». Это – ярлыки, повторимся, довольно-таки условные, но в то

же время говорящие нам нечто существенное. Характерно, что клуб известного либерала Морозова носит имя Иммануила Канта. Это, надо полагать, неспроста: Морозов отлично понимает, что реально оппонировать ему могут только «платоники». Платоническая модель не позволяет себя редуцировать так, как это, по сути, позволяет сделать с собой модель путинская, поскольку платоническая претензия на власть с готовностью предъявляет нам свое собственное обоснование. Это не значит, что попытки редукции платонизма в принципе не возможны. Характерный пример таких попыток дает нам уже упомянутый Карл Поппер, который заявляет, что на самом деле соображения Платона касательно красоты и справедливости имеют второстепенное, вспомогательное значение. На самом деле, говорит Поппер, на первом месте у Платона стоит чистая тоталитарная идея, которая сводится к консервации статус-кво, в рамках которого закреплены преимущества правящего слоя. Будучи пересказанным в терминах либерализма, «Государство» выглядит следующим образом: есть правящий слой, который поставил собственные интересы выше интересов всех остальных, и философия разрабатывается в качестве пиара данного правящего слоя. Такая критика не является имманентной, то есть она попросту игнорирует то, что критикуемая система говорит о себе сама. В рамках собственно платонического дискурса именно красота, справедливость и благо находятся в центре внимания и велят нам устроить общество определенным образом. С точки зрения платоника общество не может быть сведено к ансамблю интересов. В процесс взаимодействия интересов должно быть привнесено еще нечто, к интересам принципиально не сводящееся. Диктатура блага. Принимать или не принимать предъявляемое платоническое обоснование – наше дело, но важно уяснить, что критикуемая ИНСОРОм российская власть не предъявляет никакого. Критика ИНСОР в значительной степени имманентна по отношению к действующей власти – в этом ее сила.

В соответствии с предлагаемым метафизическим обоснованием установление, иерархия, авторитет, приказ работают не потому, что без них еще хуже (по Гоббсу, мы согласились с существованием закрытой зоны суверенитета, поскольку нашли это наиболее рациональным). По Платону, никто ни о чем не договаривается, никто не спрашивает заинтересованных индивидуумов – просто

предъявляются определенные императивы, которые подлежат исполнению. Государство существует не для того, чтобы согласовывать интересы, а для того, чтобы привносить в движение социума мерную поступь этической нормы. Таково общеполитическое обоснование для существования государства со всеми его силовыми атрибутами. Диктатор, власть имущий, знатный – это не тот, кто сильнее и ловчее, но тот, кто несет на себе груз ответственности за проведение линии высшего и в силу этого имеет власть понуждать подданных к высшему. Если и можно это назвать интересом, то – интересом внеиндивидуальным, интересом Бога, если угодно. Этот компонент всегда идет в плюс к имманентным интересам, а в соответствии с ним и авторитет власть предержащих идет в плюс к их способностям как индивидуумов.

Итак, государство, высокая культура, вообще авторитет могут быть истолкованы помимо их редукции, но – наоборот – с сохранением их как содержательных и ценных категорий, только с принятием во внимание помимо борьбы интересов одной очень важной компоненты. Это – та компонента, которую как раз исключает либеральная доктрина. Это – диктат некоего блага, некоего должного, предположенного к реализации вне зависимости от интересов участников процесса. В этой перспективе отправляющий властные функции является не тем, кто рационализирует захват ресурса, но тем, кто ответственен за реализацию идеального, несколько не сводящегося к имеющемуся.

Возможность осуществления диктатуры общезначимого блага всегда остается открытой. Необходимо лишь признать, что только с учетом этой возможности государство, авторитет, директива, получают в современном мире право на существование, а пафос лоялизма обретает свой высокий смысл.

А. Л. Бовдунов

УТОПИЯ И ПАРАДОКС РУССКОГО ПАТРИОТИЗМА

«Россия – земля будущего», – гениальная мысль, высказанная великим немцем, в полной мере объясняет всю парадоксальность русского патриотизма. Любить Россию такой, как она есть нельзя, критики России и русских совершенно правы, когда говорят о негативных чертах нашей повседневности. Однако само существование русского патриотизма как вневременного явления, существование любви к России заставляет нас задуматься, почему мы ее любим. Значит, она для нас вовсе не сводится к повседневности, а выходит за ее рамки, она гораздо больше и выше всего того, что нас окружает. Россия – не то, что есть, но то, что будет. Россия – это ожидаемое, чаемое, будущее. Это русская утопия согласно этимологии этого слова – это место, которого нигде нет, но которое будет, состоится. Утопия как проект – это то, что состоится именно на конкретном пространстве. И сама подготовка места, освоение пространства, расчищение пространства под явление того, что сейчас еще не локализовано, но лишь является элементом воображения, есть существенный элемент любой великой культуры, любой мессианской идеи.

Любая великая и мессианская идея, начиная с Древнего Израиля и кончая современной Россией, возникает при освоении принципиально чуждого пространства, земли, с которой этнос сталкивается при колонизации. При выходе этноса из состояния гомеостаза и начинается собственно история, начало которой совпадает со столкновением с принципиально чуждым, неродным пространством, которое понимается если не враждебное – то пустое. Почва – это

всегда вызов; для того, чтобы стать великим народом и утвердиться в истории, необходимо осмыслить ее как вызов, понять всю разницу между естественным и искусственным, природой и культурой.

В рамках того, что Вильгельм Мюллерман называл этноцентризмом, никакая великая идея, великая утопия возникнуть не могут, в рамках гармоничного сосуществования с природой, полного в нее погружения, восприятия пространства как родного не могут вырасти великие империи и государства, там растут грибы, пни, избушки на курьих ножках, не более. Необходимо совсем иное восприятие пространства. Наиболее ярким примером такого пространства является пустыня. Шок пустыни рождает империи.

Уход в пустыню – начало истории, в пустыне на чужой, колонизируемой территории и создается любая великая цивилизация, возьмем ли мы Эллинистический мир, Карфаген, Древний Израиль, Римскую Империю или Россию. Большая часть современной России была населена русским народом довольно поздно, это территории, изначально чуждые славянам. Только уход в пустыню дарует обретение Земли Обетованной, возможность конституирования утопии как радикально иного, по сравнению с имеющейся повседневностью, как чего-то предельно превосходящего окружающую пустую повседневность. Так возникает вертикаль утопии, от идеи к пространству, вертикаль между двумя образами Иного: земным и небесным, выражением которой становится государство. Государство утопии выстраивается именно вокруг вертикальных связей.

Именно утопия противостоит сейчас такому пониманию государства, при котором оно предстает результатом общественного договора, выражением чисто плоскостных, горизонтальных связей, Левиафаном, вынужденным злом, тем от репрессий, чего желательно бы освободиться. Жизненному и якобы природному, основанному лишь на связях горизонтального характера, противостоит якобы внешнее, репрессивное, отчужденный механизм государства.

В либеральной оптике – это вынужденное зло, которое, тем не менее, может быть релятивизировано, поскольку это всего лишь механизм эффективной организации рыночного пространства. Формирование глобального рынка формирует и глобальное сверхгосударство, систему, в рамках которой отдельные государства не особенно

нужны. Такое государство, государство преимущественно горизонтальных связей – царство данности. Зачем нужно государство там, где на смену правительствам приходит управление?

Лишь государство задания способно отстоять себя, заявить о себе в полный голос не как о зле (пускай и необходимом), но как о благе, как о том, что строит град в пустыне. В этом случае оно выступает как революционный субъект, поскольку только государство, генетически основанное именно на связях вертикального характера, способно противостоять тенденциям расплывающейся капиталократии. Горизонталью может быть противопоставлена лишь вертикаль.

Взаимоотношения государства задания с пространством и обществом – это не эффективный менеджмент и модернизация, в рамках которых земля истощается, а ценностные ориентиры общества релятивизируются (вслед за смертью Бога и человека умирает и земля), а возведение садов в пустыне, наполнение изначально пустого, превращение того, что есть, в нечто большее, через обращение к надчеловеческому и надприродному идеалу. Модернизации как концепту, связанному с однонаправленным поступательным движением вперед, соотносённому с временной плоскостью, противостоит авангард, пытающийся преодолеть и само время, авангард, понятый как порыв к совершенно иному, тому, что, в конечном счете, и легитимизирует государство задания, любую утопию, и без чего она невозможна.

Для утопии абсолютно никакого значения не имеют условия повседневности, уровень потребления и другие критерии, применяемые при определении эффективности современного государства, которые собственно легитимизируют его в глазах населения, повседневность – это пустыня, которая не может не быть неприглядной, и потому она должна быть таковой, максимально скромной, аскетичной. Только похоронив повседневность, можно избежать похорон земли.

Пустыня растет, заявил философ. Где, как не в пустыне, возникнуть новой утопии?

С. А. Жаринов

КОНСЕРВАТИВНОСТЬ БЫТИЯ И ЧЕТЫРЕ КОНСЕРВАТИВНЫЕ ИСТИНЫ

Онтология

Разговор о консерватизме является бессмысленным, если мы избегаем вопроса о реальности, о бытии. Сама реальность «консервативна». Как это понять? Лучше всего может проиллюстрировать ответ на этот вопрос тантрическая метафизика и онтология. Она утверждает, что реальность имеет два аспекта: статичный (Шива) и динамичный (Шакти). Первый является трансцендентным бытием, абсолютным покоем и постоянством, само-в-себе-бытие. Второй же – это имманентный аспект реальности, который развивается и сворачивается, эволюционирует и инволюционирует, т.е. представляет собой изменение. Он еще называется «спанда», «вибрация», или «пульсация» бытия, которая проявляет себя как унмеша («раскрытие» универсума) и нимеша («закрытие»). В чем же «консервативность» реальности? В том, что, несмотря на любое изменение, всегда есть нечто постоянное. То есть изменение не абсолютно, не необратимо. Базовые структуры (ноумен, архетип, идея, эссенция) бытия неизменны, изменяется лишь фактическая сторона (феномен, экзистенция). Эти два аспекта можно проследить на разных уровнях реальности, в том числе и в окружающем нас мире. Несмотря на, казалось бы, необратимое течение времени и непрестанное изменение бытия, о котором говорил, к примеру, Гераклит, имеется постоянство структуры: чередование дня и ночи, смена времен года, однообразные фазы развития живой природы и многое другое. Наверное, лучше даже говорить не о «консервативности» бытия, а о его «консервативно-революционности».

Так можно сопоставить главные категории тантризма с некоторыми рядами понятий: «Шива» – постоянство, трансцендентность, неизменность, необусловленность, Традиция, консерватизм; «Шакти»-изменение, имманентность, текучесть, обусловленность, модернизация, революция. Изменение, таким образом, хотя и коренится в Высшей Реальности, не является абсолютным, реализует себя лишь в универсальном и индивидуальном существовании, метафизика же всегда постоянна.

С динамическим аспектом реальности связано понятие времени. Обратимся еще раз к тантрической традиции. В кашмирском шиваизме говорится о времени (кала), как об одном из элементов (таттва) бытия. Кала входит в пятерку «покровов» (канчука), скрывающих истинную реальность, а также подлинного субъекта. Высшее Бытие неограниченно ничем, в том числе необусловлено и понятием времени, Оно есть акала, т. е. за пределами временной последовательности. Кашмирский шиваизм учит тому, что время – понятие субъективное, воображаемое.¹ Также можно отметить этимологическую связь «кала» и «кали». Известно, что кровожадная богиня Кали (одно из проявлений Шакти) связана с разрушением и диссолюцией универсума, а значит и со смертью. Кали, кроме того, является покровительницей последнего из четырех временных периодов существования, Кали-Юги (аналог железного века античной традиции). Этот период является самым темным, «греховным» и отчужденным от высшей реальности и предвещает конец мира (Finis Mundi), погружение его в недифференцированное состояние, в Хаос. Итак, «Кали» переводится как «темная», и оно разделяет с существительным «кала» значение «времени»². Кали, таким образом, есть также персонификация времени³. Элиаде поясняет связь времени и черноты: «Время черно, поскольку оно иррационально, жестоко, беспощадно, а Кали, как и другие великие богини, является владычицей

¹ Б.Д. Пандит. Основы кашмирского шиваизма. М.:Профит Стайл, 2004. С. 174.

² Дев-махатмья. Сказание о величии Богини. Пер. с санскр., предисловие и комментарий А.А. Игнатьева. Калининград, 2009. С. 111.

³ Элиаде М. Образы и символы / Элиаде М. Избранные произведения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское. – М.: Ладомир, 2000. С. 166

времени, судеб, которые она выковывает и ведет к завершению»¹. Так архаический человек демонизирует время. Временное изменение неотделимо от понятия смерти. Любое изменение подразумевает «убийство», преодоление одного феномена другим, последующим. Поэтому можно говорить о времени-изменении как о субъекте «феноменального геноцида».

Исходя из сказанного, можно выделить ряд семантически связанных между собой понятий: Изменение – Время – Тьма – Смерть.

Мифология

Традиционные культуры имеют весьма пеструю мифологию, связанную с феноменом времени. Можно сказать, что оно является чуть ли не центральной ритуально-мифической темой. Об этом весьма много писал гениальный Мирча Элиаде в таких работах: «Миф о вечном возвращении», «Образы и символы», «Священное и мирское», «Очерки сравнительного религиоведения» и др. Он пишет, что человек Традиции всегда боролся со временем и уничтожал его посредством различных ритуалов. Для него «существование во времени онтологически равнозначно несуществованию, небытию»². Вследствие того, что эмпирическое бытие ограничено во времени, оно именуется иллюзорным в философии Веданты, творением Майи («иллюзии»).

Элиаде выделяет два качественно различных времени: Великое Время (Сакральное Время) и профанное время (индивидуальное, хронологическое, историческое). Все, что выше говорилось о времени, имело отношение именно к последнему, это непрерывная и необратимая длительность, «в которую включено наше повседневное и десакрализованное существование»³. Первое же, по сути, есть не время в собственном смысле слова. Оно не может быть измерено, т. к. лишено длительности⁴. Разрушая, разрывая историческое время

¹ Элиаде М. Образы и символы / Элиаде М. Избранные произведения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское. – М.: Ладомир, 2000. С. 166

² Там же. С. 168.

³ Там же. С. 161.

⁴ Там же. С. 162.

человек Традиции возвращался в священное вневременное Время. Сакральное Время – это время мифических, архетипических событий, которые нельзя локализовать во времени, они всегда есть. Наиболее важным таким сакральным событием является космогония, Творение Мира. Именно с ним связано празднование Нового года, строительство дома, алтаря, любое начинание вообще, а также очистительные и лечебные практики.

К примеру, Иерусалимский храм имеет космологический символизм, о котором говорит Иосиф Флавий: три части святилища соответствуют трем космическим областям (двор – Море, здание – Землю, святая святых – Небо); двенадцать отметин на столе – месяцам года; подсвечник на 70 свечей – зодиакальному делению семи планет по 10. Таким образом, воздвигая Храм, осуществляют Творение Мира, а следовательно, и воссоздание времени. Мир обновляется, и упраздняется история. Брахманическое жертвоприношение означает также новое Сотворение. Сооружение алтаря дублирует космогонию, а сам алтарь есть материализованное время: «Алтарь огня есть год... Ночи – камни его ограды, их 360..., дни – кирпичи, потому что этих кирпичей 360, а в году 360 дней» (Шатапатха брахмана, X, 5, 4, 10). Известной также является месопотамская поэма о Сотворении, Энума элиш («Когда вверху»), где повествуется о битве Мардука и морского чудовища Тиамат и победе бога над Хаосом, после которой осуществляется космогония. Мардук создает мир из разрушенного тела Тиамат, из крови демона Кингу – человека. Ритуально данный миф воспроизводился в церемонии Нового года. Борьба двух групп участников церемонии олицетворяла космическую битву, актуализируя Креацию, переход от Хаоса к Космосу. Кроме того, имела место иерогамия царя и храмовой блудницы, что сопровождалось коллективной оргией. Оргия – олицетворение Хаоса, недифференцированного состояния, в котором растворяется мир, год, время. Так происходило возвращение в Сакральное Время, во время оно, *in illo tempore*. Первичное состояние, бытие «В Начале» характеризуется также полнотой Силы. Мир, начиная существовать и длиться, дряхлеет, стареет, слабеет. Любая форма изнашивается, таким образом. Чтобы снова набраться сил, она должна умереть, вернуться в бесформенное состояние, в Хаос, в изначальное единство, чтобы потом воспрянуть, как Феникс из пепла.

Кроме мифологических сюжетов можно вспомнить и практику йогического делания как средство остановки времени, которая была всесторонне разработана индийской традицией. Йогин посредством психотехники стремится к «остановке» на различных уровнях: остановка тела (в позах-асанах), остановка дыхания (прана), остановка психических процессов и мысли (читта-врити-ниродха), а в некоторых практиках - остановка семени (бинду) во время соития (майтхуна). Так он становился в высшем смысле «неподвижным».

Во всех этих ритуалах явствует совершенно очевидно потребность «архаических обществ в периодическом возрождении путем упразднения времени»¹. Миф и ритуал становится инструментом борьбы с энтропией и всепожирающей историей. Следовательно, посредством повторения архетипических действий профанные действия обретают реальность, они приобщаются к миру сакральному, который единственно реален.

Элиаде резюмирует методологию «убийства» времени: «если не обращать на время никакого внимания, оно не существует, более того, там, где оно становится заметным (из-за грехов человека, когда он отдаляется от архетипа и впадает в длительность), время может быть аннулировано»².

Антропология

Человек – существо, в природе которого заложена жажда реальности, подлинности. Она в том числе выражается в неудовлетворенности жизнью здесь и сейчас, в ощущении неполноценности существования. Именно этот аспект человеческого существа Элиаде связывал с религиозностью, что побудило его определить человека как *homo religiosus*. Сущностной характеристикой религиозного является понятие сакрального. Оно, по Элиаде, характеризуется такими сущностными чертами: бытие, смысл, истина. Сакральное, которое, согласно Элиаде, входит в саму структуру сознания, т. е. имманентна антропологии, имеет онтологический, телеологический

¹ Элиаде М. Миф о вечном возвращении / Элиаде М. Избранные произведения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское. – М.: Ладомир, 2000. С. 77.

² Там же.

и гносеологический аспекты. Интересно отметить, что платоновская идея обладает всеми этими характеристиками: она есть подлинное бытие вещи, цель ее существования и ее истинная сущность. Для нас самой главной чертой сакрального является его вневременность. Сакрализация чего-либо, таким образом, подразумевает приобщение исторических феноменов вневременным архетипам.

Выше говорилось об антиисторической позиции архаического человека и человека Традиции, выражающейся в «убийстве» времени, истории, профанного существования. Это позиция обуславливает весь образ жизни человека, она регламентирует все ее аспекты. Примером этому могут служить кодексы запретов и предписаний в еврейской традиции («Шульхан арух», «Мишне Тора»). Благодаря этой регламентации осуществляется сакрализация всей жизни еврея, ее онтологизация. Архаический человек повторяет жесты кого-то другого (к примеру, мифического существа) и благодаря этому повторению непрерывно живет во вневременном настоящем¹. Он отказывается себя признавать *homo historicus*. Элиаде пишет о том, что он также не желает признавать ценность «памяти» и событий непривычных, «то есть не имеющих архетипической модели, из которых в действительности и складывается конкретная длительность»². Если этот человек не ценит историю, историческую память, исторические события, а главное - время (которое не просто не ценит, а считает злом), то значит его антропологическая сущность, подлинный субъект так же является вневременным, как и само Высшее Бытие. Отрицая время и временные события, человек становится Самим Собой.

Подлинный человек всегда стремится вернуться к Самому Себе, к Архетипу, к Бытию, к Богу, что превращает его жизнь в «Вечное возвращение».

«Миф» о прогрессе

Говоря здесь о «мифе», не подразумевается собственно миф в сакральном истинном смысле, но в профанном, т. е. как вымысел, нелепость. Почему? Потому что концепция прогресса, так же как

¹ Там же. С. 78.

² Там же. С. 77.

и эволюции, является произвольной, да и весьма недавней. Кроме того, идея прогресса является мифом потому, что она пытается занять (и заняла) в умах такое же важное место, как миф в архаическом обществе. «Идея прогресса есть мощный социальный миф, то есть претендующий на вечность и универсальность архетип общественного сознания, который есть не просто призма, через которую воспринимается мир, а скорее – те установки разума, которые формируют саму структуру действительности этого мира»¹. Тюменский философ А. Л. Анисин видит в этом мифе одну из важных причин кризиса европейской цивилизации (авангардом которой являются США). Он пишет, что если последняя «зашла в глухой тупик, то причины этого лежат, прежде всего, в ее идеологической основе. Идея прогресса – один из конституирующих элементов этой основы»². М. Элиаде считает, что теория линейного прогресса начинает уже просматриваться в работах Альберта Великого и Фомы Аквинского и излагается достаточно последовательно в Вечном евангелии Иоахима Флорского (около 1132-1202). Последний делит историю на три этапа, которым покровительствуют «лица» Троицы: Отец, Сын, Святой Дух. Каждый период открывает новое измерение Бога, что обуславливает постепенное совершенствование человечества, вплоть до абсолютной свободы³. Далее идея прогресса развивалась Фр. Бэконом и Паскалем. В 17 в. она все больше и больше завоевывает европейское сознание. Уже Лейбниц провозглашает веру в бесконечный прогресс, которая становится «мейнстримом» в 18 вв. Затем была примитивная идея трех стадий О. Конта, родоначальника, такого же примитивного, позитивизма. Так идея прогресса стала самоочевидной.

Несмотря на средневековые предтечи, Анисин считает, что данный миф связан прежде всего с «новоевропейским проектом научного познания и покорения мира человеком». Наука, опираясь на обобщение эмпирических данных, обречена на прогресс. Всякое увеличение эмпирической базы – хоть вширь, хоть вглубь –

¹ Анисин А. Л. Миф о прогрессе. / <http://russned.ru/filosofiya/mif-o-progresse>

² Там же.

³ Элиаде М. Миф о вечном возвращении / Элиаде М. Избранные произведения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское. – М.: Ладомир, 2000. С. 112-113

неизбежно приводит к прогрессу научного знания, а расширение эмпирической базы происходит непрерывно и потенциально бесконечно... Вслед за наукой необыкновенное развитие получает и техника, реализующая волю к покорению мира»¹. Ни в какой другой деятельности и познании невозможен подобный прогресс. Следовательно, идея прогресса не может быть универсальной, перенесенной на все уровни бытия (индивидуальный, социальный, культурный, биологический). Но если говорить об этом конкретном прогрессе, можно ли утверждать, что он дает действительно что-то важное?

Позволим себе обширную цитату тюменского философа: «по исследованиям европейских социологов, женщина в цивилизованных странах, вооруженная всем арсеналом современной бытовой техники, тратит на домашнее хозяйство ровно столько же времени, сколько и женщина из нищего африканского племени. Конечно, хозяйство у африканки меньше по размерам и примитивнее по содержанию, но – напомним – речь шла о высвобождении времени, которое и есть жизнь. Прибавило ли человеку жизни наличие бытовой техники, облегчило ли работу новое поколение офисной техники, или, как было сказано в старой энциклопедии, – «полезность тарантулов состоит в том, что из них готовится лекарство, хорошо помогающее от укусов, причиняемых ими же»? Прогресс помогает справляться с трудностями, возникающими вследствие прогресса»². Технический прогресс не сделал человека ни более свободным, ни более качественным. Современные средства коммуникации и информационная сеть интернет наполнили жизнь человечества болтовней и мусором, убивая настоящее общение и познание. Автомобили не сделали человека ближе к миру, а все больше абстрагируют его от последнего со своими бешеными скоростями. Кроме того, в мегаполисах они совсем не экономят время. Но самое главное, что, обещая людям счастье и свободу, прогресс все больше и больше делает их рабами всяческих технических новшеств.

Можно сказать, что идея прогресса окончательно и необратимо сделала человека историческим существом, традиционный акцент на Неизменное Бытие, Божественную Реальность полностью

¹ Там же.

² Там же.

сместился «сюда», в мир становления, дряхления, а значит в «нереальность» и смерть. Именно поэтому, как заметил Рене Генон, существует глубокое родство между сознанием современных людей и миром, находящимся в постоянном становлении. Эти люди отрицают «всякое подлинное знание, равно как и сам объект такого знания, т. е. трансцендентные и универсальные Принципы». Так появляется релятивизм, который по своей сути противоречив: любое относительное «невозможно без абсолютного, обусловленное – без необходимого, изменяемое – без неизменного, а множественное – без единственного»¹.

В рамках такого мировоззрения невозможна никакая борьба со временем, смертью, с Хаосом. Человек здесь полностью оторван от Неизменного. Смысл истории становится имманентным, история замыкается на себе. Марксизм попытался придать времени цикличность, но «лишил историю всякого трансцендентного значения, она становится всего лишь эпифанией классовой борьбы»². Историческое событие имеет смысл только в самом своем осуществлении. Как можно пережить все ужасы истории (катастрофы, войны, эпидемии и т. д.), если за ними не видеть никакого надысторического замысла, Божьей кары, признака заката века и т.д.? Благодаря последнему, «десятки миллионов людей могли в течение столетий терпеть могучее давление истории, не впадая в отчаяние, не кончая самоубийством и не приходя в состояние духовной иссушенности, которое неразрывно связано с релятивистским или нигилистическим видением истории»³.

Четыре консервативные истины

Если говорить о консерватизме как об идеологии, можно сказать, что он направлен на то, чтобы связать личное, социальное, политическое существование с метафизикой, с неизменным Бытием. Это его основная идея и цель. Он, условно говоря, выполняет назначение, функцию традиционного мифа и ритуала в условиях Модерна

¹ Генон Р. Царство количества и знаки времени / Генон Р. Кризис современного мира. – М.: Эксмо, 2008. 48 с.

² Элиаде. Там же. С. 115.

³ Там же. С. 117.

и Постмодерна. Он «спасает» человека от «ужаса истории». Либерализм и коммунизм же основаны на мифе о прогрессе, отдавая все в жертву всепожирающим кровожадным челюстям времени. Они не могут дать никакой надежды на «спасение» от этого, т. к. абсолютно имманентны миру становления, профанной истории и профанному времени. Исходя из этого, можно сформулировать Четыре консервативные истины:

1. Поистине ни либерализм, ни коммунизм не являются адекватными онтологией.
2. Причина этого в том, что оные основаны на текучести, учитывают лишь изменение, их взоры закрыты в отношении Неизменного, они не слышат Бытие.
3. Но есть (потенциально) нечто иное, чья телеология замыкается на постоянном и надысторическом, на Бытии. Это – консерватизм.
4. Он проявляется в консервативной теологии, консервативной политической теории, консервативной социологии и др., которые ждут своей разработки.

С. А. Жаринов

ВЛАСТЬ И ЧЕТВЕРТАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

«Камень который отбросили строители, тот самый сделался главою угла» (Евангелие от Марка 12:10). Философ Александр Секацкий указывает на важность «маргиналий» для формирования нового философского эона, предлагая как метафору выражение «метафизика мусора». Поэтому те элементы политической философии, которые не реализовались, остались на периферии, в тени, могут оказаться чрезвычайно ценными для разработки Четвертой политической теории. Таким «мусором» можно назвать такие идейные корпусы, как философия традиционализма, национал-большевизм и евразийство. Проблеме власти в последнем будет посвящен этот доклад.

Государство как система

Если рассматривать государство как целостное системное явление, а не как только лишь властный аппарат или управленческую организацию, то его можно определить как «какое-либо историческое общество, обитающее ... на известной части земли, обладающее некоторой властной организацией и противопоставляющее себя другим подобным же историческим обществам». Следовательно, организм государства составляют следующие основные элементы: территория, население, власть.

Теории власти

Евразиец Н. Алексеев отмечает, что господствующие в западных демократических государствах теории власти привели к утере самой идеи власти. Так англо-саксонская теория общественного договора считает справедливым лишь то государство, которое основано на договоре граждан с властвующими или между собой. В результате она доходит до того, что утверждает необходимость согласования с подвластными каждого действия власти. Здесь происходит отождествление субъекта и объекта власти, правителей и управляемых. Юридическая же теория делает из государства лишь образ, олицетворение правовых норм, установлений действующего права.

Марксисты идут иным путем на основе классовой теории, но в конечном итоге также релятивизируют идею власти и государства. Важно то, что для них государство есть сумма реальных общественных отношений, а не совокупность юридических норм и субъективных прав, этими нормами установленных. Тем не менее государство оценивается сугубо негативно, как то, что должно преодолеть: «Государство есть аппарат классового принуждения, следовательно, где не будет этого принуждения, там не будет и государства». В эсхатологической перспективе, после построения коммунистического общества, государство канет в лету. Таким образом, государство становится исторической категорией, утратилась необходимость самого государственного бытия. Н. Алексеев, анализируя проблему власти, выделяет следующие существующие теории:

1. Теория индивидуальной воли. Монархическая теория, которая утверждает, что только единая человеческая воля может быть той неподвижной точкой, на которой укреплен вся система человеческого общения. Но эта теория не объясняет: почему одна воля властвует над многими?
2. Теория «общей» воли. Здесь государственная власть есть особая воля государства-личности. Воля государства – не сумма волей граждан, а особая властвующая над ними воля. Но непонятно: как в воле некоторых индивидуумов может проявляться некая высшая воля?
3. Теория власти права. О ней было сказано выше. Здесь очевидна тавтология: власть государства есть власть норм, которые предписывают повиноваться власти.

4. Классовая теория власти. Государственная власть есть отношение сильных и слабых, т. е. основана на насилии, причем сила здесь обусловлена экономическими факторами.

Евразийская теория ведущего слоя

Она сходна с марксистским подходом, но не отождествляет ведущий слой и господствующий класс. Это понятие более широкое. Алексеев пишет, что во всех обществах, как в древних, так и в современных (в том числе и демократических), власть сосредоточена в руках некоего правящего общественного слоя (старейшины, правящая раса, сословие, класс, служилая группа).

Для обоснования того, почему данному слою подчиняются, Алексеев приводит психологическую теорию некоего Коркунова Н.М. Последний критикует западный волюнтаризм и утверждает, что «властвование не предполагает необходимо наличности воли», властвующий в силу обаяния, святости, гениальности ума, художественного дара, чарующей простоты властвует, часто не думая вовсе о том, иногда даже того не желая. Также он добавляет, что властвование предполагает сознание не со стороны властвующего, а только со стороны подвластного. «Для властвования требуется только сознание зависимости, а не реальность ее». Поэтому, государственная власть есть «сила, обусловленная сознанием зависимости от государства».

Итак, можно сказать, что явления власти коренятся не в сознательно-волевой стороне психологии, но в аффективной жизни, во внушаемости, даже в чисто «эротических» склонностях человеческой души. Властвует тот, кого «любят», властвовать может только тот, кому приписывается в каком-то смысле свойство высшего. Об этом же пишет и традиционалист Юлиус Эвола. По его мнению, государь становится таковым благодаря наличию некой мистической силы и авторитета. Власть, лишённая абсолютного свойства, не являются властью. Абсолютное свойство обретается благодаря обращению власти к трансцендентному, оно только и может дать ей основание и легитимацию.

Именно наличие данного высшего качества делает государственную власть органичной, не требующей подавления подвластных. Насильственное принуждение есть следствие не властвования, а

нарушения власти. Властвование в совершенном государстве должно происходить автоматически, без трений и катаклизмов, без применения насильственных средств.

Данное воззрение соответствует теории органического государства. Органическое государство – это такое государство, «которое обладает единым центром, каковой есть идея, сама собой и действительным образом формирующая все его области; ему неведомы раздробленность и стремление к «самоуправству» со стороны отдельных частей, ибо благодаря системе иерархического представительства каждая из его частей, наделенная относительной самостоятельностью, имеет свое поле деятельности и внутренне связана с целым».

Если в центре государства стоит идея, то речь идет об идеократии. Согласно евразийству, носителем идеи, идеалов общества и должен стать ведущий слой. Он есть идейный представитель той культуры, к которой это общество принадлежит.

Эйдократия. Функции ведущего слоя

Итак, для того, чтобы была возможна идеократия, необходимо наличие носителей идеи-правительницы. Алексеев предлагает заменить слово «идея», от которого веет субъективизмом и психологизмом, словом «эйдос». Поэтому, мы можем говорить не об идеократичности ведущего слоя, а об его эйдократичности. Эйдос это необходимый, цельный, созерцательно и умственно осязаемый смысловой лик мира. Именно он должен лечь в основу единого мирозозерцания ведущего слоя. Ведущий слой должен быть в некотором смысле «одержим» этим высшим эйдосом.

При этом процесс формирования ведущего слоя не может быть искусственным, механическим. Алексеев подчеркивает, что ведущий слой - это естественный, стихийный результат социального процесса, независимого от сознательной воли. Ведущий слой должен стать культурообразующим, культуроформирующим началом в государстве, т.е. он должен организовывать культуру в ее различных проявлениях. Но это он сможет сделать только тогда, когда он сам, в

своей собственной структуре воплотит принципы конкретной культуры, тогда он сможет водить морально, а не насильственно.

Важным требованием является то, что ведущий слой должен быть вне технического аппарата государственного принуждения, как бы выше этого аппарата. Если он с ним сольется, то превратится в форму бюрократии.

В отличие от партии ведущий слой следует не какому-то частному, партикулярному принципу или интересу, а воплощает в себе интересы целого.

Эйдократия и демотия

Необходимо рассмотреть вопрос, как соотносится ведущий слой с народом. Если первый является носителем идеалов культуры конкретного общества, то он должен органично вырастать из второго, иначе не может быть подлинно единого государства.

Государственная жизнь складывается из двух моментов – из устойчивого, статичного, и подвижного, динамического. Статичный находит свое выражение в идеологии ведущего слоя (эйдократия), динамична же жизнь самого государства как целого, с ее вечно меняющимися потребностями и интересами. Чтобы эти интересы учитывались властью, следует дать им непосредственное участие в государственной жизни.

Должна реализоваться синергия носителей идеи-правительницы и народа, соучастие народа в своей собственной судьбе и в управлении государством, особая форма демократии, которую евразийцы называли демотией (дословно «народничество»). Демотия – это соучастие народа в управлении государством, которое не отвергает иерархии, не должно быть формализовано в партийно-парламентских структурах.

Проблема современных демократий в том, что они отрицают наличие общих для государства принципов, утверждая свободу частных, которые могут лишь временно преобладать. Но упускается из виду то, что невозможно демократическое состязание идей, если нет некой общей платформы, в противном случае любой спор приводил бы к гражданской войне. Невозможен стабильный демократический режим, если нет стабилизированного общественного мнения, т. е. некоей общей идейной платформы.

Согласно евразийцам, нет радикального противоречия между началами эйдократическим и демотическим. Демос может быть проникнут эйдосом, а эйдос не имеет другого носителя, кроме все-народного сознания, которое рефлектируется ведущим слоем. Ведущий слой предстает как орган, в сознании которого концентрируется общенародный дух. Демотическое начало еще можно назвать началом коллегиальным, или началом совета. Советы составляют представители населения, но представительство должно основываться на принципе профессионального, социально-экономического, национального, религиозного и др. интересов – т. е. интересов реальных, не партийных. Система советов должна быть построена иерархически, начиная с низших местных органов управления и кончая органами высшими, общегосударственными.

Почему еще необходимо эйдократическое начало. Нельзя отождествлять интересы государственного целого с интересами личного взрослого населения (голосующий корпус). Государство есть единство всех прошлых, настоящих и будущих поколений. Поэтому, ведущий слой как культурный, аксиологический слой должен мыслить холистично, не на основе сиюминутных социально-экономических и политических потребностей, а на основе непреходящих для данной культуры ценностей. Он ответственен как перед прошлыми, так и перед будущими поколениями.

Если считать Четвертую Политическую Теорию, с одной стороны – апелляцией к Премодерну, т. е. к традиционному обществу, а с другой – результатом снятия (в гегелевском смысле) трех других политических теорий (либерализма, коммунизма, фашизма), то евразийскую концепцию государственной власти, синтезирующей эйдократическое и демотическое начала, можно считать соответствующей данным критериям. Нельзя упускать из виду эти наработки для разработки Четвертой, или Русской, политической теории.

Натэлла Сперанская

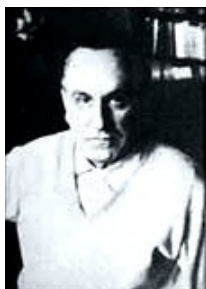
ЧЕТВЕРТАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ СОЗДАНИЯ ПЛАТОНОПОЛИСА

Три основные политические идеологии, возникшие в период 19-20 вв. известные как либерализм, коммунизм и фашизм - детища Нового времени, эпохи Модерна, абсолютно неприемлемы в 21 веке, веке Постмодерна. Ни одна из этих идеологий уже не может считаться фундаментом политики. Можно ли вообще говорить о политике как таковой после победы либерализма, что обессмыслил само понятие политического (по Шмитту, возможное только при разделении на друга и врага) в этом царстве глобализма? С конца политики начинается конец мира.

Мы хотим приблизить другое царство. Царство Божие. И если, согласно Писанию, оно берется силой, значит быть войне. Но будь то война кровопролитная или война идей, она необходимо должна быть священной. И сила, которой берется Божие Царство, есть сила воли, сила, данная нам самим же Богом, потому что он хочет, чтобы мы победили. Если старые идеологии потерпели крах и больше не способны быть нашей опорой, мы найдем свою опору за рамками трех политических учений.

Первая политическая теория – либерализм – признается нами злейшим врагом. Вторая политическая теория – коммунизм, равно как и третья – фашизм, - не отвергаются нами по той причине, что обе они противостоят либеральной идеологии. Тем не менее, нам нужна другая, Четвертая Политическая Теория. «Без теории нам смерть», - говорил Сталин. Мы начинаем с теории, подрывающей либеральную матрицу.

Перед нами не может не встать вопрос об историческом субъекте новой политической идеологии. Если субъектом коммунизма был класс, фашизма – государство, или раса, а либерализм



Юлиус Эвола

признавал субъектом индивидуума, то как мы определим субъекта Четвертой Политической Теории? Мы скажем, что им является обособленный, дифференцированный человек, к которому обращается в своих трудах Юлиус Эвола. Речь идет о человеке особенного типа, который пребывает в мире и, в то же время перманентно находится за его пределами. Жан Парвулеско, точно охарактеризовавший барона Эволу как «человека, лишь изображающего свое присутствие», также писал, что «он был в этом мире, не будучи более в нем», намекая на его нахождение в некоем месте, которому нет названия, и потому Парвулеско ограничивается словом «другое». Обособленный, дифференцированный человек принадлежит миру Традиции. Этот человек открыл для себя вертикальное измерение, тем самым осуществив тотальный разрыв с материальным миром, впитавшим в себя все яды темного века. Констатируя неизбежность гибели современной западной цивилизации, Юлиус Эвола видит возможный выход в радикальном перевороте. Кощунственное извращение смыслов, попрание традиционных ценностей ясно свидетельствуют о полном упадке, что стал результатом «восхваляемой западной цивилизации». Переворот должен принять внутренний и необратимый характер. Больше нельзя концентрироваться на мире феноменов, проецируя на него возможные изменения, - теперь мы исходим из внутреннего. *Ambula ab intra.*

По Платону, возвращение души к своему первоначальному состоянию возможно только после ее падения. Справедливо будет заключить, что лишь придавленное силой Прόδοs, человечество, наконец, приблизится к ἐλίστροφί. Мечтая о ветре нордической традиции, Эвола призывал к антигуманизму, антирелигии, антифилософии, постулируя обращение к истинным традиционным ценностям. Можем ли мы говорить о создании Империи, когда государство в современном мире, эта *eivitas diabolic*, продолжает свое существование, не\смотря на протекающие внутри него процессы разложения? Эвола был убежден, что с появлением людей, способных к трансцендентному действию, высших, обособленных людей, явятся невидимые подлинные вожди.

«Пусть боги ко мне приходят, а не я к ним», - эти слова принадлежат древнегреческому философу Плотину, основателю неоплатонизма. Это вызов, брошенный мудрецом, которому принадлежит концепция Платонополиса, города философов, живущего по законам Платона. Проект идеального государства мог быть полностью реализован только при появлении нового типа человека или сверхчеловека. Когда не стало воинов, остались солдаты. Когда государство охраняют медные или железные стражи, государство гибнет. Те, кто созданы с примесью меди, должны заниматься простым ремеслом, те, кто созданы с примесью серебра – быть стражами, и только философы, созданные с примесью золота, становятся правителями. Кастовая структура общества, оставшаяся в прошлом, должна быть вновь возвращена. Обозревая редкие ряды так называемых политических солдат сегодня, мы не можем закрыть глаза на правду о том, что эти ряды наполняют симулякры. Создание империи при помощи таких симулякров, приведет лишь к созданию нового симулякра, но не империи как пути к сверхмиру. Разве могут цари явиться к недостойным? Вывод один: достойные должны быть. Отсюда появляется необходимость воспитания, формирования элит, что признавал Платон, основавший свою Академию. Он был убежден, что «люди в большей своей части куклы и лишь чуть-чуть причастны истине». В свете этой совершенной правды, вопрос «результативно ли облагораживание подобного человеческого материала?» разрешается очень быстро. И разрешается не в пользу кукол.

Нам представляется, что идеальное государство возможно при одном условии: создании оно в узком кругу людей обособленных, чей вызов выражается не в криках и бесполезных призывах, а в полном равнодушии к внешнему миру и его законам, равнодушии, равносильном проклятию. Только строгая ориентация на вертикальное, духовное измерение – тех, кто населяют Платонополис, делает его городом, являющимся точной копией Небесного Царства. При соблюдении этого условия, Небесное Царство сойдет на землю, и тогда земная власть станет божественной властью. Известный антифашист Фридрих Хильшер в свое время призывал объединиться всех, чьей целью был священный Германский Рейх, подчеркивая, что фундамент его образования должен быть духовным и никаким

другим. «Рейх еще недостаточно силен, чтобы мочь процветать на поверхности земли. — пишет Хильшер. — Он сокрыт внутри своих приверженцев, нового типа человека, и не имеет зримого образа».

Четвертая Политическая Теория должна быть признана новой политической идеологией 21 века. Сторонники либерализма полагали, что приблизят конец политики, заменив ее экономикой и превратив в *biopolis*, стоящую на позиции натурализма. Этологический подход к социополитической деятельности человека уравнивал его с животным, не осознающим нерелевантность прежних идеологий и, тем более не понимающим актуальность новой, четвертой политической теории. С этой идеологии, выходящей за границы известных парадигм, начинается рождение новой политики, избавленной от деструктивных элементов первой, второй и третьей политических теорий. С субъекта ее идеологии начинается строительство Платонополиса, ибо только дифференцированный человек берет Божье Царство силой и становится камнем, что будет положен во главу угла Небесного Храма.

Бытие как оно есть, строго иерархически обусловлено. По словам Дионисия Ареопагита, место каждого существа определяется степенью его совершенства. Всегда есть и будут высшие и низшие, и последние должны подчиняться первым. В государстве Платона высшую ступень занимают философы, имеющие неограниченную власть. «Большую часть времени они станут проводить в философствовании, а когда наступит черед, будут трудиться над гражданским устройством, занимать государственные должности — не потому, — поясняет Платон, — что это нечто прекрасное, а потому что так необходимо ради государства. Таким образом, они постоянно будут воспитывать людей, подобных им самим...» Воспитание или создание совершенного человека было задачей и Палатинской школы, созданной Алкуином Флакком Альбином. Сегодня мы имеем перед собой тот же ориентир.

Научное издание

Четвертая Политическая Теория

Выпуск 2

Материалы семинаров и конференций по политологии и политике
в современном мире

Центр консервативных исследований

119992, Россия, Москва, ГСП-2, Ленинские горы, МГУ им. М. В. Ломоносова,

3-й учебный корпус, социологический факультет

Тел./факс: (495) 939 03 73

E-mail: seminar@socio.msu.ru

www.konservatizm.org

Руководитель Центра - профессор Александр Гельевич Дугин

Координатор Центра - Михаил Анатольевич Тюренок

Главный редактор

д. пол. н. А. Г. Д у г и н

Редакторы-составители

Н. В. С пер а н с к а я , А. В. С и д о р е н к о

Верстка

. И. В. М а к с и м о в

Редактор

. С. С. Т р о ф и м о в

Корректор

З. А. П о л о с у х и н а

Художественное оформление

Н. В. С пер а н с к а я

Подписано в печать 19.09.2011. Формат 60х84/16.

Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура Таймс.

Усл. п. л. 20,2 Тираж 550 экз.

«Евразийское Движение»

Москва, 2-й Кожуховский проезд, д. 12, стр. 2, офис 5

Отпечатано с готового макета

в ООО «Книга по Требованию»

119285, г. Москва, Мосфильмовская улица, д. 1

Тел.: +7 (495) 639 9195, +7 (495) 221 8980

E-mail: info@letmeprint.ru